

Европейский гуманитарный университет

Тема номера:
E-эффект
[*E-effect*]

ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ **ЖУРНАЛ**
JOURNAL FOR PHILOSOPHY AND CULTURAL **STUDIES**

TOPOS **№1-2**, 2017

ISSN 1815-0047

Журнал включен в международные базы данных:
The Philosopher's Index;
EBSCO-CEEAS (Central & Eastern European Academic Source)
Периодичность: два номера в год

Публикуемые материалы проходят процедуру
экспертного отбора и рецензируются

Адрес редколлегии: journal.topos@ehu.lt
Информация о журнале размещена на сайте: http://topos.ehu.lt

With funding by the European Union

Financed through Swedish development assistance

Адрес издателя:
Европейский гуманитарный университет
Tauro st. 12, LT-01114, Vilnius, Lithuania

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

оГУГЛЕННОЕ ЗНАНИЕ: ПРОИЗВОДСТВО И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ПОВОРОТА

Альмира Усманова[1]

(Без)надежность нового: к вопросу об археологии цифрового знания

E-эффект – так звучит тема специального номера журнала *Топос*, посвященного *дигитальному повороту* в социальных и гуманитарных науках. Центральным для этого тематического номера является вопрос о том, какие эпистемологические, теоретические, (инфра)структурные, политэкономические эффекты произвели цифровые технологии в различных дисциплинарных полях и образовательных/исследовательских практиках.

Эпистемологические повороты, как правило, имеют онтологические основания: теоретическая оптика и новый концептуальный язык фиксируют те изменения, которые происходят в окружающей нас реальности. В отношении цифровой среды обитания это утверждение верно вдвойне. Между тем, привычно оперируя категориями *актуальности* и *новизны*, столь значимыми для академии, мы испытываем определенную неловкость, пытаясь применить их к осмыслению цифрового поворота. Насколько *новым* (и для кого) является характер произошедших изменений? Насколько *актуальной* можно считать попытку осмысления их последствий на страницах академического журнала, если эта тема давно и прочно утвердилась в повседневной и профессиональной коммуникации, а о последствиях и эффектах мы можем узнать в любом медиаресурсе, не говоря уж о Википедии?

О «новом» сегодня вообще говорить сложно, и без кавычек тут не обойтись. Принимая во внимание стремительное возрастание скорости технологических обновлений и масштаб увеличения объема информации, мы вынуждены признать, что временно̀е измерение «новизны» исчисляется уже не годами и днями, а секундами. Мы живем в «другом порядке Времени»[2], но успевает ли академия адаптироваться к временно́му режиму постоянного обновления?[3]

[1] Альмира Усманова – кандидат философских наук, профессор Департамента социальных наук Европейского гуманитарного университета (Вильнюс, Литва).

[2] T. Garcia: Another Order of Time: Towards a Variable Intensity of *Now*, in *Parrhesia: A Journal of Critical Philosophy*, 19 (2014), 1–13. Режим доступа: http://parrhesiajournal.org/parrhesia19/parrhesia19_garcia.pdf.

[3] Пока исследователи вводили в понятие *новые медиа*, а преподаватели разрабатывали профильные курсы и образовательные

Умберто Эко в статье, посвященной университетам и медиа (перевод которой мы публикуем в этом номере), писал о том, что временна́я дистанция, разделяющая университеты и медиа, составляет примерно 20 лет[4]. Наверняка так оно и было на протяжении десятилетий. Но в электронных обстоятельствах вопрос о скорости доставки новостей из мира науки в медиа, равно как и о ролевой инверсии в этом взаимодействии, ставится иначе[5]. Если раньше знание создавалось только учеными, а сегодня генерируется медиа, то должны ли мы считать эту ротацию *новым вызовом* для университетов? Ведь о том, что такое Google, мы узнаем с помощью Google, а статью о Википедии можем прочитать в самой Википедии. Пока эти статьи пишут люди, а не роботы, но вовсе не обязательно, чтобы их авторы были дипломированными исследователями.

Необходимо признать, что медиа гораздо быстрее и в чем-то эффективнее справляются с осмыслением последствий дигитализации повседневной жизни, чем исследователи-гуманитарии, которые в силу самого характера своей деятельности (трансляция традиции, работа с текстами как с уникальными произведениями, интерпретация смыслов) нередко оказываются в роли догоняющих учеников технического прогресса. Однако критическое осмысление происходящего, контекстуальное насыщение, исследование археологии цифрового знания и генеалогии идей, которые подготовили коммуникативную революцию, – это та интеллектуальная работа, которую медиа и технические специалисты за нас не сделают.

С другой стороны, революционные изменения – это продукт длительного вызревания, что особенно верно в отношении научных открытий и эпистемологических поворотов: в истории науки революционные процессы нередко растягивались на десятилетия или даже века, становясь заметными лишь на большой исторической дистанции. Быть может, правы те, кто считает изобретение *книги* главной вехой в развитии способов производства знания, рассмотренных в масштабе большой исторической длительности?[6] Так, Ян Красни – сербский теоретик, изучающий цифровую культуру, – полагает, что мистифицировать цифру не стоит, ибо современный мир не сильно отличается от того, что было «до», а цифровая революция все еще продолжается[7].

программы, *новые медиа* перестали быть *новыми*.

4 У. Эко: Университет и массмедиа / Пер. Д. Петрины, 41–42.

5 Быть может, требование новизны, предъявляемое к диссертационным текстам в социальных и гуманитарных науках, следовало бы отменить по причине его уязвимости?

6 Умберто Эко предлагает прочитывать BOOK как аббревиатуру – *Built-In Orderly Knoweldge*. См.: У. Эко: Много ли мы наизобретали? // У. Эко: *Картонки Минервы. Заметки на спичечных коробках*. СПб.: Симпозиум 2010, 115.

7 Демистификация цифры. Интервью с Яном Красни. Доступ по ссылке: http://cultlook.org/jk_demystification_digital.

В отношении нового знания и изменившихся практик возникает вопрос, с помощью каких теорий мы можем объяснять то, *чего раньше не было*? Новые технологии нуждаются в новой теории, но при этом *новое* в очередной раз оказывается хорошо забытым *старым*. И чем глубже мы погружаемся в историю идей, тем более исторически неизбежными и естественными оказываются те технологические изменения, которые мы воспринимаем как революционные. Вот и для объяснения цифровых мутаций востребованы не только те теории и подходы, что появились на пороге цифрового мира.

Актуальность особого рода обнаруживают идеи, которые разрабатывались, например, в рамках классической философии математики (мысль о том, что «двойка образует мир», была высказана еще Платоном). В современных дискуссиях об *обществе контроля* наиболее цитируемыми авторами остаются Мишель Фуко и Жиль Делез. Понятия *remediation* и *digitextuality* обязаны своим происхождением не только и не столько теоретикам *медиа*, сколько Юлии Кристевой, Жаку Деррида и другим постструктуралистам[8]. А в концепции *четвертой промышленной революции*, возможно, не обнаружится ничего радикально нового, если внимательно перечитать работы Карла Маркса.

Оглядываясь в недавнее прошлое, мы понимаем, что какие-то идеи пришли значительно раньше, чем мы были готовы их (вос) принять[9]. В начале 1990-х постсоветские гуманитарии с энтузиазмом осваивали постмодернистские тексты, применяя прочитанное к анализу и интерпретации литературных и кинематографических нарративов и тревожась лишь о том, что же будет дальше, после постмодернизма. При этом интерпретация постмодернизма с точки зрения культурной логики позднего капитализма, предложенная Фредриком Джеймисоном, осталась в тени более ранних и уже растиражированных концепций, которые операционализировали постмодернистскую чувствительность (будь то литературоведческая теория Ихаба Хассана или ее архитектурный аналог у Чарлза Дженкинса).

Между тем уже в 1990-е нам следовало догадаться[10] о том, что *гипертекст, палимпсест, диссеминация, симулякр, интертексту-*

[8] A. Everette: Digitextuality and Click Theory. Theses on Convergence of Media in the Digital Age, in: A. Everett, J. Caldwell (eds.): *Theories and Practices of Digitextuality*, Routledge 2003, 5–7.

[9] Пример генеалогии дигитального мышления см.: D. Tofts, A. Jonson, A. Cavallaro (eds.): *Prefiguring Cyberculture. An Intellectual History*, MIT Press 2002.

[10] Впрочем, объяснить теоретическую близорукость можно не только тем, что тогда мы еще не были *цифровыми* (Лев Манович перефразирует тезис Бруно Латура “We have never been modern”. См.: Л. Манович: *Медиа после софта*, Пер. Е. Арье, О. Мороз. Режим доступа: http://cultlook.org/lm_media_after_software), но и сложившимся разделением интеллектуального труда. В 1970–1990-е *вопрос о технике* обсуждался преимущественно в рамках философии науки. Хотя семиотики и линг-

альность, «смерть автора», ризома – это концепты-симптомы, которые применимы к новой медиатизированной реальности в той же степени, что и к литературе. Это понимание пришло позже, по мере знакомства с идеями Жана Бодрийяра и Поля Вирильо. И именно постмодернистские теоретики заставили нас задуматься о том, в какой мере *новое* является *оригинальным*.

В академическом мире требования к оригинальности авторского текста постоянно возрастают, а с приходом новых технологий их соблюдение начали все более тщательно отслеживать. Однако специфика культурного производства в цифровую эпоху делает возможность оригинального высказывания если не призрачной, то проблематичной. В большинстве случаев мы имеем дело с коллективным анонимным *Автором*, и по этой причине сама идея авторства становится уязвимой. Копирование, репродуцирование и тиражирование уже известных приемов и сюжетов, первоначально отмеченных печатью авторства, превратились в доминирующий способ производства не только медийных, но и академических текстов. Культура, основанная на «творческом заимствовании», практики плагиата, дигитального пиратства, *репостинга* чужих мыслей в социальных сетях, культура римейков и ремиксов, фотожаб и мемов – всё это обесценило *самовитое слово*. Степень *оригинальности*, – что не тождественно *самостоятельности*, – в этих обстоятельствах установить крайне сложно, особенно в визуальных текстах, учитывая расширение комбинаторных возможностей, предоставляемых креативными платформами и графическими редакторами. Иначе говоря, в наши дни интертекстуальность – это не только категория литературоведческого анализа, легитимирующая механизмы неявного цитирования в культуре, но в некотором роде – ведущий принцип, лежащий в основе технологических решений. Литературная метафора конвертировалась в программный продукт, позволяющий генерировать тексты на основе глобального цифрового архива.

Итак, отдавая себе отчет в уязвимости самой категории *новизны*, мы, тем не менее, намерены обсудить, какие новые дискурсы, исследовательские объекты, концепты и методологии обрели академическую прописку благодаря *цифровому повороту*. Что же касается исторического долголетия академических текстов о новых технологиях, то в будущем, если этот номер журнала не затеряется на безграничных просторах цифровой вселенной, его читатели по крайней мере смогут узнать, что считалось *новым* или *актуальным* в 2017 году.

висты, занимавшиеся проблемами машинного перевода уже в 1950-е, возможно, сделали для цифрового прорыва гораздо больше, чем философы.

Дигитализация как императив

Вопрос о том, может ли гуманитарий уклониться от технологий, сегодня является риторическим. От научной проблематики, связанной с освоением и осмыслением дигитальной реальности, еще можно отстраниться. Можно корпеть над архивными манускриптами, используя компьютер как печатную машинку, можно читать книги и писать о том, что близко, но делать вид, что *nothing happens,* невозможно.

Во-первых, до неузнаваемости изменилась сама повседневность. Зажатые в тисках электронной коммуникации, мы уже не представляем, как жить без текстового редактора, Интернета, социальных сетей, Скайпа, мобильной фотографии и других подручных средств академической работы. Каждый, кто прошел цифровую социализацию уже во взрослом возрасте, мог бы рассказать проникновенную историю встречи с новыми технологиями, постепенного их освоения и осознания роли, которую они сыграли в его/ее профессиональном становлении и академической карьере. Наш номер не об этом, однако степень адаптации к цифровому технологическому ландшафту и поколенческий фактор имеют значение.

Во-вторых, в цифровую эпоху разделение на *участников* и *наблюдателей*[11] утрачивает силу, а *включенное наблюдение* приобретает новые смысловые оттенки. Эпистемологические преимущества и властная позиция *включенного* наблюдателя стираются в *культуре со-участия*: быть *включенным* означает быть видимым и готовым к интерпелляции со стороны самых разных акторов сетевой культуры. В этом смысле в прагматическом интересе к цифровым трансформациям, нашедшем отражение в названии нашего тематического номера, можно различить обертоны цифровой автоэтнографии. Стремясь осмыслить последствия цифрового поворота, мы пытаемся постичь логику происходящего с нами, а наш горизонт (не)знания определяется той диспозицией, которую мы сами занимаем в цифровом поле.

У исследований цифрового поворота уже есть своя История и даже свои классики. Проблема изучения роли информационных технологий в различных дисциплинарных полях привлекла к себе внимание исследователей еще в середине 1990-х гг., а к середине 2000-х не осталось ни одной области знания, где бы не была произведена предварительная работа по осмыслению e-эффектов. И каждый, кто за эту работу брался, пытался понять, что изменилось за непродолжительный, но стремительно насыщавшийся новыми технологиями (и текстами о них) период. Ориентироваться, однако, становится все сложнее, ибо количество текстов по цифровой про-

[11] «Наблюдатель спрашивает: что происходит и что еще может произойти? Участник спрашивает: что я должен делать? Должен ли я поддерживать взаимодействие? Должен ли я препятствовать ему? Или я могу просто забыть о нем?» См.: П. Фейерабенд: *Наука в свободном обществе*, М.: АСТ 2010, 25.

блематике уже не поддается исчислению. *Великим непрочтенным*[12] рискует оказаться все, что вовремя не «лайкнули»[13]. Но ни количество текстов, умножающих цифровое знание, ни их разнообразие не становятся препятствием на пути к пониманию тенденций, которые конфигурируют цифровое поле.

Пожалуй, главное изменение, которое принесли с собой цифровые технологии в интеллектуальную деятельность, состоит в том, что границы между двумя культурами – гуманитарной и технической – стали пластичными и проницаемыми, ибо в условиях всеобщей компьютеризации наметились и область общих интересов, и новые формы сотрудничества. Об этом наглядно свидетельствует появление таких кластерных понятий, как E-science, Social Computation, Digital Humanities, Cultural Analytics, в которых зафиксирован необратимый и тотальный характер цифровой перезагрузки научной работы в разных областях знания.

Так, *e-science* объединяет в себе три аспекта дигитализации науки: разработку специализированных программных средств, обеспечение доступа к базам данных и, наконец, использование технологических платформ для коммуникации и сотрудничества исследователей. Для англоязычных исследователей *e* означает больше, чем собственно *electronic*; *e* – это также *enhancement* (возрастание, увеличение, совершенствование)[14], поскольку речь идет о непрерывном и постоянно нарастающем накоплении знания, аккумуляции данных, совершенствовании технологий. Обоснование и распространение концепции e-science было призвано содействовать интеграции ресурсов, притоку финансирования и созданию международной сети партнерских центров и лабораторий (например, Open Science Grid)[15]. Электронная наука скроена по мерке крупных научно-технических программ, возникла в их недрах и обнаруживает стратегические сходства с *большой наукой* прошлого века.

*Социальная информатик*а (Social Computation) в значительной степени развивается силами айтишников, решающих традиционные для социальных наук задачи нетридиционными методами тематического моделирования и автоматического анализа семантики на основе больших данных, собираемых роботами в соцсетях.

Для гуманитариев и социальных исследователей ближе и важнее *цифровая гуманитаристика*. Еще недавно она воспринималась как

---

12 Концепт, введенный и популяризированный Франко Моретти. См.: Ф. Моретти: *Дальнее чтение*, Пер. А. Вдовина, О. Сабчука, А. Шели, М.: Изд-во Института Гайдара 2016.

13 Для людей академического круга этот вопрос приобретает все более практическое значение по мере того, как индексы цитирования становятся показателем их профессиональной состоятельности.

14 P. Wouters: What is the matter with e-science: thinking aloud about informatisation in knowledge creation, in: *The Pantaneto Forum*, 23 July 2006. Режим доступа: https://pure.knaw.nl/ws/files/489419/21643.pdf).

15 См., например: N. Jankowski (ed.): *E-Research – Transformation in Scholarly Practice*, N.Y.: Routledge 2009.

вспомогательная область знания и вотчина гуманитарных гиков. Но сегодня самые разные области социогуманитарных исследований – от археологии до музыковедения – сталкиваются с массивами цифровых и оцифрованных данных, объем которых все возрастает, и, значит, вопрос *«Что делать?»* стал актуальным для всех гуманитариев. Как отмечает Алексей Куприянов в статье, публикуемой в данном номере, при всем разнообразии подходов к определению содержания понятия *Digital Humanities*, специфика этого поля состоит в «особой природе данных и приемов работы с ними»[16]. Лев Манович подчеркивает, что цифровая гуманитаристика имеет дело с «количественным анализом коллекций оцифрованных объектов гуманитарных наук – *культурных артефактов, созданных профессионалами прошлого [курсив мой. – А.У.]*, которые уже включены в каноны той или иной гуманитарной дисциплины»[17].

Отмечая методологическую близость между *цифровой гуманитаристикой* и *культурной аналитикой*, Манович видит главное отличие между ними в том, что культурная аналитика интересуется как прошлым, так и настоящим, но на первый план здесь выходит цифровая культура, созданная миллионами непрофессионалов (см. статью Льва Мановича в переводе Андрея Возьянова в нашем номере[18]).

Очень возможно, что – как это было в случае с *новыми медиа* – гуманитарии сегодня находятся на пороге эпохи, когда объем понятий *цифровая гуманитаристика* и *гуманитарные науки* совпадут.

«Огугленное» знание и коллективная интеллектуальность

По-английски название этого текста звучало бы иначе: *e-Burned knowledge*, поскольку речь в нем идет об «обугленном» знании и об «обожженных» новыми технологиями гуманитариях, а также об истории стремительного устаревания/обновления способов производства, сохранения и распространения знания. Еще лет пятнадцать назад функция «сохранить» означала для пользователя сбережение созданного в памяти персонального компьютера, на дискете или лазерном диске (именно тогда *сохранить* превратилось в *выжечь*). Записанную таким образом информацию можно было, по аналогии с книгой, взять с собой, передать в другие руки, поставить на полку и т.д. Это было осязаемое знание, имеющее определенный *физический вес*, который в течение каких-то десяти лет не просто уменьшился (вследствие миниатюризации носителей), но улету-

16 А. Куприянов: От просопографии университетской профессуры до цифрового следа философского парохода: «средние данные» и формальные подходы в истории науки, 114.

17 Л. Манович: Что такое культурная аналитика? Пер. Е. Лапиной-Кратасюк // ШАГИ/STEPS 2/3 (2017), 12–13.

18 Л. Манович: Наука о культуре? Изучение больших культурных данных: социальная информатика, цифровая гуманитаристика, культурная аналитика, Пер. А. Возьянова, 82–83.

чился в буквальном смысле. Когда появились облачные сервисы, тогда знание начало «витать в воздухе»: устранение материальных носителей сделало его безграничным и потенциально доступным для всех. Итак, обугленное-огугленное знание – это метафора *другой* жизни, перехода знания в *качественно иное состояние*. При этом условия возможности превращения знания задаются параметрами его приращения – то есть количественными изменениями в объемах информационных потоков, создаваемых цифровым коллективным Разумом.

В какой мере верно утверждение Джимми Уэйлса, основателя Википедии, о том, что если нечто отсутствует в Гугле, значит, этого не существует? Если это заявление не метафора или рекламный слоган, то как мы можем его доказать или опровергнуть? Никак. Это вопрос веры. В Интернете нет многого и еще долго не будет. И именно в этом отношении цифровая гуманитаристика играет важную роль, оцифровывая и систематизируя культурные артефакты, созданные и сохраняемые с помощью других медиа. Множество пробелов и лакун сближает Интернет с классическими архивами. Этот отсев – не столько вопрос случайности, сколько проявление *социальной логики*, формирующей запрос на знание определенного рода в конкретных исторических и политических обстоятельствах. Мы верим, что все, однажды загруженное в Интернет, не исчезнет бесследно. И все же интернет-архив оказывается не столь уж открытым, всеобъемлющим и вечным: со сменой веб-адреса, уходом администратора сайта, развитием технологий или руинизацией ресурса исчезают истории людей и институций[19]. Впрочем, Уэйлс имел в виду совсем другое: быть репрезентированным, то есть занесенным в цифровые анналы, означает доказать свою нужность и полезность, сохраниться, приумножиться и остаться в истории. Если в Интернете чего-то нет, то, может быть, это никому не нужно?

Здесь стоит учитывать радикальное изменение представлений о путях получения знаний. Не секрет, что большинство современных текстов начинается с запроса в Google и пишется с помощью выданных им ответов. Поиск нужной информации в словарях и энциклопедиях всегда был отправной точкой для исследователей, но не является ли цифровой алгоритм справочной работы чем-то, не имеющим аналогов в тысячелетней истории университетского знания?

В середине 1990-х гг. Умберто Эко отмечал, что одна из основных проблем, с которой мы столкнулись в связи с переизбытком информации, – это неспособность выбирать главное, отсеивать ненужное, отделять надежный источник информации от ненадежных.

[19] Институциональная история ЕГУ – хороший тому пример. Данные о минском периоде его существования (1992–2004) практически исчезли из Сети с переездом университета в Вильнюс и созданием нового веб-сайта. Белорусская история университета в изгнании обнулилась и теперь пишется поверх невидимых строк.

И потому – утверждал он – мы нуждаемся в новой форме критической компетенции, в пока еще неизвестном искусстве отбора и усвоения информации, которое он называл *искусством децимации*[20]. С тех пор поисковые системы вышли в своем развитии на новый уровень, изменив наше представление о фильтрации информации. Но все же вопрос остается: кем отбирается и ранжируется предоставленная нам информация?

И почему непременно Google? Ведь еще десять лет назад его монополия на знание не была столь очевидной, а вопрос о преимуществах поисковых систем допускал альтернативные ответы. Но сегодня «гугл» – синоним самой эффективной поисковой системы и родовое имя для суммы возможностей, которые нам предоставляет Интернет. Кто же является поставщиком информации, которую мы получаем с помощью одного клика? Вопрос риторический, ибо сгенерированный машиной ответ – результат усилий всех пользователей Интернета. Но использование продуктов коллективной интеллектуальности подчинено логике товаризации знания.

Как отмечает французский экономист Ян Мулье-Бутан, Google стал символом когнитивного капитализма, поскольку предложил новую экономическую модель, основанную на контролируемом развитии коллективных интеллектуальных сетей[21]. Google функционирует как фабрика знания, аккумулирующая и коммодифицирующая его: «Вы работаете на Google. Каждую секунду 15 миллионов человек кликают и загружают свои данные в Google, словно все они работают на одну фирму, не получая за это денег. Однако то, что предлагает Google, – это не обычный сервис, а своего рода метасервис, который уподобляет информационную активность пользователей деятельности трудовых пчел»[22]. Эта экономика определяется интенсивностью создания ячеек сот и скоростью их заполнения. Основные поставщики контента – люди умственного труда, клик-пролетарии.

Оппоненты Мулье-Бутана, признавая факт невидимой эксплуатации и большие объемы неоплачиваемого труда, приносящего огромную прибыль владельцам платформы, предлагают увидеть в Google гигантский накопитель идей и улей интеллектуального производства, поставляющий знание миллионам пользователей. На каких условиях – другой вопрос.

---

20 См.: U. Eco: *A Conversation on Information: An Interview* by Patrick Coppock, February 1995. Режим доступа: http://www.cudenver.edu/~

21 Требор Шольц называет эту модель «платформенным капитализмом». См.: T. Scholz: *Uberworked and Underpaid: How Workers Are Disrupting the Digital Economy*, Polity 2016.

22 Castiglion Ch. Yann Moulier Boutang asks, “Are we all just Google’s worker bees?”. 13.11.2009. Режим доступа: http://networkcultures.org/query/2009/11/13/yann-moulier-boutang-asks-are-we-all-just-googles-worker-bees/.

Augmented University,
или Союз идеологий и технологий

Мы публикуем перевод текста Умберто Эко «Университет и массмедиа», в основе которого лежит доклад, прочитанный Эко на конференции, посвященной тысячелетию Болонского университета[23]. Вопросы, поставленные им 30 лет назад, не утратили своей значимости и даже приобрели добавочную актуальность в условиях цифрового поворота. Очевидно, отношения между университетами и медиа в условиях цифрового поворота существенно осложнились и в каком-то смысле приобрели драматический характер. Не выдерживая напора «цифры», университет претерпевает и количественные, и качественные изменения. Эта проблема включает в себя много ракурсов – от изменения практик преподавания и расширения университета благодаря различным онлайновым платформам, до той роли, которую новые технологии сыграли в усилении разрыва между университетами первого и второго мира, равно как и в утверждении менеджериализма.

Новые технологии в значительной степени изменили мнемонические и познавательные способности индивидов. А значит, университеты должны обновлять образовательную среду с учетом особенностей ментальной оснастки нового поколения студентов, цифровых аборигенов. На первый план здесь выходит проблема влияния цифровых технологий на методы и форматы преподавания. Одни преподаватели озабочены бессмысленностью соревнования с Гуглом в условиях, когда студенты воспринимают профессора в качестве еще одного открытого *окна*. Другие призывают не драматизировать, то есть не занимать позицию академических луддистов, до последнего сопротивляющихся машинам[24]. А третьи в это время активно участвуют в создании альтернативных образовательных ресурсов, экспериментируя с новыми технологиями – от авторского блога до онлайн-курсов для широкой цифровой публики – за пределами университета. С учетом постсоветской специфики эта проблематика обсуждается в материалах дискуссии, которые мы публикуем[25].

От прежней академической рутины поиска информации, ведения рабочего архива, составления библиографии, организации научной коммуникации к настоящему моменту не осталось практически ничего! В исследовательских компетенциях и навыках, которые раньше нужно было усваивать в процессе длительной акаде-

---

23 См.: U. Eco: The University and the Mass Media, *Yale Journal of Law and the Humanities*, 6/1 (1994). Режим доступа: http://digitalcommons.law.yale.edu/yjlh/vol6/iss1/5.

24 M. Moss: Visualizing History: Computer Technology and the Graphic Presentation of the Past, in: *College Quarterly*, 7/1 (2004), 1–14. Режим доступа: http://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ852015.pdf.

25 Дигитальный вызов: будущее гуманитарных наук. Материалы дискуссии с участием преподавателей ЕГУ в рамках фестиваля Artes Liberales в Минске, 43–59.

мической социализации, нет нужды, коль скоро есть доступ к инструментам, автоматизирующим и оптимизирующим деятельность исследователя и преподавателя. Однако количество используемых нами инструментов невелико. Чем дальше, тем больше мы не справляемся не только с наплывом информации, но и с умножением платформ и сервисов для академической работы[26]. Они экономят наше время и минимизируют усилия. Но время, освобожденное от многотрудного бумажного поиска информации, тут же растрачивается на электронный поиск и освоение новых технологий, а более всего – на бесконечную коммуникацию в цифровых средах[27].

В последние годы необычайную популярность приобрела идея *четвертой революции*. В контексте истории эпистемологических поворотов цифровой поворот представлен как четвертая революция в истории наук об обществе – после Коперника, Дарвина и Фрейда[28]. В контексте экономических и социальных трансформаций пишут о *четвертой промышленной революции* [29] – цифровой утопии, образе светлого, полностью автоматизированного будущего, когда кибернетические системы будут внедрены во все сферы жизнедеятельности, а границы между физической и виртуальной реальностью исчезнут.

Между тем идея четвертой революции *в образовании* широко обсуждалась в связи с развитием электронных медиа еще в 1960-х годах. Автор этой идеи – британский ученый и популяризатор науки Эрик Эшби – утверждал, что в истории образования произошли четыре революции. Наступление первой он связывает с появлением публичных школ, когда функция передачи знания перешла от родителей к учителям. Вторая революция свершилась тогда, когда основным проводником знания стала письменность. Третью революцию ознаменовало изобретение книгопечатания и возросшая доступность книг для массового читателя. А четвертую революцию принесли с собой средства электронной коммуникации (радио, телевидение, звуко- и видеозаписывающие устройства и, наконец, компьютер). Прогресс в сфере образовательных

---

26 Между тем для части преподавателей использование google.docs, google.calendar, платформ типа Asana или Moodle все еще остается областью недоступного и непонятного усложнения.

27 Американская исследовательница Джоди Дин комментирует проблему тайм-менеджмента в условиях сетевой культуры следующим образом : «Электронные книги и статьи, а также сообщения в блогах по теоретическим темам – это удобные способы хранения и обмена идеями. Но эти выгоды имеют цену: мы платим своим вниманием. Легко поддаться соблазну продолжить серфинговать, следить за ссылками, смотреть, что другие думают об этом». См.: J. Dean: *Blog Theory: Feedback and Capture in the Circuits of Drive*, Polity Press 2010, 3.

28 L. Floridi: *The Fourth Revolution. How the infosphere is reshaping human reality*, Oxford: Oxford Univ. Press 2014.

29 См., например: К. Шваб: *Четвертая промышленная революция*, М.: Эксмо 2016.

технологий оценивается здесь с точки зрения возрастания самостоятельности ученика и ослабления роли учителя[30].

Идеи Эшби легли в основу отчета Комиссии Карнеги о высшем образовании, опубликованного в 1972 году, где была озвучена смелая мечта об объединении всех информационно-образовательных ресурсов в единую национальную сеть с возможностью получения доступа к ней всеми студентами и преподавателями страны[31]. Через 20 лет мечты стали явью. Казалось бы, это должно внушать оптимизм. Сеть существует и развивается, учителя обрели больше возможностей для повышения квалификации, студенты и ученики школ занимаются самообразованием, имея доступ к Интернету. Однако этот дискурс, если обсуждать его в контексте технологических трансформаций в сфере образования, заставляет задуматься о том, каковы пределы автоматизации? Не получится ли, что вместе с исчезновением рутинного труда и не опосредованной машинами коммуникации в деятельности преподавателя, исследователя, университетского менеджера - под вопросом окажемся мы сами?

Ситуация на академическом рынке труда, сокращение количества рабочих мест и закрытие программ, интенсификация рабочего времени для тех, кому повезло с контрактами, изменения в функциональном разделении обязанностей (сегодня преподаватель сам себе секретарь, технический ассистент и машинистка в одном лице[32]), развитие дистанционного образования и появление нового поколения образовательных продуктов и программного обеспечения – эти и другие реалии наводят на мысль если не об исчезновении университетов, то об их радикальном переформатировании, в результате которого останутся только ученики.

Другой эффект цифровой революции в академии, который нельзя оставить без внимания, связан с происходящей на наших глазах неолиберализацией университетов. Хорошо известно, насколько академическая карьера зависит от навыков эффективной коммуникации. Видимость и оперативность несомненно содействуют карьерной успешности (для многих постсоветских препода-

---

30 См.: E. Ashby: Ivory Towers in Tomorrow's World, in: *Journal of Higher Education,* 38/8 (1967), 417–427. E. Ashby: *Technology and the Academics: an Essay on the Universities and Scientific Revolution*, L.: Macmillan 1958.

31 См.: *The Fourth Revolution: Instructional Technology in Higher Education. A Report and Recommendations by the Carnegie Commission on Higher Education*, N.Y.: McGraw-Hill 1972.

32 Мелисса Грегг ввела термин *ползучая функциональность* (*function creep)* для описания незаметного, но неуклонного возрастания обязанностей преподавателя в дигитализированной образовательной среде, что стало очевидным с переходом на образовательные онлайн-платформы типа *WebCT*, *Blackboard* и *Moodle*. Управлять ими и наполнять контентом должны сами преподаватели в дополнение к привычным формам преподавательского труда. См.: M. Gregg: *Function creep: communication technologies and anticipatory labour in the information workplace*. Режим доступа: http://homecookedtheory.com/wp-content/uploads/functioncreepnms.doc.

вателей и исследователей, подключившихся к сетевой культуре еще в 1990-е, этот фактор был решающим в их судьбе). Но это обстоятельство следует рассматривать в более общем контексте. Как утверждают Майкл Хардт, Антонио Негри, Паоло Вирно, Джоди Дин и другие постмарксистские теоретики, само общение стало формой капиталистического производства: «Подобно тому, как индустриальный капитализм опирался на эксплуатацию труда, коммуникативный капитализм основан на эксплуатации коммуникации»[33]. Говоря о *скрытых травмах* неолиберальных университетов, Розалинд Гилл отмечает, что наше восприятие университета как «научного пространства без стен» в значительной степени обусловлено *режимом перманентной включенности*, который обеспечивается информационными и коммуникационными технологиями: «Все скоростные мобильные технологии сегодня легко сочетаются с психическим складом и склонностями неолиберального академического субъекта: проверками, мониторингом, загрузкой файлов из Британской библиотеки, также как с пляжа или кровати – всеми отчаянными потугами остаться на связи и все успевать»[34]. Парадоксальным образом гегельянский закон перехода количественных изменений в качественные стал основой менеджериалистского подхода к образованию – качество работы академиков должно быть исчислимым.

Дэн Шиллер в своей книге, посвященной развитию цифрового капитализма, отмечает, что тенденция к коммерциализации киберпространства наложилась на происходившую в конце 1980-х трансформацию сферы высшего образования, все более ориентированного на рынок труда и включение университетов в индустрию знаний. Монетизации подверглись почти все сферы академической жизни – все, что было ранее общедоступным и бесплатным, превратилось в источник прибыли. Утверждение принципов экономической рациональности в администрировании университетов выдвинуло на первый план эффективный менеджмент[35], а вместе

---

33 Dean, op. cit., 4.

34 Р. Гилл: Прервать молчание. Скрытые травмы неолиберальной академии // *Социальный компас*, 14.02.2014. Режим доступа: http://www.socialcompas.com/2014/02/14/prervat-molchanie-skry-ty-e-travmy-neoliberal-noj-akademii/.

35 «Дискурс высшего образования теперь напоминает то, что вы можете услышать на заседании правления на карандашной фабрике № 2", на котором обсуждаются производительность, эффективность, таблицы с цифрами по отчетным показателям и тому подобные вещи" (Адам Бесси). В этом дискурсе сквозит почти религиозная вера в правильность предельно техничного, рыночного взгляда на образование, которое, как и все другие созданные человеком "предприятия", может (и должно) квантифицироваться и оцениваться численно с тем, чтобы определить наиболее рациональное решение, которое затем можно распространить на все другие сферы». См.: H. Giroux: Public Intellectuals Against the Neoliberal University', in: *Trouthout*, 29.10.2014. Режим доступа: http://www.truth-out.org/news/item/19654-public-intellectuals-against-the-neoliberal-university.

с ним – внедрение наукометрических критериев в оценку работы преподавателей и дискурс результативного обучения (пресловутые результаты, навыки и компетенции, востребованные на рынке труда).

Как отмечает Марк Фишер, успешная адаптация – одна из ключевых целей менеджериализма[36]. С точки зрения Большого Другого (имеются в виду как университетские и министерские бюрократы, так и их главный управляющий – Рынок), работник, не способный к обучению на протяжении жизни, подлежит увольнению. В самом деле, зачем современному университету преподаватели, которые отказываются, например, от освоения функций технического ассистента в оболочке дистанционного обучения? Их неготовность выглядит одновременно и проявлением нелояльности к университетским требованиям, и свидетельством технической отсталости. Да и разве можно быть хорошим преподавателем, не совершенствуя свои технологические познания и технические навыки? Кому сегодня нужны академические луддисты, не понимающие и не принимающие преимуществ цифрового прогресса? Наконец, зачем оплачивать дополнительный секретарский труд, если это может сделать сам преподаватель? А если не может или не готов, то на это место всегда найдется другой.

Неолиберализм сделал университеты заложниками рыночной логики, а практики (само)дисциплинирования и (само)контроля проникли во все поры университетской жизни. Но без современных технологических инструментов это вряд ли было бы возможно. Как отмечает Дэн Шиллер, «Интернет катализировал последние этапы сложной цепной реакции, Сеть придала уже происходившему процессу мутации высшего образования невиданное ускорение»[37].

На периферии цифровой империи

Ставя перед собой задачу картирования изменений, происходящих под влиянием дигитализации, мы работаем с периферийной территорией глобальной академической сетевой культуры не только в смысле проблематики и инструментов анализа, но и в смысле эффектов неравномерного развития цифрового капитализма[38]. Каким образом гуманитарии могут отвечать на вызовы дигитализации, если они находятся «под Сетью», но на ощутимой

---

[36] M. Fisher: *Capitalist Realism. Is There No Alternative?* Winchester, UK, Washington, USA: Zero Books 2009, 28.

[37] D. Schiller: *Digital Capitalism. Networking the Global Market System*, Cambridge, Massachusetts: MIT Press 2000, 144–145.

[38] По отношению к глобальным центрам экономической и политической власти постсоветский регион представляет емкий рынок сбыта. Но, охватывая огромную территорию и значительное число пользователей Интернета, он остается периферией, имеющей незначительные шансы на обретение технологической автономии и не являющейся полноправным конкурентом в сфере высокотехнологичного производства, не в последнюю очередь из-за языкового фактора.

дистанции от глобальных центров экономического развития и технологического влияния, а главное – в иных институциональных условиях?

Для пользователей и программистов проблема *центр-периферия* может показаться неуместной. Какая разница, где ты находишься, если даже на отдаленном хуторе или на острове в Индийском океане у тебя есть ноутбук и Интернет? Однако с точки зрения производства знания ситуация выглядит сложнее.

Существенное отставание постсоветской академии в социогуманитарных исследованиях науки, технологий и цифровой культуры заметно невооруженным глазом. Обсуждение тех проблем, что осваивались в англо-саксонской академии на протяжении последних 20 лет, в постсоветском пространстве (в первую очередь – русскоязычном) началось в 2010-е. Среди причин этого отставания – неравномерное развитие цифровой среды в различных областях университетского образования и академической науки[39], ригидность институциональных механизмов в постсоветских университетах, условия финансирования научной деятельности: гуманитарии могут рассчитывать на пресловутые мегагранты в последнюю очередь, а без больших денег работу с «большими данными» и исследовательский прорыв в этой области трудно представить. Необходимы инфраструктура – материальная и коммуникативная – и институциональная поддержка меж- и трансдисциплинарных проектов.

Отставание опасно тем, что изменение образовательных практик и возникновение новых исследовательских объектов происходит если не синхронно, то во всяком случае в одном скоростном режиме с развитием самих технологий. В то же время коммуникативная революция позволила постсоветским исследователям не только удержаться в профессии, но и воспользоваться множеством преимуществ, связанных с получением доступа к новейшим публикациям, базам данных, архивам. В 1990-е годы сам доступ к такого рода возможностям был условием карьерного продвижения.

Особую роль в формировании постсоветской академической культуры сыграли практики пиратства. Возможность бесплатно загрузить нужную статью, книгу, фильм важна для пользователей с низкими доходами, среди которых – многие преподаватели и исследователи из Восточной Европы. Согласно данным компании *Майкрософт*, доля нелегального программного обеспечения в Беларуси составляет 85%, в России – 64, в Литве – 51, в США – 17[40]. Эти показатели свидетельствуют о степени цифрового неблаго-

---

39 Теоретическое запаздывание постсоветских гуманитариев объясняется банально: в американских университетах Интернет, электронная почта и другие технологии стали нормой повседневной жизни уже в середине 1990-х гг., когда постсоветские гуманитарии еще только осваивали азы компьютерной грамотности.

40 А. Мякишев: Microsoft: уровень пиратства в Беларуси выше, чем у соседей // *Хартыя-97*. 18.02.2017. Режим доступа: https://charter97.org/ru/news/2017/2/18/241327/.

получия в постсоветских странах, а могут быть интерпретированы иначе: лидирующее положение Беларуси в рейтинге стран с самым высоким уровнем пиратства говорит о технологическом и кадровом потенциале, об уровне владения населением страны компьютерными технологиями.

При всей исследовательской работе, которая развернулась в последние годы, постсоветские исследователи, занимающиеся цифровой гуманитаристикой, остаются на периферии глобального академического производства. Их нет практически ни в одном большом международном проекте, они не входят в транснациональные исследовательские консорциумы, объединенные в рамках e-science. О производстве теории и вовсе нет смысла говорить. Западных коллег в этом сотрудничестве интересует преимущественно историческое измерение цифровой проблемы, будь то развитие советской кибернетики или *большой науки* в контексте глобального политического противостояния, но не актуальные процессы и их концептуализация.

Как отмечали участники дискуссии, посвященной критериям научной эффективности в российском контексте, в условиях жесткой научной конкуренции отставшей стороне «невозможно “догнать” передовую путем наращивания усилий на тех направлениях, на которых было допущено отставание. Вернуть себе лидирующее положение сообщество может только сосредоточив исследовательские усилия на новых, не- или малоразработанных направлениях научного поиска»[41]. В какой мере этот тезис релевантен для производства цифрового знания в социальных и гуманитарных науках?

Ответ на этот вопрос можно искать в текстах, публикуемых в данном номере. Обнинский цифровой проект (Галина Орлова, Александра Касаткина), в рамках которого создается исследовательская платформа для работы с качественными данными по истории большой советской науки и техники, или проект, посвященный кадровой динамике в дореволюционных университетах России (Алексей Куприянов), позволяют понять, на каком материале, с какими ресурсами и результатами осуществляется сегодня в русскоязычном пространстве реализация масштабных трансдисциплинарных проектов, затрагивающих область науки и технологий. Но главное, эти проекты дают материал к размышлению о том, в каких направлениях можно сокращать разрыв, накапливая опыт, работая с малоизученными объектами и создавая новые проблематизации.

Язык Машины, или О трудностях перевода

Читая тексты гуманитариев, занятых осмыслением медиатизированной культуры, мы не можем не обращать внимание на то,

[41] И. Дмитриев: Материалы круглого стола «Критерии эффективности научных исследований: а судьи кто?» // *Мысль*, 19 (2015), 119–120.

как пользователи-исследователи справляются с последствиями дигитальной интоксикации, пытаясь найти компромисс между нормами академического письма и информационным «новоязом», между языком-объектом и метаязыком, между категориями практики и теории. Для того, чтобы понять драматизм и исключительность сложившейся ситуации, потребуется небольшой исторический экскурс.

Использование латинизмов в концептуальном языке Теории – явление этимологически легитимированное и распространенное. Владение специальной терминологией выступает охранной грамотой, обеспечивающей пропуск в храм науки, и воспринимается как показатель учености, идентификационный маркер причастности к профессиональному сообществу или исследовательской традиции. Реформация, изобретение наций и растянувшееся на несколько веков вытеснение латыни на периферию образования и государственного управления привели к тому, что латынь превратилась в мертвый язык, а структурную позицию lingua franca заняли национальные языки «новой» Европы. Одно из последствий эмансипации национальных культур от гегемонии имперского языка христианской цивилизации – установление лингвистического водораздела между академической культурой и культурой повседневной. Неудивительно, что в бытовой коммуникации и даже в массмедиа латинизмы не приживались и отторгались из-за нарушения чистоты языка, используемого в публичной сфере.

Однако в условиях глобализации и распространения влияния цифровых технологий на все сферы социальной жизни эти границы стираются. Национальные языки, устоявшие под натиском модернизации, не в состоянии состязаться с языками программирования, дискурсом технических инструкций, волапюком геймеров и другими лингвистическими эпифеноменами компьютерной эры. Какое-то время сдерживающим фактором оставалась возможность выбора языка пользовательского интерфейса[42]. Но этот ресурс, как кажется, уже исчерпан.

В условиях всеобщей цифровой мобилизации и социализации краткость сообщения воспринимается как эталон эффективной коммуникации[43]. Тенденция к экономии средств выражения, проявляющаяся в замене многословных конструкций аббревиатурами, эмотиконами и инфографикой, а также к сжатию печатного текста лишь нарастает.

Вопрос, каким образом компьютерная цивилизация отразится на развитии языка и стиля письма, возник не сегодня. Умберто Эко писал, что «мы стоим на пороге нового Вавилона, ибо лингвистическая катастрофа может разразиться именно из-за злоупотребления

---

[42] История изобретения национальных эквивалентов для технологических операций и устройств достойна отдельного разговора, но, к сожалению, не в рамках этой статьи.

[43] Это Short Message Service (SMS) в мобильной телефонии и форматы коммуникации в Twitter, Viber, Telegram.

компьютерным сленгом»[44]. Однако в наши дни кибержаргон уже не воспринимается ни как птичий язык, ни как аномалия, препятствующая коммуникации, ни как арго субкультуры гиков. По своему положению он приближается к статусу универсального языка пользователей всего мира. Похоже, культура, на протяжении многих веков озабоченная поисками совершенного языка и восстановлением лингвистического единства, наконец нашла искомое. И этим языком стал английский, но это английский не Шекспира или Джойса, это – язык Машины. Культурные и политические аспекты доминирования английского языка оказались в тени его технологического, а точнее техно-менеджериального превосходства[45].

Использование языка Машины в академической сфере – это также вопрос о новых формах господства. Масштабы креолизации и пиджинизации локальных языков вследствие цифрового поворота свидетельствуют об эффективности новых форм колониализма[46]. Двадцать лет назад Жак Аттали писал: «Какие люди, какие культуры, какие языки будут контролировать новые индустрии образования и навязывать их остальному миру? Те, кто в этом не преуспеет, просто исчезнут с карты мира»[47]. Сегодня ответ на этот вопрос кажется очевидным.

В академической сфере вопрос о техно-лингвистической гегемонии английского языка связан с производством знания, а точнее – с наукометрическими показателями, по которым оценивается научная деятельность. Многоязычие в современных подсчетах эффективности не приветствуется. Если вас нет в англоязычных peer-reviewed journals, вас нет вообще. И если Россия, обладая финансовыми и человеческими ресурсами, предприняла попытку создать систему подсчета индекса цитируемости для российских авторов, чтобы частично компенсировать нехватку их видимости[48], то что делать таким небольшим странам, как Беларусь или Литва? Коль скоро английский является языком новых медиа, в какой мере тексты, публикуемые на других языках, могут быть увиденными в

44 Персонажи нового Вавилона общаются между собой энигматичными и лаконичными формулами: dir, help, discopy, error 67, cu18r и др. «И это можно считать грамотностью? – вопрошает Эко. И тут же отвечает: – FIG 7». См.: U. Eco: Conversazione a Babilonia, in: U. Eco: *Il secondo diario minimo*, Milano: Bompiani 1992, 55–56.

45 См.: D. Golumbia: *The Cultural Logic of Computation*, Harvard University Press, 2009.

46 Впрочем, некоторые исследователи полагают, что доминирование английского языка в глобальном цифровом контексте не только ограничено, но и носит временный характер. См.: E. Bosah: *Cyberimperialism? Global Relations in the New Electronic Frontier*, Westport, CT: Praeger 2001, 37–38.

47 J. Attali: School the Day After Tomorrow, in: *New Perspectives Quarterly*, 14/2 (1997), 24.

48 См.: В. Болотов, Н. Квелидзе-Кузнецова, В. Лаптев, С. Морозова: Индекс Хирша в российском индексе научного цитирования // *Вопросы образования*, 1 (2014), 241–262.

цифровом академическом мире, где сама система поиска выталкивает многоязычие на периферию научно-технического прогресса?

Осталось сформулировать вопрос о «трудностях перевода». С проблемами (не)переводимости технической терминологии на русский язык сталкиваются почти все исследователи новых медиа и цифровой культуры. Если раньше перевод текстов по социогуманитарной проблематике требовал знания языка и теоретической традиции, а переводом технических текстов занимались специалисты узкого профиля, сегодня каждый гуманитарий, работающий с англоязычными текстами по проблематике цифровой культуры и медиатехнологий, поневоле оказывается в роли спецпереводчика, который должен понимать, о каких технологических деталях идет речь в тексте.

Размывание представлений о границах допустимого вторжения иностранных слов в родной язык привело к тому, что большинство терминов заимствуется с минимальной грамматической поправкой на его нормы («шеринг», «расшаривание»). Составление словаря иностранных слов в современных условиях возможно только в режиме онлайн с возможностью постоянного обновления и редактирования, ибо реальность изменяется быстрее, чем ее успевают осмыслить специалисты[49]. Впрочем, не исключено, что поколению цифровых аборигенов такой словарь вовсе не нужен. Они и так знают, что такое *лайфхаки* или *спойлеры*. Использование терминологических ка́лек сегодня сопряжено с поиском корректных грамматических и синтаксических конструкций, в которых эти термины не выглядели бы слишком чужеродно. В результате амфиболии, анаколуфы и прочие эрративы, которыми изобилуют сетевые тексты, по сути превратились чуть ли не в новую языковую норму, адептами и защитниками которой выступают блогеры[50] .

На протяжении многих лет перевод и толкование иностранных терминов оценивались как введение в научный обиход новой терминологии, одна из форм исследовательской работы. Но сегодня и формулировка, и функция почти утратили свой смысл. Зачем спорить о том, как правильнее перевести на русский язык *диджитал, капта, чат, морфинг, мультимедиа, нейминг, тег, б/вloggинг, контент, кэширование, софт, сторителлинг, интерфейс*, если в процессе перевода можно утратить значение концептов, которые уже вошли в бытовой и научный обиход? К тому же, в условиях постоянного совершенствования машинного перевода вопрос о переводе как творческой деятельности и одной из составляющих научной работы стремительно утрачивает свою актуальность. Так стоит ли

49 Впрочем, носители английского как родного языка не меньше нас озабочены проблемой интервенции цифровых технологий, создавая специальные пособия по новой стилистике и словари цифрового английского языка, Remedial English. См.: *Wired Style: Principles of English Usage in the Digital Age*, Broadway 1999.

50 См.: Г. Гусейнов: Берлога веблога. Введение в эрратическую семантику// *Говорим по-русски*, Март 2005. Режим доступа: http://www.speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm.

тратить на него время, если всегда можно воспользоваться сервисами онлайн перевода? И все же мы продолжаем выполнять работу перевода, развивая и расширяя аналитический аппарат русскоязычных цифровых исследований, свидетельство чему – переводы, включенные в этот номер.

Медиализируя знание, HESP-эффект

Завершая свой текст, публикуемый на правах предисловия, мне хотелось бы упомянуть о коллективном проекте «От знания медиа к медиализации знания» (2014–2015), в рамках которого возникла идея подготовки тематического номера «Топоса». Проект был инициирован преподавателями Европейского гуманитарного университета (Вильнюс, Литва) и осуществлялся на протяжении двух лет при поддержке Higher Education Support Program Института «Открытое общество»[51].

Проект был ориентирован на приведение накопленного нами знания о медиа в действие. А потому среди его результатов можно обнаружить не только привычные академикам семинары[52], но и разработанные участниками *веб-ресурсы* (сайт Лаборатории исследований визуальной культуры и современного искусства (проект Альмиры Усмановой, Алеся Потапенко и Натальи Ненарокомовой), кроссуниверситетскую платформу для документации образовательного и исследовательского контента в области городских исследований, проводимых в ЕГУ и НИУ ВШЭ (проект Оксаны Запорожец, Екатерины Лапиной-Кратасюк, Сергея Любимова, Дмитрия Бойченко); *экспериментальный визуальный контент университетских курсов* (проект Андрея Горных, Инны Гладышевой, Александра[53]); *новые и обновленные учебные курсы* (Юлия Мартинавичене, Виктория Константюк и др.), *фестиваль Artes Liberales,* проводимый в Минске (кураторы Альмира Усманова, Павел Нехаев, Ольга Салахеева, Наталья Ненарокомова, Кирилл Колбасников) и ставший экспериментальной площадкой для предметного разговора и действия в отношении медиа, данных, темпоральности

51 Проект завершал десятилетний цикл семинаров по проблематике визуальных и культурных исследований, исследований новых медиа и медиализации знания. Результатом их осуществления стало создание нескольких междисциплинарных сетей на постсоветском пространстве и формирование нового поколения университетских преподавателей, работающих на переднем крае современного социогуманитарного знания и активно вовлеченных в исследования. Подробнее см. на сайте Лаборатории исследований визуальной культуры и современного искусства, также созданном при поддержке HESP. Режим доступа: http://www.viscultstudies.org/hesp.

52 Семинар *Going Digital: the Forms and Formats of the Medialization of Knowledge Inside and Outside of the Academia* состоялся в мае 2015 года, а *Digital epistemology for non-digital born academy: visualization, zoom and curation* – в декабре 2015 в Вильнюсе.

53 См., например, визуальный концепт Attraction. Режим доступа: http://www.viscultstudies.org/attraction-concept.

и опыта[54]; *выставку-исследование* «Критическая сборка: люди и атомы», созданную на основе оцифрованных и цифровых эмпирических данных конкретного исследовательского проекта (кураторы Галина Орлова, Наталья Ненарокомова, дизайнеры Екатерина Сотникова и Лидия Сергей, куратор саундскейпа Андрей Возьянов, кураторы данных Александра Касаткина, Егор Шевелев, Александра Иванова и др.)[55]. Из этой перспективы разговор о *е-эффектах*, затеянный нами на страницах «Топоса», следует рассматривать в контексте широко прочитываемого интереса участников проекта к медийной и дигитальной прагматике.

Пользуясь случаем, мы с коллегами хотели бы выразить свою признательность программе регионального сотрудничества ReSET (Regional Seminar for Excellence in Teaching), благодаря которой постсоветские историки, философы, социологи, экономисты, культурологи получили долгосрочную возможность участвовать в исследовательских семинарах и воркшопах, летних школах и инкубаторах проектов по самой актуальной социогуманитарной тематике в период с 2003 по 2014 гг. Программа была нацелена на создание структурных условий для развития партнерских сетей между исследователями и их университетами, на сближение исследований с преподаванием, на освоение новых методов преподавания и развитие новых образовательных программ, что в значительной степени способствовало институциональному развитию междисциплинарных исследований в постсоветских университетах и произвело серию положительных HESP-эффектов.

---

54 См. сайт проекта. Режим доступа: www.artes-liberales.by.

55 См. страницу выставки. Режим доступа: http://www.viscultstudies.org/critical-assemblage.

УНИВЕРСИТЕТ И МАССМЕДИА[1]

Умберто Эко[2]

В 1988 году Болонский университет отпраздновал девятьсот лет с момента основания. Событие было настолько важным, что его празднование началось осенью 1987-го и завершилось только весной 1989 года; в противном случае оно бы продолжалось как ни в чем не бывало вплоть до празднования тысячелетней годовщины (подобно елкам, украшенным разноцветными лампочками на Рождество 1992-го и горевших во многих окрестностях Нью-Йорка до Рождества 1993 года).

Одним из событий, приуроченных к празднованию, стал конгресс, посвященный истории университетов, и меня попросили выступить с заключительным словом на тему взаимоотношений университета и массмедиа. Мне показалось, что это важная тема, по крайней мере потому, что не существует никаких конкретных критериев, чтобы определить, где заканчивается работа историка и начинается работа журналиста. Если реконструкция того, что произошло вчера, – история, почему реконструкцию того, что вот-вот случится, не следует понимать как историю?

Когда мои друзья из Йеля попросили меня подготовить речь на ту же тему, я задался вопросом, применимо ли то, что я сказал, к этому контексту. В своей речи в Болонье я сконцентрировался на проблеме с точки зрения европейских университетов, но ведь прекрасно известно, что ситуация в Америке несколько иная. Насколько отношения между университетом и массмедиа в Соединенных Штатах Америки отличаются от ситуации в Европе, и в частности в Италии?

Безусловно, американские медиа в достаточной степени освещают университетскую жизнь. В газетах и еженедельниках несложно найти статистику о государственном высшем образовании и карьерных возможностях, а также регулярно публикуемые рейтинги качества различных университетов. В Италии университеты – это государственные институции, некоммерческие и общественные. В США это бизнес, поэтому медиа следят за их статусом так же, как следят за статусом фирм на Уолл-Стрит или фирм вроде *General Motors*. Кроме того, американские университеты гарантируют доста-

---

[1] Перевод статьи Умберто Эко осуществлен Денисом Петриной по изданию: Eco, U. The University and the Mass Media // *Yale Journal of Law and the Humanities*. 6/1(1994), 81–94.

[2] Умберто Эко (1932–2016) – итальянский философ, семиотик, теоретик культуры, писатель. Преподавал в Болонском университете с 1975 года, с 2008 года по 2016 профессор эмеритус.

точно высокий уровень образования будущему правящему классу, и академические дискуссии, например о понижении уровня грамотности, на которое указал Аллен Блум[3], вызывают общественный интерес.

Более того, некоторые происходящие в кампусе события получают широкий медийный резонанс, как, например, феминистская критика феномена политической корректности. Медиа освещают такие университетские события с той же поверхностностью и той же склонностью к скандальности, как и при информировании о любом другом событии. Недавно, изучая сатирический *Справочник по политической корректности*, я обнаружил, что даже понятие «текст» является частью новой волны и что сейчас политически корректно утверждать, что никакой реальности нет – есть только тексты. И все же студенту, желающему узнать программу курса по компаративной литературе, скажем, в Индианском университете, необходимы определенные библиографические списки и ежегодные бюллетени, но никак не *Vanity Fair*[4].

В Италии освещение университетских проблем в медиа происходит совершенно иначе. В начале каждого академического года не только еженедельники, но также и газеты снабжают своего читателя подробной информацией о том, что именно Джанни Ваттимо[5] будет преподавать в Турине, Альберто Асор Роса[6] – в Риме, а Витторио Греготти[7] – в Венеции. Периодические «кризисы» итальянского университета (которые, очевидно, начались в Болонье в 1088 году) заставляют редакторов газет истекать слюной примерно так же, как недавняя любовная интрижка знаменитого актера.

Чтобы продемонстрировать, до какой степени дела университетов стали *tarte à la crème*[8] для медиа, позвольте мне поведать о своем недавнем опыте. Месяц назад я начал читать Нортоновские лекции в Гарварде. Признаться, мне это очень польстило, и, следует отметить, в этом событии был определенный аспект, который мог бы заинтересовать итальянские газеты, а именно: в 1985 году Итало Кальвино должен был читать Нортоновские лекции, но умер перед тем, как написал шестую лекцию и прочитал первую. Кажется, такое совпадение было достойно короткого отчета в секции куль-

---

3 Аллан Блум (Allan Bloom, 1930-1992) – американский философ. В книге «Закрытие американского духа» (*The Closing of American Mind*, 1987) критикует систему высшего образования в Америке. *(Здесь и далее - прим. переводчика – Д.П.).*

4 *Vanity Fair* (англ. Ярмарка тщеславия) – американский журнал, посвящённый массовой культуре.

5 Джанни Ваттимо (Gianteresio (Gianni) Vattimo) – итальянский философ и политик .

6 Альберто Асор Роса (Alberto Asor Rosa) – итальянский литературный критик, писатель и политический мыслитель.

7 Витторио Греготти (Vittorio Gregotti) – итальянский архитектор и теоретик искусства.

8 *Tarte à la crème* (франц., дословно – кремовый пирог) – клише, банальность.

туры. Однако *Corriere della Sera* посвятила целую страницу моей первой Нортоновской лекции, а день спустя *Repubblica*, в ярости от того, что упустила сенсацию года, посвятила ей не только целую страницу, но и еще две статьи на следующих неделях с информацией о том, что я также прочитал вторую и третью лекцию. Я могу только поблагодарить эти газеты за уделенное мне внимание, но сам факт, что итальянский ученый читает цикл лекций заграницей, не должен быть каким-то выдающимся информационным поводом; другими словами, это вовсе не тот случай, когда *человек кусает собаку*, но как раз-таки случай, когда *собака кусает человека*.

Мне думается, итальянские медиа были так одержимы заурядным академическим событием потому, что в стране, где сегодня проще встретить депутата в государственной тюрьме, чем в палате парламента, существует тайная надежда, что «коридоры мудрости» более респектабельны, чем «коридоры власти», а также потому, что итальянские газеты отчаянно ищут публичных персон, которые не были бы печально известными бандитами.

Но это еще не всё. Итальянские ток-шоу (где люди ведут себя так, словно они принимают участие в бойне в День святого Валентина[9]), заполонены университетскими профессорами. Формула ток-шоу следующая: там должен быть актер или какая-либо другая персона, чья функция – провоцировать и усиливать накал дискуссии; далее, сумасшедший ученый (скажем, человек, создавший эликсир долголетия, или археолог-любитель, нашедший реальное местоположение Арки Ноя) должен вестись на провокации, чтобы веселить зрителей своим сумасшествием; наконец, профессор университета, представляющий Глас Истины, профессор Специализированного Знания и(ли) Здравого Смысла. К концу шоу становится очень сложно отличить университетского профессора от псевдоученого или актера – и все они начинают неподобающим образом кричать.

Главное отличие американского университета от европейского заключается в том, что первый находится в кампусе, своего рода монастыре, огражденном от города. В Америке конфликта между *Городом* и *Мантией*[10] нет как такового, потому что *Мантии* живут за пределами города. В Европе университет находится в самом центре города, является частью города и, соответственно, постоянно вовлечен в жизнь города. Ни студенты, ни профессора не могут полностью игнорировать гражданскую жизнь, что объясняет, почему в Европе так много профессоров, которые становятся членами парламента, при этом продолжая принимать участие в университет-

---

9 «Бойня в День святого Валентина» - кровавая стычка между мафиозными кланами Аль Капоне и Багса Морана в Чикаго, произошедшая 14 февраля 1929 года, в результате которой было застрелено 7 человек. Впоследствии эти события неоднократно инсценировались в кино, популярной культуре и в компьютерных играх.

10 В оригинале Town/Gown, имеются в виду городское население и академическое сообщество.

ской жизни. Схожим образом для университетского профессора нисколько не странно, а даже и привычно высказываться в качестве колумниста, критика или политического комментатора в газетах и журналах.

В США, когда ученые вроде Киссинджера или Бжезински решают сотрудничать с государством, они покидают кампус и возвращаются лишь по окончанию гражданской службы. В Европе, однако, существует четкая связь, соединяющая Коридор власти с Коридором мудрости. Пусть американские профессора и тратят большую часть своего времени на телефонные разговоры, постоянно обмениваясь информацией или даже сплетничая, но в основном это происходит между кампусами. Что несколько напоминает ритуальное битье в барабан двух Мантий.

Но все-таки обоюдное влияние медиа и университета существует как в Америке, так и в Европе, хотя, наверное, в обоих случаях разное и не настолько очевидное. Границы между университетом и массмедиа гораздо менее заметны, чем могло бы показаться на первый взгляд, и необходимо нарисовать карту множества неоднозначных и серых зон с целью определить *les liasons dangereuses*[11], гибридные, «трансплантированные» и прочие неоднозначные случаи. В связи с чем позвольте мне представить типологию одиннадцати различных аспектов этого продолжительного и неизбежного взаимовлияния.

I. Массмедиа против высокой культуры

Мы могли бы начать обсуждение проблемы с точки зрения Франкфуртской школы. Массмедиа – это «двигатель» банальности, поверхностной развлекательности; они стремятся к новизне ради новизны и рассчитывают на массовое единодушие. Университет, напротив, является местом оригинальных исследований, серьезных и требующих усилий размышлений. Он сохраняет прочную связь с традицией; он подозрительно относится к новинкам и удобству, стремится осуществлять постоянную критическую ревизию знания и ищет одобрения у избранных.

Я помню, как один раз встретился с Теодором Адорно по его возвращении в Европу. Этот человек, написавший *Диалектику просвещения*, где порицал вульгарность массмедиа (в то время в основном радио), сказал мне, что, если бы он мог переписать свою книгу, его суждения были бы менее строгими, так как он стал свидетелем позитивной роли телевидения в создании новой демократической культуры в послевоенной Германии.

Кроме того, в то время, когда писал Адорно, разница между интеллектуальной, обывательской и примитивной культурой была гораздо яснее, нежели сейчас. Одним из наиболее обсуждаемых сегодня вопросов – по крайней мере в западных странах – является слияние популярной и высокой культуры, о котором многие тео-

[11] «Опасные связи» (франц.).

ретики говорят как о характерном явлении нашей постмодернистской эпохи. Этот факт культуры постмодерна ставит под вопрос сложившиеся определения «высокой» vs. «низкой» культуры. Всего пару дней назад я читал прекрасную книгу Брайана Макхейла *Конструируя постмодернизм*, в которой отношения между Джоном Бартом и Уильямом Гибсоном, Пинчоном и киберпанк-культурой показаны во всей их сложности. Слияние поп- и высокой культуры, таким образом, подпитывает дискуссии о медиа и университетах поставкой «сырьевых материалов».

II. Массмедиа и непосредственнаяч межличностная коммуникация

Можно утверждать, что университет – это место прямого межличностного общения, в то время как массмедиа характеризуются дистанцированной опосредованной коммуникацией. Массовая коммуникация происходит тогда, когда централизированный Отправитель передает сообщение по технологически устроенному каналу, которое достигает сообщества Адресатов, пространственно отделенных друг от друга. Эти Адресаты разнятся по социальному статусу, культуре и даже языкам. Таким образом, массовая коммуникация по самой своей сути не может быть прямым, межличностным взаимодействием. Отправитель не знает, с кем говорит, поэтому направляет свое сообщение призрачному Адресату, от которого не может получить непосредственной обратной связи.

В какой ситуации оказывается университет? Если массмедиа – не гомогенная институция, то, принимая во внимание тот факт, что опубликованная в университетском издательстве книга и диск с записью рок-музыки в равной степени являются продуктами массмедиа, это значит, что и университет не является таковым. Это место, где проводятся исследования высокого уровня, но это также место, где распространяются элементарные понятия и предоставляется базовая информация.

Так можем ли мы утверждать, что университет – это все еще пространство прямой межличностной коммуникации между преподавателем и студентом? Что происходит в том случае, если профессор читает лекции пятистам студентам в одном университетском зале, который может вместить в себя максимум триста? Вступили ли оставшиеся двести студентов, столпившиеся в коридоре, где голос лектора транслируется через громкоговоритель, в область массмедийной коммуникации? Можем ли мы утверждать, что студент, внимательно слушающий лекцию и ведущий записи, которые он затем не сможет расшифровать, участвует в прямой межличностной коммуникации? А как насчет того, кто записывает лекцию на пленку и прослушивает ее спустя две недели? Стал ли такой студент пользователем массмедиа?

III. Академическое изучение массмедиа

Университеты изучают массмедиа. Я всегда поражаюсь, когда в ходе некоторых интервью американские журналисты спрашивают меня, как ученый-гуманитарий мог также писать эссе о Супермене и Чарли Брауне. Видимо, они забыли, что в пятидесятых (до того как я начал исследовать массмедиа) выходили американские журналы, в которых предлагались хитроумные анализы детективов, комиксов и коммерческой музыки[12]. Эти журналисты также упустили из виду исследования Роберта Мертона по влиянию радио на военную пропаганду и Кантрила об эффекте «Войны миров» Орсона Уэллса; обе работы были написаны в конце сороковых и стали настольными книгами[13] европейских социологов культуры.

Конечно, стоит отдать должное учебным заведениям за то, что, несмотря на определенное противодействие, они предприняли систематическое исследование цивилизации массмедиа и создали целые школы и департаменты, посвященные изучению этого феномена[14]. Но, по всей видимости, сегодня мы зашли слишком далеко. Массмедиа становятся предметом анализа слишком часто, даже тогда, когда всё, что можно узнать, уже было исследовано. Порой невозможно сдержать улыбку, думая об огромном количестве исследований, где утверждается, что навязчивое изображение белого в рекламах стирального порошка порождено определенными архетипическими мотивами. Студент-первокурсник может прочитать об этом в глянцевых журналах, для которых пишут также и университетские профессора. Иногда достаточно расспросить рекламных агентов, которые, как правило, получают неплохое университетское образование и знакомы с Юнгом. Но, так или иначе, именно университет изучает массмедиа, и именно он помог сформировать критическую позицию среди широкой общественности.

В целом мы можем сказать, что в Европе академический анализ медиа имел большее влияние на общество, чем в Соединенных Штатах. В Соединенных Штатах исследования Мертона или Кантрила не изучаются и не обсуждаются ни в старшей, ни в начальной школе; в Европе критическое осмысление стратегий массмедиа как проводников идеологии существенно повлияло на общеобразовательную программу обучения. Всё чаще и чаще думающие учителя в

---

12 В оригинале *Tin Pan Alley* – так называли 28 улицу на Манхэттене в Нью-Йорке, где, начиная с 1900 года, были сосредоточены ведущие агентства и магазины, занимающиеся коммерческой музыкой, и, поскольку улица была насыщена самыми разнообразными звуками, то с легкой руки одного журналиста она получила свое второе имя «улица жестяных кастрюль», которое с тех пор используется как собирательное название американской коммерческой индустрии.

13 В оригинале *livres de chevet* (франц.).

14 Умберто Эко сам был причастен к этому процессу, создав в 1992 году программу по исследованиям коммуникации в Болонском университете.

начальных и средних школах прививают своим ученикам критическое отношение к массмедиа, анализируя рекламу и газеты в классе.

IV. Университет на службе массмедиа

Независимость университета от политической власти – это не более чем пасторальная иллюзия или пустые грезы. Девятьсот лет назад Болонский университет получил свободу и автономию благодаря трем его профессорам, поддержавшим Императора в его законодательных разногласиях с Церковью. В обмен на содействие Император подписал первый документ, утвердивший независимость университета[15]. Схожим образом Коллеж де Франс возник как политическая инициатива противодействия Франциска I подавляющей силе Сорбонны. Университетские профессора нередко становятся консультантами финансовых или промышленных компаний или политических учреждений (от Ирнерио до Киссинджера). Совершенно неудивительно, что эксперты по массмедиа становятся медийными консультантами. Я убежден, что эксперт, понимающий определенные механизмы массмедийных манипуляций, должен быть способен провести исследование, не имея при этом коммерческих интересов. И все же я задаюсь вопросом: не страдает ли моя позиция от определенного левого «уклона»? Нас бы не удивило, если бы эксперт по массовой коммуникации работал консультантом для кампании экологического просвещения или предотвращения СПИД, и это настолько же естественно, как и то, что большинство профессоров сотрудничают с издательствами.

Некоторые компромиссы между университетом и центрами экономической и политической власти более приемлемы, чем другие, так как с ними уже смирились и их институционализировали как традицию. Если мы примем во внимание сотрудничество выдающихся ренессансных преподавателей с первыми знаменитыми издателями и перечитаем авторитетные, полные похвалы предисловия к книгам шестнадцатого и семнадцатого века, мы поймем, что отношения между учеными и издательской индустрией завязались уже достаточно давно. Давайте не будем упускать из виду и тот факт, что со времен Аристотеля и Платона образцовый ученый нередко являлся советником государя. Если со времени изобретения печати уже сформировался прочный узел между правящими и подчиненными внутри университета, то развитие массмедиа сделало этот узел только прочнее.

---

15 Речь идет о Фридрихе I Барбароссе, от которого Болонский университет получил свои привилегии в 1158 году. Они были оформлены в особой Хартии, ставшей первым в Европе университетским Уставом. Об этом историческом эпизоде Умберто Эко упоминает в своем романе «Баудолино» (2000).

V. Массмедиа используют университет в своих интересах

Давайте представим себе чрезвычайно благородную позицию ученого, анализирующего массмедийные механизмы убеждения, не вовлеченного в консультативную деятельность и не получающего за это вознаграждения. С точки зрения моральности побуждений, такой ученый вне подозрения. Однако если он опубликует результаты своего исследования, массмедиа получат к ним доступ и будут использовать в своих интересах. Следовательно, выполненное ученым критическое описание недопустимых процедур убеждения может стать непреднамеренным содействием применению таких процедур.

Такая проблема, очевидно, существует в каждой дисциплине. Химик прекрасно знает, что, если он напишет статью о восточных ядах, потенциальный убийца сможет воспользоваться этой информацией. Однако химик считает такое исследование лишь описанием того, что существует независимо от какого-либо описания. Напротив, в социальных науках ученый постоянно рискует вызвать какое-либо явление, просто описав его.

Сборник эссе о Мадонне, недавно вышедший в Соединенных Штатах, включает в себя множество цитат из деконструктивистской литературы, семиотики, Хайдеггера и так далее (и многое другое, при условии, что это было *à la page*[16]). Представляют ли эти работы критический анализ феномена Мадонны или же они способствуют усилению мифа о Мадонне?

Не будем излишне морализировать. Можем ли мы утверждать, что такой масштаб обсуждений Мадонны достоин большего осуждения, чем обсуждение холестерина? Ученые изучали холестерин потому, что это было их обязанностью, но, откровенно говоря, каждый ответственный человек, следящий за своим весом, уже и так достаточно информирован о влиянии и последствиях холестерина. Затем внезапно медиа стали использовать проблему холестерина в своих интересах, и мы стали свидетелями невероятной истории о том, как овощи, в которых якобы есть холестерин, рекламировались в супермаркете как не содержащие холестерина. Так достойное научное исследование было использовано массмедиа и индустрией питания исключительно в целях выгоды.

VI. Университет готовит рабочую силу для массмедиа

Американские университеты в значительно большей мере ориентированы на подготовку рабочей силы для массмедиа, нежели европейские. Но фактически в университетах по всему миру предлагаются курсы, готовящие студентов к работе в соответствии со стандартами, установленными газетами, телевизионными сетями и издательствами. В принципе, в этом нет ничего странного, так как университеты готовят студентов стать юристами, врачами и

[16] В духе времени, модно.

предпринимателями. Однако эти профессии развивались вместе с образовательными учреждениями, готовящими студентов к определенной работе, а также к ее философии, этическим стандартам и операционным практикам – от деонтологии и кровопускания до клятвы Гиппократа. Если же говорить о массмедиа, то газеты, реклама, кино и телевидение существовали и развивались независимо от формальных образовательных учреждений, которые могли бы определить их идеальные условия. Соответственно, мы сталкиваемся с таким парадоксом, что в том же самом университете департамент коммуникационных технологий обучает практикам, которые департаменты политической науки и философии критикуют как этически сомнительные.

Можно подумать, что университет выживает благодаря плюрализму взглядов. К сожалению, как бы, когда бы и где бы это ни произошло, трудно найти пример интеграции разных точек зрения. Студенты коммуникации учатся, как стать журналистами, в соответствии с существующими критериями, в то время как студенты философии учатся, как критиковать журналистику как вырождение поиска истины. В академических институциях два взгляда могут достойно сосуществовать бок о бок, однако две точки зрения будут создавать два разных типа граждан и будущих профессионалов, которые будут игнорировать друг друга до конца жизни.

VII. Университет и массмедиа

Даже если многие представители университетов продолжат игнорировать массмедиа, сам университет, тем не менее, использует эту связь как в благих, так и в дурных целях. Сейчас массмедиа осуществляют дидактические функции, которые раньше выполнялись университетом: когда-то преподавателям приходилось самим предоставлять дидактический материал, часто в виде рукописей или машинного текста, в то время как сейчас они создаются культурной индустрией в удобной и экономной форме.

Информация и идеи, ранее распространявшиеся учебными заведениями, теперь циркулируют непосредственно в массмедиа. Например, раньше именно школы должны были объяснять студентам, где находится Могадишо и границы Кувейта, в то время как сейчас эта информация передается непосредственно газетами и телевидением. Это не значит, однако, что учебные заведения больше не занимаются распространением подобной информации. Массмедиа передают эту информацию в некритически поданной манере; соответственно, проверить и исправить эту информацию входит в обязанности учебных заведений. Сегодня гораздо важнее, чтобы университет критиковал массмедийное освещение фундаментальных идей и информации, чем просто сам передавал эти знания.

Удобный доступ ко всем основным текстам по литературе, философии, истории и науке предоставляет многообразие источников информации и возможность оспорить профессорскую точку

зрения. Профессор преподает Рассела, а студент вместо этого читает Гуссерля. Это может стать причиной для паники: профессор больше не может скрыть собственную нехватку знаний и несет ответственность, в определенном смысле, за все те тексты, которые благодаря культурной индустрии стали доступными на рынке.

Помимо всего прочего, следует отметить, что индустрия издательства, выбирая, какие тексты станут доступны, задает перспективу на будущее, влияя на перечень дисциплин, которые будут изучаться в течение следующих десятков лет. Можно утверждать, что университетские профессора играют основную роль в процессе отбора. Но это происходит таким образом, что малая группа влиятельных ученых путем редакторского отбора определяет выбор своих коллег, которых побуждают следовать той же «актуальной» повестке дня.

VIII. Массмедиа задают вопросы для университета

Многие вопросы, которые широко обсуждаются сегодня в американских университетах, зародились в одном кампусе, но были затем растиражированы и перехвачены другими кампусами только благодаря интенсивному освещению в медиа. Позвольте мне упомянуть такие проблемы, как, скажем, мультикультурализм, гендерноориентированная критика, политическая корректность и постмодернизм. Проблема состоит в следующем: происходит ли изменение в научных стандартах, когда все эти вопросы переходят из кампуса в массмедиа? Ответ, безусловно, положительный. Следует ли нам беспокоиться о переходе этих вопросов из университетских кампусов в новостные медиа? Возможно. Мы часто жалуемся, что определенные важные для общества и для общественного сознания проблемы замыкаются в академических дискурсах, что исключает публичность как таковую. Этот современный феномен мигрирующих вопросов требует от нас воспитания критической бдительности, чтобы эти вопросы не остались неправильно понятыми или тривиально принятыми. Иными словами, это требует от нас принять вызов изучать эти феномены и их последствия.

Более того, книжный универсум, когда-то – храм культуры, теперь также подчиняется законам массовой коммуникации. За последние двадцать или тридцать лет я с удовольствием наблюдал изменяющееся отношение массмедиа к культуре, что заметно по множеству новых разделов в книжных магазинах. В начале шестидесятых Маркс, Фрейд, структурализм и Гуссерль, если их вообще можно было найти в книжных магазинах, были расположены на полках все вместе – в разделе континентальной философии. К середине шестидесятых всё те же книги находились в разделе структурализма, включавшего в себя марксизм, психоанализ и феноменологию. Затем, в семидесятых, те же самые авторы и темы появились в секциях по постструктурализму или семиотике, кино и феминизму (я заметил это в книжном магазине на улице Святого Марка в Ист-Виллидже, в Нью-Йорке). Недавно в Гарвардском коопера-

тивном книжном магазине я обнаружил, что такие предметы, как семиотика, лингвистика, неврология, психология и постаналитическая философия, были классифицированы как когнитивные исследования. В книжном магазине торговой сети в Нью-Йорке Святой Августин стоял на полке в разделе Нью Эйдж. Могут ли университеты остаться в стороне от этих меняющихся культурных причуд? Более того, могут ли те же издательства, которые в большей степени определяют повестку университетской программы, сохранять независимость от этих изменений?

IX. Университеты используют техники массмедиа

Университет мог бы решить использовать массмедиа в качестве инструмента расширения сферы своего влияния. Успешные эксперименты Открытого Университета, учебного заведения для взрослых и альтернатива для работающих студентов, демонстрируют, как координированное использование печатных брошюр, записей и видеокассет может создать схему массового университета. Но изобилие информации может также иметь парализующий эффект. Массмедиа определенно незаменимы при необходимости достучаться прежде всего до тех, кто исключен из круговорота культурной информации, однако они не могут заменить прямых дидактических отношений, межличностного диалога здесь и сейчас, что возможно только в университете. Мы могли бы притвориться, что не замечаем этого, но университет использует массмедиа в качестве влиятельного инструмента в академических разногласиях. Научные дебаты, которые ведутся в газетах, не являются новинкой нашего века. Что в самом деле изменилось, так это роль телевизионных дебатов в воздействии на мнения касательно политики важных научных решений, например, использования ядерной энергии или отказа от нее.

Другим примером влияния массмедиа на академическое мнение может служить пресловутый нацизм Хайдеггера. Тот факт, что Хайдеггер симпатизировал нацизму, хорошо известен с пятидесятых. В начале шестидесятых я рецензировал книгу Дагоберта Рунеса, изданную в Соединенных Штатах, в которой были перепечатаны политические речи Хайдеггера. Каждый серьезный ученый знал об этой темной стороне личной жизни Хайдеггера и был в курсе философской проблемы: зависела ли его философия от его политических убеждений (или была ими детерминирована). Я не фанат Хайдеггера, но я нахожу такое стремление американских или континентальных мыслителей разбирать философию Хайдеггера или так называемое хайдеггерианство, взяв за основу такие биографические слухи, массмедийным сенсационализмом. Мы не можем отрицать важности роли Вольтера в формировании западной мысли лишь потому, что он инвестировал часть своих денежных запасов в рабовладельческий рынок, – он был равнодушен к этой этической проблеме и был всего-навсего продуктом своего времени.

Я не утверждаю, что такие аспекты личной жизни философа или писателя не должны приниматься во внимание серьезными учеными. Напротив, я думаю, что их стоит воспринимать серьезно и не оставлять исключительно на растерзание питающимся скандалами массмедиа. Не читать Селина просто потому, что он был антисемитом, является ошибкой, порожденной массмедиа. Мы также не можем закрыть глаза на антисемитизм Селина потому, что у него были близкие отношения с женщиной-еврейкой. Это достаточно важные причины, почему нам на самом деле следовало бы изучить *и* его работы, *и* его психологию. Но даже в таком случае его работа должна восприниматься сама по себе, вне зависимости от его личной истории.

X. Массмедиа влияют на жизнь университета

Массмедиа также привели университет в мир знаменитостей, и мы часто задаемся вопросом, на самом ли деле слава определенных ученых связана с их интеллектом и достижениями, или, скорее, с их образами, созданными телевидением и глянцевыми журналами. Система медиа является настолько мощной, что делает новости, не только пользуясь неосторожностью тех, кто каждый день появляется на экране телевизора, но также и частной жизнью тех, кто скрывается от глаз общественности. Новости «делают» не только те, кто публикует одну книгу в год, но также и те, кто вообще ничего не публикует. Есть ученые, умеющие молчать так, что о них все равно будут говорить, а если им это не удается, хороший репортер поможет в этом. Специализация некоторых издательств – делать знаменитостями тех, кто не опубликовал ни строчки в течение всей своей жизни, и, по всей видимости, лучшие перспективы именно у тех, кто не написал ни одной рукописи.

В равной степени проблематичным является влияние медиа на студентов. На студенческие демонстрации 1968 года повлияло вмешательство массмедиа, что почти сразу вызвало их распространение в других странах и стало результатом протестов по схожей схеме. Однако, хотя мы и можем считать главные демонстрации 1968-го неизбежным историческим явлением, это не распространяется на последовавшие за ними меньшие по масштабу демонстрации. Те поздние протесты часто возникали потому, что разные группы студентов стремились скопировать образ тех, кого массмедиа показали в выгодном свете.

Наконец, массмедиа имеют тенденцию превращать университетскую жизнь в спектакль. Объявление об исследовании может быть представлено как открытие, осторожный эксперимент или достижение универсальной панацеи. Нет нужды говорить о том, что серьезные ученые будут стараться избегать таких звездных выступлений. Однако они неизбежно станут жертвами такой системы, и чем больше они стараются скрыться от глаз массмедиа, тем более уязвимыми они становятся.

Значительное упрощение издательской работы, подготовки публикаций, подготовки препринтов, печати на компьютерах и возможность выслать свою собственную работу по факсу за год или два, прежде чем она будет напечатана (и часто, когда ни у кого не будет уже желания ее печатать), становятся препятствием в научной коммуникации. Стремительный рост доступного научного материала существенно влияет на разделение знания. Когда ученый каждый день получает сотни страниц, связанных с его научным исследованием, он, само собой разумеется, останется в неведении исследований в других областях. К сожалению, сейчас ученым невозможно следить даже за вкладами в их собственную область специализации, что привело к производству и потреблению аннотаций (abstracts). Аннотации стали медиауслугой: аннотация – это текст, который был истолкован и отфильтрован кем-то другим. Таким образом, наиболее важная ответственность ученого – читать текст, интерпретировать его и независимо судить о нем – передана редактору аннотаций.

Помимо диктатуры аннотаций, существует угроза готовых библиографий по любой теме, которые сейчас могут быть получены через информационные сети. По сути, библиография является чем-то, что должно быть завоевано шаг за шагом, тяжелыми и долгими усилиями. Готовая библиография, напротив, ничего не стоит потому, что к ней нельзя обратиться. Ученый, который, нажав кнопку, получает библиографию из десяти тысяч названий по выбранной им теме, не только не сможет прочитать предложенные книги, но даже не ознакомится с самой библиографией.

Признаки этого кризиса появляются во многих публикациях последних лет в странах, считающих, что они находятся в авангарде инновационных исследований. Сегодня ни одна библиография не включает в себя публикации, которым более десяти лет. Несмотря на то, что этот критерий можно считать обоснованным для некоторых дисциплин, которые подвергаются постоянным изменениям, это вызывает беспокойство в случае гуманитарных наук, которые по своей природе кумулятивны.

XI. Суицид массмедиа

Массмедийным технологиям угрожает неизлечимая болезнь – гибель материалов, документирующих и передающих информацию. Видеопленки, записи на магнитных дисках и копии страниц рано или поздно вымрут. Даже книга, главный инструмент распространения знания, стала вымирать. Всем книгам, изданным с того момента, как мы перешли от пергамента к бумаге из дерева, суждено превратиться в пыль в течение семидесяти лет. Массмедиа сделали возможным распространение и циркуляцию книг, которые не переживают своих авторов. Все методы (например, микрофильмы, перепечатывание на бескислотной бумаге, химическая защита существующих книг), которые применялись, чтобы избежать это тра-

гическое неудобство, смогут сохранить лишь часть свидетельства нашей культуры.

Одной из исторических ответственностей университета в ближайшие десятилетия станет выбор, связанный с тем, какие книги заслуживают должного внимания, а какие должны исчезнуть. Это огромная ответственность, и я бы с радостью стал членом комитета, назначенного для принятия подобных решений.

Заключение

Я не исчерпал полемику о взаимоотношениях университета и массмедиа. Я осознаю, что предложил картину весьма нечетко определенной и удручающей ситуации, в которой тот, кто заявляет о своей непорочности, лжет и в которой каждый должен принять ответственность за шаткое равновесие. Не имеет никакого смысла создавать проблему из-за присутствия массмедиа в исследовательских башнях из слоновой кости. Мы должны как признать неизбежное влияние масс медиа, так и использовать их возможности. Наконец, следует помнить, что университет, вне зависимости от того, сколько хорошего в нем осталось, не может противостоять пагубному влиянию массмедиа, пользуясь их слабостями.

Может показаться парадоксальным, если мы определим ценность информации с точки зрения неожиданных знаний, поскольку массмедиа информируют, основываясь на фактах, но не на концептах и интерпретации этих фактов. Массмедиа говорят нам, что такой-то и такой-то скончались, что самолет разбился, что доллар упал или что разгорелся политический кризис. Даже в таких случаях я сомневаюсь, что информация на самом деле была неожиданной. Например, в течение последнего десятилетия массмедиа сделали «открытие», что наше общество вступает в цивилизацию образов, – между тем об этом социологи говорили еще сорок лет назад. Новая цивилизация компьютера является буквенной, мы возвращаемся в галактику Гутенберга. Массмедиа, однако, не могут информировать об этом – люди в это не поверят. Люди должны были столкнуться с великим множеством сложностей, чтобы наконец принять идею о том, что мы живем в цивилизации образов; общественность больше не может отвергнуть то, что сейчас стало банальностью по причине огромных усилий, которыми это было достигнуто.

Массмедиа могут сообщать о новостях исследования определенной частицы в конкретной лаборатории, но они не могут предложить подходящую интерпретацию этого события. В области фактов массмедиа сообщают, что происходит прямо сейчас, но в области интерпретации они могут сказать только то, что было известно уже двадцать лет назад.

Культура, знания и теории, которые производятся в университете, обретают свое место в течение двадцатилетнего разрыва. Что изучается в университете сейчас – это то, что медиа включит

в свою повестку дня, свою систему допущений через двадцать лет. Я убежден, что студенты все-таки приходят в лекционные залы потому, что они понимают, что там обсуждается что-то, что массмедиа еще не обнаружили. К тому времени, как массмедиа озаботятся тем, что следует рассказать об этом, в университете уже будет обсуждаться что-то другое.

И если нам удастся сохранить этот разрыв, у нас по-прежнему будет своя роль – безусловно, несопоставимая по ценности ни с одной другой.

ДИГИТАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ: БУДУЩЕЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК[1]

Альмира Усманова: Открывая нашу дискуссию, я хотела бы отметить, что вопрос о том, что произошло с гуманитарными науками и университетским образованием в условиях новых медиа и стремительно развивающихся технологий коммуникации, представляет для нас и теоретический, и практический интерес – как в исследовательской работе, так и в преподавательской деятельности. Причем, с одной стороны, речь идет об индивидуальных стратегиях «выживания», приспосабливания, адаптации к новым технологиям и институциональным изменениям, а с другой – необходимо учитывать фактор глобальной переконфигурации всего образовательного пространства, особенно в связи с такой формой дистанционного обучения, как массовые открытые онлайн курсы (MOOC).

Мы приходим в университетские аудитории, где встречаем студентов с совершенно иным представлением о мире (по сравнению, например, с тем, что было еще десять лет назад) и с совершенно иным культурным кругозором, другими лингвистическими и технологическими компетенциями. Но что делать с этим разрывом и с новой формой отчужденности, порождаемой все большей зависимостью от «думающих машин», заменяющих опыт живого общения и совместного обучения, знают (или задумываются) далеко не все. Преподаватели не в состоянии конкурировать с «Википедией» или другими глобальными информационными архивами и ресурсами, и нам по необходимости приходится

1 Дискуссия состоялась 8 февраля 2014 года в рамках выставочно-образовательного проекта «Artes Liberales. Искусство и Техно-Логии: пространства медиации» (www.artes-liberales.by). Публикуется с сокращениями. Участники круглого стола: Альмира Усманова – профессор департамента медиа Европейского гуманитарного университета (Вильнюс, Литва); Феликс Акерман – в 2014 директор Центра немецких исследований ЕГУ, доцент DAAD (Вильнюс, Литва); Дмитрий Коренко – в 2014 лектор департамента медиа ЕГУ (Вильнюс, Литва), координатор проекта Mediaschool.by (Беларусь); Андрей Горных – профессор департамента медиа ЕГУ (Вильнюс, Литва); Алексей Криволап – в 2014 лектор департамента медиа ЕГУ (Вильнюс, Литва); Татьяна Щитцова – профессор департамента социальных и политических наук ЕГУ (Вильнюс, Литва), главный редактор журнала «Топос»; Александр Сарна – доцент кафедры социальной коммуникации, Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь); Александра Логвинова – в 2014 магистрантка программы «Культурные исследования», ЕГУ (Вильнюс, Литва); Алена Талапила.

определяться со своей ролью – как в учебной аудитории, так и в пространстве виртуальных образовательных платформ.

То, что принес с собой Интернет, помимо всех прочих вызовов, – это окончательное утверждение культурного империализма английского языка. И если дальше от темы этого лингвистического и культурного империализма перейти к теме гегемонии, к невидимым иерархиям, которые структурируют и определяют наши исследовательские приоритеты и практики и академическую жизнь в целом, то здесь необходимо сказать, что постсоветские исследователи и преподаватели оказываются на глубокой периферии разнообразных глобальных тенденций. Вопрос в том, что ожидает нас уже в самом ближайшем будущем: готовы ли мы к тому, что «резервная армия труда», состоящая из бывших гуманитариев, будет стремительно пополняться, поскольку нас всех может с успехом заменить голова говорящего по-английски профессора Доуэля? Я позволю себе позаимствовать этот образ из советского фантастического романа, написанного в середине 1920-х гг. Александром Беляевым. Во-первых, потому что вопрос о том, «что может испытать голова без тела» (в том числе в университетском преподавании) уже не кажется столь фантастическим, как это было почти 100 лет назад. А во-вторых, потому что, размышляя о драматическом рассогласовании «культурных миров», усугубляемом новыми технологиями и киберкультурой, можно себе представить, что в ответ на вопрос «говорящей головы», кто такие Леонардо и Микеланджело, студенты, скорее всего, скажут, что это – черепашки-ниндзя. И в ответ голова профессора Доуэля радостно кивнет: «OK, well done, guys».

Итак, мы решили провести эту дискуссию, поскольку полагаем, что данная проблематика – судьба гуманитарного знания в условиях «цифрового поворота» – является сегодня действительно глобальной, но при этом имеет значение для понимания многих локальных процессов.

Фелікс Акерман: Спачатку вельмі коратка пра мой вопыт працы са студэнтамі. Мы ў нейкім сэнсе адчуваем сябе ў нашай працы як людзі XX стагоддзя, бо зразумела, што мы не выхоўваліся на Інтэрнэце, на камп'ютарах. Мы яшчэ ў школе, у дзяцінстве працавалі ў іншым фармаце. Здаецца, што нашы студэнты – digital natives, што яны выхоўваліся і з камп'ютарам, і з Інтэрнэтам, яны ўжо выхоўваюцца ад пачатку з мабільнікамі, якія ўвесь час маюць доступ у Інтэрнэт. Але той факт, што яны тэарэтычна digital natives, яшчэ не значыць, што яны навучыліся працаваць у сеткавым варыянце нашага жыцця, калі ўвесь час адной нагой і ў «Фэйсбуку», і ў «Скайпе», і ў «Вконтакте» ды яшчэ дзесьці, а другой нагой – у рэальнай канфігурацыі нашага жыцця.

Як мы будзем супрацоўнічаць? Зразумела, што мы будзем менш часу праводзіць разам. Зразумела, што гэтыя канфігурацыі будуць больш мабільныя, больш складаныя. У гэтым сэнсе ЕГУ – гэта беларускі авангард, бо тое ж будзе і ў Баранавічах праз нейкі час, то-бок там будуць праводзіцца курсы праз «Мудл». І гэта будзе ўжо хутка, дарэчы. І наладзіць жыццё ў «Мудле» ў Баранавічах не нашмат прасцей, чым у Вільні.

Я хацеў бы на самы пачатак дыскусіі даць такі прыклад, што закранае трошкі глыбей, чым проста наша супрацоўніцтва са студэнтамі, нашу ўнутраную працу. Напрыклад, у аперацыйнай сістэме камп'ютара Apple няма беларускай мовы. Можна выкарыстоўваць беларускі фон, можна выкарыстоўваць беларускую клавіятуру, але сама сістэма не перакладзеная. У той жа час у Google Translate мы маем магчымасць перакласці на беларускую мову ўсё, што захочам. Можа, гэтым няшмат хто карыстаецца, як і беларускім варыянтам «Вікіпедыі»... 1 % запытаў у «Вікіпедыю» з тэрыторыі Беларусі ідзе ў беларускамоўную «Вікіпедыю». Разам з тым Google з тысячаў моваў у свеце выбраў якраз беларускую (як і ідыш, што цікава – абедзве мовы, якія мала хто ў штодзённым жыцці выкарыстоўвае).

І чаму камп'ютарная сістэма не па-беларуску, а ў Google Translate па-беларуску? Каб яна стаяла па-беларуску, павінен хтосьці сесці і перакласці ўручную ўсю сістэму. Гэта каштуе грошай. А ў Google Translate настолькі распрацаваная сістэма, што там алгарытм у стане апрацоўваць рэсурсы ўсяго Сеціва, напісаныя на беларускай мове, і на аснове гэтых словаў прааналізаваць сінтаксіс і граматыку ды скласці базу ўсіх выкарыстаных словаў. І гэты алгарытм у стане перадаць нам хоць частку таго сэнсу, які мы хочам перакласці, прычым з кожнай іншай мовы – і з ідыш, і з хіндзі. Вельмі важны момант заключаецца ў тым, што ўжо не людзі аналізуюць ці перакладаюць тэкст, а мы маем такую сеткавую канфігурацыю, дзе алгарытмы распрацоўваюць для нас аналіз і нават асэнсаванне ў нейкім сэнсе. З беларускай мовай ёсць праблема ў Google Translate, бо, каб пабудаваць добры алгарытм, трэба шмат матэрыялу. Але ж мы прывыклі да якаснага аналізу ў гуманітарных навуках. А радыкальны пераход да таго, што называецца digital humanities, прыводзіць у прынцыпе да іншага падыходу да інфармацыі, паколькі там важная колькасць інфармацыі. Мы можам стварыць гэтыя алгарытмы, толькі калі ў нас агромністая база.

І тут цікавая аналогія якраз з мастацтвамі. У ЕГУ мы зусім нядаўна вялі барацьбу, каб прызнаваць крэатыўныя працы нашых дызайнераў, тыпографаў ды выпускнікоў іншых, больш мастацкіх кірункаў унутры ўніверсітэта на такім жа ўзроўні, як навуковыя тэксты гісторыкаў, філосафаў і г.д. І вельмі цікава, што ў сувязі з новымі формамі digital humanities цяпер паўстала (не ў нашым універсітэце, а на Захадзе) агромністая праблема: стварэнне базаў

і стварэнне праграм для аналізу гэтых базаў пакуль не лічыцца навуковай працай. Гэта лічыцца тэхнічнай працай. Там жа ідзе падобная барацьба, каб чыста фармальна (напрыклад, калі даюцца гранты) прызнаць гэта на такім жа ўзроўні, як раней лінгвістычную працу.

Карані таго, што мы сёння называем культуралогіяй, звязаныя з тым, што па-англійску называецца linguistic turn, калі глядзець вельмі далёка. І тут я бачу сувязь з тым, што ў філасофіі ў нашым універсітэце была напачатку спроба растлумачыць і зразумець свет і жыццё праз словы і праз логіку мовы. Мова выкарыстоўвалася для апісання і аналізу. А калі адносна digital humanities думаць глыбей, чым проста сёння пра платформу, праз якую мы камунікуем з нашымі студэнтамі, то ў прынцыпе digital humanities значаць, што мы выйдзем за рамкі мовы. Сама мова і яе структура для гэтага аналізу не маюць значэння. І гэта для нас агромністая праблема, бо мы не навучыліся працаваць у такім фармаце. Усё, што мы можам і да чаго мы прывыклі, гэта аналіз са словамі і праца з самой мовай. І тое, як Google Translate стварае пераклад, – гэта выхад, дзе і інфармацыя лічыцца, і колькасць, і алгарытмы. І нашмат большае значэнне мае праграма ці тэхнічная магчымасць апрацоўкі, перапрацоўкі гэтай інфармацыі.

Дзмітрый Карэнка: Трэба пачаць з таго, што ў прынцыпе сёння практычна ўвесь наш штодзённы досвед (як публічны, так і прыватны) захоплены дыгітальнымі тэхналогіямі. Можа быць, «захоплены» – занадта моцнае слова, але практычна не засталося прасторы, дзе б тыя тэхналогіі не прысутнічалі, і гэтага мы не можам не ўлічваць. Разам з тым я хацеў бы працягнуць лінію развагаў, якую пачаў Фелікс, наконт таго, што ўсё роўна застаецца пэўная прастора для нашага ўплыву на фармаванне тэхналогій.

Калі мы крытыкуем развіццё сучасных тэхналогій, то вельмі лёгка стаць на пазіцыю *тэхналагічнага дэтэрмінізму*, які нам кажа аб тым, што ўсё нашае сацыяльнае, культурнае і гістарычнае развіццё *падпарадкаванае* логіцы развіцця тэхналагічнага. Такая крытыка разглядае тэхналогіі як нешта адасобленае, самадастатковае, рэч-у-сабе, якая ўплывае на сацыяльныя працэсы ў аднабаковым парадку. Адпаведна такая форма крытыкі тэхналогій можа лёгка пераўтварыцца ў дыскурс віктымізацыі, дзе сацыяльнае прадстаўляецца як "ахвяра" ці "закладнік" тэхналогіяў.

Пазіцыя, якую я заўсёды спрабую даводзіць падчас заняткаў і абмеркавання са студэнтамі, – гэта пазіцыя *сацыяльнага канструявання тэхналогій*. У англамоўнай літаратуры яна называецца больш вытанчана – *social shaping of technology*. Гэта значыць, што *тэхналогія заўсёды ёсць сацыяльным канструктам (у тым ліку дыгітальная)*. Тэхналогіі не прыходзяць аднекуль з Марса, пасля

чаго мы пачынаем імі карыстацца. Як стварэнне, так і карыстанне тэхналогіямі – гэта працэс сацыяльнага канструявання.

І калі звязваць гэты аспект з гуманітарнымі навукамі і гуманітарнай адукацыяй, то, на маю думку, дыгітальны выклік палягае хутчэй не ў тым, ці вытрымаюць гэты "напад" ці "захоп" дыгітальнымі тэхналогіямі гуманітарныя навукі і гуманітарыі. Пытанне ў тым, ці здолее гуманітарыстыка знайсці такія падыходы, спосабы, з дапамогай якіх гуманітарная адукацыя зможа ажыццявіць паварот, які будзе ў пэўным сэнсе вяртаннем да крыніцаў? Той паварот, калі гуманітарная адукацыя зноў стане ці працягне быць прасторай пэўных дэмакратычных практык. Прасторай, дзе фактычна адбываецца фармаванне пэўнага тыпу асобы.

Каштоўнасць гуманітарнай адукацыі ў тым, што чалавек, які атрымлівае гэтую адукацыю, становіцца *асобай пэўнага кшталту*, якая мае разнастайнасць, крэатыўнасць, крытычнасць, і асобай, якая жыве ў супольнасці з іншымі асобамі. І ў гэтым сэнсе гуманітарная адукацыя дае добры падмурак для агульнага дабра, што дазваляе нам развіваць грамадства, культуру, цывілізаванасць – як бы старамодна і пафасна гэта ні гучала. Таму я бачу пытанне дыгітальнага выкліку і ролі дыгітальных тэхналогій у тым, ці зможа сучасная гуманітарная адукацыя спрыяць таму, каб адукацыя сталася прасторай дэмакратычных практык.

Альмира Усманова: Мне хотелось бы сказать о том, как происходит осмысление медийных эффектов и новых технологий у нас в университете. Наш департамент называется *департаментом медиа*, но при этом у нас представлены как на уровне образовательных программ, так и в рамках исследовательских приоритетов такие направления, как гендерные исследования, урбанистика и визуальная культура (помимо журналистики и дизайна). Мы называемся *департаментом медиа* не только потому, что готовим специалистов для работы в медиа, но еще и потому, что нас интересует, каким образом в эпоху медиа трансформировались все поля культурного производства и что изменилось внутри различных дисциплинарных контекстов (от философии и социологии до урбанистики и гендерной теории) в новом медийном ландшафте.

Отвечая на вопрос о том, как дигитальные технологии изменили университетскую жизнь, следует иметь в виду два типа практик – преподавательскую деятельность и научные исследования, которые друг с другом очень тесно связаны (если для этого существуют институционально благоприятные обстоятельства). Приведу несколько примеров, позволяющих увидеть, какие новые вопросы исследовательского плана возникают в областях, которые на первый взгляд не связаны с изучением медиа, и как новые исследовательские проблемы влияют на содержание и методы преподавания. Во всех курсах, которые я веду в ЕГУ и в других универси-

тетах, обязательно присутствуют темы, касающиеся дигитального поворота. Например, в курсе «Анализ фильма» мы обсуждаем вопросы, связанные со спецэффектами, деонтологизацией кинофотографического образа, трансформацией киноархивов, концепцией «расширенного кино», изменением языка самой теории кино в цифровую эпоху, новыми условиями кинорецепции, с изменением нарративных стратегий киноповествования в связи с распространением технологий Dolby Surround и т.д. Чтение курса по семиотике сегодня тоже принципиально отличается от того, что обсуждалось еще несколько лет назад. Я думаю, что сейчас мы переживаем четвертое рождение семиотики, связанное как раз с необходимостью найти адекватный концептуальный язык для описания новой культурной ситуации и самой медийной среды. И семиотика оказывается интересным способом или оптикой для рассмотрения множества тем, начиная от вопроса об устройстве интерфейса и переходя к таким вещам, как эмотиконы (допустим, речь идет о том, каким образом все те функции языка, которые описывали в свое время Роман Якобсон и другие лингвисты, проявляются в этом наборе визуальных инструментов, которые нам дает Интернет). Голос и власть (встроенные в интерфейс таких систем навигации, как GPS) или феномен киберфеминизма также заслуживают пристального внимания (о чем мы говорим с магистрантами в рамках курса «Гендер, наука и технологии»).

Иначе говоря, появление и рамификация возможных тем, которые связаны с анализом дигитальной культуры и Интернета, – это живое и интересное поле рефлексии, это расширение круга вопросов, которыми гуманитарные науки занимались традиционно. И мы как исследователи оказываемся в парадоксальной, сложной ситуации. С одной стороны, благодаря Интернету некоторые навыки отмирают, потому что их заменяют машинный разум и навыки сугубо технического характера. Многие прежние умения исследователя больше не нужны. Но гуманитарная компетенция важна как раз в том, чтобы понять, где и в каком смысле мы можем не то чтобы конкурировать с Интернетом, но как мы можем сделать его объектом нашей рефлексии и использовать предоставляемые им преимущества в наших (просветительских и исследовательских) целях.

По поводу изменения преподавательских практик: мы уже на протяжении многих лет занимаемся темой – *медиализацией знания* – как в практическом русле (создание новых мультимедийных аудиовизуальных продуктов, которые могут использоваться в преподавательской практике), так и в теоретическом (см., например, монографию Андрея Горных «Медиа и общество», которая изначально создавалась именно как мультимедийное пособие, даже не предполагавшее перевод в традиционно-печатный формат). Говоря о *медиализации знания,* мы имеем в виду рефлек-

сивное использование медийных форматов в преподавании, когда визуальный образ перестает быть необязательной иллюстрацией, а становится основным средством для артикуляции той или иной теоретической идеи. Тут можно было бы долго говорить про разнообразные приемы, которые мы используем в наших курсах. Для меня, например, очень интересно давать студентам задания, в которых теоретический текст они должны помыслить кинематографически, то есть должны написать сценарий, чтобы сложная, абстрактная или сопротивляющаяся визуализации тема могла стать литературно-теоретической основой для сценария.

Дигитальный вызов гуманитариям состоит в том, что необходимо одновременно осмысливать и осваивать новые исследовательские области и радикально переформатировать классические режимы преподавания. Как гуманитарии мы, несомненно, заворожены (в смысле рефлексивного паралича) новыми медиа, но при этом должны быть заинтересованы в исследовании, в выявлении антропологических, социальных, когнитивных и идеологических эффектов развития новых технологий и тех последствий, которые эти сдвиги производят внутри академии.

Татьяна Щитцова: Меня зацепил тезис о том, что в констатируемой сегодня ситуации кризиса гуманитарных наук мы можем немного успокоиться, потому что появилось новое проблемное поле. Меня смущает такая интерпретация. Получается, кризис возник потому, что все вопросы исчерпали, всё прояснили. И вот тут – очень повезло! – появился новый предмет исследования. И значит, мы выйдем из кризиса, ведь можно предъявить миру собственную актуальность, поскольку надо осмыслить новые вопросы. Я хочу высказаться насчет самой этой связки: кризиса гуманитарного знания, с одной стороны, и появление новых медиа, с другой. Мне кажется, неслучайно так сложилось, что кризис современной гуманитаристики и появление новых медиа исторически параллельны. Полагаю, констатируемый кризис означает не то, что гуманитарное знание более не нужно, а то, что должно произойти радикальное переустройство самого процесса производства знания – его трансляции, обсуждения, освоения и прироста. То, как это происходило прежде, например, в университетах старой, трансляционной модели, себя исчерпало. Выход из кризиса для гуманитарных наук связан с переструктурированием самого образовательного процесса.

И второй момент, который хотелось бы подчеркнуть. Ты сделала акцент на структурно-семиотической парадигме как важной теоретической базе для осмысления новых медиа. Мне кажется, важно не ограничиваться одной методологической парадигмой. Многие аспекты нашего опыта, связанного с появлением и распространением новых медиа, делают необходимым использование других методологий, в частности феноменологии и герменевтики.

Альмира Усманова: Конечно, семиотику я привела в качестве примера. Не секрет, что для студентов семиотика является крепким орешком – трудно усваиваемой дисциплиной, смысл и значение которой они осознают значительно позже (особенно тогда, когда оказываются наедине со сложными текстами (от Кристевой и Бодрийяра до Деррида и Раньсера). У меня нет сейчас возможности детально обсуждать эту проблематику, но скажу лишь, что многие вопросы, поднимавшиеся в эпоху третьего рождения семиотики (в начале 1960-х гг. на волне развития кибернетики), сегодня оказываются очень актуальны, но требуют радикального переосмысления – с учетом изменения категорий практики.

Что касается первого комментария Татьяны, то мне кажется, для нас естественно мыслить в терминах кризиса, если мы не опознаем то, что происходит, если не находим для этих изменений нового языка. Само эсхатологическое мышление о конце прежней эпохи и начале новой часто выражается с помощью понятия «кризис». Но можно попытаться на этот феномен взглянуть иначе – и digital humanities, как минимум, являются такой мыслительной альтернативой. Я думаю, имеет смысл говорить о «кризисе» вот в каком контексте: выталкивание гуманитарных наук из университета означает проблему не гуманитарных наук, а институционального кризиса. Неолиберальным университетам, возможно, не нужны гуманитарные науки (как это кажется сейчас, хотя я была бы готова доказать, как и почему знание классической истории искусств может оказаться конкурентным преимуществом на рынке труда среди рекламистов и дизайнеров), но humanities могут спокойно развиваться, в том числе в Интернете и других живых средах (например, в рамках неформального образования).

Я, конечно, не имела в виду, что гуманитарные науки могут внезапно реинкарнироваться или что их жизнь зависит от того, насколько интенсивно мы будем осваивать такие феномены, как гипертекст или ризома, переосмысливая их в контексте Интернета. Хотя это всё, безусловно, важно. Я имела в виду, скорее, то, что на первый план вышли вопросы, которые на протяжении ста или двухсот лет аккумулировались, но не проявлялись. Я в последнее время думаю о генеалогии целого ряда когнитивных компетенций, которые связаны с нашим визуальным или сенсорным опытом. Ведь то, что в XIX веке казалось незначительным изменением, после дигитального поворота стало восприниматься как отчетливый разрыв. И поэтому вопрос генеалогичности медиа кажется мне очень важным. Почему гуманитарии имеют здесь особое преимущество? Нам свойственно размышлять исторически, пытаться обнаружить глубину в явлениях, в которых многие видят не более, чем короткую жизнь в двадцать лет. Я думаю, что чем больше из прежних философских идей или исторических реалий мы узнаем и распознаем в дигитальной культуре, тем богаче и интереснее будет наше отношение с этим новым миром.

Фелікс Акерман: Я хацеў бы далей задумацца над невыпадковасцю. У якасці гісторыка я сказаў бы, што тое, што больш агульна мянялася за той час, – гэта якраз стасунак часу і прасторы, які мяняецца з-за гэтых дыгітальных тэхналогій. І ў нейкім сэнсе я казаў бы аб дыктатуры сучаснасці. Тое, што стасунак часу і прасторы мяняецца, мне здаецца прычынай таго, што мы маем не толькі крызіс гуманітарных навук, але што мы насамрэч маем і больш агульна – крызіс міжнароднага права, мы маем крызіс суб'ектнасці дыгітальнага грамадзяніна. Я маю на ўвазе дзве з'явы, якія больш звязаныя ў нашым успрыманні з Амерыкай. З аднаго боку, дзякуючы дронам адбылася трансфармацыя таго, як вайна закранае нас, у сувязі з тым, што хоць мы і не маем аўтаматычнай зброі (там кіруе чалавек), але чалавек фізічна не ў сувязі з гэтай машынай. Ён можа забіваць дыстанцыйна. У дзеяннях Амерыкі мы бачым, што гэта пагроза для таго фундамента, на якім стаіць міжнароднае права. У мінулыя дзесяцігоддзі ў прынцыпе Амерыка гэтымі дронамі стварыла проста новае права. І таксама ў сувязі з тым, што зараз робіцца ў Амерыцы. Пэўныя службы маюць усю дакументацыю, што ствараецца ў ЕГУ, бо ў нас серверы стаяць на Google (Gmail), а нашы тэлефоны падключаны праз літоўскія службы да таго, што збіраецца ў NSA. Мне здаецца, што гэта таксама ў сувязі з дыгіталізацыяй і трансфармацыяй таго ж стасунку часу і прасторы.

Гэта была вельмі агульная думка, а яшчэ пра наш універсітэт – гэтая трансфармацыя стасунку часу і прасторы вельмі добра бачная ў стасунку да нашага мінулага, тое, што я называў дыктатурай сучаснасці. Гэта азначае, што тое, што ў нас было, не лічыцца. Нават тое, што было пяць гадоў таму, хто што зрабіў – гэта сёння не ўваходзіць у агульны рахунак. І гэта агромністая праблема.

А другая праблема – гэта якраз той факт, што, скажам, мы маем «Скайп», Gmail, Google Translate, але ўсё роўна паміж Мінскам і Вільняй каля 200 км. У штодзённым сэнсе гэта для нас застаецца канкрэтным пытаннем. З аднаго боку, мы навучыліся праз «Скайп» ладзіць канферэнцыі, размовы і рознага тыпу сацыяльныя практыкі, але пытанне прысутнасці і прасторы – гэта адно з грунтоўных пытанняў у сувязі з патрабаваннем, каб новыя працаўнікі знаходзіліся на месцы, у Вільні, прычым увесь час. Мы ўжо прызвычаіліся да таго, што можам праз «Скайп» працаваць, а тут спроба стварыць аналагавы ўніверсітэт, дзе людзі будуць сядзець у сваіх кабінетах.

Падчас вочных заняткаў мы ўсе (я тут не пра студэнтаў) прызвычаіліся быць анлайн увесь час. І для мяне, напрыклад, вельмі цяжкі момант – працаваць са студэнтамі, якія ўвесь час з кімсьці перапісваюцца: SMS, «Вконтакте», «Скайп», «Фэйсбук» – магчымасцяў шмат. Я да іх звяртаюся: прабачце, я пераязджаў са сваёй сям'ёй з Берліна ў Вільню, каб з вамі працаваць, а вы тут перапісваецеся з вашымі калегамі, якія ў Менску. Гэта дзіўна.

Але, з другога боку, калі мы сядзім у гэтай прасторы, у якой мы павінны працаваць, be educated in a digital way, – мы вельмі самотныя. Нашым студэнтам увогуле вельмі складана распачаць працу. Частка праблемы ў тым, што яны на сувязі з усімі ўвесь час, але тут трэба штосьці самому рабіць, сканцэнтравацца і не быць ні ў «Вконтакте», ні ў «Скайпе» і гэтак далей. І гэта тое, што я на пачатку хацеў сказаць: чаго нам не хапае яшчэ, дык гэта новых практык супрацоўніцтва, дзе афлайн і анлайн – гэта не супрацьлеглыя рэчы, а проста розныя фарматы працы разам.

Дзмітрый Карэнка: Я хацеў бы дадаць заўвагу наконт педагагічнага аспекту ў кантэксце дыгітальных тэхналогій. Па-першае, варта адзначыць, што закранутай з'яўляецца не толькі сфера фармальнай адукацыі, але і нефармальнай адукацыі. У сферы нефармальнай адукацыі (у спосабах навучання) таксама адбываюцца імклівыя змены ў сувязі з развіццём дыгітальных тэхналогій. Па-другое, гэта праблема дыскамунікацыі падчас аўдыторных заняткаў. Прыкладам гэтага з'яўляюцца сітуацыі, калі ты прыходзіш у аўдыторыю і сустракаеш людзей, якія глядзяць у мабільныя тэлефоны, планшэты, каб спісвацца са сваімі калегамі і г. д Гэта вельмі цяжка ў псіхалагічным плане, бо няма непасрэднага кантакту, што традыцыйна ўспрымаецца як адсутнасць павагі да таго, хто гаворыць (збольшага гэта выкладчык, але могуць быць іншыя ўдзельнікі заняткаў).

І ў гэтым сэнсе базавая праблема навучання ў дыгітальную эпоху – *выпрацоўка культуры павагі* адно да аднаго ва аўдыторыі. Менавіта такая культура павагі, як частка агульнай гуманітарнай культуры, запатрабаваная ў "дыгітальным грамадстве", якое імкліва развіваецца і па-за межамі ўніверсітэцкіх аўдыторый.

З іншага боку, я думаю, таксама было б цікава (нават у даследчым сэнсе) зразумець, чым канкрэтна займаюцца студэнты падчас заняткаў, калі выкарыстоўваюць усе гэтыя разнастайныя тэхналогіі камунікацыі. Магчыма, у гэтым насамрэч адбываецца штосьці новае, што мы не можам заўважыць і зразумець. Прынамсі, з даследчага пункту гледжання гэта вельмі цікавая сітуацыя, пра якую мы ведаем даволі павярхоўна.

Андрей Горных: Я бы хотел пару ремарок сделать по поводу общего понимания цифрового поворота в современной картине мира. Кажется само собой разумеющимся, что massive open online courses (MOOC) находятся на острие современной дигитализации образования и всего поля знания. И картина, которая рисуется в рамках этой парадигмы обучения и вообще в рамках дигитализации знания, абсолютно благостна и утопична. Вот мы имели какие-то скучные лекции, когда студенты, хотят они этого или нет, идут в аудиторию. Над ними возвышается с кафедры некий человек, наделенный внешними инстанциями какой-то властью и

символическими полномочиями, в силу которых студенты должны его слушать, что бы он ни говорил. И он осуществляет образование в формате какого-то монолога, более или менее нудного, в конце которого люди засыпают, каждый сам по себе. А новый дивный мир цифровых технологий позволяет принести в образование и аудио, и видео, и темпоритм, который свойственен визуальному искусству. Он вносит не только новую долю интерактивности, но и радикальным образом демократизирует процесс, уравнивает студентов и преподавателей в техниках интерактивности. Они не просто пассивные реципиенты, а люди, которые могут в любой момент оспорить или проблематизировать то, что говорит преподаватель, который ведет диалог на равных, а не вещает некое раз и навсегда достигнутое знание в довольно нормативном или даже ультимативном ключе этой послушной, пассивной аудитории.

Более того, образовательное событие не просто длится эту пару, две, три, учебный день. Оно происходит постоянно. Современный дигитальный поворот, как пишут люди, его прославляющие, организовывает студентов и преподавателей, всех завязанных игроков (ассистентов, тьюторов, преподавателей, профессоров, студентов и т.д.) в постоянные некие комьюнити, где люди постоянно учатся друг у друга и учат друг друга. И в этом смысле это, якобы, качественный скачок в другой мир, где и качество образования, и качество человеческих связей повышаются на порядок.

Я попытался суммировать нарратив о дигитальном повороте, начиная от «Википедии» и заканчивая специальными профессорскими интервенциями по этому поводу. Вроде, с первого взгляда не поспоришь, хотя какие-то подозрения возникают по этому поводу. Мне хотелось бы проблематизировать саму рамку этих рассуждений. На мой взгляд, прекрасны были времена, когда преподаватель мог говорить час или полтора, а студенты его слушали и понимали. Равно как и прекрасны были времена, когда люди приходили на живую музыку и могли час слушать симфонию, не переключаясь на другие каналы и не желая некой новизны каждые три-четыре минуты. Мы имеем дело с continuous partial attention молодого поколения, когда человек не может сконцентрироваться ни на чем. Современные идеологи цифрового образования высчитали, что шесть – восемь, максимум девять – двенадцать минут человек может что-то воспринимать. После этого нужно переключать, отвлекать, перезагружать. В рамках нашего старого доброго понимания академии это – патология. Мы вынуждены иметь дело с перцепцией, которая уже отформатирована медиа. И мы должны, попытавшись не сильно переломать студентов, заняться некой ортопедией, условно говоря. Чтобы сначала они могли пять, потом десять минут слушать одно и то же. Какие-то вещи говорятся за пять минут, какие-то – за десять, какие-то – за час. И аудитория, пространство образования, было как раз тем пространством, той

зоной, где говорились вещи, которые могут сказаться только за час. Как в музыке – нельзя симфонию проиграть в режиме «перемотки». Коль скоро студенты приходят с деформированной перцепцией, то первая задача – попытаться такими стратегиями «гомеопатии» противодействовать фрагментирующему импульсу современной культуры. Потому что если дальше дело пойдет такими темпами, то мы придем к тому, что студенту надо будет каждую минуту менять пластинку. А картинки в PowerPoint будут чередоваться с частотой, как в клипе MTV, – иначе студенты просто не сосредоточатся, ничего не воспримут. Это первая опасность.

Вторая опасность дигитального поворота, на мой взгляд, заключается в том, что его нужно понимать в рамках того венчурного капитализма, в котором мы находимся. Джордж Сименс, идеолог MOOC, сформулировал принципы нового образования. Смысл обучения, результат знания – это diversity of options, некий набор опций, который ты можешь для себя выбрать в той или иной ситуации, а не какой-то рецепт знания. Я не буду перечислять эти принципы, но они подозрительно напоминают принципы инвестиционной активности. Это подвижная способность реагировать на какие-то токи, как на сводки индексов, потоки биржевых цифр, чтобы извлечь капитал. Есть глубинная связь между поэтикой дигитального образования и поэтикой венчурного капитализма. Навыки практически одни и те же. Это поэтика образования летучих сообществ, которые готовы тут же распасться по завершении сделки, проекта, отработки какого-то гранта – безболезненно. И дигитальный поворот абсолютно соответствует этой социальной логике.

Альмира Усманова: Я хотела бы спросить у преподавателей, которые работают в Беларуси. Как эти вопросы соотносятся с вашим опытом? Как эта новая ситуация переживается в государственных университетах?

Александр Сарна: В БГУ делается попытка информатизации учебного процесса. Характерно, что это выражается в мобилизации ресурсов со стороны преподавателей. Основная задача в том, чтобы преподаватель делился собственными ресурсами и инвестировал свои возможности в сам учебный процесс. Если у тебя есть свой ноутбук или какой-нибудь КПК, то ты можешь сразу включиться в эти процессы и продемонстрировать собственные навыки включенности в новые технологии. Это, конечно, не от хорошей жизни (например, для проведения лекций преподаватель должен записываться в очередь на проектор чуть ли не на год вперед). С одной стороны, есть потребность, необходимость соответствовать современным тенденциям, а с другой – нет возможности им соответствовать, финансово и технически.

А другая проблема – и тут я солидарен с Андреем Горных – касается этой расфокусировки (хотя можно всё перевернуть и сказать, что внимание, напротив, сверхконцентрируется и максимально ускоряется). Ты должен быть предельно мобилизован, сверхсконцентрирован, чтобы прошерстить все доступные источники, тут же склепать какой-то конспект и выдать его на лекции как самостоятельно выполненное задание. От тебя требуется умение использовать технологии, а не порождать что-то свое. И это не может не настораживать и вообще ставит под вопрос смысл такого образования. Выходит, мы готовим технических специалистов, которые должны не хуже айтишников разбираться в техниках и применять современные технологии. Задача сводится к поиску знания. Подразумевается, что оно уже имеется, получено, рассортировано. И ты должен уметь манипулировать этим рассортированным, классифицированным знанием в «Википедии» или где-то еще. Что здесь гуманитарного? Это технические навыки технического специалиста, превращающие дигитальный поворот в дигитальную угрозу.

Александра Логвинова: На собственном опыте я убедилась, что в крупных университетах в Германии (в Свободном университете, во Фрайбурге) дигитальные технологии – это что-то такое, от чего стараются отречься. И студентов всячески поощряют к использованию старых технологий. Посещая занятия в течение восьми недель, я была единственным студентом, который приходил с компьютером. Преподаватели распространяли распечатки материалов. У меня сложилось впечатление, чем меньше институция, тем более распространены там медиатехнологии. Было бы интересно обсудить, почему старые университеты избегают новых медиа.

Альмира Усманова: Мне кажется, большие университеты, в том числе те, которые имеют государственное финансирование, могут позволить себе жить по инерции. А чем меньше университет, тем менее он стабилен, тем выше у него необходимость адаптации. Такие мобильные, гибкие университеты подчинены логике ускорения и практической необходимости встраивания. Кроме того, есть возможность что-то решать именно в пределах маленькой институции.

Феликс Акерман: Я об этом тоже задумывался. Я привык работать с ксерокопиями. В том университете в Германии, где я учился, в библиотеке просто был угол, где лежали отобранные профессором книги, которые нельзя вынести из библиотеки, чтобы все могли ими пользоваться. Это было всё, что подготовлено для семестра. Они там стояли, чтобы их копировать. Когда я сюда приехал, то был удивлен, что здесь намного больше людей с планшетами работают, что у всех айфоны, что без айфона социальная жизнь не состоится. Это возвращение к вопросу про ресурсы. Уже даже никто не думает просить университет купить себе новый компьютер, по-

тому что мы привыкли к тому, что мы каждые несколько лет сами должны купить ноутбук. Никто уже даже не мечтает, чтобы университет оплатил ноутбук. Кстати, в Германии то же самое. Я никогда в жизни не получил ноутбука от университета. В офисе компьютер был, а чтобы с собой носить – нет.

Тот шик-модерн, что в Германии всё аналоговое, так это там университеты могут себе позволить – преподаватели имеют доступ к кафедральному принтеру и могут распечатывать столько, сколько захотят. А здесь мы не печатаем, потому что это стоит денег. И это, как ни парадоксально, ускоряет переход в цифровой формат, так как складывается привычка читать с экрана.

Другой аспект связан с авторскими правами. Разница между Германией и Беларусью в том, что в Германии существует авторское право, а здесь оно отсутствует. Если кто-то мою диссертацию будет копировать в немецкой библиотеке, то библиотека уже заранее заплатила за мои авторские права. И когда я публиковал свою работу, я однажды получил несколько сот евро за то, что она будет копироваться. Здесь мы привыкли брать из Интернета тексты, игнорируя авторское право. И это не потому, что нам так нравится, а потому, что иначе мы вообще не могли бы работать. Потому что у нас нет денег, чтобы купить эти книги даже в большие библиотеки в Беларуси.

И третий пункт: для «аналоговой» университетской культуры длительная концентрация на какой-либо деятельности очень важна. Это нормально, что студент для написания одной курсовой работы может сидеть три-четыре недели в библиотеке. Он этому научится уже на второй, третий год. А наши студенты не успевают даже приобрести этот навык работы в библиотеке (и концентрации). Это связано не только с «Фейсбуком» и «Вконтакте», но и с ресурсами. Студенты, чтобы финансировать учебу, должны еще подрабатывать – у них нет возможности спокойно сидеть с девяти утра до шести вечера в библиотеке и не задумываться ни о чем другом.

Александр Сарна: Сразу соглашусь. На первом курсе студент приходит и еще нигде не работает, он может себе позволить учиться, у него есть время подготовиться, и он все делает медленно, но хорошо и качественно. Но чем дальше, тем меньше у него времени. Он устраивается на работу, зато у него есть доступ к различным ресурсам, он все это копипастит. В итоге – диплом не пишется, а монтируется из каких-то кусков. К этому моменту студенты ставят рекорды по минимуму времени, затрачиваемого на учёбу – полдня отводится на редактуру какого-то изначального массива данных.

И второй момент, об авторских правах. У нас в университете действует распоряжение, согласно которому все учебные пособия, лекции, планы, программы – все должно быть размещено в Интернете на университетском сайте. Тут же возникает вопрос: а если договор с издательством – и твое пособие печатается? Может, на него распространяется авторское право, в том смысле, что какое-то издательство может его напечатать и распространять. Как это должно регулироваться? И в чем тогда смысл лекций? Понятно, что пересказывать уже размещенные в Интернете материалы – бессмысленно, нужна какая-то радикальная форма их подачи. Хорошо, если это презентация. Но где проектор? На семинарах я могу с ноутбуком как-то работать, потому что аудитория меньше. А если это поточная лекция? Видят только первые ряды, задние уже «сидят» в своих смартфонах.

Андрей Горных: Почему работа над научным проектом превращается в Final Cut за одну ночь до защиты? Почему происходят все эти визуальные, медиальные и прочие повороты? Мы рассуждаем о них с каким-то легким ворчанием, где-то с высокомерностью. Но если пытаться смотреть в корень, то смысл классического образования, еще с Греции, заключался в вопросе – и поэтому философия была стержнем всех наук о человеке – за что человек может умереть? За что человеку не то чтобы не страшно умереть, а нужно и легко умереть? И университет играл ключевую роль в этой социальной системе, поддерживая национальный дух. Сейчас, когда классическая эпоха ушла, конечный смысл того, что мы делаем, что мы хотим получить или чего ждем от студентов – чтобы они продвигали потребительские бренды. Не случайно, в конечном счете, все наши социологи, психологи, философы оказываются в PR-агентствах.

Александр Сарна: Сегодня образовательная процедура сводится к геймингу. Раньше это действительно была подготовка к военной службе, готовности умереть за высокие идеалы нации и территориально привязанных коллективов, этносов. А теперь это могут быть международные команды геймеров, которые друг друга в глаза не видели, но они друг друга в сетевом сообществе знают. И скорость нажимания на кнопки – главный критерий для отработки этой реакции до автоматизма.

Алена Талапіла: Дзякуючы анлайн-курсам студэнты маюць больш выбару – яны могуць не даглядзець курс, глядзець нейкімі кавалкамі, нішто не прымушае іх дасядзець да канца. Улічваючы, што будзе ісці рух да прызнання кампетэнцый, атрыманых у межах нефармальнай адукацыі, то перад малымі ўніверсітэтамі стаіць пытанне: што выкладчык можа прапанаваць у аўдыторыі, чаго ён не можа прапанаваць анлайн? Вялікіх універсітэтаў, кшталту Гарварду

і Ейлю, гэта менш датычыць, бо адукацыя ў іх яшчэ доўгі час будзе каціравацца.

Феликс Акерман: О выборе курсов. Может быть, в ЕГУ больше выбора, чем в государственном вузе в Беларуси, но гораздо меньше, чем в Германии. Хотя в Германии этот выбор был сильно ограничен Болонским процессом, участием в котором мы в ЕГУ гордимся. ЕГУ все еще держится логики XX века. Наши студенты потом идут работать в PR-агентства и туристические агентства, но, в принципе, мы их обучаем еще как промышленных работников. Форма обучения построена, как на промышленном предприятии: поступает сырой материал, идет определенная фаза обработки, будет более эффективно, если больше материала за один раз «провернуть» (у нас есть такая мысль, что если этого не делать, то этот материал пропадает, портится), и в конечном итоге у нас выходит готовый результат, который для чего-нибудь сгодится. Я часто думаю, что хотелось бы перейти на другую, постиндустриальную форму обучения, которая ближе тому, что вы описали.

В Вильнюсе я был удивлен, что когда там организовываешь в старом формате публичную лекцию и встречу, то очень тяжело уговорить людей, чтобы они пришли, потому что все заняты, все работают на 1,5 ставки, некоторые больше. И там есть LUNI[2] – Свободный университет, чуть-чуть анархистский, но я просто удивлен тем, что там люди добровольно идут на встречу в городе, на лекцию. Я хочу сказать, что уже сейчас есть другие формы. И это опять про ресурсы. Они другие, потому что у них нет системы, проводящей процесс, который длится четыре года, соответствует Болонским нормам, обеспечивает определенное количество кредитов. И конечно, гораздо легче организовать в Свободном университете тришесть лекций в месяц – и будет больше народу. Я здесь не совсем разделяю энтузиазм, но думаю, что это и есть вызов для нас, чтобы вместе со студентами разрабатывать другие формы общения, которые трансформируют университет и сделают его более соответствующим XXI веку.

Дзмітрый Карэнка: Працягваючы думку Фелікса наконт логікі XX стагоддзя, фабрычнай. Сапраўды, на прыкладзе ЕГУ – у нас ёсць дыстанцыйныя курсы, якія патэнцыйна могуць быць адкрытыя глабальна. Гэта эксперымент, які было б варта правесці, і яшчэ цікава, які будзе вынік – колькі насамрэч людзей запішацца, колькі застанецца да паловы тэрміну навучання і колькі застанецца да канца. Не ў тым сэнсе, што мы пацвердзім тую гіпотэзу, што нікога не цікавяць сапраўдныя, сур'ёзныя гуманітарныя веды. Але сапраўды выклік у тым, як падаць гуманітарныя веды, каб людзі, якія жывуць у іншых краінах, у іншых культурных і сацыяльных кантэкстах,

2 http://www.luni.lt/.

змаглі застацца слухачамі курса ў сітуацыі, калі яны не абавязаныя праходзіць крэдыты, атрымліваць залікі – усе тое, чым “утрымлівае” студэнтаў традыцыйная навучальная інстытуцыя.

Мы можам крытыкаваць пазіцыю выкладчыка і студэнта, але мы разумеем, што інстытуцыя шмат у чым абавязвае ўдзельнікаў адукацыйнага працэсу, як выкладчыкаў, так і студэнтаў, каб гэты працэс адбываўся. Цалкам адкрытая прастора ёсць выклікам гэтым абмежаванням. Але мне падаецца, што тут пытанне ў тым, *як сучасная гуманітарная адукацыя з дапамогай дыгітальных тэхналогій зможа стаць гэтым дэмакратычным працэсам*, больш-менш раўнапраўным, дзе былыя іерархіі не спрацоўваюць аўтаматычна і неабходна выпрацоўка новых формаў узаемадзеяння і ўзаемадаверу.

ТЕОРИЯ МЕДИАТИЗАЦИИ КАК ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ[1]

Кястас Киртиклис[2]

Abstract

The article deals with mediatization theory – a rapidly growing approach in contemporary communication studies. This theory argues that the world nowadays is so permeated by the media that it is impossible to perceive social reality as separate from the media; therefore neither classical communication research triangle (production-text-audience), nor classical media theory (*medium is the message*) are adequate research strategies anymore. Mediatization theory, in its turn, not only claims to comprehend the relationship between the media and the social, but also to provide an explanation of the social change from the media and communication perspective. Two versions of the mediatization theory provide two versions of the explanation of the social change – the institutional mediatization theory argues for a linear trajectory of the development of the relationship between media and society, whereas social constructivist mediatization theory describes social change as a non-linear and rather nebulous development of the social reality. The article concludes that neither version of mediatization theory provides a satisfactory explanation of the relationship between media and the social, and a role which media plays in the social change.

Keywords: mediatization, media theory, media logic, institutional mediatization theory, social constructivist mediatization theory.

Современные исследования коммуникации больше нельзя представить без исследований медиа. Об этом свидетельствует, во-первых, все возрастающее количество терминов, производных от «медиа», таких как медиатизация (*mediatization*), медиализация (*medialization*), медиазация (*mediazation*), медиация (*mediation*), экология медиа (*media ecology*), медиальность (*mediality*), эпистемология медиа

[1] Данный текст представляет собой значительно пересмотренную версию статьи «Проблема статуса теории медиатизации в исследованиях коммуникации» (Оригинальное название: „Mediatizacijos teorijos statuso komunikacijos tyrimuose problema“), опубликованной в журнале *Informacijos mokslai* № 71.

[2] Кястас Киртиклис (Kęstas Kirtiklis) – PhD, научный сотрудник Лаборатории исследований медиа при факультете коммуникации, Вильнюсский университет (Литва).

(*media epistemology*), медийный поворот (*mediatic turn*)[3]. Во-вторых, как отмечает бывший президент Международной ассоциации коммуникации (*International Communication Association*) Соня Ливингстоун (Sonia Livingstone), во всех исследованиях коммуникации ясно наблюдается общая тенденция перехода от анализа массовой коммуникации и ее влияния на аудиторию к исследованиям медиа и их взаимодействия с различными сферами социальной и культурной жизни (например, сейчас исследуются не отношения между медиа и, скажем, политикой, но медиализированная политика[4]). Наиболее явно данную тенденцию интереса к медиа демонстрирует теория медиатизации, представители которой становятся всё более заметными в исследованиях коммуникации, а их идеи всё чаще обсуждаются в научных текстах и на конференциях.

В наиболее общем смысле теория медиатизации исследует влияние медиа на конструирование, поддержание и воспроизводство социального мира. Она стремится не столько исследовать сами медиа, сколько приблизить исследования коммуникации к исследованию всё более медиализированного мира и акцентировать их взаимосвязь. Сегодняшний социальный мир с трудом можно представить без современных медиа, поэтому даже критики этой теории признают, что на дескриптивном уровне возникает соблазн согласиться с теорией медиатизации или по крайней мере принять ее во внимание[5].

Тем не менее популярность теории медиатизации в большей степени обусловлена не только ее стремлением говорить о мире, с которым многие пользователи медиа сталкиваются каждый день. Видимо, не менее важным аспектом данной теории является то, что она резонирует со стремлением наук о коммуникации иметь собственную, независимую от других социальных наук перспективу, которая позволит обозначить определенную дисциплинарную идентичность и на этой основе создать условия для продуктивного взаимодействия с другими дисциплинами социальных наук как в теоретических, так и в практических аспектах.

Однако, несмотря на очевидные популярность и востребованность теории медиатизации для дисциплинарных нужд исследований коммуникации, она все еще создает концептуальную путаницу для своих сторонников (не говоря об оппонентах[6]). Поэтому неудивительно, что теоретический статус медиатизации вызывает серьезные дебаты. На какие источники опирается данная теория? В каких отношениях она находится с традицией исследований ком-

---

3 M. Adolf: Clarifying Mediatization: Sorting through a Current Debate, in: *Empedocles: European Journal for the Philosophy of Communication*, 3 / 2, (2011), 153–175.

4 S. Livingstone: On the Mediation of Everything: ICA Presidential Address 2008, in: *Journal of Communication*, 59/1, (2009), 2.

5 M. Ampuja, J. Koivisto, E. Väliverronen: Strong and Weak Forms of Mediatization Theory. A Critical Review, in: *Nordicom Review*, 35, Special issue, (2014), 113.

6 Ibid., 113.

муникации или более ранними попытками теоретизировать медиа? Каков уровень теории и её цели? Насколько далеко простираются границы ее действия? Наконец, не ожидают ли пропоненты и не требуют ли оппоненты слишком многого?

Автор не ставит перед собой цели дать исчерпывающий ответ на спорные концептуальные вопросы и тем более не претендует на полную и окончательную оценку теории медиатизации. Фокусируясь на рассмотрении отношений теории медиатизации с традициями исследований коммуникации и исходя из учета ее внутренней динамики, я хотел бы уделить особое внимание ее самой амбициозной из стоящих перед нею задач – объяснению социальных изменений. Возможно, в итоге удастся обосновать тезис о том, что теорию медиа следует считать составной частью не только исследований коммуникации, но и современной социальной теории.

Что такое теория медиатизации?

Термин *медиатизация*, сформулированный в работах исследователей из Северных стран и Германии, с трудом проложил свой путь в международные исследования коммуникации, где доминирует английский язык. Изначально медиатизация (*mediatization*) считалась слишком замысловатым или даже некорректным зарубежным неологизмом, который предлагалось заменять более приемлемым для англоязычной аудитории термином медиации (*mediation*). Но спустя некоторое время, когда теоретические дискуссии получили новый импульс, сторонникам «медиатизации» удалось доказать, что разделение между медиацией и медиатизацией позволяет описать больше теоретических нюансов, нежели общепринятое употребление первого термина[7]. Медиатизация укоренилась в качестве термина, констатирующего не столько количественное «размножение» медиа, сколько их усиливающееся влияние на общество.

Следует, однако, заметить, что истоки теории медиатизации сложились раньше, чем был достигнут консенсус в отношении центрального для нее понятия. Представителями этой теории *avant la lettre* принято считать исследователей, работавших в разных точках мира и предлагавших независимо друг от друга схожий взгляд на медиа и их влияние на социальную действительность, – Кента Аспа, Хесуса Мартина-Барберо, а также Дэвида Алтайда и Роберта Сноу[8]. Эти теоретики, специализирующиеся на исследо-

---

[7] Livingstone, op. cit., 3-4, N. Couldry, A. Hepp: Conceptualizing Mediatization: Contexts, Traditions, Arguments, in: *Communication Theory*, 23/3 (2013), 191.

[8] Исторические обзоры теории медиатизации см. Ampuja et al., op. cit., 112, taip pat S. Hjarvard: The Mediatization of Society: A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change, in: *Nordicom Review*, 29/2 (2005), 106 – 111; A. Hepp: Mediatization and the ‚Molding Force' of the Media, in: *Communications*, 37/1 (2012) 5-14; K. Lundby: Introduction:

вании политической коммуникации, обратили внимание на то, что в политике с нарастанием медийного контента количественные изменения перешли в качественные. Наиболее значимыми авторами здесь являются Алтайд и Сноу, предложившие важный для теории медиатизации термин *логики медиа*. Ученые интересовались не столько влиянием медиа на различные области социальных отношений, сколько системными эффектами этого влияния, утверждая, что логика медиа пронизывает все общество и каждую отдельную его сферу (политику, культуру, пр.). Иными словами, они постулировали примат формы, навязываемой современными медиа, над содержанием[9]. Впрочем, термин *медиатизация* ими не использовался.

В результате сложилось представление о том, что медиатизация не тождественна медиации. *Медиация*, по мнению одного из важнейших теоретиков *медиатизации* Стига Ярварда[10] (Stig Hjarvard), указывает на коммуникацию между отправителем и получателем посредством медиа, которые влияют как на их отношение друг с другом, так и на посылаемое сообщение. *Медиатизация*, в свою очередь, согласно другому теоретику Есперу Стрембеку[11] (Jesper Strömbäck), значит, что мы становимся более зависимыми от непосредственно неподвластных нам и физически недосягаемых событий и процессов, о которых мы узнаем из медиа. А это означает гораздо более глубокое влияние медиа, нежели подразумевает понятие *медиация*. Например, *политика, реализуемая посредством медиа*, по словам Стрембека, означает, что основным источником коммуникации между управляющими и управляемыми стали медиа[12], а концепция медиатизации предполагает, что сами медиа становятся важной политической институцией[13]. Для Ярварда и Стрембека медиатизация обозначает процесс, в котором «основные составляющие социальной и культурной деятельности (такие как работа, досуг, игра и т.д.) обретают медийную форму» [14].

Отношение с традицией исследований коммуникации

С точки зрения традиции исследований коммуникации теория медиатизации, безусловно, означает отход от прежних исследований аудитории, в которых медиа считались обособленными как от общества, так и от культуры. Хотя, по мнению теоретиков медиатизации, наибольшее внимание в данной традиции все же уделялось

‚Mediatization' as Key, in: K. Lundby (ed.) *Mediatization: Concept, Changes, Consequences*, New York: Peter Lang, 2009, 2–6.

9 Hjarvard, op. cit., 107.

10 Ibid., 114.

11 J. Strömbäck: Four Phases of Mediatization: An Analysis of the Mediatization of Politics, in: *The International Journal of Press/Politics*, 13/3 (2008), 231.

12 Ibid., 232.

13 Ibid., 234; Ampuja et al., op. cit., 112.

14 Strömbäck, op. cit., 232.

влиянию транслируемых сообщений на индивидов и институции[15], это влияние считалось, скорее, случайным. В свою очередь современное общество опосредовано медиа гораздо в большей степени, нежели то, которое шесть десятков лет назад изучали пионеры исследований коммуникации: медиа перестали быть исключительно средствами передачи информации, они стали частью самой социальной структуры. Более того, медиа координируют деятельность социальных структур, поэтому исследовательские подходы, различающие медиа и общество, редуцирующие исследования массовой коммуникации до трехчленной системы «производство-текст-аудитория», в современных условиях уже не релевантны[16].

Коулдри и Хепп (Couldry, Hepp) объясняют данную методологическую трансформацию исследований коммуникации тремя факторами[17]. Во-первых, возросшая роль медиа в современных обществах – быстрый Интернет, распространение мобильных телефонов, социальные сети и т.д. – оказывает влияние на повседневную жизнь. Во-вторых, с 1980-х годов XX века распространялись теоретические концепции, значительно отличавшиеся от трехчленной схемы (производство-текст-аудитория) и рассматривавшие влияние медиа на потребителей как нелинейное. Наконец, произошли изменения в концепции власти, в которой с конца XX века главную роль играют не столько центры власти или непосредственное влияние институций, сколько совокупность микропрактик, воспроизводящих власть посредством повседневных привычек и социальных сетей.

Классическим исследованиям аудитории с помощью имеющихся у них средств не удалось концептуализировать этот тип отношений и взаимозависимости, равно как не удалось осмыслить коммуникацию на межиндивидуальном уровне с помощью уже существующих теорий, объясняющих, каким образом медиа влияют на политику, культуру и производство смысла[18]. Соответственно, возникла необходимость в новом теоретическом подходе.

Отход от исследований аудитории, равно как и поворот к медиа как особой проблеме, предлагала и теория медиа, основные тезисы которой можно найти в исторически важной работе Маршалла Маклюэна «Понимание медиа» (*Understanding Media*)[19]. На первый взгляд может показаться, что теория медиатизации является всего лишь современной версией теории Маклюэна и его единомышленников, несколько смягчающей универсалистские амбиции канадского теоретика. Однако сами сторонники теории медиатизации, переосмысливая собственные теоретические основания, сторонятся подобной оценки и занимают двойственную позицию.

---

15 Hjarvard, op. cit., 105.
16 Hjarvard, op. cit., 106; Livingstone op. cit., 10.
17 Couldry, Hepp op. cit., 192–194.
18 Strömbäck, op. cit., 232.
19 M. McLuhan: *Understanding Media: The Extensions of Man*, New York and London: McGraw-Hill, 1964.

С одной стороны, как и теоретики медиа, представители теории медиатизации смотрят на медиа из достаточно широкой перспективы и концентрируются не на контенте медиа или на их использовании, но на том, как конкретные медиа формируют коммуникацию и как это влияет на отношения между индивидами[20]. Теоретики медиатизации также соглашаются с подходом, предлагаемым такими авторами, как Иннис или Маклюэн, что медиа не нейтральны в своем влиянии на адресата, то есть в любом сообщении заложена определенная «внедренная» схема интерпретации[21], оказывающая влияние на получателей сообщений. «Эвристическая ценность теории медиатизации обнаруживается только тогда, когда она четко определяет роль масс-медиа в трансформации общества, и только в том случае, когда она стимулирует адекватный анализ данного процесса» [22].

В то же время теоретики медиатизации стремятся ограничить себя от технологического детерминизма, часто инкриминируемого теориям медиа, и постулируют обоюдную важность взаимодействия медиа и общества. Теория медиатизации, согласно Ярварду[23], в значительной степени опирается на эмпирический анализ, в особенности на исследования влияния специфических процессов медиатизации на различные группы. С ним соглашается и другой важный теоретик медиатизации Фридрих Кротц, утверждающий[24], что данное влияние следует понимать не как технологически обусловленный процесс, но как процесс, регулируемый людьми, во время которого изменяется коммуникация людей, предлагаются новые возможности, используя которые люди меняют способы конструирования социального мира. Другие теоретики медиатизации подчеркивают, что одинаковое влияние разных медиа невозможно, необходимо анализировать различные эффекты разных медиа, а потому – любые термины, описывающие взаимоотношения медиа и социального мира, включая логику медиа, следует считать не константами, но переменными[25].

Резюмируя связь теории медиатизации с традицией исследований коммуникации, важно подчеркнуть несколько моментов: во-первых, теория медиатизации свое отношение к традиции исследований коммуникации устанавливает посредством методологической критики, считая принятую трехчленную модель (производство-текст-аудитория) анахроничной. Во-вторых, классическую теорию медиа теоретики медиатизации упрекают в недо-

---

20 Hjarvard, op. cit., 109.

21 W. Schulz: Reconstructing Mediatization as an Analytical Concept, in: *European Journal of Communication*, 19/1 (2004), 92.

22 Ibid., 98.

23 Hjarvard, op. cit., 110.

24 F. Krotz: The Meta-process of ‘Mediatization’ as a Conceptual Frame, in: *Global Media and Communication*, 3/3 (2008), 259.

25 Strömbäck, op. cit., 235. Больше об этом говорится в главе «Сильное / институциональное понимание медиатизации и линейное изменение».

статочном внимании к исследованиям общества: концентрируясь на медиа, она упускает из виду само общество. Не принимая на свой счет упреки в технологическом детерминизме, теоретики медиатизации акцентируют взаимодействие медиа и общества, а углубляясь в него, представляют собственную теорию, объясняющую социальное изменение: социальное изменение рождается из взаимодействия медиа и социального мира. Это свидетельствует о существенно иной расстановке акцентов: происходит смещение фокуса с изучения медиа на исследование отношений между медиа и обществом. Однако, перед тем как углубиться в эту тему, следовало бы кратко рассмотреть статус теории медиатизации в дисциплинарном поле современных исследований коммуникации.

Статус теории медиатизации в исследованиях коммуникации

Как уже упоминалось выше, теория медиатизации резонирует с накопившимися за несколько десятилетий проблемами дисциплинарной идентичности наук о коммуникации. Начав институционально консолидироваться во второй половине XX в., исследования коммуникации во многих странах так и не приобрели желаемый статус признанной и респектабельной дисциплины. По причине ограниченного объема статьи я не буду углубляться во все перипетии давних дебатов об идентичности той или иной дисциплины, но обращу внимание на предложение американского теоретика коммуникации Роберта Крейга[26], вызвавшее немалый резонанс, – рассматривать дисциплинарные области социальных наук в качестве определенной точки зрения на социальную действительность. Исследования коммуникации в таком случае должны анализировать действительность, исходя из собственных установок, отличных от установок социологии, антропологии или политических наук. Чтобы достичь этого, необходимо найти унифицирующую теоретическую и методологическую основу для исследований коммуникации, отличающую эту дисциплину от других социальных наук, сформировать собственную теорию высокого уровня абстракции вместо того, чтобы «импортировать» теории из социологии, антропологии или политических наук[27]. И сторонники теории медиатизации Коулдри и Хепп[28], и критики Ампуя (Ampuja), Коивисто (Koivisto) и Валиверронен (Väliverronen)[29] утверждают, что теория медиатизации, предлагающая рассматривать социальную действи-

---

[26] R. T. Craig: Communication Theory as a Field, in *Communication Theory*, 9/2 (1999), 124.

[27] Более детальный обзор дебатов об идентичности коммуникационных наук см. в K. Kirtiklis: Komunikacijos teorijos ir komunikacijos filosofijos asimetrija, in: *Problemos* 74 (2008), 141–149.

[28] Couldry, Hepp, op. cit., 198.

[29] Ampuja et. al., op. cit., 121–122.

тельность сквозь призму ее взаимодействия с медиа, резонирует с метатеоретической доминантой в исследованиях коммуникации[30].

Более того, теория медиатизации перекликается и с еще одной важной темой, актуальной для коммуникационных наук, которую Чарльз Бергер[31] назвал желанием записать себе в актив «теоретический обмен» между исследованиями коммуникации и другими социальными науками, происходящий сейчас далеко не в пользу первых[32]. И в самом деле, влияние теории медиатизации на понимание современной политики и ее исследования подтверждает данную посылку.

Однако перенос акцента с медиа и коммуникации на социальную действительность вызывает определенные метатеоретические вопросы. Прежде всего – о статусе теории медиатизации: на каком уровне теоретизации ее следует локализовать? Является она теорией среднего уровня (*middle range*) или метатеорией?[33] Каковы цели и границы ее действия? Очевидно, теория медиатизации не является нормативной теорией: она не говорит о том, как должно происходить взаимоотношение с медиа, не предлагает никаких идеальных моделей. Нормативность теории медиатизации эксплицитно отрицают и ее представители, например Стиг Ярвард[34]. Иными словами, она не предусматривает негативной оценки влияния медиа на социальную жизнь (в данном конкретном случае – на политику) из-за исчезновения пространства для традиционного политического дискурса и действия, а также – перемещения в новые, виртуальные (поэтому не менее ценные) пространства. Критические претензии не характерны для теории медиатизации.

Также нельзя однозначно утверждать, что эта теория в строгом смысле эмпирически дескриптивна. Хотя, как кажется, она теоретизирует эмпирический мир и основывается на фактах социокультурной действительности (а это создает определенное впечатление эмпирической надежности даже у критиков), даже ревностные сторонники данной теории утверждают, что предлагаемый ею способ операционализации и инструментализации, а также связанные с этим эмпирические исследования, которые могут обосновать верность теории, скорее, являются задачами будущего, нежели уже

---

30 Однако по поводу того, является ли резонанс успешным, пропоненты и оппоненты теории медиатизации не могут договориться.

31 C. R. Berger: Making a Differential Difference, in: *Communication Monographs*, 77/4 (2010), 445.

32 Детальнее о взаимоотношении между исследованиями коммуникации и другими социальными науками см. K. Kirtiklis: Komunikacinės perspektyvos statusas socialiniuose moksluose, in: *Santalka: Filosofija, Komunikacija*, 20/1 (2012), 50–60.

33 Детальнее о различных уровнях теоретизации в исследованиях медиа и коммуникации см. S. Weber (Hrsg.): *Theorien der Medien. Von den Kulturkritik bis zum Konstruktivismus*, Konstanz: UVK Verlagsgesellschaft (2003), 16–21.

34 Hjarvard, op. cit., 113–114.

свершившимися фактами[35]. Поэтому теория медиатизации не является теорией среднего уровня, находящейся между теориями высшей степени абстракции и обработкой эмпирических данных. К тому же она не претендует на то, чтобы быть совокупностью обобщений, основанных на анализе эмпирических данных.

Как же быть со статусом? Невооруженным глазом видна абстрактность данной теории и второстепенная (по отношению к теории) роль эмпирических исследований. Но так же очевидно, что она основывается на само собой разумеющихся и часто не требующих теоретического доказательства утверждениях (например, современный мир в крайней степени медиатизирован), и эти общие тезисы не претендуют на статус открытия.

Значит ли это, что теория медиатизации представляет собой всего лишь набор банальностей? Пожалуй, нет. Ведь теория медиатизации не столько стремится констатировать растущее количество разнообразных медиа в обществе или реакцию общества на медиа бум, но, скорее, ее цель в том, чтобы теоретически осмыслить, какие изменения в обществе вызывают трансформации медиа. Иначе говоря, теоретизация здесь ведется в направлении от медиа к обществу. Поэтому, в общем и целом, теорию медиатизации нельзя считать теорией коммуникации. Теория медиатизации стремится осмыслить и описать влияние медиа на социальный мир, поэтому она смещается в сторону социальной теории. И все-таки выводы, которые теоретики медиатизации делают на основе взаимодействия медиа и общества, достойны внимания не как всеобъемлющая и последовательная общая социальная теория, но как определенная методологическая позиция, позволяющая увидеть происходящие в социальном мире процессы и объяснить их из перспективы медиа.

Два понимания медиатизации

Но как происходит взаимоотношение медиа и общества, каков его механизм? Отвечая на данный вопрос, теоретики медиатизации используют две стратегии: медиа и общество связывает либо (1) логика медиа, либо (2) определенный метапроцесс медиатизации. Соответственно, в теории медиатизации появляются (хотя бы имплицитно) две стратегии объяснения социального изменения – линейная и нелинейная.

Сторонники теории медиатизации и ее критики почти единодушны в том, что теоретиков медиатизации следует делить на две группы в соответствии с выбранной концепцией медиатизации[36]:

---

35 Strömbäck, op. cit., 241; а также F. Krotz, A. Hepp: A Concretization of Mediatization: How Mediatization Works and Why 'Mediatized Worlds' Are a Helpful Concept for Empirical Mediatization Research, in: *Empedocles: European Journal for the Philosophy of Communication*, 3/2 (2011), 146–148.

36 Ampuja et al., op. cit., а также см..Hepp, op. cit.

сильной, основывающейся на идее *логики медиа*, наиболее ярким представителем такой точки зрения является Ярвард (Коулдри и Хепп, основываясь на несколько иных критериях, данную теории медиатизации называют институциональной[37]), и *слабой*, считающей медиатизацию метапроцессом, а самым важным ее представителем следует считать Кротца (Коулдри и Хепп данное понимание называют социальноконструктивистской теорией медиатизации).

В концепциях можно найти много общего: обе указывают на историческую трансформацию, благодаря которой медиа стали гораздо более весомыми в различных сферах социокультурной действительности; обе сходятся в том, что медиатизация является одним из социокультурных процессов, но имеет решающее влияние (в настоящее время) на другие процессы; обе обязаны своим появлением «классической теории медиа»; обе декларируют комплексную и многостороннюю природу социокультурного изменения[38]. Однако существует и ряд ключевых различий, которые следует рассмотреть детальнее.

Сильное/институциональное понимание медиатизации и линейное изменение

Коулдри и Хепп[39] отмечают, что данная концепция берет начало в исследованиях журналистики и политической коммуникации. Медиа в данном ракурсе понимаются как независимая социальная институция с набором собственных правил, а медиатизация означает, что различные социальные сферы или системы (например, политика или религия) приспосабливаются к данным институционализированным правилам. Используя более близкую к медиа терминологию, институционализируются определенные медиаформаты. Именно институционализированные медиаформаты олицетворяют логику медиа. В процессе медиатизации логика медиа проникает в те сферы социальной жизни, которые прежде казались независимыми; ей подчиняются ранее независимые акторы (по крайней мере, условно) – как в силу стремления быть представленными в медиа (единство форматов это значительно упрощает), так и из-за желания стать успешными в культуре и обществе медиа[40].

Создатели термина «логика медиа» Алтайд и Сноу логику медиа описывают как специфическую форму, посредством которой медиа представляют и передают информацию. «Элементы данной формы – это различные форматы, которые используются разными медиа. Формат включает в себя то, как организован материал, каков стиль его представления, какие черты поведения акцентируются, какой представляется грамматика медиакоммуникации. Формат становится фреймом или перспективой, используемыми

[37] Couldry, Hepp, op. cit.
[38] Ampuja et al., op. cit., 118.
[39] Couldry, Hepp, op. cit., 196.
[40] Hjarvard, op. cit., 113; Couldry, Hepp, op. cit., 196.

как для представления феноменов, так и для их интерпретации. [...] Логика медиаформатов считается настолько само собой разумеющейся как для коммуницирующего, так и для получателя, что прежде она не расценивалась в качестве фактора, важного для понимания медиа»[41].

Создается впечатление, что такое внимание к медиа и в особенности к их форматам является не чем иным, как актуализацией знаменитого тезиса Маклюэна «медиум есть сообщение». Однако современные теоретики медиатизации дополняют его перспективой наук, исследующих общество: вместо того чтобы сфокусироваться на индивидуальном сознании, они изучают взаимоотношение культуры, технологий и психологии[42].

Такого рода исследования делают возможным институциональный взгляд на медиа – не сквозь призму влияния политических или экономический институций, но через опознание в самих медиа институции. Институцию Ярвард описывает, ссылаясь на британского социолога Энтони Гидденса, указывая две характерные особенности последней– собственные правила и власть над распределением ресурсов[43]. Институциональные правила воплощают форматы медиа, а распределение ресурсов (далее, следуя логике Гидденса, Ярвард разделяет их на два вида – материальные ресурсы и авторитеты) также не вызывает у него сомнений: в современной экономической, политической или социальной жизни медиа представляют собой значимый материальный ресурс и выполняют роль авторитета.

Влияние медиа Ярвард резюмирует следующим образом: медиа делают возможными одни действия, а другие – запрещают, таким образом структурируя взаимодействия индивида с объектом[44]. Здесь Ярвард определённо чувствует острую необходимость сделать еще один шаг и заявить, что «медиа не только описывают мир, они предлагают основополагающие категорические фреймы его понимания». «Медиатизация общества – это утверждение мира, основанного на совместном опыте , который регулируется логикой медиа»[45]. Таким образом, изгнанная за дверь теория медиа *à la Маклюэн* возвращается к нам через окно.

Здесь необходимо заметить, что концепция институциональной медиатизации создает впечатление однонаправленного, линейного социального изменения. При рассмотрении исторического развития это не удивляет: термин «логика медиа» был сформирован в социальной реальности, где доминировало телевидение (о компьютере и Интернете как о среде, включающей в себя множество медиа, в то время не задумывались). А телевидение и концепции его исследования в большинстве случаев основывались на посту-

41 Цитата из Hepp, op. cit., 3.
42 Hjarvard, op. cit., 110.
43 Ibid., 116–117.
44 Ibid., 121.
45 Ibid., 128, 129.

лате, что существует массовое общество, следовательно, и массовая аудитория. Ранние исследования массмедиа исходили из предположения о более -менее универсальном воздействии на аудиторию – от легендарной модели серебряной пули до теории использования и удовлетворения (*uses & gratification*s).

В пространстве Интернета данный принцип, казалось бы, утратил свое значение. Когда отношения между создателями медиаконтента и его получателями/пользователями потеряли четко очерченные формы, постулирование линейного воздействия медиа выглядит своего рода анахронизмом. Поэтому и в теории медиатизации еще совсем недавно утверждалось[46], что в Интернете присутствует не одна единственная логика, но логика множества медиа, в связи с чем появление Интернета и конец эры массмедиа означает также конец медиатизации, по крайней мере такой, какой ее можно представить, опираясь на концепцию логики медиа Алтайда и Сноу.

Ярвард с этими сомнениями не согласен[47]. По его мнению, цифровые медиа позволяют медиатизации пробираться в совершенно новые области. Наравне со сферами политики и маркетинга, приоритетными для волнующих классических исследований коммуникации, они охватывают широкие области культуры, семью и другие институции. Все же логика медиа – единая для всех, хотя и максимально обобщенная и деконкретизированная (отделенная от конкретного медиума), а ее влияние также остается однозначным. Медиатизация других социальных институций означает их постепенную виртуализацию, не в смысле исчезновения, но в смысле перехода в виртуальный мир, доступ к которому не требует выхода из дома[48]. Данный процесс происходит во всех (*sic!*) сферах социальной жизни, хотя и не во всех столь очевиден.

В свою очередь, критики Ярварда резюмируют, что подобного рода реконцептуализация, в сущности, сохраняет и постулирует идею линейного изменения[49]. Теория медиатизации, основывающаяся на логике медиа, по сути дела, не нарушает границы понимания медиа и их влияния, сформированного эрой массовых коммуникаций[50]. Впрочем, не все теоретики медиатизации согласны с данной версией.

Слабое/социально конструктивистское понимание медииатизации и нелийнейное изменение

Отстаивая собственную концепцию медиатизации, Коулдри и Хепп[51] отмечают, что она акцентирует многообразие медиа, а теория медиатизации, согласно ей, предполагает анализ различных

---

46 Schulz, op. cit., 94; Strömbäck op. cit., 243.
47 Hjarvard, op. cit., 108, 115.
48 Ibid., 129.
49 Hepp, op. cit., 6–7.
50 Krotz, Hepp, op. cit., 141.
51 Couldry, Hepp, op. cit., 196.

ролей и статусов медиа в социокультурном коммуникационном конструировании действительности. Термин *медиатизация* в данном случае распространяется и на конструирование коммуникационной действительности (как оно представляется в различных медиа), и на те конкретные последствия, которые производят специфические медиа.

Децентрированная концепция медиа и отказ от представления о единой логике делают данную концепцию более мягкой в сравнении с институциональной, а также позволяют сделать акцент на соотношении медиа с другими социальными и культурными процессами. Тем не менее, в случае отказа от единой логики медиа приходится искать другие способы показывать и доказывать связь между медиа и социокультурной действительностью.

Фридрих Кротц – без сомнения, наиболее яркий представитель данного подхода – прибегает к помощи понятия *метапроцесс*. Согласно Кротцу[52], если мы стремимся адекватно понять социальный мир, необходимо видеть в нем последствия процессов долговременных изменений. В таком случае неизбежна концептуальная проблема. Понятие *процесс* описывает трансформации, понимаемые как линейная череда различных состояний. Иными словами, считается, что процесс протекает в конкретном измерении, у него есть начало и цель. Однако этого нельзя сказать о таких процессах, как Просвещение, индустриализация, глобализация или индивидуализация (а именно в этом ряду Кротц помещает медиатизацию) – их развитие может растягиваться на целые столетия и происходить в разных местах и культурах. Их начало и направление не очевидны, и столь же не ясно, какими конкретными характеристиками эти процессы следует наделить. Хотя такие трансформации не относятся к категории процессов, описанных ранее, они полезны потому, что теоретически описывают и объясняют определенные экономические, социальные и политические изменения. Их Кротц и называет *метапроцессами.*

Для сторонников данного понимания медиатизации современные общество и культура являются *обществом и культурой медиа*, а это значит, что, ретроспективно взглянув на историю, можно опознать происходивший и по-прежнему происходящий исторический *метапроцесс медиатизации*[53]. Таким образом, медиатизация определяет не только количественный рост медиа или всё более частое их использование в коммуникации, но и оказываемое ими влияние на трансформацию повседневности, на изменение конструктов идентичности, на различные социальные, экономические и политические отношения и в целом – на изменения культуры и общества[54]. С другой стороны, не следует оценивать конкретный метапроцесс слишком универсалистским образом. Например, процессы медиатизации нельзя рассматривать вне исторического и

52 Krotz, op. cit., 256–257.
53 Krotz, Hepp, op. cit., 138.
54 Ibid., 139.

культурного контекста. Соответственно, отдельные субпроцессы медиатизации будут иметь влияние только на определенные социальные группы[55] или приобретать решающее значение лишь в технологически развитых странах.

Андреас Хепп несколько детальнее объясняет, каким образом метапроцессы медиатизации оказывают влияние на общество. Следуя традициям социального конструктивизма, Хепп[56] считает, что создание социокультурной действительности происходит посредством коммуникации, поэтому лучше всего влияние медиа просматривается в анализе их влияния на коммуникативно скоординированные социальные действия[57]. Так, в теории и исследованиях медиатизации он предлагает перейти от происходящего на макросоциальном уровне метапроцесса к индивидуальным микровзаимодействиям и анализу влияния медиа непосредственно внутри них. Социальное изменение в таком случае означает совокупность коммуникативных микропроцессов, сформировавшуюся в результате воздействия изменяющейся системы медиа на эти процессы.

Однако снова неясно, как обосновать данное понимание изменения, сохраняя постулируемую равноценность медиа и общества и избегая технологического детерминизма, – традиционный упрек как в адрес теории медиа, так и в адрес институциональной концепции медиатизации. Ведь если влияние медиа на индивидов можно инструментализировать и операционализировать, то в этом случае следует признать ощутимый для всех эффект, несколько напоминающий логику медиа Алтайда и Ярварда или маклюэновское понимание влияния медиа[58].

Критики теории медиатизации высказывают еще больше упреков. Ампуя, Коивисто и Валиверронен[59] указывают на ряд существенных недочетов (характерных, к слову, не только данной, но частично и институциональной форме теории медиатизации):

• в каком смысле медиатизация является историческим процессом (неясно, где хотя бы примерно искать ее истоки – в модерности? А может, еще раньше? Но если медиатизация шла в ногу с человечеством в течение всей его истории, непонятно, почему именно сейчас она вышла на первый план);

• неясно, для характеристики каких конкретно обществ она используется (вряд ли существует общество, в котором не было бы медиа, однако, как и в предыдущем критическом замечании, здесь уместно спросить: с какого момента общества подвергаются медиатизации?);

55 Hepp, op. cit., 11.
56 Ibid., 14.
57 Ibid., 18.
58 Уже не говоря о том, что проблематика микро/макровзаимодействия является давней головоломкой социальных наук (детальнее см. J. Alexander, B, Giesen, R Münch, N. Smelser (eds.): *The Micro-Macro Link*, Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press (1987)).
59 Ampuja et al., op. cit., 118–120.

• каковы отношения между медиатизацией и другими метапроцессами (глобализацией, индивидуализацией, коммерциализацией), иначе говоря – в какой степени они являются последствиями медиатизации (а если всё ровно наоборот?);

• далее – что означают некоторые ключевые понятия: например, что имеется в виду под «метапроцессом»? (если согласиться с достаточно расплывчатыми определениями Кротца, то возникает вопрос, как опознать метапроцессы или как отличить их друг от друга? С другой стороны, если данная версия теории медиатизации своей концепцией метапроцесса лишь констатирует рост числа медиа в обществе, тогда непонятно, почему для анализа этого явления нужна новая перспектива и почему наличный инструментарий социальных и гуманитарных наук воспринимается как недостаточный?)

Критики теории медиатизации приходят к выводу: теория медиатизации не представляет особой теоретической ценности, а ее «светлая перспектива» гарантирует только то, что (1) ее деполитизированные и медиацентрические утверждения популярны, поскольку переключают на себя внимание с реальных проблем, вызванных технологиями социального мира, и (2) предлагаемые ею замечания о связи медиа и общества могут быть полезны институциям и группам интересов, стремящимся усилить свои позиции в современном мире[60]. Даже если такой вывод кажется слишком радикальным, приходится признать, что теории медиатизации (обеим ее версиям) еще не удалось ни соответствующим образом концептуализировать связь медиа и социального мира, ни убедительно объяснить социальное изменения из перспективы медиа.

Выводы

Теория медиатизации отрицает возможность говорить о социокультурной действительности как существующей дистанцированно от медиа. Поэтому ее представители утверждают, что:

а) для исследования коммуникации в современном медиализированном мире недостаточно традиционной методологии исследований массовой коммуникации, считающей ключевыми единицами анализа производство, текст и аудиторию;

б) классические теории медиа ошибались, концентрируясь исключительно на медиа и не принимая во внимание их взаимосвязи с социальным миром.

Очевидный уход теории медиатизации от классических исследований коммуникации и ее внимание к отношениям медиа и общества позволяют утверждать, что данная теория стремится объяснить не столько опосредованную медиакоммуникацию, сколько влияние медиа на социальный мир – и конкретно на его социальное изменение.

---

60 Ibid., 122.

В исследованиях отношений между медиа и социальной действительностью с точки зрения влияния медиа на социальный мир выделяются две разновидности теории медиатизации, соответствующим образом предлагающие отличные траектории социального изменения:

а) в институциональной теории медиатизации медиа влияют на другие институции социальной действительности, навязывая им логику медиа. Подобное понимание медиатизации предусматривает одностороннее, линейное влияние медиа на общество;

б) в социально-конструктивистской теории медиатизации последняя считается комплексным многосторонним процессом, влияющим непосредственно на то, как индивиды посредством коммуникационных микровзаимодействий конструируют свой социальный мир. Подобная концепция влияния медиа на социальное обуславливает понимание социального изменения как нелинейного и многонаправленного, а то и не имеющего направления процесса.

Несмотря на неуклонно растущую популярность в современных исследованиях коммуникации, теория медиатизации пока не достигла своих имплицитных целей и не дала объяснения ни взаимоотношениями медиа и социального мира, ни роли медиа в социальном изменении.

Перевод: Денис Петрина

НАУКА О КУЛЬТУРЕ? ИЗУЧЕНИЕ БОЛЬШИХ КУЛЬТУРНЫХ ДАННЫХ: СОЦИАЛЬНАЯ ИНФОРМАТИКА, ЦИФРОВАЯ ГУМАНИТАРИСТИКА И КУЛЬТУРНАЯ АНАЛИТИКА [1]

Лев Манович[2]

Изучение больших культурных данных: социальная информатика и цифровая гуманитаристика

Я определяю культурную аналитику (Cultural Analytics) как «анализ крупных коллекций и потоков культурных данных с помощью методов их компьютерной обработки и визуализации». Я разработал этот концепт в 2005 году, а в 2007-м мы основали исследовательскую лабораторию Software Studies Initiative[3] для того, чтобы начать работать над практическими проектами. Вот примеры теоретических и практических вопросов, направляющих нашу работу:

> Что значит репрезентировать «культуру» через «данные»? Какие уникальные возможности, недоступные качественным методам гуманитарных и социальных наук, предоставляет компьютерный анализ больших объемов культурных данных? Как использовать количественные методы для изучения ключевой культурной формы нашей эпохи – интерактивных медиа? Как мы можем объединить вычислительный анализ и визуализацию больших культурных данных с качественными методами, в том числе «медленным чтением»? (Иными словами, как сочетать анализ более крупномасштабных паттернов с анализом индивидуальных артефактов и их деталей?) Как при компьютерном анализе в должной мере учесть изменчивость и разнообразие культурных артефактов и процессов, не ограничиваясь «типичным» и «наиболее популярным»?

Восемь лет спустя, работа нашей лаборатории составляет лишь малую часть обширной области исследований. Тысячи исследователей уже опубликовали десятки тысяч работ с анализом паттернов в больших коллекциях культурных данных.

---

1 Перевод статьи Льва Мановича осуществлен Андреем Возьяновым по изданию: L. Manovich, The science of culture? Social computing, digital humanities and cultural analytics // *The Datafied society: social research in the age of big data*. Amsterdam University Press, Amsterdam. Режим доступа: http:// manovich. net/ index. php/ projects/ cultural-analytics-social-computing. – 2016.

2 Лев Манович (Lev *Manovich*) – теоретик новых медиа и цифровой гуманитаристики, автор The Language of New Media (2001) и Software Takes Command (2013). Профессор Высшей школы Городского университета Нью-Йорка, основатель и руководитель Лаборатории культурной аналитики.

3 Режим доступа: softwarestudies.com.

Прежде всего, это – данные, характеризующие активность в самых популярных социальных сетях (Flickr, Instagram, YouTube, Twitter и т.д.), контент, созданный пользователями (твиты, изображения, видео и т.д.) и предоставленный ими в общий доступ через эти сети, а также взаимодействие пользователей с этим контентом (линки, лайки, репосты, комментарии). Во-вторых, исследователи также начали анализировать отдельные сферы и исторические периоды в развитии культурных индустрий, такие как веб-дизайн, модную фотографию, поп-музыку XX и литературу XIX века и т.д. Эта работа ведется в двух – с недавних пор разрабатываемых – областях: социальной информатике (Social Computing) и цифровой гуманитаристике (Digital Humanities).

Какое место здесь отведено культурной аналитике? Думаю, она сохраняет свою релевантность в качестве интеллектуальной программы. Как мы увидим, цифровая гуманитаристика и социальная информатика изучают только определенные типы культурных данных, тогда как культурная аналитика этих ограничений не имеет. Мы также не собираемся выбирать между гуманитарными и социальными целями / методологией или же вносить в их отношения иерархию. Напротив, мы заинтересованы в том, чтобы совместить оба подхода к исследованиям культуры – от гуманитаристики взять фокусировку на частностях, интерпретациях и прошлом, а от социальных наук – сосредоточение на генерализованных, формальных моделях и прогнозах. В данной статье я буду обсуждать эти и другие характерные особенности развития и актуального состояния двух подходов к изучению крупных коллекций культурных данных, указывая на пока мало изведанные возможности и идеи.

Цифровые гуманитарии используют компьютеры, главным образом, для анализа исторических артефактов, созданных профессионалами. Пример тому – романы, написанные профессиональными писателями в XIX веке. Временные рамки их исследований не выходят за границы, установленные авторским правом отдельных стран. Например, в соответствии с законом об авторском праве США, произведения, опубликованные в течение последних 95 лет, автоматически защищены копирайтом. Так, например, в 2015 году все, созданное после 1920 года, является собственностью автора, если только это не цифровой контент, опубликованный с использованием лицензии Creative Commons. Я признаю необходимость уважать законы об авторском праве, но в таком случае цифровые гуманитарии сами отрезают себе путь к изучению настоящего.

Поле социальной информатики в тысячи раз больше. Здесь исследователи с учеными степенями по информатике изучают онлайн-контент, созданный пользователями, и взаимодействие с ним. Заметим, что эти исследования проводятся не только учёными-айтишниками, профессионально идентифицирующими себя с полем «Социальная информатика»[4], но также исследователями,

4 Диапазон тем отражают программы профильных конференций, представленные, например, здесь. Режим доступа: http://cscw.acm.

работающими в других областях компьютерного знания – таких, как, например, компьютерные мультимедиа (Computer Multimedia), компьютерное зрение (Computer Vision), автоматическое распознание музыкальной информации (Music Information Retrival), автоматический анализ речи (Natural Language Processing) и сетевая наука (Web Science). Таким образом, термин «Социальная информатика» может использоваться и в качестве зонтичного термина для всех компьютерных исследований, где изучается контент и деятельность в соцсетях. Эти исследователи имеют дело с данными, полученными после 2004 года, когда социальные сети и сервисы с функцией обмена медиа контентом начали приобретать популярность. (Поскольку проведение исследования и публикация статьи занимают один-два года, то в публикациях 2015 года, как правило, используют данные, собранные в 2012-2014 гг.) Коллекции данных здесь обычно гораздо больше, чем в цифровой гуманитаристике. Десятки или даже сотни миллионов постов, фотографий или других элементов – не редкость. Поскольку большинство пользовательского контента создается обычными людьми, а не профессионалами, социальная информатика по умолчанию изучает непрофессиональную, вернакулярную культуру.

Масштаб этого исследовательского поля способен удивить гуманитариев и людей искусства, которые могут и не подозревать, сколько народа трудится в информатике и в смежных с нею областях. Например, поиск в Google Scholar по запросу «алгоритм составления коллекций данных в Twitter» ("twitter dataset algorithm") выдал 102 000 статей, запрос «коллекции видео-данных YouTube» ("YouTube video dataset") выдал 27 800 статей, а поиск «алгоритм обработки изображений Flickr» ("flickr images algorithm") – 17 400[5]. Поисковой запрос «коллекции данных, составленные на основе алгоритмов автоматического распознания эстетически привлекательных изображений» ("computational aesthetics dataset") дал 14 100 результатов[6]. Даже если действительные цифры гораздо меньше, они все равно впечатляют. Очевидно, не все публикации затрагивают вопросы, прямо адресованные культуре, но многие делают это.

В таблице, размещенной ниже, приведены различия между этими двумя областями научного знания, как я их вижу:

---

org/2016/submit/ (автор дает ссылку на сайт конференции CSCW-2016, Computer-Supported Cooperative Work and Social Computing – *прим. переводчика*).

5 Режим доступа: https://scholar.google.com.

6 Режим доступа: https://scholar.google.com.

Области исследований	Социальная информатика и различные области информатики, где изучаются социальные сети и цифровые среды для обмена контентом	Цифровая гуманитаристика (в частности, исследования в ЦГ, в рамках которых производится количественный анализ с использованием методов информатики)
Количество публикаций	Десятки тысяч	Менее 100
Исследуемые период и материал	Веб-сайты, контент и активность пользователей в социальных медиа, начиная с 2004 г.	Исторические артефакты до начала XX века
Создатели изучаемых артефактов	Обычные люди, которые предоставляют контент для общего доступа в социальных сетях	Профессиональные писатели, художники, композиторы и т.д.
Размер коллекций данных (dataset)	От тысяч до сотен миллионов объектов и миллиарды отношений между ними	Обычно сотни или тысячи элементов

Почему исследователи-компьютерщики редко работают с большими коллекциями исторических данных? Как правило, они обосновывают необходимость своих исследований, ссылаясь на уже внедренные в промышленных масштабах разработки. Например, используют системы поиска по онлайн-контенту или информационные фильтры для него. Предполагается, что информатика создаст улучшенные алгоритмы и другие вычислительные технологии, полезные для промышленности и государственных организаций. Анализ исторических артефактов выпадает из этого круга задач, и, следовательно, мало кто из исследователей-айтишников работает с историческими данными (за исключением одной единственной области – цифрового наследия (Digital Heritage)).

Однако при взгляде на многие работы по информатике становится ясно, что в действительности здесь занимаются гуманитаристикой или исследованиями коммуникации (в привязке к современным медиа), только в большем масштабе. Возьмём, например, эти недавние публикации: «Подсчитывая визуальные предпочтения жителей планеты» и «Что мы выкладываем в Instagram: первый анализ фотоконтента и типов пользователей Instagram»[7].

[7] См. K. Reinecke, K. Gajos: Quantifying Visual Preferences Around the World, in: *Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems*, CHI '14, N. Y.: ACM, 2014, 11-20, Режим доступа: http://www.eecs.harvard.edu/~kgajos/papers/2014/reinecke14visual.pdf; Y. Hu, L. Manikonda, S. Kambhampati: What We Instagram: A First Analysis of Instagram Photo Content and User Types, in: *Proceedings of the 8th*

В первом исследовании на основе 2,4 млн оценок, полученных от 40 000 человек из 179 стран, анализируются предпочтения в веб-дизайне сайтов по всему миру. Очевидно, изучение эстетики и дизайна традиционно было областью гуманитарных наук. Во втором исследовании проанализированы наиболее частотные темы на фотографиях из Instagram – проблематика, сопоставимая с изучением жанров в голландской живописи XVII века в рамках истории искусств.

Другой пример – статья, озаглавленная «Что такое Twitter – социальная сеть или новостное СМИ?».[8] Опубликованная в 2010 году, с тех пор она была процитирована 3284 раза в других публикациях по информатике [9]. Это был первый масштабный анализ социальной сети Twitter на базе 106 млн твитов от 41,7 млн пользователей, исследование, где, в частности, рассматривались лидирующие по популярности темы и было показано, «на какие категории можно разделить лидирующие темы, как долго они остаются на вершине популярности, и какое количество пользователей участвуют в формировании этого рейтинга». Это – классические для исследований коммуникации вопросы, возвращающие к пионерской работе Пола Ф. Лазарсфельда и его коллег, которые в 1940-е вручную пересчитывали темы радиопередач. Но учитывая, что Twitter и другие микроблоговые сервисы представляют собой новую форму медиа – как масляная живопись, печатные книги или фотографии в прошлом, – то понимание медийной специфики Twitter тоже является темой для гуманитарных наук.

Незначительное число публикаций находятся на пересечении цифровой гуманитаристики и социальной информатики. В них используются вычислительные методы и алгоритмы, разработанные цифровыми исследователями для изучения современного пользовательского контента и медиа, но применяются эти методы и алгоритмы к историческим артефактам, созданным профессионалами (т.е. профессиональными художниками, писателями, издателями, музыкантами или режиссерами). Выдающиеся примеры – такие тексты, как «На пути к автоматизированному выявлению влияний в искусстве»[10], «Вирусные тексты: моделирование повторного использования текста в газетах XIX века»[11], «Измеряя количе-

---

International AAAI Conference on Weblogs and Social Media. ICWSM, 2014. Режим доступа: http://rakaposhi.eas.asu.edu/instagram-icwsm.pdf.

8 H. Kwak, Ch. Lee, H. Park, S. Moon: What is Twitter, a Social Network or a News Media? in: *Proceedings of the 19th International World Wide Web (WWW) Conference.* ACM, 2014, 591-600. Режим доступа: http://www.eecs.wsu.edu/~assefaw/CptS580-06/papers/2010-www-twitter.pdf.

9 Режим доступа: https://scholar.google.com/citations?user=M6i3Be0AAAAJ&hl=en.

10 B. Saleh, K. Abe, R. Singh, A. A. Elgammal: Toward Automated Discovery of Artistic Influence," *Multimedia Tools and Applications* (Springler, 8/19/2014): 1-27. Режим доступа: http://arxiv.org/abs/1408.3218.

11 D. Smith, R. Cordell, E. Dillon: Infectious texts: Modeling text reuse in nineteenth-century newspapers, in: *Proceedings of 2013 IEEE Conference*

ственные характеристики эволюции современной западной поп-музыки»[12] и «Быстрее, динамичнее, темнее: изменения в голливудском кино за 75 лет»[13].

Еще несколько лет назад единственный проект, где культурная история изучалась по-настоящему крупномасштабно, на миллионах текстов, был реализован, скорее, представителями точных наук, нежели гуманитариями. Я имею в виду N-Gram Viewer, который был создан в 2010 году научными сотрудниками Google Джоном Оруэнтом и Уиллом Брокманом на основе прототипа, разработанного биологом и прикладным математиком, гарвардскими аспирантами. Тем не менее, в последнее время мы наблюдаем увеличение объемов данных, с которыми работают цифровые гуманитарии. Например, в проекте «Картирование изменяющихся жанров в антологиях»[14] литературовед Тед Андервуд и его соавторы проанализировали 469 200 томов из цифровой библиотеки Trust Digital Library[15]. Искусствовед Максимилиан Ших и его коллеги изучили жизненные траектории 120 000 выдающихся исторических деятелей (проект «Сетевая основа культурной истории»)[16]. В сфере исследований литературы, фотографии, кино и телевидения становятся доступными еще более крупные исторические коллекции данных, но эти массивы еще только предстоит проанализировать. В 2012 году Нью-Йоркский Муниципальный архив опубликовал 870 000 оцифрованных исторических фотографий Нью-Йорка[17]. В 2015-м HathiTrust предоставил исследователям доступ к данным из 4 801 237 томов, содержащих 1,8 млрд. страниц[18]. В том же году The Associated Press[19] и British Movietone[20] загрузили на YouTube 550 000

on Big Data. IEEE, 2013, 84-94. Режим доступа: http://www.ccs.neu.edu/home/dasmith/infect-bighum-2013.pdf.

12 J. Serrà, Á. Corral, M. Boguñá, M. Haro, J. Arcos: Measuring the Evolution of Contemporary Western Popular Music, in: Nature Scientific Reports 2, article 521 (2012). Режим доступа: http://www.nature.com/articles/srep00521.

13 J. Cutting, K. Brunick, J. DeLong, C. Iricinschi, A. Candan: Quicker, faster, darker: Changes in Hollywood film over 75 years, in: *i-Perception,* 2 (2011), 569 – 576. Режим доступа: http://people.psych.cornell.edu/~jec7/pubs/iperception.pdf.

14 Режим доступа: http://arxiv.org/abs/1309.3323.

15 T. Underwood, M. Black, L. Auvil, B. Capitanu: Mapping Mutable Genres in Structurally Complex Volumes, in: *Proceedings of the 2013 IEEE Conference on Big Data.* IEEE, 2013. Режим доступа: http://arxiv.org/abs/1309.3323.

16 M. Schich, Ch. Song, Y.-Y. Ahn, A. Mirsky, M.Martino, A.-L. Barabási, D. Helbing: A network framework of cultural history, in: Science, 345 (2014), 558-562. Режим доступа: http://www.uvm.edu/~cdanfort/csc-reading-group/schich-science-2014.pdf.

17 Режим доступа: http://www.theatlantic.com/photo/2012/04/historic-photos-from-the-nyc-municipal-archives/100286/.

18 Режим доступа: https://sharc.hathitrust.org/features, retreived 8/20/2015.

19 Режим доступа: https://youtube.com/c/apachive.

20 Режим доступа: https://www.youtube.com/channel/UCHq777_waKMJw6SZdABmyaA

оцифрованных новостных сообщений за период с 1895 года по сегодняшний день[21].

Почему важно иметь в своем распоряжении такие крупные коллекции культурных данных? Почему бы просто не обойтись меньшими выборками? Я считаю, на то есть причины. Во-первых, если мы хотим получить репрезентативную выборку, то должны сначала располагать гораздо большим набором единиц, из которого можно выбирать, или, по крайней мере, хорошим пониманием того, *что* включает в себя такой набор. Так, например, если мы хотим создать репрезентативную подборку фильмов XX века, мы можем использовать IMDb, которая содержит информацию о 3,4 млн фильмов и телевизионных шоу, включая отдельные эпизоды[22]. Аналогичным образом, мы можем создать хорошую подборку полос старых американских газет, используя Историческую коллекцию американских газет, включающую миллионы оцифрованных газетных полос из Библиотеки Конгресса[23]. Но во многих других областях культуры таких больших коллекций данных не существует, а без них невозможно создать репрезентативные выборки.

Вот и вторая причина. Предположив, что мы можем собрать репрезентативную выборку того или иного культурного поля, мы можем использовать её для обнаружения общих для этого поля тенденций и паттернов. Так, в уже упомянутой работе «Что мы выкладываем в Instagram: первый анализ фотоконтента и типов пользователей Instagram»[24] трое исследователей изучили тысячу фотографий в Instagram и выделили восемь наиболее частотных категорий (селфи, друзья, мода, еда, гаджеты, деятельность, домашние животные, фотографии с подписями). Выборка в тысячу фотографий была случайным образом составлена из большего набора фотографий, размещенных в публичном доступе 95 343 уникальными пользователями. Вполне возможно, эти восемь категорий были самыми популярными среди Instagram-фотографий, размещенных из разных точек планеты в то время, когда проводилось исследование. Однако, как мы увидели в наших проектах, посвященных анализу Instagram-снимков из разных городов и их частей (например, из центра Киева во время украинской революции 2014 года в проекте «Исключительное и повседневное»[25]), люди размещают фотографии других видов. В зависимости от времени и места некоторые виды фотографий могут обогнать по популярности восьмерку лидеров. Другими словами, хотя маленькая выборка и позволяет найти «типичное» или «самое популярное», она не раскрывает того, что я называю «островами контента» – разновидно-

[21] Режим доступа: http://www.ap.org/content/press-release/2015/ap-makes-one-million-minutes-of-history-available-on-youtube.
[22] IMDb. Режим доступа: http://www.imdb.com/stats.
[23] Режим доступа: http://chroniclingamerica.loc.gov/about/
[24] Reinecke, op.cit.
[25] L. Manovich, M. Yazdani, A. Tifentale, J. Chow: The Exceptional and the Everyday: 144 hours in Kyiv, 2014. Режим доступа: http://www.the-everyday.net/.

стей связного контента со специфическими семантическими и/или эстетическими характеристиками, размещаемого в публичном доступе в небольших количествах.

Можем ли мы изучить всё?

Когда я впервые начал думать о культурной аналитике в 2005 году, оба исследовательских поля – цифровая гуманитаристика и социальная информатика – только-только начинали формироваться. Я почувствовал потребность в этом новом термине, чтобы сигнализировать – работа нашей лаборатории не будет просто частью цифровой гуманитаристики или социальной информатики, но будет охватывать предметные области, изучаемые обеими. Подобно цифровым гуманитариям, мы заинтересованы в анализе исторических артефактов, но нам в равной степени интересна современная цифровая визуальная культура (в частности, Instagram). Кроме того, нам интересны как профессиональная культура, так и артефакты, созданные увлеченными непрофессионалами, художниками, находящимися за пределами мира искусства (например, deviantart.com, «крупнейшая социальная интернет-сеть для художников и почитателей искусства»[26]), или теми, кто занимается творчеством от случая к случаю (например, теми, кто иногда загружают свои фото в соцсети). Как и цифровых социологов вместе с учеными-айтишниками, нас привлекает изучение общества через социальные медиа и изучение социальных явлений, характерных для соцсетей.

Пример изучения общества через социальные медиа – поиск в городе схожих соседских сообществ (neighborhoods) на основе изучения активности в социальных медиа, как в проекте «Цифровые соседства (Livehoods): использование социальных медиа для понимания городской динамики»[27]. Пример изучения социального измерения соцсетей – анализ паттернов распространения информации в Интернете, как в проекте «Отложенные информационные каскады во Flickr: измерение, анализ и моделирование»[28]. Однако, если социальная информатика фокусируется на *социальном* в социальных сетях, то культурная аналитика сосредотачивается на *культурном*. Таким образом, наиболее релевантной областью социальных наук для культурной аналитики является социология культуры, и только потом – социология с экономикой.

---

[26] Режим доступа: http://about.deviantart.com/.

[27] J. Cranshaw, R. Schwartz, J. Hong, N. Sadeh: The Livehoods Project: Utilizing Social Media to Understand the Dynamics of a City, in: *The 6th International AAAI Conference on Weblogs and Social Media*. Dublin, 2012. Режим доступа: https://s3.amazonaws.com/livehoods/livehoods_icwsm12.pdf.

[28] M. Cha, F. Benevenuto, Y.-Y. Ahn, K. Gummadi: Delayed information cascades in Flickr: Measurement, analysis, and modeling, in: *Computer Networks* 56 (2012), 1066–1076. Режим доступа: http://200.131.208.43/bitstream/123456789/2022/1/ARTIGO_DelayedInformationCascades.pdf.

Мы верим, что контент интернет-сайтов и соцсетей вместе с активностями пользователей дают беспрецедентную возможность для описания, построения теоретических моделей и компьютерного моделирования глобального культурного универсума, покуда продолжаются переосмысление и ревизии основополагающих концептов и инструментов гуманитаристики, разработанных для анализа «малых культурных данных» (т.е. очень избирательно сформированных и нерепрезентативных выборок). Согласно весьма авторитетному определению, данному британским критиком Мэтью Арнольдом (1869), культура – это «лучшее, что было помыслено и сказано в этом мире»[29]. Академическая гуманитаристика по большей части следовала этому определению. И когда гуманитарии восстали против собственных же канонов, включив в обновленное понимание культуры работы исключенных ранее людей (женщин, не-белых, незападных авторов, квир-людей и т.д.), то зачастую они включали лишь «лучшее» из созданного теми, кто был ранее исключен.

Культурная аналитика интересуется *всем, создаваемым всеми*. В этом смысле мы подходим к культуре так же, как лингвисты – к изучению языков, а биологи – к изучению жизни на Земле. В идеале мы хотим изучать каждое проявление культуры, а не избирательно сформированные выборки. (Эта более систематическая перспектива не так уж отличается от той, что задана культурной антропологией). Пример более широкой рамки, позволяющей сочетать профессиональное и общеупотребительное, историческое и современное, дает серия проектов, над которыми наша лаборатория работает с 2008 года. Мы изучили исторический, созданный профессионалами, культурный контент со всех обложек журнала *Time* (1923-2009); живопись Винсента Ван Гога, Пита Мондриана и Марка Ротко; 20 000 фотографий из коллекции Музея современного искусства в Нью-Йорке (MoMA); один миллион страниц из 883 комиксов манга, опубликованных за последние 30 лет. Наши исследования актуального вернакулярного контента включают *Phototrails* (сравнение визуальных профилей 13 мегаполисов на основе 2,3 млн фото в Instagram)[30]; *Исключительное и обыденное: 144 часа в Киеве* (анализ Instagram-изображений, выложенных в Киеве во время украинской революции 2014 года)[31] и *На Бродвее* (интерактивная инсталляция, позволяющая изучать Бродвей в Нью-Йорке на основе 40 млн. точек данных и фотографий, созданных пользователями)[32]. Мы также рассматривали современный любительский и полупрофессиональный художественный контент (один

[29] M. Arnold. *Culture and Anarchy.* London, 1869. Режим доступа: http://www.library.utoronto.ca/utel/nonfiction_u/arnoldm_ca/ca_all.html.

[30] N. Hochman, L. Manovich, J. Chow: Phototrails, 2013. Режим доступа: http://phototrails.net/.

[31] L. Manovich, M. Yazdani, A. Tifentale, J. Chow: *The Exceptional and the Everyday: 144 hours in Kyiv,* 2014. Режим доступа: http://www.the-everyday.net/.

[32] D. Goddemeyer, M. Stefaner, D. Baur, L. Manovich: *On Broadway,* 2014. Режим доступа: http://on-broadway.net/.

миллион работ, размещенных тридцатью тысячами полупрофессиональных художников на www.deviantart.com). В настоящее время мы изучаем набор данных из 265 млн. изображений, выложенных в Twitter по всему миру в 2011–2014 гг. Подытоживая, мы не проводим границу между (небольшими) историческими артефактами, созданными профессионалами, и (более объемным) цифровым контентом, созданным непрофессионалами и размещенным в Сети. Напротив, мы свободно черпаем данные из обоих источников.

Очевидно, соцсети – это еще не все человечество, а размещаемый в них контент порой специфичен для этих сетей (как селфи для Instagram) и отличается от всего, что существовало до их появления. Форму контенту также придают технологические инструменты и интерфейсы, используемые для его создания, сбора, редактирования и совместного использования (например, фильтры в Instagram или шаблоны коллажей, предлагаемые сторонними приложениями – такими как InstaCollage). Доступные пользователю культурные действия также определены технологиями. Например, в соцсетях вы можете «лайкнуть», поделиться и/или прокомментировать контент. Иными словами, как и в квантовой физике, инструмент здесь может влиять на явления, которые мы хотим изучить. Все это необходимо самым тщательным образом учитывать, когда мы изучаем контент, созданный пользователями, и их активности в соцсетях. Хотя при помощи API легко получить доступ к большим объемам контента в соцсетях, это не «всё» от «всех». (API означает Application user interface, пользовательский интерфейс веб-приложения. Это механизм, который позволяет любому загрузить большие объемы пользовательского контента из всех основных социальных сетей. Во всех публикациях по информатике для загрузки данных, подлежащих анализу, используется API.)

Общее и особенное

Когда гуманитарные науки занимались «малыми данными» (контент, созданный отдельными авторами или небольшими группами), социологическая перспектива была лишь одной из многих возможностей интерпретации – если только вы не были марксистом. Но как только мы начинаем изучать онлайн-контент и сетевое поведение миллионов людей, эта перспектива становится почти неизбежной. В случае больших культурных данных *культурное* и *социальное* накладываются друг на друга. Большие группы людей из разных стран и социально-экономических слоев (социологическая перспектива) делятся фотографиями, видео, текстами, тем самым совершая эстетический выбор (перспектива гуманитарных наук). Из-за этого наложения вопросы, изучаемые в социологии культуры XX века (пример тому – ее самый влиятельный представитель Пьер Бурдье[33]), имеют прямое отношение к культурной аналитике.

[33] P. Bourdieu: *Distinctions. A Social Critique of the Judgment of Taste.* Harvard University Press, 1984.

Принимая во внимание, что некоторые демографические категории стали само собой разумеющимися для нашего способа размышлять об обществе, сегодня вполне естественно группировать людей по этим категориям и сравнивать их по социальным, экономическим или культурным показателям. Например, Pew Research Center регулярно размещает статистические отчеты об использовании популярных социальных платформ, разбивая выборку пользователей по таким демографическим признакам, как пол, этническая принадлежность, возраст, образование, доход и место проживания (город, пригород и сельская местность)[34]. Таким образом, если нас интересуют различные детали поведения пользователей в социальных медиа – такие, как размещаемые и предпочитаемые типы снимков, используемые фильтры или позы для селфи, это логично – изучать различия между выходцами из разных стран, социально-экономических слоев, пользователей разной этнической принадлежности или технической грамотности. Ранние исследования в области социальной информатики не учитывали такие различия (в большинстве работ в области социальной информатики их не рассматривают до сих пор), принимая всех пользователей за один недифференцированный массив «человечества». Но в последнее время начинают попадаться публикации, где пользователей разбивают на демографические группы. Хотя это очень позитивная тенденция, возможно, нам не стоит здесь заходить далеко. Гуманитарное исследование процессов и явлений культуры с использованием количественных методов не должно сводиться к социологии, т.е. учету одних лишь характеристик и сетевого поведения социальных групп.

Социологическая традиция в большей степени связана с поиском и описанием *общих* паттернов в поведении человека, чем с анализом или прогнозированием поведения индивидов. Культурная аналитика также интересуется паттернами, которые могут быть выведены в ходе анализа больших коллекций культурных данных. Тем не менее, в идеале *анализ общих паттернов приведет нас к конкретным случаям,* т. е. отдельным создателям контента, их творениям или формам культурного поведения. Например, компьютерный анализ всех фотографий, сделанных фотографом за время долгой карьеры, может вывести нас на маргинальные случаи – фотографии, которые в наибольшей степени выпадают из общего ряда. Так же мы можем анализировать миллионы Instagram-снимков, выложенных в сеть во множестве городов, чтобы обнаружить типы изображений, присущие каждому мегаполису (пример из исследования, в настоящий момент выполняемого нашей лабораторией).

Другими словами, мы можем сочетать озабоченность социальных наук (и науки в целом) *общим* и *регулярным* с озабочен-

[34] Demographics of Key Social Networking Platforms, 2015. Режим доступа: http://www.pewinternet.org/2015/01/09/demographics-of-key-social-networking-platforms-2/

ностью гуманитаристики *индивидуальным* и *частным* (в конце концов, все великие художники в истории искусства были чужаками для современников). Только что описанные примеры анализа массивных коллекций данных с аналитическим приближением (зуммированием) отдельных объектов из этих коллекций, иллюстрирует один, но далеко не единственный из способов достичь этого сочетания.

Наука о культуре?

Цель науки – объяснить явления и представить компактные математические модели, которые описывают, как эти явления работают. Три закона Ньютона в физике – прекрасный пример того, как классическая наука достигала этой цели. С середины XIX века целый ряд новых областей научных исследований принял новый, вероятностный подход. Первым примером было статистическое распределение, описывающее наиболее вероятные скорости частиц газа, – его представил Максвелл в 1860 году (в настоящее время оно называется распределением Максвелла-Больцмана). А как насчет социальных наук? На протяжении XVIII и XIX веков многие мыслители ожидали, что со временем будут найдены законы, управляющие обществом, аналогичные физическим[35]. Этого так и не произошло (ближе всего социально-философская мысль XIX века подошла к формулированию объективных законов в работах Карла Маркса). Вместо этого позитивистские науки об обществе, возникшие в конце XIX – начале XX века, освоили вероятностный подход. Таким образом, вместо того чтобы искать законы, детерминирующие жизнь общества, социологи изучают корреляции между измеримыми параметрами и моделируют отношения между «зависимыми» и «независимыми» переменными при помощи статистических методов. За детерминистской и вероятностной парадигмами в науке последовала парадигма математического моделирования – создание рабочих компьютерных моделей для имитации поведения систем. Первая масштабная компьютерная симуляция была создана в 1940 году в Манхэттенском проекте для моделирования ядерного взрыва. Впоследствии симуляция была адаптирована во многих точных науках, а в 1990-е годы воспринята социологами.

В начале XXI века объемы цифрового контента и взаимодействия пользователей в Сети позволяют нам помыслить «точную науку о культуре». Так, летом 2015 года пользователи Facebook размещали 400 миллионов фотографий и отправляли 45 миллиардов сообщений в день[36]. Этот порядок величин по-прежнему намного меньше, чем у атомов и молекул – например, 1 см^3 воды содержит 3,33*10^{22} молекул. Тем не менее, это больше, чем число нейронов

35 Ph. Ball: *Critical Mass*. L: Arrow Books, 2004, 69-71.
36 Режим доступа: http://expandedramblings.com/index.php/by-the-numbers-17-amazing-facebook-stats/15/.

в нервной системе среднестатистического взрослого человека, оцениваемое в 86 миллиардов. Но если наука сегодня располагает несколькими фундаментальными подходами к изучению и пониманию явлений – это детерминистские законы, статистические модели и компьютерное моделирование, – какие из них гипотетическая наука о культуре должна адаптировать для своих нужд?

Из работ исследователей-айтишников, изучающих социальные медиа на основе коллекций данных, ясно, что по умолчанию в них используется статистический подход[37]. Содержание социальных медиа и поведение пользователей они описывают в терминах вероятностей. Этот подход предполагает создание статистических моделей – то есть математических уравнений, определяющих отношения между переменными, которые могут быть описаны, скорее, с помощью вероятностных распределений, чем конкретных значений. В большинстве работ сегодня также используется контролируемое машинное обучение – автоматическое создание моделей, способных классифицировать или предсказывать значения новых данных на основании уже имеющихся. В обоих случаях модель учитывает лишь часть данных, что типично для статистического подхода.

Исследователи-айтишники, изучающие социальные медиа, используют статистику иначе, чем социологи. Социологи хотят *объяснить* социальное, экономическое или политическое явление (например, влияние социального положения семьи на детскую успеваемость). Айтишники, как правило, не обременяют себя объяснением паттернов, обнаруженных в социальных медиа, через установление их связи с некими внешними социальными, экономическими или технологическими факторами. Вместо этого они обычно либо изучают явления, имманентно присущие социальным медиа, либо пытаются предсказать внешние явления, используя информацию, извлеченную из социальных медиа. Пример первого подхода – статистическое описание того, сколько в среднем добавлений в «Избранное» может получить фото на Flickr по истечении определенного периода времени[38]. Пример второго подхода – сервис Google Flu Trends, который предсказывает активность вируса гриппа, комбинируя статистику поиска в Google с официальными эпидемическими данными от CDC (Центра США по контролю и профилактике заболеваний)[39].

Разница между детерминистскими законами и недетерминистскими моделями заключается в том, что последние описывают ве-

[37] Ученые-айтишники также используют много новых методов, которые не были частью статистики прошлого века, включая глубинный анализ данных (data mining) и машинное обучение. Я обсуждаю эти различия в статье Data Science and Digital Art History, in: *International Journal for Digital Art History*, 1 (2015), Режим доступа: https://journals.ub.uni-heidelberg.de/index.php/dah/article/view/21631.

[38] Cha, op. cit.

[39] Режим доступа: http://googleresearch.blogspot.com/2014/10/google-flu-trends-gets-brand-new-engine.html, 10/31/2014.

роятности, но не определенности. Законы классической механики применимы к любым макроскопическим объектам. И напротив, вероятностная модель для прогнозирования числа отметок «Избранное» на Flickr, рассматриваемая в качестве производной от времени, прошедшего с момента загрузки, не может дать точную цифру для каждого отдельного фото. Она описывает только общую тенденцию. Кажется, это подходящий метод для «науки о культуре». Если мы вместо этого начнем постулировать детерминистские законы культурной активности человека, то что же произойдет с идеей свободы воли? Даже в случае, казалось бы, довольно автоматичного культурного поведения (добавление в «Избранное» в социальных сетях фотографий с определенным содержанием, таким как красивые пейзажи, милые питомцы или позирующие девушки) мы не хотели бы редуцировать людей к механическим автоматам для передачи мемов.

В настоящее время акцент на вероятностных моделях в изучении онлайн-поведения не оставляет места для третьей научной парадигмы – компьютерного моделирования (симуляции). Насколько мне известно, ни в социальной информатике, ни в цифровой гуманитаристике компьютерное моделирование еще не освоено в качестве инструмента для изучения пользовательского контента, его тематики, типов изображений и т.д. Если в 2009 году ученые из исследовательского центра Almaden IBM создали компьютерную модель визуальной коры головного мозга человека с помощью 1,6 миллиарда виртуальных нейронов с 9 триллионами синапсов[40], то почему мы не можем помыслить модель, например, всего контента, ежегодно производимого пользователями Instagram? Или всего контента, размещаемого пользователями крупнейших социальных сетей? Или типов изображений, размещаемых людьми для общего доступа? Смысл таких симуляций будет не в том, чтобы построить правильную модель или точно предсказать, чем пользователи будут делиться в Сети в следующем году. Вместо этого мы можем последовать совету авторов влиятельного учебника «Компьютерное моделирование для социальных исследователей», которые утверждают, что одна из целей моделирования – «добиться лучшего *понимания* некоторых особенностей социального мира» и что моделирование может быть методом «*построения теории*»[41] (выделено мной. – Л. М.). Так как компьютерное моделирование требует разработки эксплицированной и точной модели явления, осмысление возможностей моделирования культурных процессов может помочь нам в разработке более четких и подробных теорий, чем те, что мы обычно используем (для примера того, как агентное моделирование может быть использовано для изучения эволюции че-

---

40 Режим доступа: http://www.popularmechanics.com/technology/a4948/4337190/, 12/17/2009.

41 N. Gilbert, K. Troitzsch: *Simulation for the Social Scientist*, McGraw Hill Education, 2005, 3-4.

ловеческих обществ, см. проект «Война, пространство и эволюция сложных обществ Старого Света»[42]).

А как насчет «больших данных»? Разве они не представляют собой новую парадигму со своими собственными методами исследования? Это сложный вопрос, заслуживающий отдельной статьи. (Если мы говорим о методах и техниках исследования, то развитие компьютерной сферы в 2000-х годах, в частности, увеличение мощности процессора и объема оперативной памяти, а также использование графических процессоров и вычислительных кластеров, было, вероятно, важнее, чем доступность больших объемов данных. И даже если в использовании машинного обучения с большими тренировочными массивами данных достигнуты значительные успехи, в большинстве случаев это само по себе не обеспечивает объяснения явлений.) Тем не менее, в качестве заключения я хочу упомянуть одно интересное для гуманитариев понятие, которое мы можем заимствовать из аналитики больших данных и использовать его несколько в ином направлении.

Социальная наука XX века работала над тем, что мы можем назвать «длинными данными»[43]. То есть число случаев, как правило, во много раз превосходило число анализируемых переменных. Представьте, что мы расспросили 2000 человек об их доходах, уровне образования в семье и периоде обучения. В результате мы имеем 2000 случаев и три переменные. Мы можем изучить корреляции между этими переменными, кластеризовать данные или выполнять другие виды статистического анализа.

Самый экстремальный перекос в эту сторону наблюдался у истоков социальной науки. Первый позитивистский социолог – Карл Маркс – делил все человечество на два класса: людей, владеющих средствами производства, и людей, не владеющих ими, т.е. на капиталистов и пролетариат. Позже социологи добавили другие разделения. Сегодня эти классификации присутствуют в многочисленных опросах, исследованиях, отчетах, в популярных СМИ и в научных публикациях – чаще всего это пол, раса, этническая принадлежность, возраст, образование, доход, место проживания, вероисповедание и некоторые другие (список дополнительных переменных варьируется от исследования к исследованию). Но независимо от деталей данные, собранные, проанализированные и интерпретированные, – очень «длинные». Целые популяции или выборки, составленные на их основе, описываются с помощью малого числа переменных.

---

[42] P. Turchina, T. Currieb, E. Turnerc, S. Gavriletsd: War, space, and the evolution of Old World complex societies, in: *PNAS,* 110/41 (2013), 16384-16389.

[43] Я использую этот термин иным образом, нежели Сэмьюэл Абресман в S. Abresman: Stop Hyping Big Data and Start Paying Attention to 'Long Data'// *Wired*, 1/29/2013. Режим доступа: http://www.wired.com/2013/01/forget-big-data-think-long-data/.

Но почему это так? В области компьютерного анализа медиа и компьютерного зрения исследователи-компьютерщики используют алгоритмы для извлечения тысяч характеристик каждого изображения, видео, твита, имейла, и т.д.[44]. И хотя, например, Винсент Ван Гог создал всего 900 картин, они могут быть описаны по тысячам независимых параметров. Точно так же мы можем описать всех и каждого жителя большого города по миллионам независимых показателей, извлекая всевозможные характеристики из поведения в социальных медиа. В качестве другого примера возьмем наш собственный проект «На Бродвее», где мы представляем Бродвей на Манхэттене через 40 миллионов точек данных и снимков, используя сообщения, изображения и регистрации в сети (check-ins), привязанные к этой улице в Twitter, Instagram и Foursquare, а также данные о поездках на такси и показатели из переписи населения США по прилегающим районам[45]. Другими словами, вместо *длинных данных* мы можем иметь в своем распоряжении *широкие данные* – очень большое и потенциально бесконечное число переменных для описания набора случаев. Обратите внимание, что, если у нас переменных больше, чем случаев, такое представление будет противоречить здравому смыслу и социальных наук, и науки о данных. Последняя отсылает к процессу усиления управляемости большим количеством переменных через *снижение размерности*. Но «широкие данные» дают нам возможность переосмыслить фундаментальные допущения насчет того, что такое общество и как его изучать; что такое культура, карьера в искусстве, совокупность изображений, группа людей с похожими эстетическими вкусами и так далее. Вместо того, чтобы выделять культурную историю с использованием одного параметра (время), двух (время и географическое расположение) или еще нескольких (например, тип медиа и жанр), мы можем задействовать бесконечное число параметров. Целью «анализа широких данных» будет не только поиск новых сходств, взаимосвязей и кластеров в универсуме культурных артефактов, но, в первую очередь, помощь в проблематизации нашего привычного взгляда на вещи, где определенные параметры считаются само собой разумеющимися. И это один из примеров главного метода культурной аналитики – *остранения* [46], «взгляда с удивлением» на наши основные культурные концепты, а также способы организации и понимания коллекций культурных данных; когда данные и методы их обработки используются для вопрошания о том, как мы думаем, видим и что в конечном счете делаем с нашими знаниями.

44 Я объясняю причину использования большого количества функций в статье Data Science and Digital Art History, op. cit.

45 Режим доступа: http://www.on-broadway.nyc/.

46 Термин «остранение» ввел русский литературный теоретик Виктор Шкловский в своем эссе «Искусство как прием» в 1917 году. Режим доступа: http://www.opojaz.ru/manifests/kakpriem.html

Благодарности

Я благодарен моим коллегам по исследованиям в области информатики и цифровой гуманитаристики за многочисленные дискуссии на протяжении долгих лет. Моя благодарность также адресована студентам, докторантам и исследователям, которые работали в нашей лаборатории с 2007 года и так многому меня научили. Наша работа была щедро поддержана Фондом Эндрю Меллона, Национальным фондом развития гуманитарных наук, Национальным научным фондом, Национальным научно-исследовательским вычислительным центром энергетики (NERSC), отделением аспирантуры Городского университета Нью-Йорка (CUNY), Калифорнийским институтом телекоммуникаций и информационных технологий (Calit2), Университетом Калифорнии – Сан-Диего (UCSD), Гуманитарным исследовательским институтом Калифорнии, Министерством образования Сингапура и Музеем современного искусства (Нью-Йорк).

Перевод с английского Андрея Возьянова

КУРИРОВАНИЕ КАК ПРЕДЧУВСТВИЕ: О ЦИФРОВОЙ ИНТЕРПЕЛЛЯЦИИ ГУМАНИТАРИЯ[1]

Галина Орлова[2]

Abstract

The author considers the possibility of mastering the position of a digital curator by a humanist. Digitalization of scholarship and increasing in the volume of available data amend the protocol of empirical research and change the modes of representation for the outcome of investigation. It is possible that tomorrow the author's contribution to the production of knowledge will be measured not only by a monologic writing, but also by curated datasets, layouts and thematic collections. How can one remain a researcher-humanitarian producing critical knowledge, being sensitive to contexts and being capable of reflection in the process of accompanying data? Since in the actual digital humanities the conceptual language for data curation hasn't developed, the author asks this question to discourse of cultural content curating in the Web, to e-science with its interest to long-life data curation and to curatorial trend at the contemporary art.

Keywords: digital manifesto, curation, digital curation, data curation, curating, the curatorial, digital humanities.

Цифровая эпоха вносит свои коррективы в характер научной работы и расширяет спектр позиций, с которых мы, исследователи, эту работу ведем. Сегодня астрофизиков и генетиков, историков и филологов призывают не только осваивать азы программирования и плести сети сотрудничества, но и курировать данные, свои и чужие[3]. Каковы условия возможности отклика гуманитария?

---

1 Размышления, положенные в основу этого текста, впервые были представлены в качестве сообщения на зимней школе Mediatization of Knowledge, организованной Альмирой Усмановой в декабре 2015 года в ЕГУ (Вильнюс, Литва). Они стали содержанием доклада, прочитанного в мае 2016 года в ЦНСИ (Санкт-Петербург, Россия), организованного Издательским домом «Когита» при поддержке Фонда Наумана. Работа над текстом шла в рамках проекта «Знание на экране: визуальный перевод в социогуманитарных проектах», реализуемого в ЛИКИ ШАГИ РАНХиГС в 2016 году.

2 Галина Орлова – доцент департамента социальных наук ЕГУ (Вильнюс, Литва), доцент Академии психологии и педагогики Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия), руководитель Обнинского цифрового проекта.

3 Говоря о данных, я вслед за Кристофом Щёчем имею в виду частичные репрезентации объектов исследования той или иной отрасли знания, существенно усложняющие наши отношения с

Сначала был манифест

В 2009 году в сети Интернет появился программный «Манифест цифровой гуманитаристики 2.0». Годом позже в режиме краудсорсинга за неделю была написана коллективная монография «Взломать академию: новые подходы к научной работе и обучению из перспективы цифровой гуманитаристики». А в 2012 году в профильной серии, издаваемой MIT, вышло экспериментальное руководство к действию «Цифровая гуманитаристика»[4]. Сквозь пеструю конкретику текстов проступил дискурсивный формуляр нового жанра.

Цифровые манифесты адресованы академии и оповещают ее о стремительном устаревании способов научной работы в новых информационных средах. Они принадлежат роду идеологии, поскольку позволяют по-альтюссеровски артикулировать воображаемое отношение к реальным условиям существования. Манифесты зовут профессиональных исследователей открывать свои данные миру и пересматривать представления о теории, использовать аналитические возможности визуализации и оптимизированного доступа к информации, сотрудничать, отказаться от гегемонии типографских форм репрезентации знания и, наконец, курировать[5].

Гуманитариям и книжникам – тем, чьи бумажные позиции компьютерная цивилизация, казалось бы, пошатнула и ослабила, – к цифровому курированию рекомендуют присмотреться особенно настойчиво. Дракер и Бёрдик с соавторами видят в нем возвращение коллекционирования и умелого хранения – привилегированных

этими объектами. Признаю, что у гуманитариев есть веские причины сопротивляться редукции текстов, изображений, звуков, с которыми они традиционно имеют дело, к данным – из этого омута того и гляди выскочит недобрый дух стандартизации и инженеринга. И все же надеюсь, что эпистемологический потенциал датафикации использовать удастся. См.: Ch. Schoch: Big? Smart? Clean? Messy? Data in the Humanities, in: *Journal of Digital Humanities*, 2/3 (2013).

4 См.: J. Schnapp, T. Presner, P. Lunenfeld: The Digital Humanities Manifesto 2.0, in: *Retrieved September*, 23 (2009), 2018; D. Cohen, T. Scheinfeldt (eds.): *Hacking the Academy: New Approaches to Scholarship and Teaching from Digital Humanities*, University of Michigan Press, Digital Culture Book 2010; T. Hey, S. Tansley, K. Tolle (eds.): *The Fourth Paradigm. Data-intensive Scientific Discovery*, Microsoft Research 2009; A. Burdick, J. Drucker, P. Lunenfeld, T. Presner, J. Schnapp: *Digital humanities*, Cambridge: MIT Press 2012.

5 См.: Ch. Borgman: *Scholarship in the Digital Age: Information, Infrastructure and the Internet*, MIT Press 2010; C. Dede: A Seismic Shift in Epistemology, in: *EDUCAUSE Review*, 43/3 (2008), 80–81; A. Hunter: Digital humanities as THIRD Culture, in: *MedieKultur*, 57 (2014), 18–33; E. Meyer, R. Schroeder: *Knowledge machines: Digital transformations of the sciences and humanities*, Cambridge: The MIT Press 2015; M. Waldrop: Science 2.0 – Is Open Access Science the Future?, in: *Scientific American*, 2008. Режим доступа: http://www.scientificamerican.com/article/science-2-point-0/.

форм догуттенберговской учености[6]. Шнапп и Преснер объявляют курирование ключевым элементом гуманитарной науки будущего и заявляют о необходимости переделать исследователя в куратора[7]. Речь идет не только о перезагрузке отношений между лабораторией и музеем / архивом / библиотекой в условиях, когда данные хранят, пополняют, вторично используют, но и о пересмотре репертуара научно-исследовательской работы. Как эти данные экспонировать в процессе исследования? Что при этом говорить и делать исследователю? От освоения им кураторской позиции сегодня ждут обновления рефлексии, усложнения отношений между текстом и теорией, умножения материальных и рукотворных аналитик, создания дополненной реальности научного поиска. Характер интеллектуальных вкладов, границы авторства, формы вовлеченности в производство знания и его качество – все изменяется, когда мы начинаем курировать. Прочитанное таким образом курирование заслуживает внимания. Вот только цифровые манифесты не поясняют, как курировать данные, оставаясь гуманитарием.

Эпоха (цифрового) курирования контента

Ханс Уильрих Обрист – один из самых заметных кураторов наших дней – начинает свои «Пути кураторства» с иронической коллекции порядков употребления модного концепта. Здесь есть место обрывкам ресторанных рецензий, рекламным брендам и политическим метафорам: «энергичный куратор» освежает стандартные димсамы, разноцветные брюки называют «штанами кураторскими», а отчаяние оказывается чем-то, что можно курировать[8]. В эту же подборку попадает курирование видеоигр, интернет-сообществ и контента в соцсетях. Обрист связывает спрос на кураторство с «безудержным размножением и репродуцированием идей, сырых данных и обработанной информации, образов, научных знаний и материальных объектов». Он признает, что умножение информации – это «взрывной эффект Интернета»[9], но отказывается устанавливать связь между цифровыми средами и изменением символического статуса курирования. Обрист выбирает более крупный – столетний – интервал трансформаций и предлагает политэкономическое истолкование ситуации: «Недорогих в производстве товаров стало так много, как сотню лет назад и представить было невозможно. Результатом этого, по всей видимости, и стал рост значения выбора между вещами в сравнении с их производством[10] <…> Мы, в свою очередь, ждем от культуры, чтобы она научила нас ориентироваться в этом изобилии, а в нашу при-

---

6 Burdick, Drucker, op. cit., 32.

7 Schnapp, Presner, op. cit., 8.

8 Х.У. Обрист: *Путями кураторства*, М.: Ад Маргинем Пресс 2016, 26-27.

9 Обрист, указ. соч., 27.

10 Обрист, указ. соч., 27.

вычку вновь вошло обращение к нематериальному, к качеству, а не к количеству. Может быть, в этом и есть причина, по которой наше внимание сместилось от производства предметов к выбору уже существующих»[11]. Куратор – культурный оператор такого выбора.

Говоря о цифровом курировании, на место массового производства и удешевления товаров следует поставить умножение контента и облегченный доступ к нему через информационные сети. В этом многообразии кто-то – почему бы и не куратор? – должен помочь сориентироваться. Размерность эпохи цифровому курированию удалось придать на страницах *Wired*[12]. Здесь в 2010 году Элиот ван Баскёрк опубликовал статью, не без аффектации озаглавленную «Ошеломлены? Добро пожаловать в эпоху курирования»[13]. Это был отклик на маркетинговую стратегию корпорации Apple, которая под знаком курирования и необходимости выбирать функционал ограничила число приложений, доступных пользователям iPhone. Ван Баскёрк убежден: эпоха началась раньше – тогда, когда мы предпочли страницу в социальной сети персональному сайту, ссылку на запись – музыкальной рецензии, стали использовать фильтры новостей от Google и устройства ограниченной функциональности вроде Kindle. Упоминание в блоге, минимальное ориентирующее участие и прививка опыта с тех пор стали эффективнее рецензии, а куратор – успешнее критика. В мире, наводненном данными, цифровое курирование функционирует как структура ограничивающего доступа, необременительной навигации и нового посредничества.

От статьи Баскёрка авторы, проявившие академический интерес к цифровому курированию, ведут ему отсчет. Так, Илана Снайдер[14] видит вклад Баскёрка в том, что курирование в Интернете было опознано в качестве социальной практики, приобретающей фундаментальное значение в современном мире – ведь без участия цифрового куратора информация сгинет в пучине Всемирной сети. По мере умножения символического капитала куратора, процедуры кураторского отбора все чаще приобретают остроту политического действия[15]. Снайдер выделяет четыре дискурсивные лабора-

---

11 Обрист, указ. соч., 79.

12 Калифорнийский электронный журнал, чувствительный к восходящим трендам и влияниям компьютерных технологий на политику, экономику, культуру.

13 E. Buskirk: Overwhelmed? Welcome the Age of Curation, in: *Wired*, 5 (2010). Режим доступа: http://www.wired.com/2010/05/feeling-overwhelmed-welcome-the-age-of-curation/.

14 I. Snyder: Discourses of 'curation' in digital times, in: R. Jones, A. Chik, Ch. Hafner (eds.): *Discourse and Digital Practices: Doing discourse analysis in the digital age*, Routledge 2015, 209.

15 Пример тому – напряжение, возникшее в конце февраля 2017 года вокруг программы феминистского фестиваля, организуемого в Москве хипстерской «платформой для обмена знаниями» *T&P* вместе с образовательным пространством *DI Telegraph*. Любава Малышева в материале для *Радио Свобода* каталогизировала недовольство, которое вызвал *MoscowFemFest* в феминистском сообществе: «Рассказ о женском

тории, где сегодня прорабатывается и активно практикуется цифровое курирование. Это цифровой маркетинг, обмены в соцсетях, интернет-образование и обеспечение цифровой грамотности[16]. В маркетинге курирование добавляет ноту персонализации, доверия, релевантности в выбор, предлагаемый пользователю человеком, а не машиной. В соцсетях оно реализуется как горизонтальный обмен контентом, опознается как способность и потребность разделять информацию с другими. В интернет-образовании возникает фигура курирующего преподавателя, способного обеспечить свободу творчества учащегося и создать пространство, поддерживающее это творчество. Исследовательница также находит след курирования в смещении от текста к комментарию – жанру, приобретающему все большее значение в средах интенсивного информационного обмена. В дискурсе о цифровой грамотности курирование рассматривается как базовая для эпохи новых медиа форма организации жизненного опыта и конструирования субъективности учащегося, проявляющего себя в составлении подборок и установлении связей между объектами.

На материале кураторского поворота в журналистике тезис Баскёрка о кураторстве как новой структуре посредничества прорабатывает Анита Ховарт[17]. Исследовательница откликается на события второй половины нулевых – революцию Web 2.0 и развитие блогосферы, в рамках которой контент, генерируемый пользователями, подрывает монополию профессионалов, сложившуюся в производстве новостей и оценке актуальных событий. Вместо того, чтобы увидеть в пришествии блогеров черное (признак упадка старой доброй журналистики) или белое (начало ее новой жизни), Ховарт предлагает учиться адаптировать производство информации к ситуации курирования, когда журналист-профессионал может отбирать и комментировать новостные сообщения, поступающие из разных источников, создавать тематические подборки, позволяющие ознакомиться с многообразием позиций. Исследовательница полагает, что дело здесь не только в конкретных опера-

---

движении невозможно представить без упоминания урбан-феминизма, веган-феминизма, антирасистского феминизма, антивоенного феминизма и без движения за экономическое освобождение женщины». См. Л. Малышева: Гендерный ужас // *Радио Свобода*, 27.02.2017. Вопросы к способам и результатам отбора событий – это не только политический протест против «пропутинской» нейтрализации критического импульса феминизма и его коммодификации, но и болезненная реакция сообщества на символический капитал, который вдруг – и это стало особенно заметно в последние годы – появился у никому не известного куратора, производящего на глазах у интернет-публики отбор на популярной медиаплатформе.

16 Snyder, op. cit., 212.

17 A. Howarth: Exploring a Curatorial Turn in Journalism, in: *M/C Journal*, 18/4 (2015).

циях, на которые можно разложить такое курирование, сколько в установлении нового порядка знания-власти в цифровых сферах[18].

Продюсер и куратор Стивен Розенбаум в своем «Курировании нации» провозглашает начало царствия курирования и предлагает взглянуть на это явление в широкой антропологической перспективе как на атрибут человеческого присутствия в цифровых средах. Компьютер агрегирует данные, а человек делает то, что компьютеру не под силу, – привносит качественное суждение в отбор и организацию контента, осуществляя тем самым его ре-медиацию и заменяя информационный шум на ясность выбора. То есть – курирует[19]. Розенбаум последовательно отделяет курирование от создания контента. Он полагает, что, отбирая и наделяя значением чужую музыку или видеоблоги, куратор добавляет к ним своего рода устройство, позволяющее производить дополнительные смыслы, ценности, действия. То есть дополнять, а если повезет, то и обогащать контент, организуя и сортируя его.

Так можно думать не только о материях модных и коммерческих – отборе гастрономических блогов или аккумуляции фанатского музыкального контента. Скажем, результатом курирования являются тематические подборки, составляемые на основе корпуса интервью с остарбайтерами[20], или аналитическая навигация по массиву фотодокументов Великой депрессии[21]. Однако гуманитарии, поднимающие столь невеселые темы, не стали героями Розенбаума, открыто коммодифицирующего цифровое курирование в его наи-

---

18 См.: P. Bakker: Mr. Gates Returns: Curation, Community Management and Other New Roles for Journalists, in: *Journalism Studies*, 15/5 (2014), 599. Ховарт ссылается на исследование, посвященное курированию в журналистике. Однако о *фукодианском моменте* кураторского поворота уже писал Пол О'Нейл, анализируя ситуацию в сфере современного искусства. Переход от сохранения коллекции к активному участию в процессе создания искусства, от администрирования к творческой активности – симптоматичный для кураторства сдвиг, знаменующий освоение и присвоение права на высказывание и действие. Собирая объекты в коллекцию в соответствии с выбранной темой и репрезентируя их через новую историю или режим показа, куратор добавляет, производит и контролирует значение экспонируемому объекту. А сам, по словам О'Нейла, превращается в метахудожника. См.: P. O'Neill: The Curatorial Turn: From Practice to Discourse, in: Issues in curating contemporary art and performance, 2007, 13–28.

19 S. Rosenbaum: *Curation Nation: How to Win in a World, Where Consumers are Creators*, McGraw-Hill Education 2011, 24–25.

20 Проект «*Та сторона: устная история военнопленных и остарбайтеров*». Сетевой архив, создаваемый на материалах *Мемориала.* Координатор Никита Ломакин. Один из разделов архива – *Журнал* – состоит из тематических подборок (бомбардировки союзников, побеги, нашивки, письма домой и т.д.), составленных на основе корпуса. Режим доступа: http://tastorona.su/articles/.

21 В проекте *Photogrammar,* реализуемом на базе Йельского университета командой Лоры Векслер, Лорен Тильтон и Тейлора Арнольда, ведется работа по кодированию и картированию 170 000 фотографий. Режим доступа: http://photogrammar.yale.edu.

более популярных и интересных публике проявлениях. В работе историков, антропологов, специалистов в области изучения старых и новых медиа, реализующих цифровые проекты, есть место и для перезагрузки отношений авторства, и для разговора о создании добавочного устройства, позволяющего производить значения и знание в процессе отбора данных, и, конечно, для осмысления курирования как качественного измерения новых информационных сред.

Не став героями чужой саги о цифровом курировании, свой способ говорить и думать на эти темы гуманитарии пока не предложили. А те, кому есть что сказать, свои проекты кураторскими, как правило, не считают. Так, Лев Манович вместе с сотрудниками своей лаборатории[22] раскладывают на цифровой поверхности обложки журнала *Time*[23] и составляют аналитические коллекции на основе миллионов образов *Instagram*[24]. Они осуществляют отбор, связывание, соположение, экспонирование, аналитическое насыщение визуальных множеств, но создание своих визуализаций без редукции[25] курированием не называют. В начале нулевых Манович соотносил свои проекты с цифровой этнографией. Сегодня пишет о них в категориях «науки данных», которая позволит увидеть большие культурные данные в их соотношении – а значит, начать исследование[26]. Впрочем, в науке данных есть свое понимание курирования.

Римский след в киберинфраструктуре

О науке данных или насыщенном данными исследовании (data-intensive scientific discovery) игроки глобального рынка знаний и технологий заговорили в первой половине нулевых. Их тезис был прост и убедителен: новые информационные технологии уже сегодня позволяют производить немыслимые прежде объемы данных (в том числе автоматически сгенерированных). Их введение в оборот революционным образом изменяет качество и способы производства знания. Но для того, чтобы эффективное освоение прорвы информации из разных точек доступа стало возможным, необходимо создать новую технологическую среду хранения, обмена, автоматического анализа и визуализации данных. Ее еще называют киберинфраструктурой научных исследований[27]. В разработку

22 Лаборатория Software Studies Initiative, действует с 2007 года.

23 Проект *TimeLine* Льва Мановича и Джереми Дугласа (2009). Режим доступа: http://manovich.net/index.php/exhibitions/timeline.

24 Проект The Aggregate Eye Нэдэва Хочмэна, Льва Мановича, Джея Чоу (2013). Режим доступа: http://phototrails.net/exhibition/.

25 Г. Орлова: Визуализировать медиа: Лев Манович между переводом и вторичным картированием // *Практики и интерпретации*, 3 (2016), 45–62.

26 L. Manovich: Data science and digital art history, in: *International Journal for Digital Art History*, 1 (2015), 33.

27 Хей и Трефтен начинают разговор о киберинфраструктуре с хрестоматийной истории о том, как Web возник из необходимости обмена

киберинфраструктуры включились крупнейшие IT-корпорации. Вот и предложение придать эпистемологическому сдвигу в сторону данных масштаб *четвертой парадигмы* поступило от Джима Грея, одного из ведущих специалистов Исследовательского центра Microsoft в Сан-Франциско. Четвертая парадигма объединяет программы эмпирической, теоретической и вычислительной ветвей исследований под знаком *изучения данных* с использованием возможностей цифровых технологий или электронной науки[28]. Среди прочего обсуждают[29], какие данные хранить, а какие – нет? Как долго хранить? Как передавать и кому открывать? Кому принадлежат данные? Какие метаданные создавать, чтобы пополнять и вторично использовать данные? Общий знаменатель – уверенность в том, что данные, скрытые во «мраке архива», мертвы. А для того, чтобы данные жили и работали, их нужно открыть[30], связать с другими данными, насытить.

Еще в 2002 году группа исследователей, руководимая Греем, подготовила отчет, где обозначала круг проблем, с которыми сталкиваются ученые, занятые в крупномасштабных биомедицинских, генетических, ядерных и астрофизических проектах. Там производится много данных, а доступ к ним осуществляется через интерфейс проекта, минуя привычное посредничество журналов и архивов. На примере опыта реализации Слоановского цифрового небесного обзора – одной из крупнейших за всю историю исследования звездного неба астрофизических инициатив – авторы отчета не только описали принципы разрастания и инфляции данных, сформулировали тезис о сохранении эфемерных или невоспроизводимых данных и метаданных, но и поставили вопрос о необходимости освоения позиции куратора[31].

Нейл Биагри утверждает, что концепт *цифровое курирование* в перспективе науки данных был впервые использован генеральным

информацией между исследовательскими подразделениями ЦЕРНа. Авторы устанавливают прямую связь между разрастанием данных и разработкой структур управления ими. См.: T. Hey, A.E.: Trefethen Cyberinfrastructure for e-Science, in: *Science*, 308/5723 (2005), 817–821.

28 Jim Gray on e-Science: A transformed scientific method, in: Hey, T., Tansley, S., Tolle K. (eds.): *The Fourth Paradigm. Data-intensive Scientific Discovery*, Microsoft Research 2009, 18–19.

29 Квинтэссенцию этих дискуссий дает Кристин Боргман. См.: Borgman Ch. *Scholarship in the Digital Age: Information, Infrastructure and the Internet*, MIT Press 2010.

30 Идеологом и инициатором движения за открытые данные выступает химик Питер Мюррэй-Раст. Он полагает, что публикация сырых данных позволит демократизировать производство научного знания и поможет ученым противостоять его приватизации издательскими корпорациями. См.: P. Murray-Rust: Open Data in Science, in: *Nature Precedings*, 2008. Режим доступа: http://hdl.handle.net/10101/npre.2008.1526.1.

31 J. Gray et al. Online scientific data curation, publication, and archiving, in: *Astronomical Telescopes and Instrumentation*, International Society for Optics and Photonics 2002, 103–107.

директором британского Исследовательского Совета Джоном Тейлором в 2001 году. Это произошло на семинаре, организованном в Лондоне Коалицией цифровой сохранности совместно с Британским национальным космическим центром. Целью семинара были разработка национального стандарта цифрового хранения[32] и обмен опытом цифрового курирования[33]. Когда во главу угла поставили данные, в качестве кураторов рекрутировали специалистов, обеспечивающих хранение, порядок и возможность вторичного использования этих данных.

В киберинфраструктуре научных исследований от курирования ждут обеспечения связи между сбором и анализом данных[34]. В ситуации вторичного использования, когда данные собирает один исследователь, а анализирует другой, посредничество куратора приобретает особое значение. Продвижение и пропаганда его вклада в производство знания – один из трендов глобальной научной политики наших дней[35]. Речь идет о гигантских репозиториях и центрах курирования[36], стандартных протоколах хранения и доступа, объединении исследовательских архивов разных институций, глобальной коллаборации, включении менеджмента данных в требования, предъявляемые грантополучателям со стороны крупных

32 Было бы неверно утверждать, что проблемы цифрового хранения впервые сформулировали в XXI веке. Так, в Школе информатики Мичиганского университета курс по этой теме читается уже полвека. См.: E. Yakel, P. Conway, M. Hedstrom, D. Wallace: Digital Curation for Digital Natives, in: *Journal of Education for Library and Information Science*, 52/1 (2011). Другое дело, что в наши дни – после черной дыры 1990-х, когда электронная информация, хранившаяся на ненадежных носителях, была безвозвратно утрачена, – проблему сохранения цифровых данных опознали в качестве фундаментальной для организации научных исследований.

33 N. Beagrie: Digital curation for science, digital libraries, and individuals, in: *International Journal of Digital Curation*, 1/1 (2008), 3–16.

34 G. Bell: Foreward, in: T. Hey, S. Tansley, K. Tolle (eds.): *The Fourth Paradigm. Data-intensive Scientific Discovery*, Microsoft Research 2009.

35 D. Atkins, et al. (2003): *Revolutionizing science and engineering through cyberinfrastructure:* Report of the National Science Foundation Blue-Ribbon Advisory Panel on Cyberinfrastructure. Retrieved July 15, 2005 from Alliance for Community Technology Web site. Режим доступа: http://www.communitytechnology.org/nsf_ci_report/.

36 Здесь активны британцы. В литературе упоминается Национальный центр данных в Лондоне, Эссекский архив данных. Континентальная география представлена Центрами курирования данных в Афинах, в Калифорнии, в Университете Джона Хопкинса, Институтом цифрового курирования в Торонто. См.: D. Abbott: *What is digital curation? Digital Curation Centre*, 2008. Режим доступа: http://www.dcc.ac.uk/resources/briefingpapers/introduction-curation/what-digital-curation.

научных фондов[37], переопределении роли архивов и библиотек[38], все более разделяющих с лабораторией работу по менеджменту данных. Язык текстов об этой разновидности курирования – это язык схем, инструкций, бизнес-моделей, скупого технократического обмена опытом.

Курирование, скроенное по мерке киберинфраструктуры и Большого адронного коллайдера, мыслится долгосрочным проектом сопровождения и сохранения данных в их целостности-аутентичности на протяжении всего жизненного цикла[39]. Жизнь данных состоит из записи, перезаписи по мере изменения технологий, упорядочивания, упаковки, дополнения, открытия для вторичного использования, интерпретации[40]. Базовая модель цикла долгосрочного курирования разработана Сарой Хиггинс из британского Центра курирования в 2007 году[41]. В основе этой модели – создание стандартов метаданных и контроль за их исполнением, составление и реализация программы сохранения данных, взаимодействие с сообществами поставщиков данных по вопросам выработки стандартов обмена и разработки необходимого софта.

В ориентации на долгосрочное, пожизненное сопровождение данных неожиданно проступает след малоизвестного римского мифа о богине Куре. Это она слепила человека по образу и подобию своему после того, как, переплывая реку, загляделась на свое отражение. Материал для тела дала Теллура, для души – Юпитер. Когда Сатурн решал спор между богами о праве собственности на творение, то определил так: после смерти Теллура и Юпитер вернут себе свое, но пока человек жив, заботиться о нем в его целостности должна Кура[42].

Нечеловекомерный масштаб и циклопическая технология заботы, реализуемые в рамках электронной науки, таковы, что на

---

37 Национальный исследовательский фонд США и Исследовательский совет Объединенного королевства с начала 2010-х годов требуют включать в каждую заявку план управления открытыми данными, которые будут получены в ходе исследования.

38 C. Lynch: Where do we go from here? The next decade for digital libraries, in: *D-Lib Magazine*, 11(7/8) (2005). Режим доступа: Doi:10.1045/july2005-lynch; L. Lyon: The informatics transform: Re-engineering libraries for the data decade, in: *International Journal of Digital Curation*, 7 /1 (2001), 126-138. Режим доступа: Doi:10.2218/ijdc.v7i1.220; K. Lage, B. Losoff, J. Maness: Receptivity to library involvement in scientific data curation: A case study at the University of Colorado Boulde, in: *Libraries and the Academy*, 11/4 (2011), 915-937. Режим доступа: Doi:10.1353/pla.2011.0049.

39 C. Rusbridge, P. Burnhill, S. Ross, P. Buneman, D. Giaretta, L. Lyon, M. Atkinson: The Digital Curation Centre: a vision for digital curation, in: *Local to Global Data Interoperability – Challenges and Technologies*, 2005, 31–41.

40 M. Pennock: Digital Curation: A Life-Cycle Approach to Managing and Preserving Usable Digital Information, in: *Library and Archive*, 1 (2007).

41 S. Higgins: The DCC curation lifecycle model, in: *International Journal of Digital Curation*, 3/1 (2008), 134–140.

42 W. Reich: Classic Article: History of the Notion of Care, in: *Encyclopedia of BioEthics*, N.Y.: Simon and Schuster 1995, 319–331.

призывы подолгу курировать данные в их целостности и аутентичности откликаются естественники, связанные большими грантовыми обязательствами, продвинутые библиотекари и инженеры данных[43]. Но не гуманитарии[44].

Гуманитарий между курированием и кураторством

В мае 2016 года Лосанджелесское книжное обозрение опубликовало полемический текст Даниэла Оллингтона, Сары Брюйетт и Дэвида Голамбиа, содержащий суровую политическую критику цифровой гуманитаристики[45]. Соавторы писали об экспансии – через дигитальность – неолиберализма, который технократически уничтожает последние очаги некоммодифицированной учености и нейтрализует сопротивление, оказываемое менеджериальному университету гуманитариями. На смену индивидуальному труду письма и чтения, не предполагающему извлечения быстрой выгоды, приходят большие объемы информации и большие деньги, управление и управляемость, обучение в проектах и инжениринг. Но самое серьезное обвинение – это обвинение в утрате цифровым проектом критического импульса, без которого после 1968-го гуманитаристика немыслима[46].

Может ли курирование данных быть критическим? Культурная экономика управления цифровым контентом и циклопическая забота о данных по стандартам электронной науки этой опции не предусматривают. Да и небольшая дискуссия об ограничениях, которые привносит в сопровождение данных киберинфраструктура научного знания, развивается в иных направлениях.

С одной стороны, электронную науку критикуют за предельную концентрацию на циклопических структурах хранения и доставки данных без внимания к актуальной практике работы с этими данными в конкретных исследовательских программах. Так, Хелена Карасти с соавторами в качестве альтернативы слишком технократическому курированию предлагают *управление данными* (data stewardship), в качестве альтернативы универсальной модели – этнографию использования данных в экологических исследованиях

43 О формировании новых рабочих мест и компетенций специалистов, курирующих данные в рамках кибернифраструктуры научных исследований, см.: J. Kim, E. Warga, W.E. Moen: Competencies required for digital curation: An analysis of job advertisements, in: *International Journal of Digital Curation*, 8/1 (2013), 66–83.

44 О сопротивлении британских качественных исследователей введению единого протокола хранения качественных данных (материалов интервью прежде всего) и дискуссии, развернувшейся вокруг деятельности Qualidata – главного национального хранилища открытых качественных данных, – см.: А. Касаткина: На пути к открытию качественных данных // *ЭНОЖ «История»*, 51/7 (2016).

45 D. Allington, S. Brouillette, D. Golumbia: Neoliberal tools (and archives): a political history of digital humanities, in: *LA Review of Books*, 02.05.2016.

46 A. Liu: Where is Cultural Criticism in the Digital Humanities? in: *Debates in the digital humanities*, 2012, 490–509.

биомов[47]. За фасадом деклараций о ценности открытых данных они обнаруживают неоднозначное отношение ученых к эффектам и процедурам такой открытости: кто-то полагает, что приоритет в использовании данных должен быть закреплен за теми, кто эти данные собрал, а кто-то не готов тратить свое время на подготовку данных к публикации[48]. Между строк протокола о единых алгоритмах хранения проступают высказывания информационных менеджеров о том, что в большом коллаборативном проекте каждый партнерский сайт сам управляет своими данными. Это негласное правило[49] – пример внесения поправок со стороны практики в рациональную схему курирования данных. Обмен данными внутри гуманитарных проектов эмпирически не изучался.

С другой стороны, универсальную модель курирования данных, рожденную из духа киберинфраструктуры, время от времени пытаются оптимизировать. Так, сотрудники афинского исследовательского центра *Athena*, занятые курированием ресурсов в сфере культурного наследия, развивают контекстуально чувствительные формы работы с данными, дабы учесть требования конкретного дисциплинарного поля[50]. Они предлагают расширить цикл пожизненного курирования за счет фиксации опыта использования данных, добавления знаний к ресурсам, уже имеющимся в репозитории, и управления словарями, необходимыми для разметки концептов, качеств и отношений между объектами цифрового хранения. Доступ к этому опыту Константопулос с соавторами рассчитывают получить через регистрацию логов сессий, сведения об отобранных пользователем данных, аннотации, теги и другие артефакты, созданные с помощью сервисов Web 2.0. Проявление чувствительности к опыту, признание ценности интерпретации и стремление ухватить данные в процессе становления – все это похоже на адаптацию алгоритма курирования к задачам гуманитарного исследования. Однако основные силы соавторы бросают на построение и демонстрацию скорректированной большой модели, тем самым, возвращаясь в дискурс о курировании, производимый сторонниками электронной науки.

В поисках оптики, позволяющей рассмотреть гуманитарное измерение курирования данных, я вернусь к началу – к *Манифесту цифровой гуманитаристики 2.0*. Его авторы указывают на эпистемологическую неоднородность проекта[51], начинавшегося в середине XX века с гуманитарной информатики – технической

---

47 H. Karasti, K.S. Baker, E. Halkola: Enriching the Notion of Data Curation in e-Science: Data Managing and Information Infrastructuring in the Long Term Ecological Research (LTER) network, in: *CSCW*, 15/4 (2006), 321–358.

48 Karasti, op. cit., 326–327.

49 Karasti, op. cit., 334.

50 P. Constantopoulos et al. DCC&U: An extended digital curation lifecycle model, in: *International Journal of Digital Curation*, 4/1 (2009), 34-45.

51 J. Schnapp, T. Presner, P. Lunenfeld: The Digital Humanities Manifesto 2.0, in: *Retrieved September*, 23 (2009), 2018.

поддержки книжников в решении ими количественных задач. Переименование гуманитарной информатики в цифровую гуманитаристику в 1990-е годы, по мнению Катерин Хейлис, ознаменовало собой превращение вспомогательной структуры обслуживания гуманитарного знания в полноценную практику его производства, с собственными интуициями, методами и концептуализациями[52].

Первая волна цифровой гуманитаристики, полагают Преснер, Шнапп и Ланенфельд, была количественной, мобилизующей мощь поиска по базам данных и ресурсы корпусной лингвистики. А вторая – качественной и интерпретативной. Цифровой инструментарий здесь использовался для усиления и защиты методологических бастионов гуманитаристики – изучения явлений в их сложности, проявления чувствительности к эффектам медиализации, сохранения контекста, обеспечения аналитической глубины, критики и интерпретации[53]. Тодд Преснер датирует первую волну концом 1990-х – началом 2000-х, а вторую – рубежом 2010-х. О смене волн он говорит как о движении от крупномасштабных проектов оцифровки библиотек и разработки технологической инфраструктуры к созданию сред и инструментов, позволяющих производить и курировать гуманитарное знание, цифровое по праву рождения. По мере того, как у цифровой гуманитаристики открывается второе дыхание, изменяется ее дисциплинарный рисунок: на смену анализу текста по лекалам истории, лингвистики, литературоведения приходит поиск гибридных методологий и новых форм представления знания, не сдерживаемых стандартами репрезентации, принятыми в рамках типографской культуры[54].

Понимание курирования в рамках электронной науки не противоречит профилю цифровой гуманитаристики количественной волны. Эпистемологическое напряжение возникает, если этот протокол совмещать с экспериментальным и рефлексивным настроем, который приносит в цифровую гуманитаристику качественная волна. А значит, именно здесь требуются коррективы – методологические и риторические[55].

---

52 N.K. Hayles: How We Think: Transforming Power and Digital Technologies, in: *Understanding digital humanitie*s / J. Berry (ed.), Palgrave Macmillan UK 2012, 42-66.

53 Presner, Shnapp, op. cit., 11.

54 T. Presner: *Digital Humanities 2.0: A Report on Knowledge*, 2006, 6. Режим доступа: http://cnx.org/content/m34246/1.6/?format=pdf.

55 Джоанн Дракер в «Графезисе» решала сходную задачу, но в отношении визуализации. На пути к гуманитарной перезагрузке визуального отображения данных, традиционно количественного, она не только предложила отказаться от концепта «данные» (data) в пользу концепта «собранные» (capta), но и призвала сбить коросту объективности с визуальных репрезентаций, сделав видимыми отношения между наблюдателем, опытом и объектом. При этом Дракер признала, что практические решения по созданию неколичественной критической визуализации еще впереди. См.: J. Drucker: *Graphesis: Visual Forms of Knowledge Production*, Harvard Universlty Press 2014, 176-177.

Готовых рецептов в этой области нет. Но можно учиться у тех, кто прошел свой путь, курируя современное искусство. Обрист и Мизиано с разной степенью настойчивости отделяют куратора, устраивающего выставки и таким образом вносящего вклад в создание произведения искусства, от хранителя, занятого преимущественно консервацией и ничего существенного к объектам хранения не добавляющего[56]. Хранители данных – это понимание складывается не без усилий со стороны электронной науки, активно переопределяющей отношения библиотеки и лаборатории, – добавляют ценность цифровым объектам и участвуют в производстве знания. Они привносят порядок и создают справочный аппарат (метаданные), необходимые для сбережения и последующего использования данных. Впрочем, чем-то похожим занимаются и хранители музейных коллекций. Другое дело, что гуманитарию, работающему с цифровыми данными, этого недостаточно для того, чтобы чувствовать себя исследователем. А значит, необходимо открыть в себе кого-то, похожего на независимого куратора, – делать ставку на изобретение новых режимов экспонирования данных и критически сомневаться в (не)традиционном акте их репрезентации[57].

Тому, кто привык представлять результаты интеллектуальной работы с историями, образами, звуками в форме монолитного текста, приходится осваивать непривычные техники производства знания и вносить поправки в представления об авторстве, сложившиеся в гуманитаристике к настоящему моменту. Кателен Фицпатрик пишет об актуальных изменениях внутри академии, когда на смену безальтернативному производству все новых и новых текстов и оригинальных аргументов приходит признание курирования или академического ремикса в качестве полноценной формы научной деятельности. Здесь авторство заключается в изобретательном собирании разрозненных нитей дискурса, а многообещающая аргументация осуществляется через их соположение[58]. И напротив, для исследователей, по-прежнему делающих ставку на нетленку как личный проект, проблема курирования и потребность в освоении этой позиции не возникают.

Раз возникнув, они заставляют думать об аналитическом – а точнее, топологическом – освоении поверхности, на которой раскладываются отобранные цифровые артефакты. Курирование – полагает Джон Поттер – подразумевает способность производить смысл посредством управления локализацией объектов[59]. Не самая понятная техника для того, кто привык управлять смыслом через

56 Обрист, указ. соч., 29. В. Мизиано: *Пять лекций о кураторстве*, М.: Ад Маргинем Пресс 2015, 25.

57 Мизиано, указ. соч., 15.

58 K. Fitzpatrick: *Planned obsolescence: Publishing, technology, and the future of the academy*, NYU Press 2011, 79.

59 J. Potter: *Digital Media and Learner Identity: The New Curatorship*, N.Y., Palgrav Macmillan 2012.

письменные высказывания. И здесь несведущему гуманитарию может пригодиться опыт независимых кураторов, знающих толк в отождествлении критики и репрезентации[60], работающих с проявлением дискурса не только в тексте, но и в самой драматургии объектов и событийности выставки[61].

Различие *курирования* (curating) и *кураторства* (curatorial) не менее важно для дискурса современного искусства, чем различие пассивности музейного хранителя и активности куратора-метахудожника. Для Жана-Поля Мартинона кураторство это – концептуальное усилие, необходимое для того, чтобы отделить ремесленные техники обустройства выставки от рефлексивно-патисипаторного фильтра, проходя через который выставка приводится в действие и превращается в событие знания[62]. В кураторстве, понятом таким образом, много критического, концептуального, коллаборативного, проектного, находящегося в становлении[63]. Мартинон использует оптику Джона Тагга и Юбера Дамиша для того, чтобы различить в курировании, всегда устаревшем в своих попытках снять мерку с мира и выставить его напоказ, – картографирование, а в кураторстве – игру в шахматы с тем, что было измерено, оформлено, помечено, но еще неизвестно, как будет увидено, услышано, прочувствовано, осмыслено[64]. Гуманитарию, играющему в цифровые игры, сегодня как воздух нужны шахматы.

p.s. Вместо шахматных этюдов

Выставка для исследователя. В бланке индивидуального рейтинга научно-педагогического работника Южного федерального университета перечисляются виды деятельности, похожие на занятия наукой. В строке «выставка» есть уточнение: только для представителей творческих специальностей. Исследовательская выставка в списке не значится, а курирование работой (научной в том числе) не считается. В апреле 2015 года мы с коллегами делали выставку-исследование «Критическая сборка: люди и атомы»[65],

---

60 Мизиано, указ. соч., 17.
61 Мизиано, указ. соч., 35.
62 J.-P. Martinon, I. Rogoff: Preface, in: Jean-Paul Martinon (ed.): *The Curatorial: A Philosophy of Curating,* London: Bloomsbury Academic 2013, 9.
63 *E. Szakács: Curatorial, in: Curatorial disctionary.* Режим доступа: http://tranzit.org/curatorialdictionary/index.php/dictionary/curatorial/.
64 J.-P. Martinon: Theses in the Philosophy of Curating, in: J.-P. Martinon (ed.): *The Curatorial: A Philosophy of Curating,* London: Bloomsbury Academic 2013, 27–28.
65 Тематическую подборку текстов об этой выставке мы с Александрой Касаткиной и Андреем Возьяновым опубликовали в журнале «Практики и интерпретации», 4 (2016), 94–134. Г. Орлова: *Экспонировать данные, или Туда и обратно*; А. Возьянов: *Исследовательская выставка между шумом и немотой: гуманитарное знание о точной науке*; А. Касаткина: *Тело как медиум: телесное измерение качественной аналитики.* Режим доступа: http://www.pi-journal.com/index.php/pii/issue/view/5.

в ходе которой экспериментировали с экспонированием данных, собранных в Обнинском проекте[66]. Удачные находки планировали использовать и используем сейчас для организации цифрового курирования на сайте. В галерее мы создали многометровые поверхности-трансформеры и смонтировали стену из вращающихся светящихся кубов, на которых разместили тематизированные фрагменты биографических интервью с учеными и инженерами, фотографии, газетные статьи и документы. Опоясали пространство галереи лентой с рабочими заметками исследователей. Предложили посетителям выставки вращать кубы и участвовать в разметке данных – создавать новые узоры на поверхности и устанавливать связи между объектами, тем самым участвуя в производстве знания и обеспечении видимости его становления.

Наталья Ненарокомова, с которой мы эту выставку курировали, не скрывала своего разочарования концепцией: «Слишком много текста». И тем самым обнаруживала различие между курированием как жанром современного искусства и курированием данных как частью экспериментальной исследовательской работы. Исследователи вступили в порядок курирования как раз потому, что текста и других данных стало много, слишком много – 10 000 страниц расшифровок интервью, 22 000 отсканированных газетных полос, тысячи фотографий. И нужно было придумать, как эти данные показывать, используя визуальную форму и возможности, которые дает управление локализацией объектов в пространстве. Минская галерея «Ў» на две недели стала для нас расширением лаборатории, где создавались ручные прототипы для будущих цифровых решений. Буквально на коленке мы придумывали, каким может быть курирование данных от гуманитариев.

Курирование авторизации: Записывая интервью с учеными и инженерами Обнинска, мы знали, что будем эти материалы размещать в открытом доступе. Однако не представляли, с какими трудностями столкнемся, ибо никто из участников проекта не имел опыта цифровой публикации корпуса исследовательских интервью. Когда интервью расшифровывают устные историки, они оставляют за собой право литературной редактуры и сохраняют имя информанта, поскольку заботятся о предоставлении права голоса и публичном эффекте открытого архива. Когда интервью

---

66 Коллективный проект, начатый в 2012 году по инициативе и под руководством Андрея Зорина на базе лаборатории историко-культурных исследований РАНХиГС. Ориентирован на изучение рассказанной жизни и работы в большой науке первых поколений советских инженеров-физиков и других «ядерных НТРовцев». Полевая часть проекта реализована в Обнинске, городе Первой в мире АЭС и дюжины профильных НИИ. Цифровая часть проекта заключается в проектировании исследовательской интернет-платформы, подготовке данных к размещению в открытом доступе, разработке экспериментальных способов репрезентации данных и метаданных, позволяющих сохранить качественный дух исследовательской работы. См.: Г. Орлова: Собирая проект // *ШАГИ / STEPS*, 1 (2016), 154–166.

расшифровывают антропологи, качественные социологи и психологи, они сохраняют шероховатости устной речи, не редактируют, анонимизируют и не публикуют исследовательские интервью. Для них это – вопрос этики и качества данных. Мы приняли решение публиковать расшифровки интервью, сохраняющие особенности устной речи. Информанты, молчавшие десятилетиями под подпиской о неразглашении и ощущающие причастность первых поколений ядерщиков к истории, по большей части не захотели скрывать свои имена. Так в Обнинском цифровом проекте возникли нетривиальные задачи, кураторские по своей сути, – изобрести способ репрезентации сложных качественных данных и выработать процедуру подготовки таких исследовательских интервью к открытой публикации.

Не сразу мы осознали, что общепринятая система нотационных знаков, используемая при расшифровке устной речи, визуально агрессивна и не рассчитана на аналитическое рассматривание текста. Увидеть очевидное мы смогли лишь в процессе авторизации – непростых, временами растягивающихся на годы переговоров с информантами о публикации расшифровок их негладкой речи. Тут мы, с одной стороны, отстаивали право устности на существование, рассказывали физикам и химикам о специфической красоте и информационной емкости неотретушированного устного высказывания, а с другой – придумывали и корректировали способы показа на письме дискурсивных маркеров, фальстартов, фоновых эмпатических реплик и даже пауз. А что, если долгую паузу изобразить не цифрой в скобках – число секунд, – а вереницей точек, субъективно передающих и делающих видимой длительность молчания?[67] По ходу выяснили, что для решения таких задач текстовому редактору очень не хватает возможностей графического редактора.

Со временем мы серьезно нарушили протокол качественного исследования – разрешили информантам вносить правки в расшифровки. Не пойди мы на этот шаг, потеряли бы и контакт с собеседниками, и сами расшифровки. Однако, допустив изменения в транскрипте, мы решили их документировать и делать видимыми. Особая изобретательность потребовалась для того, чтобы показать объем и репликовую структуру купюр, которые сделали информанты, но сам текст не показывать. По мере документации правок, изменилось наше понимание транскрипта. Теперь мы думали о нем уже не как о статичном семиотическом объекте, а как о кол-

[67] На Третьем цифровом коллоквиуме «Знание на экране: новые режимы видимости в социогуманитаристике», который мы проводили в декабре 2016 года на базе РАНХиГС (Москва, Россия), Александра Касаткина в докладе «Разговор на экране: трансформация политик транскрибирования в Обнинском цифровом проекте» говорила об изменении уровня визуальной грамотности и чувствительности по ходу реализации проекта. Ждем публикацию.

лаборативном процессе становления, со-атворизации[68]. Для того, чтобы сделать видимыми коммуникативные вклады в транскрипт, программист проекта Павел Колесников разработал специальный софт[69]. Предложенное им решение – в том числе использование библиотек анимации для приведения в движение машиночитаемого текста – продвинуло исследователей в размышлениях о гуттаперчевом транскрипте и режимах его видимости как новой аналитической возможности. Постепенно от переживаний по поводу нарушений цехового протокола производства качественного знания мы перешли к критике процедуры работы с интервью, принятой в качественных исследованиях. Если допустить, что значения производятся и изменяются ситуативно в процессе взаимодействия, то как можно объяснить вето на внесение правок в расшифровки бесед? И не является ли этот запрет перераспределением знания-власти в пользу исследователя?[70]

Виктор Мизиано не скрывал скептического отношения к кураторской работе, которую выполняют в галереях критики и ученые, падкие до харизмы куратора и ревнующие к его власти над репрезентацией: «Работы на них (речь идет о выставках – *Г.О.*) выглядят иллюстрациями к теоретическому тексту, помещенному в каталог или просто составленному в уме»[71]. Однако может быть и по-другому. Исследователи в состоянии использовать ситуацию курирования для производства знания и расширения возможностей анализа. В Обнинском проекте переосмысление устройства транскрипта, коррекция метода и проблематизация отношений «знания – власти» в качественном исследовании буквально вырастают из ручной работы с данными, экспериментов с их репрезентацией, бесед с информантами и опыта программирования.

Человек, который записывает исследовательское интервью, называется интервьюером. Тот, кто занят расшифровкой записей устной речь, – транскрибер или расшифровщик. Для того, кто тратит десятки часов на переслушивание записей и их сверку с транскриптами, ведет переговоры с информантами, экспериментирует с репрезентацией данных, специального имени не было. Ибо не было таких задач в нецифровом качественном исследовании, как не было нужды думать о размещении открытых эмпирических данных в Сети. Название пришло в процессе – кураторы авторизации.

---

68 Г. Орлова: Со-авторизация, но не соавторство: приключения транскрипта в цифровую эпоху // *ШАГИ / STEPS*, 1 (2016), 200 – 223.

69 Речь идет о пакетах Layer Maker (позволяет собирать из нескольких размеченных файлов, с которыми работают в процессе авторизации интервью, один – для послойного экспонирования) и Layer Viewer (позволяет послойно экспонировать транскрипт в становлении, можно выбрать скорость смены слоев и появления правок).

70 См.: Орлова, указ. соч.

71 Мизиано, указ. соч., 35.

ОТ ПРОСОПОГРАФИИ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ПРОФЕССУРЫ ДО ЦИФРОВОГО СЛЕДА ФИЛОСОФСКОГО ПАРОХОДА: «СРЕДНИЕ ДАННЫЕ» И ФОРМАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ В ИСТОРИИ НАУКИ[1]

Алексей Куприянов[2]

Abstract

A concept of 'medium-sized' data is introduced to complement 'Big' data used in many projects in quantitative history. Like Big data, medium-sized data are disaggregated, machine-readable, represent 'natural' populations rather than samples, and are 'shallow' (the number of variables is usually small). Unlike 'Big' data they are not accumulated routinely in a machine-readable format and require a lot of manual work, which puts certain limits to the size of datasets. General principles of dataset formation for the analysis of populations of persons and organizations are discussed. Two datasets (one, for the 19th c. Russian University professors and instructors, and another, for Russian philosophical periodicals of the first half of the 20th c.) are used to demonstrate techniques of stepwise data aggregation (which helps to partly overcome the original shallowness of the medium-sized data) and visualization of historical processes. The role of novel descriptive and representative techniques in comparative studies is discussed.

Keywords: digital humanities, big data, R scripting, quantitative history, descriptive theory, historical demography, history of universities, history of philosophy, history of Russia.

Эта статья написана не для специалистов в области *Digital Humanities*, с легкостью входящих в обсуждение тонких вопросов архитектуры баз данных или методов компьютерного анализа текстов. Я обращаюсь прежде всего к коллегам-историкам, которые располагают значительными массивами данных и не решаются перейти к их компьютерной обработке.

Наиболее очевидный выход в такой ситуации – обратиться к программистам или к специалистам по «анализу

[1] Исследования по кадровой динамике университетов поддержаны грантом РФФИ (грант No. 15-06-04531) и программой НИУ ВШЭ по софинансированию проектов РФФИ и РГНФ (No. 15-09-0289).

[2] Алексей Куприянов – кандидат биол.наук, доцент Департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия).

данных». Здесь перед нами неизбежно возникает проблема коммуникации. Традиционному историку и «аналитику данных» придется выработать общий язык, позволяющий переходить от характерных для историков интуитивных озарений и смутных желаний к формальным моделям, и переводить технический жаргон программистов и аналитиков в обычную человеческую речь. К несчастью для историков, учиться придется в основном им, поскольку со стороны аналитиков возможности для ведения переговоров ограничены особенностями применения статистических методов и структурными свойствами реляционных баз данных. Историкам предстоит вникнуть в логику этих ограничений и научиться выживать в ней. В худшем случае они смогут формулировать задачи на понятном аналитикам языке и интерпретировать результаты их работы, а в лучшем – обходиться без помощи аналитиков в решении относительно несложных задач.

В данной статье я расскажу о налаживании мостов между историей науки и высшего образования с одной стороны и *Data science* с другой, осуществляемом нашей эфемерной исследовательской группой[3]. Содержательно наши проекты связаны с изучением

[3] Организационно эта неформальная группа была связана с кафедрой гуманитарных наук НИУ ВШЭ (СПб) и включала М. Демина, меня и нескольких студентов бакалавриата, работавших под нашим руководством. Эфемерность обусловлена, с одной стороны, неустойчивым положением преподавателей в современном корпоративном университете, а с другой – тем, что большую ее часть всегда составляли студенты. К сожалению, на настоящий момент исследовательский семинар, бывший организационным центром группы, ликвидирован решением рководителя программы по социологии, и перспектив для его восстановления в ближайшее время нет. Предварительные результаты работы группы – см. А. Куприянов: Реструктуризация и общая депрессия: предварительные замечания о природе библиометрических кризисов в истории Советской науки // *Социология науки и технологий.* 4/4 (2013), 80–98; Е. Иванова: Что может дать единая база данных по профессуре дореволюционной России исследователям академической мобильности? // *Социология в действии — 2014. Избранные материалы VI социологической межвузовской конференции студентов и аспирантов* / отв. ред. М. Демин. СПб.: НИУ ВШЭ, 2014, 131–141; Е. Иванова: Попытка построения каузальной модели кадровой динамики профессорско-преподавательского состава университетов дореволюционной России // *Социология в действии – 2015. Избранные материалы VII социологической межвузовской конференции студентов и аспирантов* / отв. ред. М. Демин. СПб.: НИУ ВШЭ, 2015, 118–136; М. Фотиади: Философия революционной эпохи: наукометрический анализ русской философской периодики первой половины XX века // *Социология в действии – 2014. Избранные материалы VI социологической межвузовской конференции студентов и аспирантов* / отв. ред. М.Р. Демин. СПб.: НИУ ВШЭ, 2014, 120–131; A. Kouprianov: Beyond the Humanities: A Comparison of two Bibliometric Crises in the Domain of Soviet Biological Periodicals (1917–1950), in *Russian Journal of Communication.* 6/1 (2014), 52–66; M. Demin, A. Kouprianov: Studying Kanonbildung: an exercise in a distant reading of contemporary self-descriptions of the 19th century German philosophy, in *Social Epistemology* [in press]; М. Демин,

истории университетов дореволюционной России и российских научных и философских журналов, методически – с приложением строгих формальных методов к анализу исторической динамики.

В первом разделе я остановлюсь на специфике данных, используемых в наших проектах, во втором – на примере проекта по анализу кадровой динамики российских университетов опишу формальные методы, которые мы используем, в заключительных разделах попытаюсь ответить на самые острые и неприятные вопросы: зачем это нужно, и что это все нам дает. Тот, кто боится утонуть в частностях, может обратиться к последним двум разделам. Для тех, кому интересны детали, во втором разделе не только описывается последовательность формальных процедур, но и приводятся примеры реализации их в виде фрагментов скриптов, написанных в среде статистического программирования и анализа данных R[4]. Надеюсь, их простота вдохновит начинающих аналитиков.

Данные

Средние и бедные

Digital humanities – гетерогенное образование, объединяющее под своими знаменами исследователей, выполняющих столь разнообразные проекты, что придать им общую методологическую оформленность пока трудно (в особенности при наличии конкурирующих идентичностей, вроде *Computational social science*, исторической информатики, количественной истории или математической лингвистики)[5]. Несмотря на эти затруднения, я попытаюсь

А. Куприянов: Digital Humanities на службе истории философии: методическое послесловие // *Логос* [in press]). Первые результаты работы группы оказались настолько впечатляющими, что побудили коллег, историков науки и историков образования, к сотрудничеству в области использования баз данных для анализа исторической динамики (см. Л. Жмудь, А. Куприянов: Социологический анализ античной науки: проблемы и перспективы // *Социология науки и технологий.* 7/ 1 (2016), 23–45, T. Kostina, A. Kouprianov: Growth or stagnation? Historical dynamics of the growth patterns of Dorpat University (1803–1884), in *Vestnik of Saint Petersburg University. History.* 3 (2016), 31–45.

4 См. *R: A Language and Environment for Statistical Computing,* in The R Development Core Team. Vienna, 2015. Режим доступа: https://www.r-project.org/

5 Уже введенный в обращение русский перевод «цифровые гуманитарные науки» на первый взгляд уродлив, а на второй – спорен, поэтому я намеренно его избегаю. О рождении маркера *Digital humanities* в переговорах с издателями и кулуарных обсуждениях после конференций см. подробнее в M. Kirschenbaum: What is Digital Humanities and what's it doing in English departments?, in: *Debates in the Digital Humanities* / ed. M. K. Gold. Minneapolis; L.: Univ. of Minnesota Press, 2012, 3–11. Что касается концептуального содержания, то определения DH колеблются между двух полюсов, на одном из которых подчеркивается роль новых медиа, преимущественно крупных онлайновых коллабораций с открытыми данными, включающими массивы текстов, изобра-

определиться с пониманием специфики *Digital humanities*, чтобы на этом фоне описать ансамбль практик, придающих своеобразие проектам нашей неформальной группы.

Я буду исходить из несколько механического представления об исследовательском процессе как комплексе процедур, связанных с постановкой задач, сбором и преобразованием данных и их обработкой. Если выбирать параметры для сравнения изо всей этой производственной цепочки (или производственной сети, поскольку процедуры не обязательно выполняются в строгой последовательности), то специфика *Digital humanities* будет отчетливее всего видна в особой природе данных и приемов работы с ними.

В чем состоят эти особенности? Беглый обзор проектов, результаты которых публикуют в изданиях, связанных с продвижением новой дисциплинарной идентичности, показывает, что почти везде мы имеем дело с вторжением технологий, применяемых в работе с «большими данными», в предметную область гуманитарных исследований. Когда мы говорим о «больших данных», речь идет не только о размерах массивов (*datasets*) самих по себе, хотя они, конечно, имеют значение, и не только о переводе данных в машиночитаемый вид. Более важные свойства «больших данных» – их принципиальная дезагрегированность и, где это возможно, их автоматический «захват» (см. табл. 1)[6].

жений, а порой аудио- и видеозаписей, и сложной техносоциальной инфраструктурой, а на другом – центральное значение инновативных аналитических подходов. Мне ближе второй, аналитический полюс, хотя мейнстрим *Digital humanities* явно тяготеет к первому. От необходимости подробно рассматривать историю вопроса меня избавляют недавно опубликованные обзоры, см., например, М. Таллер: Дискуссии вокруг Digital Humanities // *Историческая информатика*. 1 (2012), 5–13; А. Володин: Digital humanities (цифровые гуманитарные науки): в поисках самоопределения // *Вестник Пермского университета, серия История*. 3/26 (2014), 5–12; И. Гарскова: Информационное обеспечение гуманитарных исследований в цифровую эпоху: модели формирования и развития // *Вестник Пермского университета, серия История*. 3/26 (2014), 76–86.

[6] В методологической литературе уже проскакивает новое словцо *capta*, см. J. Drucker: Humanities Approaches to Graphical Display, in: *Digital Humanities Quarterly*. 5/1 (2011). Режим доступа: http://www.digitalhumanities.org/dhq/vol/5/1/000091/000091.html. В отличие от слова *данные* (*data*), в котором просвечивает *данность* их пассивному исследователю, *capta* – *взятые? схваченные?* – подчеркивает активную роль исследователя, избирательно захватывающего нечто, исходя из своей специфической исследовательской оптики. Для меня важна не столько активность исследователя, сколько ее опосредованный «машиной» характер. Все большее значение приобретают гигантские массивы данных, генерируемые в результате взаимодействия мобильных устройств с коммуникационными *hubs* сетей, в которые они включены. *Capta* накапливаются в результате работы добровольно устанавливаемого программного обеспечения, отслеживающего в автоматическом или полуавтоматическом режиме виды активности пользователей компьютера или иного устройства. Массивы *capta* для третьей категории проектов создают программы-роботы, взаимо-

Табл. 1. Типы данных.

	Большие	Средние	«Традиционные»
Агрегированные	–	–	+
Машино-читаемые	+	+	±
Машино-генерируемые	+	–	–

При всей тривиальности, различение агрегрованных и дезагрегированных данных нуждается в пояснении. Под агрегированными данными здесь подразумеваются обобщенные показатели популяций или выборок[7], будь то общая численность, средний возраст или какие-то более ухищренные статистики, например, стандартное отклонение или доверительный интервал для среднего значения. Под дезагрегированными данными – совокупность описаний индивидов популяции или выборки по интересующим нас параметрам.

Например, в нашем проекте по истории университетов к *агрегированным данным* можно отнести то, что можно извлечь из сводных таблиц, публиковавшихся в отчетах университетов или всеподданнейших отчетах Министра народного просвещения. Данные о составе профессоров и преподавателей университета за определенный год представлены в таком случае *одной цифрой* (общая численность) или *группой цифр* (численность по различным категориям профессорско-преподавательского состава, например, отдельно численность ординарных и экстраординарных профессоров или численность по факультетам). *Дезагрегированными данными* был бы *список* профессоров и преподавателей, числившихся при университете в данном году[8].

действующие с интернет-ресурсами через web-API (API – *application programing interface* – интерфейсы, позволяющие роботу захватывать информацию непосредственно из доступной онлайновой базы данных или с интернет-страниц ресурса).

7 Под популяцией здесь понимается «естественно» ограниченная совокупность индивидов, под выборкой – вычлененное по определенным правилам подмножество индивидов популяции. К выборочному методу прибегают в тех случаях, когда изучение популяции во всем ее объеме невозможно или нецелесообразно. В проектах, построенных на анализе «больших» (и, забегая вперед, «средних») данных, обычно работают с популяциями (например, «все пьесы У. Шекспира» или, в нашем случае, «все профессора и преподаватели университетов дореволюционной России»).

8 Эта информация может быть получена из различных источников. В отношении большинства категорий преподавателей (кроме приват-доцентов) – из адрес-календарей, списков лиц, служащих по Министерству народного просвещения, или памятных книжек по губерниям. Более широкий охват с включением приват-доцентов дает публиковавшиеся ежегодно объявления о лекциях, погодные академические списки или биографические словари профессоров и преподавателей университетов. Отсутствие технологий работы с данными такого рода долго ограничивало сферу их использования нарративным анализом.

Преимущество дезагрегированных данных состоит в том, что с использованием современных технологий они могут быть легко агрегированы, причем, сообразно количеству атрибутов, в различных отношениях, а вот «разобрать обратно» агрегированные данные уже невозможно. Например, сравнивая численность преподавателей университета за два соседних года по министерским отчетам невозможно без дополнительных изысканий понять, что стоит за этими двумя цифрами. Речь идет, разумеется, даже не об отдаленных причинах изменений численности (например, политика Министерства, давление со стороны попечителя, рутинные действия Совета, смертность и т.д.), а о самых приземленных вопросах. Следует ли объяснить прирост по сравнению с предыдущим годом только приходом новых преподавателей? Падение численности – только выбытием «старых»? Комбинацией этих двух процессов? Можно ли ожидать, что при сохранении численности остался неизменным состав преподавательского корпуса? Сравнение списков позволяет дать ответ на эти вопросы и сформулировать массу новых, которые невозможно поставить в отношении данных агрегированных.

Данные, с которыми идет работа в наших проектах, трудно назвать «большими». Счет обычно идет на сотни или тысячи записей (максимальный объем имеет *dataset* по *преподаванию наук* в Московском университете, насчитывающий около 6 000 записей) – довольно скромные масштабы по меркам *Data science*. Отчасти это связано с трудностями автоматизации захвата данных из имеющихся в нашем распоряжении источников. Тексты разнообразны (от биографических словарей до таблиц) и не имеют четкой структуры. В большинстве случаев затраты времени на сканирование, распознавание и выверку текста, а также на написание скрипта, который извлекал бы конкретно из этого текста необходимую информацию, сопоставимы с затратами на ввод тех же данных вручную. Ручной сбор добавляет человеческих ошибок и избавляет от некоторых машинных, однако главная проблема в том, что он требует значительных трудозатрат.

Желание сохранить ключевые принципы работы с «большими данными» в отсутствие машинного «захвата» приводит к компромиссам. Например, очевидно, что серьезная количественная история кадров высшей школы дореволюционной России подразумевала бы работу со всеми высшими учебными заведениями, однако эта задача для малой группы неподъемна, поэтому приходится ограничивать объемы популяции (анализируются только «классические» университеты)[9] и количество фиксируемых параметров.

9 Эта условность заметна на университетах, возникших в результате преобразования ранее существовавших учреждений, например Санкт-Петербургского университета, возникшего на основе Главного педагогического института, Новороссийского университета в Одессе – на основе Ришельевского лицея, или даже Казанского – на основе местной гимназии.

В результате в распоряжении исследователей появляется то, что я предложил бы назвать «средними данными». Они наследуют у «больших» ряд их сильных сторон (дезагрегированность и ориентацию на работу с популяциями, а не выборками), но ограничены в объеме и «мощности». Этот же недостаток характерен и для «больших данных». При всех своих впечатляющих объемах в десятки и сотни тысяч записей, они «бедны» содержательно. Незначительное количество переменных ограничивает возможности создания каузальных моделей[10]. «Бедность» данных, как будет показано ниже, может быть частично компенсирована в процессе анализа за счет нетривиальных способов агрегирования. Однако избавиться от нее невозможно.

Структура массива данных

Каким образом выглядят данные, подготовленные для анализа? В проекте по истории научных журналов используется традиционный формат библиографического описания, к которому добавляются дополнительные переменные. Библиографические описания составляются на основе журналов либо заимствуются из сводных библиографий. Я не буду останавливаться на этом типе данных подробно. Любой историк в состоянии реконструировать формат исходных данных из приводимых ниже «журнальных» примеров даже при минимальном усилии воображения.

В проекте по кадровой динамике университетов Российской империи все несколько сложнее. Исходные данные в нем более гетерогенны, объекты содержательно богаче. В связи с этим нам пришлось выработать практический стандарт представления био-

---

[10] Наиболее знакомый мне в этом отношении пример лежит в иной области, но удачно иллюстрирует суть проблемы. У нас имеются довольно детальные данные по голосованию на выборах (иногда с точностью до микрорайона, которым примерно соответствуют избирательные участки). Массив по участковым избирательным комиссиям РФ насчитывает более 95 000 записей. При этом каждый участок весьма точно геопозиционирован. Вместе с тем до недавнего времени исследователям было нечего добавить к результатам голосования, поскольку ни одна социально-экономическая или демографическая характеристика населения не была картирована с той же степенью детализации. Лишь в самое последнее время в открытом доступе появились данные кадастра недвижимости (см. проект Александра Кукушкина. Режим доступа: https://github.com/alexanderkuk/analyze-reformagkh), но они, по сути, еще не введены в научный оборот. Это ограничивало возможности аналитиков поиском статистических аномалий в распределениях цифр без попытки связать хотя бы какие-то параметры голосования с особенностями местного электората (D. Kobak, S. Shpilkin, M. Pshenichnikov: Integer percentages as electoral falsification fingerprints, in: *The Annals of Applied Statistics.* 10/1 (2016), 54–73.). В результате при поражающих воображение масштабах фальсификаций, на которые указывают статистические аномалии, у лояльных властям социологов остается лазейка для того, чтобы списать многое на естественную гетерогенность населения.

графической информации. Я остановлюсь на нем подробнее, поскольку на его примере можно сформулировать некоторые общие принципы организации массивов данных такого рода.

Следует оговориться, что база данных, в которой хранится информация о преподавателях, устроена гораздо сложнее *dataset'*а, передаваемого для дальнейших преобразований и подсчетов в среду анализа данных[11].

Обмен между базой и средой анализа данных производится через промежуточный текстовый файл в формате CSV — *comma separated values* (массив данных, или *dataset*). Это текстовый файл, строки которого структурированы таким образом, что каждая из них становится строкой таблицы, разбитой знаками-разделителями (в нашем случае — запятыми) на ячейки. Человеческий глаз не всегда опознает такой текст как таблицу, но компьютерные алгоритмы «обращают внимание» не на визуальную презентацию текста, а на разделители строк и ячеек. В этом разделе речь пойдет именно о структуре *dataset'*а, поскольку он непосредственно используется в качестве объекта анализа и обмена данными между различными средами и участниками проекта.

Основа нашего обменного формата – набор из восьми обязательных ячеек или «полей»: *фамилия – имена – дата вступления в должность – дата увольнения от должности – должность – кафедра – факультет – университет*. Например:[12]

LASTNAME, NAMES, STARTYEAR, ENDYEAR, POSITION, DEPARTMENT, FACULTY, UNIVERSITY

"Аристов","Евмений Филипович",1837,1848,"Экстраординарный профессор",...

"Аристов","Евмений Филипович",1848,1864,"Ординарный профессор",...

На агрегировании по этим полям построена большая часть аналитических процедур.

В плане организации массива данных необходимо различать два типа характеристик индивида: *атрибуты* и *состояния*. Под *атрибутом* я подразумеваю характеристику, которая, будучи приписанной индивиду, может быть признана на уровне модели постоянной, под *состоянием* – характеристику индивида, которая в рамках модели подразумевает изменение. Строго говоря, идеальным атрибутом может быть только искусственно сгенерированный уникальный идентификатор индивида, так называемый

[11] В качестве платформы для создания базы данных используется *PostgreSQL*, а в качестве среды для анализа и статистической обработки – R.

[12] Фрагмент для примера заимствован из *dataset'*а по Казанскому университету. LASTNAME, NAMES, STARTYEAR, ENDYEAR, POSITION, DEPARTMENT, FACULTY, UNIVERSITY – имена полей, отточия символизируют продолжения строк, опущенные в примере и не вмещающиеся в ширину печатной страницы.

primary key базы данных, однако отклонение многих реальных характеристик от идеала может быть признано в рамках модели несущественным. Очевидно, что индивид может поменять в течение жизни многие «атрибуты» – подданство, вероисповедание, имя и даже паспортный пол (и все это может быть важно для понимания особенностей его или ее карьерного роста). Однако эти изменения, особенно на больших популяциях, пренебрежимо редки по сравнению с рутинной сменой «состояний», таких как должность в университете или чин в Табели о рангах[13].

С практической точки зрения это различение важно для структуры *dataset*'а. Две записи в приведенном выше примере описывают не индивида, а именно его преходящие состояния. Атрибуты (имя и фамилия) повторяются в разных строках, описывающих состояния одного и того же индивида. Состояния же, описываемые крайними датами и статусом, в котором индивид пребывал между этими крайними датами (например, должностью в университете), уникальны.

Помимо этих полей в каждую строку могут быть добавлены дополнительные поля с *атрибутами*. Например, датой и местом рождения или смерти, местом получения высшего или среднего образования, родом занятий родителей, вероисповеданием и т.д. Атрибуты, вносимые в *dataset* непосредственно из базы данных, я буду называть *первичными атрибутами*. На основе первичных атрибутов и состояний в ходе анализа могут быть сгенерированы *вторичные атрибуты*. Например, на основе первичного атрибута «год рождения» может быть автоматически рассчитан вторичный атрибут «возраст на определенный момент». Как это сделать, будет рассказано позже.

Анализ исторической динамики: процедура ступенчатого агрегирования

Итак, диагноз нашим данным поставлен – они «средние» и «бедные». Охарактеризована в общих чертах структура массива. Пришла пора показать, что позволяют сделать с этим среднего размера бедным массивом разработанные нами методы формального анализа. Этот раздел будет целиком посвящен процедурным моментам ступенчатого агрегирования – от создания подмножеств по категориям до извлечения показателей временной динамики.

Суть ступенчатого агрегирования состоит в том, что мы для целей анализа группируем наши «средние данные» последовательно по различным атрибутам и по временным срезам. Например, на первом этапе мы выделяем из всего массива только приват-доцентов, на втором – только приват-доцентов, окончивших какой-то определенный университет, или только тех приват-доцентов, которые позже занимали в этом же университете позиции экстра-

[13] В нашем примере все характеристики, кроме должностей, имеют статус атрибутов.

ординарных профессоров и т.д. По завершении этих операций мы рассчитываем численность профессорско-преподавательского состава погодно как в целом, так по вычлененным категориям, получая при этом агрегированные данные, непосредственно используемые при построении диаграмм и в расчетах.

Выделение категорий

С точки зрения программирования на R, большинство этих задач довольно тривиально. Вот как выделяется подмножество по атрибутам или состояниям при помощи команды subset()[14]:

```
kaz.pd <- subset(kaz, kaz$POSITION == "Приват-доцент")
```

Здесь kaz – имя объекта, содержащего массив данных по Казанскому университету, POSITION – имя переменной внутри этого объекта, значения которой проверяются на совпадение с паттерном «Приват-доцент», а kaz.pd – подмножество, включающее записи, соответствующие этому условию.

Выделение среди приват-доцентов тех, кто далее занимал в университете должность экстраординарного профессора, – более сложная задача. Сначала выделяется два подмножества – приват-доцентов и экстраординарных профессоров. Затем извлекается список общих для двух подмножеств уникальных имен. И, наконец, из подмножества приват-доцентов – только те строки, в которых встречаются имена, совпадающие с этим списком:

```
# Создание уникальных имен:
kaz$UN <- as.factor(paste(kaz$LASTNAME, kaz$NAMES, sep=", "))

# Выделение подмножеств:
kaz.pd <- subset(kaz, kaz$POSITION == "Приват-доцент")
kaz.eop <- subset(kaz, kaz$POSITION == "Экстраординарный профессор")

# Создание списка уникальных имен для пересечения подмножеств:
kaz.pd_eop.UN <- intersect(kaz.pd$UN, kaz.eop$UN)

# Отбор приват-доцентов, попавших в область пересечения:
kaz.pd_eop <- NULL
i <- 1
while (i <= length(kaz.pd_eop.UN)){
kaz.pd_eop <- rbind(kaz.pd_eop,
                    subset(kaz.pd, kaz.pd$UN == kaz.pd_eop.UN[i]))
i <- i+1
}
```

14 Здесь и ниже примеры заимствованы из реального скрипта, задействованного в проекте по истории университетов.

В результате появляется ряд подмножеств исходного массива, полностью сохраняющих его структуру полей, но с меньшим количеством записей.

Создание временной последовательности

Сердце анализа временной динамики – фрагмент скрипта, генерирующего то, что мы называем *временной последовательностью*. В качестве материала для работы он берет исходный *dataset* или выделенные из него подмножества. Этот фрагмент скрипта создает серию подмножеств, каждое из которых содержит таблицу состояний и атрибутов для заданного временного интервала. Временной интервал может быть любым (например, при анализе *dataset*'а по математикам древности[15] он был равен 25 или 50 годам, в зависимости от вида анализа), но при анализе кадровой динамики университетов используется интервал длительностью в один год. В каждой итерации цикла из исходного *dataset*'а сначала отбрасывают тех, кто оставил службу до наступления этого шага, а затем тех, кто заступил на службу после его окончания. В результате в таблице для данного временного интервала остаются те, кто в его течение состоял на службе. Фрагмент скрипта для Петербургского университета выглядит так:

```
spb.ts <- NULL
spb.ts <- as.list(spb.ts)

i <- min(spb$STARTYEAR, na.rm=T)
while (i <= max(spb$ENDYEAR, na.rm=T)){
spb.ts[[i]] <- subset(spb, spb$ENDYEAR >= i & spb$STARTYEAR <= i)
i <- i+1
}
```

Он начинается с создания пустого объекта spb.ts, которому присваивается тип «list». Затем располагается цикл while(){}, в котором для каждого года с начального (в нашем случае – 1819) по конечный (в нашем случае – 1916, совпадающий с верхней границей данных, внесенных в базу) включительно поочередно выделяются подмножества (*subsets*) из исходного массива spb. Эти подмножества хранятся в объекте spb.ts под номерами, начиная с spb.ts[[1819]] и заканчивая spb.ts[[1916]], соответственно STARTYEAR и ENDYEAR – имена полей, в которых содержатся год вступления в должность и год увольнения от должности.

Такого рода временные последовательности могут быть созданы на основе любого подмножества исходного массива, сохраняющего структуру его полей. После того как создана временная последовательность, можно приступать к формированию временных рядов для различных показателей.

15 Жмудь, Куприянов, op. cit.

Абсолютная и относительная численность по временным срезам

Переход к агрегированным данным происходит на этом этапе. Для формирования временных рядов используется цикл, в каждой итерации которого на основании уникальных имен рассчитывается численность определенной категории лиц для данного временного среза. Например, для расчета временного ряда общей численности профессоров и преподавателей Петербургского университета цикл будет иметь вид:

```
spb.dyn.TOTAL <- NULL

i <- min(spb$STARTYEAR, na.rm=T)
while (i <= max(spb$ENDYEAR, na.rm=T)){
spb.dyn.TOTAL <- c(spb.dyn.TOTAL, length(unique(spb.ts[[i]]$UN)))
i <- i+1
}
```

Таким образом могут быть сформированы *абсолютные* параметры динамики: численность по определенным категориям, выделенным на основании первичных или вторичных атрибутов. На их основе могут быть рассчитаны *относительные* параметры динамики: доли одних категорий в общей численности по другим (например, доля приват-доцентов, ставших впоследствии экстраординарными профессорами, среди всех приват-доцентов, числившихся на данный год).

Показатели движения и преемственности корпуса

Помимо моментальной численности, сформированная *временная последовательность* дает возможность рассчитать показатели движения и преемственности корпуса: количество вновь появившихся или исчезнувших представителей той или иной категории на данный год и преемственность от года к году. Все эти показатели рассчитываются путем сопоставления списков уникальных имен за соседние годы при помощи команды setdiff(), определяющей разность множеств, и intersect(), выделяющей область пересечения. Расчет показателей движения тривиален. Важнее показать расчет показателя преемственности[16]. Принцип здесь тот же, что и при работе с показателями движения, но расчетная часть сложнее. Формула для исчисления сходства по Жаккару в приложении к нашим

[16] Изначально эта мера сходства была предложена для сравнения списков видов растений различных регионов, см. P. Jaccard: The Distribution of the Flora in the Alpine Zone, in: *New Phytologist*. 11/2 (1912), 37–50. Для оценки преемственности корпуса она использовалась в работе по библиометрическим кризисам, см. Куприянов, op. cit.; Kouprianov, op. cit.

данным о составе преподавателей за соседние годы (например, 1819 и 1820) будет выглядеть следующим образом:

$$J_{(N_{1819}, N_{1820})} = \frac{|N_{1819} \cap N_{1820}|}{|N_{1819} \cup N_{1820}|},$$

где N_{1819} – список имен по категории на 1819, а N_{1820} – на 1820 г.

Один из возможных вариантов реализации в коде R представлен ниже.

```
spb.dyn.JACCARD <- NULL

i <- min(spb$STARTYEAR, na.rm=T)+1
while (i <= max(spb$ENDYEAR, na.rm=T)){
spb.dyn.JACCARD <- c(spb.dyn.JACCARD,
        length(intersect(spb.ts[[i]]$UN, spb.ts[[i-1]]$UN))/
        length(unique(c(spb.ts[[i]]$UN, spb.ts[[i-1]]$UN)))
        )
i <- i+1
}
```

При дальнейшей работе с этим показателем важно помнить, что сходство с предшествующим годом не может быть рассчитано для начального года, поэтому получившийся числовой ряд будет на один член короче.

Повторение: общая схема анализа исторической динамики корпуса преподавателей

Общая схема ступенчатого агрегирования в упрощенном виде представлена на рис. 1. Упрощения эти касаются далеко не полного набора возможных первичных и вторичных атрибутов и схемы расчета показателей движения и преемственности корпуса (показаны только для всех профессоров и преподавателей в целом).

Взяв за основу исходный массив, мы начинаем с выделения подмножеств по первичным и вторичным атрибутам. Затем для всего массива и для каждого из подмножеств строятся временные последовательности, из которых извлекаются числовые ряды, отражающие абсолютные показатели численности для временных срезов и показатели движения и преемственности корпуса от одного среза к другому. В результате формируется числовой массив, описывающий в виде ряда переменных кадровую динамику университета за охваченный период. Ряды для относительной численности не генерируются при агрегировании, поскольку их легко получить уже в процессе работы с итоговым числовым массивом, разделив члены одного числового ряда на члены другого.

В следующем разделе я постараюсь объяснить, какое применение можно найти этому «мешку с цифрами», сформированному

на основе исходного массива, фиксировавшего сегменты карьерных траекторий.

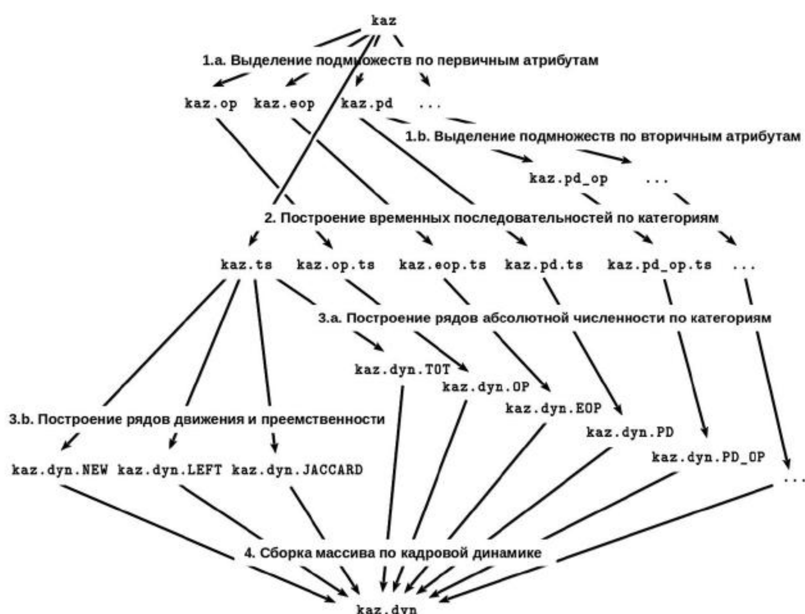

Рис. 1. Общая схема преобразования данных при анализе исторической динамики корпуса профессоров и преподавателей на примере массива по Казанскому университету. Многоточия обозначают потенциально возможные объекты, ради экономии места не показанные на схеме. Имена объектов: kaz – исходный массив дезагрегированных данных; подмножества, выделенные по первичным атрибутам: kaz.op – ординарные профессора, kaz.eop – экстраординарные профессора, kaz.pd – приват-доценты; подмножества, выделенные по вторичным атрибутам: kaz.pd_op – приват-доценты, ставшие впоследствии ординарными профессорами в этом же университете; временные последовательности: kaz.ts – для всех профессоров и преподавателей в целом, kaz.op.ts, kaz.eop.ts, kaz.pd.ts, kaz.pd_eop.ts – для перечисленных ранее категорий профессоров и преподавателей по отдельности; ряды абсолютной численности по временным интервалам: kaz.dyn.TOT – для всех профессоров и преподавателей в целом, kaz.dyn.OP, kaz.dyn.EOP, kaz.dyn.PD, kaz.dyn.PD_EOP – для перечисленных ранее категорий профессоров и преподавателей по отдельности; ряды показателей движения и преемственности: kaz.dyn.NEW – вступившие в должность, kaz.dyn.LEFT – оставившие службу, kaz.dyn.JACCARD – сходство с предшествующим временным интервалом по Жаккару; kaz.dyn – итоговый массив агрегированных данных.

Преимущества формального анализа

Прежде чем перейти к обсуждению вопроса о том, что дают историкам все эти упражнения в программировании, хотелось бы обратить внимание читателей на одно обстоятельство. В цепи преобразований исходных данных, описанных в предыдущих разделах,

нет ни одного звена, в котором мы не могли бы обойтись без компьютера. Вся процедура ступенчатого агрегирования может быть проделана вручную. Да, на это уйдет больше времени. Возможно, добавятся человеческие ошибки. Я говорю об этом не для того, чтобы объяснить, что компьютер, по большому счету, *не нужен*. Я говорю об этом, чтобы было ясно, что он *не страшен*. Он не делает ничего противоестественного. Команды R – не таинственные заклинания, это просто доведенные до известного предела краткости описания формальных процедур. Нет никакой сущностной разницы между командой «отобрать имена, общие для двух списков», данной на естественном языке, и командой intersect(x, y).

Самое очевидное преимущество компьютерной обработки – скорость. Легкость, с которой производится агрегирование исходных данных на различных основаниях, позволяет ставить все менее и менее тривиальные задачи и решать их в обозримые сроки. Написание и отладка скрипта для новой ветки анализа занимает от нескольких минут до нескольких часов, но это намного быстрее, чем ручной подсчет. Кроме того, существенные затраты времени потребуются только на первый раз. Запись последовательности команд в отдельном текстовом файле позволяет вернуться к анализу, воспроизвести его, выявить ошибки, двинуться дальше, перенести алгоритм анализа, разработанный для одного массива данных, на другой, аналогичный.

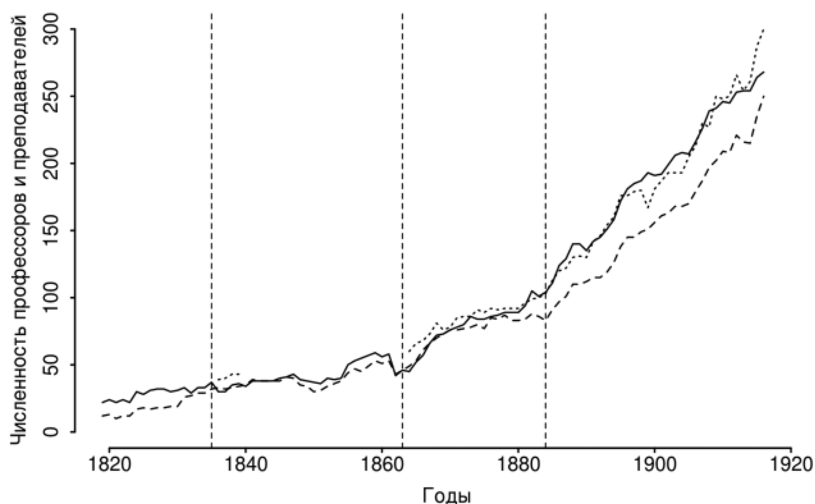

Рис. 2. Пример использования системы ступенчатого агрегирования для оценки эффекта альтернативных операционализаций: сопоставление данных о численности профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета по различным источникам. Сплошная линия – опубликованные списки, прерывистая – онлайновая база данных по профессорам и преподавателям ИСПбУ, пунктирная – опубликованные отчеты (данные имеются за 1836–1839 и 1864–1916 гг.); прерывистые вертикальные линии – университетские Уставы 1835, 1863 и 1884 гг.

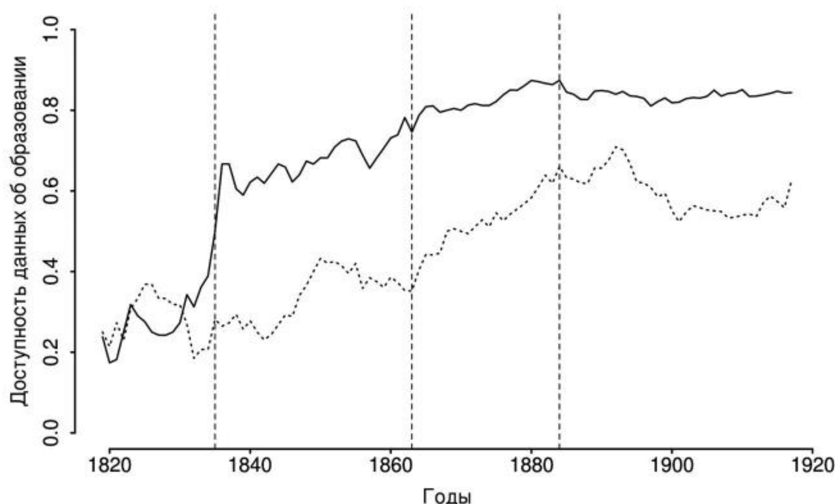

Рис. 3. Пример использования системы ступенчатого агрегирования для оценки полноты данных: доступность данных о месте получения образования профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета. По вертикальной оси – доля ППС на данный год, для которых имеются данные о месте получения образования; сплошная линия – данные о высшем, пунктирная – о среднем образовании; прерывистые вертикальные линии – здесь и далее – университетские Уставы 1835, 1863 и 1884 гг.

Легкость агрегирования не только позволяет значительно обогатить анализ. Она помогает решить две методические проблемы подготовительного этапа исследований. Речь идет об альтернативных операционализациях и оценке меры незнания или неполноты данных.

С проблемой альтернативных операционализаций мы сталкиваемся постоянно, в том числе в исторических исследованиях. Как, например, оценить долю профессоров-иностранцев в российских университетах? Кого считать иностранцем? Что определяет статус? Город или страна рождения? Место получения образования? Подданство? Подданство родителей? Язык, на котором профессор вел преподавание? Обсуждение критериев включения в эти и подобные категории – рутинная процедура при определении границ популяции. С новыми возможностями эта проблема из экзистенциальной превращается в чисто техническую. Мы можем не только оперативно провести альтернативную операционализацию, но и оценить ее вклад в конечный результат (рис. 2). То же касается «слепых зон». Можем ли мы использовать при оценке географической мобильности преподавателей данные об их образовании? Один график (рис. 3) дает нам ответ на этот вопрос. Например, для Санкт-Петербургского университета данные за первую половину XIX в. как по высшему, так и по среднему образованию использовать почти бессмысленно. Только во второй половине XIX в., когда сведения о высшем образовании становятся доступны, их можно

анализировать, и то с осторожностью, поскольку мы не в состоянии оценить систематическую ошибку, которая могла возникнуть из-за неизвестного фактора, повлиявшего на доступность данных. Вместе с тем ситуация с опубликованными данными о высшем образовании много лучше, чем с данными о среднем, которые на большинстве временных срезов известны менее, чем для 60% преподавателей.

К скорости преобразования данных и расчетов я бы добавил возможности визуализации. Речь идет не только о завершающем презентационном этапе, хотя R трудно найти замену при изготовлении иллюстраций, пригодных для качественной печати в научном журнале. Возможность быстро генерировать стандартные наборы графиков – важный инструмент эксплораторного этапа анализа[17]. Например, на ранних этапах работы над количественной характеристикой временной динамики ряда параметров корпуса немецкоязычной литературы по истории философии скрипт генерировал около полутора – двух сотен изображений, анализ которых позволил быстро выявить некоторые тенденции и провести предварительное тестирование ряда рабочих гипотез[18]. В процессе работы над статьей по количественной истории древнегреческой науки[19] автоматически генерировались десятки графиков исторической динамики и сотни географических карт. Визуализация превращается из экзотического, требующего большого мастерства ремесла в обыденный аналитический инструмент.

Помимо облегчения работа с компьютером полезна тем, что дисциплинирует и приучает к формализации. Так, алгоритмизация анализа кадровой динамики российских университетов позволила выработать особый язык, открывающий широкие перспективы для формального описания и строгого сравнения того, что раньше даже не приходило в голову ни описывать, ни сравнивать. Принципиальное значение имеют возможность охарактеризовать количественно любое подмножество преподавателей, выделенное на основании первичных или вторичных атрибутов, и возможность представить временную динамику в виде числовых рядов с любой степенью детализации.

Мне не раз приходилось слышать от историков, которых я, демонстрируя графики, знакомил с предварительными выводами, что они «приблизительно этого и ожидали», поскольку, например, было интуитивно понятно, что университеты будут расти со временем и что в какой-то момент этот рост будет происходить преимущественно за счет приват-доцентов. Я согласен с тем, что многие из выявляемых тенденций ожидаемы (будь это не так, следовало бы тревожиться либо за историков образования, совершенно не-

17 Концепция эксплораторного анализа данных восходит к работам американского математика Дж. Тьюки. См. J.W. Tukey: *Exploratory Data Analysis*. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1977.

18 Demin, Kouprianov, op. cit.

19 Жмудь, Куприянов, op. cit.

способных заметить очевидные вещи, либо за компьютерные алгоритмы, выявляющие нечто, ни с чем не сообразное). Вместе с тем, во-первых, изменения некоторых показателей трудно, а каких-то – практически невозможно заметить на глаз, ничего не считая и не рисуя. Во-вторых, интуитивные ощущения (даже верные), в отличие от числового ряда, трудно подставить в регрессионную модель. Перевод сравнения на количественную основу позволяет не только строже подойти к выявлению наличия или отсутствия какого-либо эффекта, но и оценить его размер. Мы делаем первые попытки применения формальных методов к тестированию гипотез о причинах кадровой динамики, но даже первые, скромные результаты вселяют надежду[20]. В-третьих, созданный нами инструмент построения временных рядов позволяет по-новому подойти к изучению истории в процессуальном измерении. Одна из фундаментальных проблем исторического описания – трудность перехода от описания стабильных состояний, сменяющих друг друга, к описанию процессов трансформации. Наши диаграммы позволяют визуализировать некоторые процессы практически в кинематографическом режиме. Да и как выделить эти стабильные состояния? В той же истории университетов – на что положиться при периодизации? Можно ли считать университетские уставы или отдельные постановления, их дополнявшие, за вехи, отмечающие границы периодов относительной стабильности? Или пульс, взлеты и падения в развитии университетов задают свою, «внутреннюю» периодизацию, подобно тому как не вполне совпадают изменения формальных статусов и внутреннее ощущение «взросления» человека? Переход к периодизации с опорой на «внутреннее» время развивающейся системы, измеряемое сменой ее состояний, – вот одна из наиболее амбициозных задач нашего проекта.

Увидеть невидимое, посчитать едва ощутимое

Позволю себе привести пару примеров, в которых формальный анализ дал не вполне тривиальные результаты. Первый из них, заимствованный из «университетского» проекта, важен сразу в нескольких отношениях. Во-первых, он показывает, как, располагая лишь бедными данными, можно создать объемную картину исторической динамики. Во-вторых, в нем задействовано сразу несколько невидимых невооруженным глазом производных показателей. Второй взят из «журнального» проекта и демонстрирует неожиданные побочные преимущества работы с популяциями.

[20] См. Иванова, op.cit.; Kostina, Kouprianov, op. cit.

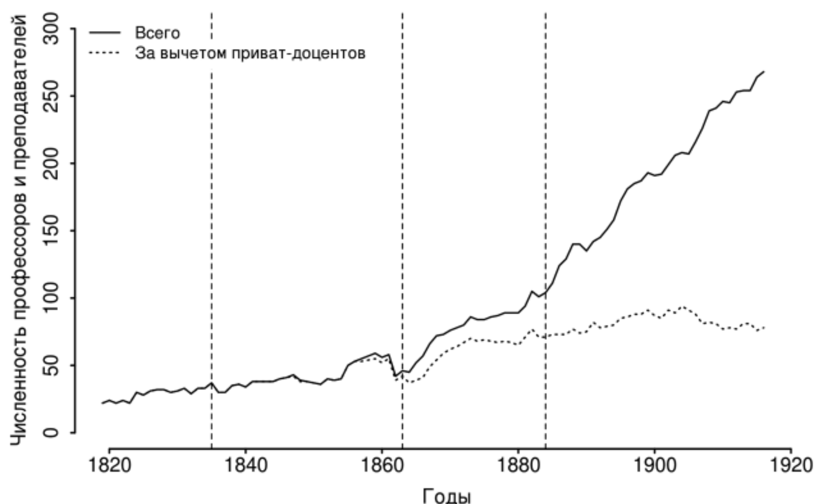

Рис. 4. Динамика численности корпуса профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета. Обратите внимание на роль приват-доцентов во взрывном росте университета после принятия устава 1863 г.

Я не буду разворачивать полную картину временной динамики университетской корпорации в широкой сравнительной перспективе, ограничусь лишь необходимым минимумом иллюстраций. Начнем с самого простого – динамики общей численности (см. рис. 4). Мы видим, что рост численности преподавателей университета происходил неравномерно. Медленное и постепенное увеличение численности в течение первых нескольких десятилетий сменяется «взрывным» ростом после введения в действие Устава 1863 г. Устав 1884 г. приводит к еще большему ускорению роста. Анализ по категориям преподавателей показал, что эти процессы связаны с возникновением института приват-доцентуры и стремительным ростом численности приват-доцентов. Если до начала 1860-х гг. самой многочисленной категорией преподавателей были ординарные профессора, то уже в середине 1880-х приват-доценты по численности сравнялись с ними и превзошли их. В середине 1890-х приват-доценты составляли уже половину всего профессорско-преподавательского состава, и в дальнейшем их доля только увеличивалась. Сравнительный анализ показал, что различная скорость роста университетских корпораций была обусловлена, в том числе, различиями в статусах приват-доцентов в разных университетах[21].

Как мы помним, при обращении к дезагрегированным данным мы получили возможность посмотреть не только на колебания общей численности и численности преподавателей по категориям, но и на показатели преемственности и движения корпуса. Из них я продемонстрирую только динамику преемственности, оценива-

---

21 Подробнее см. Kostina, Kouprianov, op. cit.

емую при помощи сходства по Жаккару между списочными составами университета за соседние годы. Добавление этого параметра позволяет выявить кризисные моменты в истории университетов, которые становятся легко заметны благодаря резким кратковременным падениям значений коэффициента Жаккара (рис. 5). Для Казанского и Санкт-Петербургского университетов это были, прежде всего, массовые увольнения 1819–1821 гг., произведенные в Казани М. Л. Магницким, а в Петербурге – Д. П. Руничем (и последовавший затем найм преподавателей), и перемены, связанные с введением в действие устава 1835 г. Заметим, что введение устава 1863 г. сказалось уже гораздо менее, а устав 1884 г. и вовсе не выделяется на фоне окружающих его случайных флуктуаций.

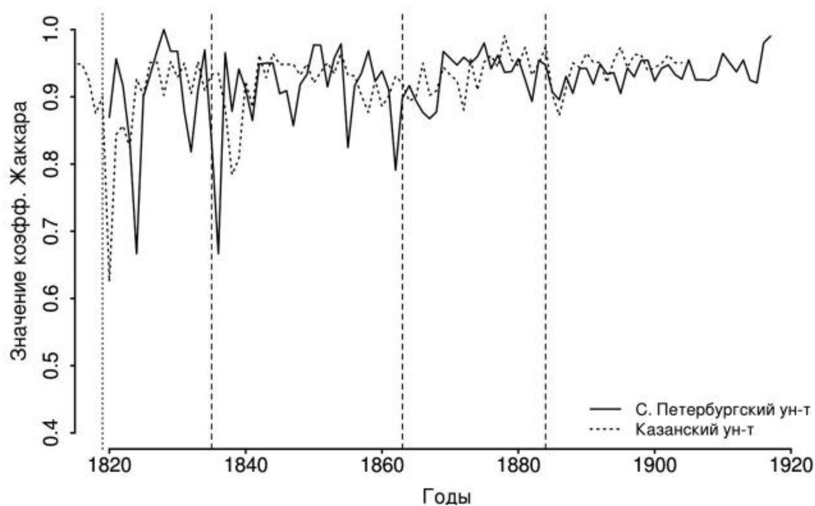

Рис. 5. Динамика преемственности корпуса профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского и Казанского университетов (сходство по Жаккару для данного года по сравнению с предыдущим). Обратите внимание на разрывы преемственности в годы, следующие за «ревизиями» Магницкого и Рунича и принятием университетского устава 1835 г.

Еще одно измерение динамики открывается, когда мы начинаем анализировать вторичные атрибуты, связанные с карьерным продвижением в рамках какого-то одного университета. Речь идет об оценке количества переходов между позициями (например, о том, сколько приват-доцентов смогло стать экстраординарными и впоследствии ординарными профессорами). Я покажу для примера динамику только одной группы параметров из целого семейства. Речь пойдет об источниках пополнения корпуса ординарных профессоров Санкт-Петербургского университета (рис. 6). На протяжении исследуемого периода заметна устойчивая тенденция к снижению доли людей, пришедших на позицию ординарного профессора со стороны. Первый резкий скачок доли «инсайдеров» (до 40%) при

введении в действие Устава 1835 г. связан с производством в ординарные профессора большого количества экстраординарных.

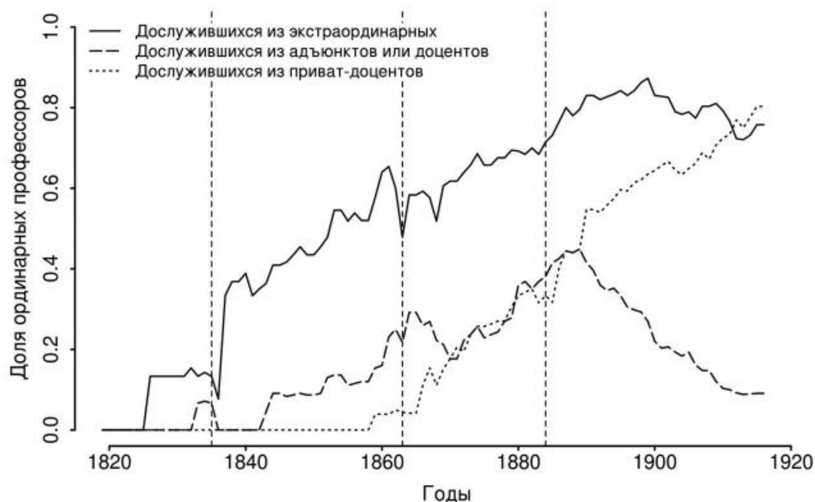

Рис. 6. Формирование замкнутой системы карьерного продвижения в Императорском Санкт-Петербургском университете. Динамика долей ординарных профессоров, ранее бывших в этом же университете экстраординарными профессорами, адъюнктами или доцентами и приват-доцентами. Обратите внимание на рост значения приват-доцентов как источника кадров для профессуры.

К середине 1860-х гг. доля ординарных профессоров, бывших ранее здесь же экстраординарными, стабильно превышает 50% и к концу исследуемого периода держится в диапазоне 70–80%. Нарастание замкнутости системы карьерного продвижения в отдельно взятом университете становится еще более заметным, если мы обратимся к более низким уровням иерархии преподавателей: адъюнкт-профессорам, штатным доцентам и приват-доцентам. До 1860-х гг. лица, дослужившиеся «на месте» с позиций адъюнкта, составляли ничтожно малую (порядка 10–15%) часть ординарных профессоров. К 1890-м уже половину ординарных профессоров составляли лица, начавшие карьеру в данном университете с позиций доцентов или приват-доцентов, а к концу исследуемого периода они уже находились в подавляющем большинстве (порядка 80%). Следует отметить, что в других университетах наблюдаются похожие тенденции, но степень замкнутости их профессорских корпораций различна. Например, в Казани она выше, а в Дерпте – ниже, чем в Петербурге.

Как мы видим, уже базовый набор временных рядов дает объемную картину количественной истории университетов. Добавление в *dataset* хотя бы одного дополнительного первичного атрибута позволяет значительно оживить ее. Попробуем добавить к ба-

зовому набору высшие учебные заведения, оконченные нашими героями и годы их рождения.

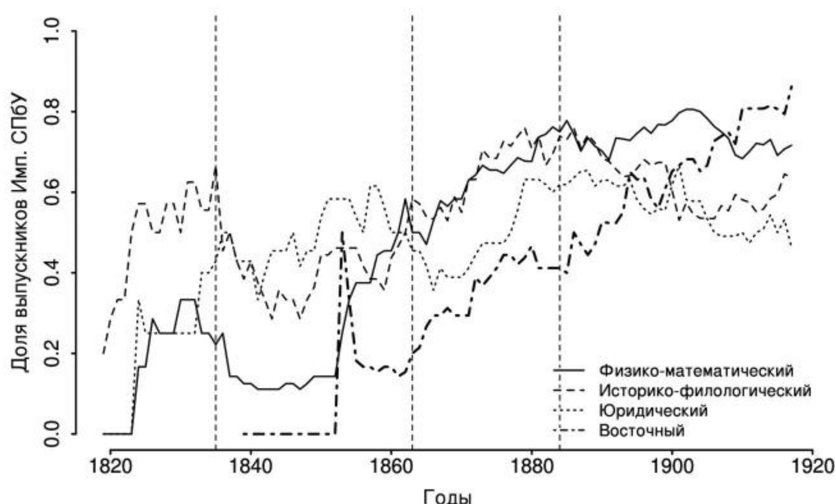

Рис. 7. Динамика академического инбридинга в сравнительной перспективе: четыре факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Обратите внимание на относительно согласованную динамику физико-математического и историко-филологического факультетов и на своеобразие юридического и восточного.

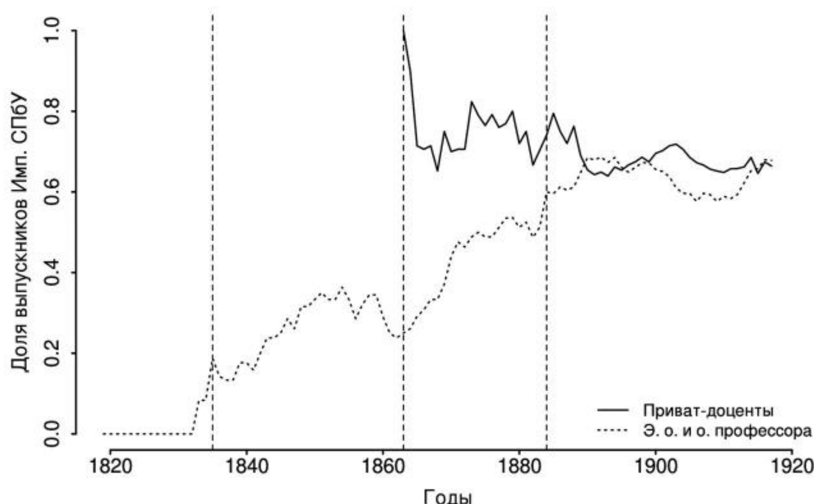

Рис. 8. Динамика академического инбридинга в сравнительной перспективе: приват-доценты и профессора Императорского Санкт-Петербургского университета. Обратите внимание на систематически более высокую долю выпускников ИСПбУ среди приват-доцентов.

Первый дополнительный атрибут позволяет углубить наши представления о системе карьерной мобильности преподавателей университетов. Один из важных показателей при ее изучении –

уровень академического инбридинга (доля выпускников данного университета в числе его преподавателей). В современных исследованиях по образовательной политике это один из важных показателей оценки институциональной среды вуза[22]. Нам удалось установить, что уровень инбридинга значительно изменялся на протяжении истории университетов дореволюционной России. Более того, были выявлены как общие особенности его динамики, так и систематические отличия университетов (например, доля собственных выпускников среди преподавателей Петербургского и Казанского университета была выше, чем в Дерпте), факультетов (например, восточный факультет Петербургского университета выделяется среди прочих стабильно восходящим трендом инбридинга, к 1917 г. он почти полностью комплектовался своими собственными выпускниками, см. рис. 7) и категорий преподавателей (среди приват-доцентов доля выпускников местного университета, как правило, была выше, чем среди профессоров, см. рис. 8).

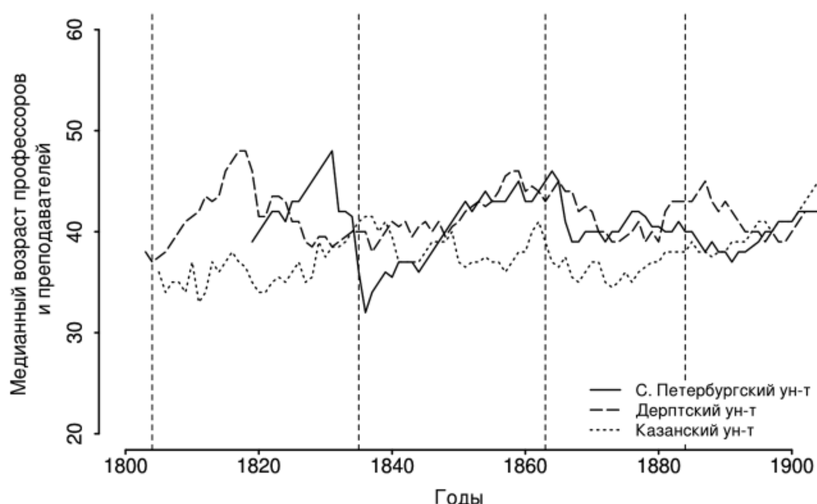

Рис. 9. Динамика возрастного состава: медианный возраст преподавателей трех университетов.

Второй дополнительный атрибут позволяет оценить динамику возрастного состава. Зная даты рождения, мы можем получить распределения по возрастам на каждый год и, соответственно, визуализировать динамику основных показателей этих распределений. Более того, мы можем получить эти данные не только по всем преподавателям, но и по отдельным их категориям. Поначалу график, отражавший динамику возрастного состава, казался нам не более чем очередным курьезом, демонстрирующим возможность на-

22 См.: *Академический инбридинг и мобильность в высшем образовании: Глобальные перспективы* / Под ред. М.М. Юдкевич, Ф.Дж. Альтбаха и Л. Рамбли, пер. Г.С. Петренко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.

глядно отображать какие-то труднопредставимые показатели, еще одним штрихом, придающим объем картине исторической динамики. Однако отношение к нему изменилось после того, как стало ясно, что для разных университетов характерны различные паттерны динамики возрастного состава. В то время как в Казани и Петербурге экстраординарные профессора составляли особую страту, по своим возрастным характеристикам промежуточную между младшими штатными преподавателями и приват-доцентами с одной стороны и ординарными профессорами с другой, в Дерпте экстраординарные профессора ничем не отличались по возрасту от адъюнктов, доцентов и приват-доцентов. Точно так же неожиданно обнаружилось, что профессорско-преподавательский корпус Казанского университета был, за исключением двух относительно непродолжительных периодов, систематически младше, чем в Петербургском и Дерптском университетах (см. рис. 9). Установление причин и содержательная интерпретация выявленных систематических отличий – задача дальнейших исследований. Но, если бы не новые методы анализа и визуализации, мы вряд ли вообще увидели бы эту разницу и обратили бы на нее внимание.

Отмечу, что почти все показатели, кроме общей численности преподавателей, при всей их простоте трудно, если вообще возможно, оценивать на глаз. Тем более трудно уловить колебания, связанные как с активными интервенциями в области кадровой политики, так и с рутинными процедурами найма.

Наконец, работа с популяциями, а не выборками позволяет расширить спектр возможных исследовательских задач еще в одном направлении. Есть целый раздел в области анализа данных, опирающийся на алгоритмы анализа социальных сетей, который не столько по формальным, сколько по содержательным причинам не может работать с выборками и требует данных о популяциях. Исходно анализ социальных сетей был создан для изучения структуры контактов между индивидами. Когда мы говорим о применении методов анализа социальных сетей, речь идет не только о визуализации структуры связей в сообществе в виде графа, в узлах которого находятся люди, а ребра обозначают наличие связи того или иного рода, но и о целой системе метрик, позволяющей количественно оценить параметры получившейся сети. Значительная часть этих метрик содержательно осмысленна только в тех случаях, когда мы используем аппарат анализа социальных сетей для изучения инфраструктуры распространения информации и принятия решений и аналогичных процессов. Вместе с тем некоторые метрики более общего характера могут быть содержательно осмыслены и в тех случаях, когда узлами сети выступают не люди, а связи, не интерпретируемые в терминах потоков информации. Хотя некоторые элементы анализа социальных сетей задействованы и

при изучении университетов, бóльших результатов мы достигли в рамках одного из «журнальных» проектов[23].

Сетевой анализ позволил не только визуализировать структуру поля русскоязычной философской периодики начала XX в., но и более-менее строго охарактеризовать его трансформацию в результате событий, последовавших за революциями 1917 г.[24] В частности, удалось показать, что, несмотря на сам факт наличия связи между дореволюционной русской философской периодикой и послереволюционными изданиями как Советской России, так и «русского зарубежья», характер связей между этими тремя субдоменами различался. Уже визуальная инспекция графа (см. рис. 10) показывала, что русское зарубежье гораздо сильнее связано с дореволюционной традицией (сюрпризом было наличие преемственности между дореволюционной и послереволюционной советской периодикой). Формальный количественный анализ подтвердил это наблюдение. При этом ситуация казалась несколько парадоксальной, поскольку авторов, общих для дореволюционной и послереволюционной советской периодики, было немногим меньше, чем авторов, общих для дореволюционной периодики и периодики русского зарубежья. Дальнейший анализ позволил понять, что различия были обусловлены как «качеством» авторов (Советская Россия и СССР унаследовала от дореволюционных философских журналов маргинальных авторов с низкой публикационной активностью, русское зарубежье – много центральных фигур, активно публиковавшихся как до, так и после революции), так и их публикационными стратегиями (в Советской России и СССР наиболее продуктивными авторами были те, кто публиковался только в одном журнале, в русском зарубежье – те, кто публиковался в широком спектре изданий).

Интересны не столько полученные результаты, сколько то, что эти результаты добыты на чрезвычайно «бедных» данных – базовом *dataset'e* по университетской профессуре с добавлением пары переменных, оглавлениях журналов, переведенных в табличный формат. Очевидно, для оживления этих «скелетных» картин прошлого нам потребуется дополнительная работа интерпретации. Однако скелет уже богат деталями.

Благодарности

Материалы, положенные в основу статьи, были представлены в докладах на коллоквиумах «Усложнение гуманитария:

[23] Результаты частично опубликованы, см. Фотиади, op. cit., их резюме и приводится ниже.

[24] В обсуждаемом примере речь идет о построении сети, в которой вершины обозначают журналы, а связи между ними — наличие общих для связываемой пары журналов авторов. Сила связи определялась количеством общих для двух журналов авторов: чем больше их было, тем сильнее связь.

Рис. 10. Сеть русских журналов, в которых публиковались работы по философии. Белые круги – издания дореволюционной России (1901–1919, $N = 24$); черные круги – издания в эмиграции (1919–1939, $N = 17$); черные треугольники – Советская Россия и СССР (1921–1950, $N = 10$). Изоляты не показаны. Связь между журналами (узлами) означает наличие общих для этих журналов авторов. Расшифровка названий не приводится, поскольку нас интересует общая форма сети и характер взаимного расположения узлов трех вышеперечисленных групп.

дигитальная учёность в эмпирическом исследовании» (Москва, РАНХиГС, 12–13 сентября 2014) и «Топология цифровых расширений» (Москва, РАНХиГС, 11–12 декабря 2015) и на семинаре «Big Data Approaches to Intellectual and Linguistic History» (Хельсинки, Helsinki Collegium for Advanced Studies, 1–2 декабря 2014). Хотел бы поблагодарить всех, кто принимал участие в обсуждениях. Автор считает своим приятным долгом выразить особую благодарность А.Л. Зорину (РАНХиГС, Москва) – за стимулирующие критические замечания; Г.А. Орловой (РАНХиГС, Москва; ЕГУ, Вильнюс) – за приглашение принять участие в работе «цифровых» коллоквиумов и непоколебимую веру в то, что я смогу дописать этот текст до конца; моим коллегам и соавторам М.Р. Демину (НИУ ВШЭ, С. Петербург), Л.Я. Жмудю (ИИЕТ РАН, С. Петербург) и Т.В. Костиной (СПФ АРАН, С. Петербург), сотрудничество с которыми показало, что в сообществе историков философии, науки и образования есть живой интерес к возможностям, открывающимся при использовании формальных методов анализа; наконец, бывшим и нынешним студентам Петербургской школы социальных и гуманитарных наук НИУ ВШЭ и, в особенности, Е.В. Ивановой, В.М. Комовой и М.Ф. Фотиади, с которыми мы вместе работали над количественной историей журналов и университетов.

МЕТОДОЛОГИЯ НА ЭКРАНЕ: ВИЗУАЛИЗАЦИЯ В ЦИФРОВЫХ ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ[1]

Егор Шевелев[2]

Abstract

We will show in this paper how turning to the idea of data visualization reduces epistemological potential of digital visualization in the humanities, and how new visual technologies change practices of work with visualizations. We will show also how using multidisciplinary approach, the order and methodology of knowledge production can be changed through visualization technologies.

Keywords: digital humanities, visualization, methodology, data, capta, fuzzy logic.

В эпоху повсеместного распространения цифровых технологий вопрос визуализации по-новому звучит для исследователей, чувствительных к медиальному расширению. Культура интерфейса, распространение технологий визуальной репрезентации, возрастающая плотность визуального перевода, производимого в самых различных областях человеческой деятельности, – все это заставляет гуманитариев не только размышлять об освоении новой сцены исследования, но и вносить изменения в привычные способы производства знания. Поиск новых форм и порядков визуализации ведут не только представители социальных наук, традиционно использующие математический аппарат с его специфическими визуальными ресурсами, но и гуманитарии, обходящиеся без статистики и сконцентрированные на текстуальных, описательных способах делать науку.

Модель цифровой визуализации гуманитарного знания наряду с семантикой компьютерного кода, социальными эффектами алгоритмов и дигитализацией образования, проблематизируется в рамках второй волны digital humanities, представители которой переключаются с прагматики оцифровки источников и автоматизации их анализа на эпистемологически перспективное скрещивание гуманитарного знания и

[1] Статья подготовлена в ходе стажировки по программе Карамзинских стипендий – 2015 в рамках проекта «Краудсорсинг в гуманитарных исследованиях: новые технологии и коммуникативные режимы производства знания в цифровую эпоху» (рук. Г. Орлова и А. Зорин), реализуемого на базе ШАГИ РАНХиГС при поддержке фонда М. Прохорова

[2] Егор Шевелев – сотрудник Обнинского проекта, приглашенный исследователь ЛИКИ ШАГИ РАНХиГС (2015), Карамзинский стипендиат (2015).

компьютера[3]. По мере того как новые технологии все глубже проникают в среду гуманитарного сообщества, визуализация становится квинтэссенцией аналитики, а визуальный интерфейс – той самой контактной поверхностью, на которой данные, особым образом показанные, соприкасаются с взглядом и жестом аналитика.

Технологии изменяют методологию. Среди главных вызовов цифровой фазы существования науки – возможность работы с гигантскими массивами данных, автоматизированные способы обработки, хранения и анализа этих данных, постоянно совершенствующиеся интерфейсы, непрерывное усложнение программного обеспечения, сетевые и облачные принципы хранения и постоянно возрастающая скорость информационного обмена[4]. В этих условиях задача визуализации данных, метаданных и результатов их анализа – даже для социогуманитаристики – выходит далеко за пределы риторических формул.

Обнинский цифровой проект

Отправной точкой методологических поисков в области визуализации в цифровых гуманитарных науках для автора этой статьи стали актуальные задачи, решаемые исследовательским коллективом Обнинского цифрового проекта, начинавшегося в 2012 году с полевых работ в городе ученых-атомщиков, проводимых группой гуманитариев на базе Центра гуманитарных исследований РАНХиГС. Сегодня сотрудники проекта оцифровывают биографические интервью с ядерщиками первых поколений и готовят их к открытой цифровой публикации. А заодно – разрабатывают сайт проекта.

За время реализации цифровой фазы проекта его концепция претерпела существенные изменения. От открытой базы данных, в которой представлены полевые материалы с элементами аналитики, выполненной в других средах, мы перешли к разработке исследовательской платформы, поддерживающей единую цифровую среду для полного цикла исследовательских действий – хранения данных, анализа и представления результатов. Интеграция в архитектуру сайта аналитических инструментов – необходимое условие решения поставленных задач. Интерактивный характер платформы позволит пользователям участвовать в развитии Обнинского цифрового проекта или реализовывать свои собственные исследовательские сценарии на материалах и движке сайта.

---

3 D. Berry: The computational turn: Thinking about the digital humanities, in: *Culture Machine*, 12/0 (2011). T. Presner: Digital Humanities 2.0: a report on knowledge, in: *Connexions Project* (2010).

4 См.: Л. Бородкин: Сетевые структуры гуманитарной информатики: технологии e-humanities// *Гуманитарная информатика*: Сб. статей. Томск, 23-32 (2011). Е. Журавлева Е.Ю: Современные модели развития гуманитарных наук в цифровой среде // *Вопросы философии*, 5 (2011), 91-98.

Управление большим массивом гетерогенных данных, аккумулированных в проекте, потребовало разработки цифровых инструментов, поддерживающих различные режимы репрезентации массива текстовых источников и их анализа. Так, в рамках проекта П. Колесников разрабатывал уникальное программное обеспечение для визуализации в едином интерфейсе коммуникативных вкладов в расшифровку интервью. Группа в составе Г. Орловой, А. Ивановой, Е. Проненко и Е. Шевелева создавала прототип для визуализации контента интервью. С одной стороны, эта визуализация должна обеспечивать навигацию по корпусу интервью, а с другой – репрезентировать результаты кодирования или первичной аналитической разметки транскриптов.

Для того, чтобы подготовить методологическую базу визуализации качественных текстовых данных, мы изучили опыт использования цифровых аналитических инструментов, уже созданных для этих целей. Всего в рамках мониторинга было рассмотрено 37 инструментов визуализации и 61 пример готовых гуманитарных визуализаций, обнаруженных в сети Интернет в 2014–2015 годах в процессе сплошного мониторинга в поисковом сервисе Google по запросам «digital +humanities visualisation | tools», «data | digital +visualisation», «цифровые +гуманитарные науки +визуализация», «визуализация данных», а также в ходе изучения российских и зарубежных сетевых тематических ресурсов и периодических изданий, посвященных digital humanities.

Ниже будут описаны основные тенденции в развитии визуализации в цифровой гуанитаристике, выявленные в ходе этого мониторинга. Среди основных трендов – переход от риторики к интерпретации, уход от традиционных моделей визуализации, усложнение визуального интерфейса, слияние позиций пользователя-наблюдателя и пользователя-аналитика, превращение визуальной поверхности в интегратор методологий цифрового гуманитарного проекта.

От *данного* к *схваченному*

Недолгую историю сращивания гуманитарного знания с вычислительными технологиями с легкой руки Джона Берри принято исчислять в «волнах». В рамках первой волны digital humanities главной областью применения компьютера были оцифровка нецифровых источников, организация баз данных и электронных хранилищ, а также попытки применения вычислительных методов анализа к самому широкому кругу источников с тем, чтобы максимально снизить трудозатраты исследователя[5]. В целом гуманитарное знание в процессе своей оцифровки на первом этапе довольно точно (пусть и с некоторым опозданием) повторяло траекторию развития e-science: компьютер стал универсальным средством накопления, хранения и первичной обработки данных,

5 Berry, op. cit.

оставаясь при этом инструментом, интенсифицирующим исследовательский процесс, но мало что добавляющим к методологии исследования[6].

Ключевой для этого периода стала идея обработки данных любого типа быстрее и в большем объеме, чем это было в ручном режиме. Прямым продолжением этой тенденции стал интерес к большим данным, который вслед за естественными и экономическими науками охватил и гуманитарные области[7]. Однако в настоящее время идея использования гуманитариями big data подвергается критике, а в среде дигитально чувствительных гуманитариев ставится вопрос об очередной трансформации методологии работы с данными, в основе которых лежит их интеллектуализация. Среди основных проблем, связанных с использованием больших данных, – технологии управления большими массивами информации, экономика и прагматика создания аналитических систем, работающих с действительно большими массивами, издержки гибридных отношений в системе «человек-вычислительное устройство»[8]. Сегодня то тут, то там происходит поворот к умным данным (smart data), основной чертой которых является интеллектуальный компонент – первичная аналитическая разметка, которая сопровождает данные и позволяет применять к ним разнообразные режимы обработки и репрезентации, гораздо более сложные и продуктивные, чем те, которые характерны для работы с большими данными[9].

Стратегия создания визуальных репрезентаций в рамках цифровой гуманитаристики первой волны формировалась по законам позитивистской методологии, воспринятой в процессе ассимиляции компьютерных методов вычисления. По мнению Дж. Дракер, одной из главных причин, по которой постмодернистски ориентированные цифровые гуманитарии допускают подобного рода интервенции позитивизма, является неотрефлексированная установка классических вычислительных подходов на работу с тем, что называется данными (data)[10].

В основу принципа сбора данных положена идея об объективности окружающего мира, в котором информация представлена так, как она есть: достаточно выбрать правильный способ ее получения – и сформированный набор данных можно описать в терминах соответствия реальности. Однако с точки зрения конструк-

---

6 H. Gardner, G. Manduchi: *Design Patterns for E-science.* Berlin: Springer 2011.

7 S. Alvaro: Big data and digital humanities: from social computing to the challenges of connected culture. Режим доступа: http://blogs.cccb.org/lab/en/article_big-data-i-humanitats-digitals-de-la-computacio-social-als-reptes-de-la-cultura-connectada/ (2013).

8 Л. Черняк: Большие данные–новая теория и практика // *Открытые системы*, 10 (2011).

9 G. Schöch: Big? Smart? Clean? Messy? Data in the Humanities. In: *Journal of Digital Humanities*, 2/3 (2013), 2-13.

10 J. Drucker: Humanities approaches to graphical display, in: *Digital Humanities Quarterly*, 5/1 (2011).

ционистского подхода любой акт отбора информации на входе является интерпретацией. Но если в отношении текстоцентрических режимов производства знания в постсовременной гуманитарной традиции сложилась оформленная критическая позиция, проблематизирующая саму возможность репрезентации исследователем некоторой объективной данности, то в отношении визуальных репрезентаций такая критичность срабатывает не всегда. Обозначая эту проблему, Дракер, по сути, воспроизводит двойное прочтение визуальных репрезентаций, предложенное Стюартом Холлом[11]. Рассуждая о визуализации, она провозглашает переход цифровой гуманитаристики от миметической к конструкционистской модели интерпретации. Тем самым намечает сращивание критической теории репрезентации и цифровой работы.

Для решения этой проблемы Дракер предлагает отказаться от представления о материалах, с которыми работают гуманитарии, как о чем-то данном – data. В качестве альтернативы предлагается концепт "capta" (от латинского «capere» – улов), введенный разработчиком методологии мягких систем П. Чеклэндом[12]. Capta, в отличие от data, проблематизирует роль установок и предпочтений исследователя в организации того массива информации, с которым ведется аналитическая работа. Если *данные* отсылают нас к естественнонаучным практикам стандартизированного и во многом автоматизированного процесса отбора информации, которой по умолчанию приписывается свойство репрезентативности, то *схваченные* – это a priori произвольно отобранная, но ограниченная часть всего существующего массива информации. Что именно попадет в *схваченное*, зависит и от методологии исследователя. Рефлексия методологических оснований отбора *схваченного*, таким образом, сильно увеличивает аналитический потенциал исследования. Поворот от визуализации *данных* к визуализации *схваченного* означает для Дракер визуальную рефлексию оснований и особенностей, которые задают нечеткую логику отбора *схваченного*. Кроме того, Дракер указывает на сложность разработки визуальных репрезентаций, предназначенных для работы со *схваченным*: поиск новых форм наталкивается на ощутимое сопротивление со стороны устоявшейся визуальной традиции.

Уход от классических нерефлексивных форм визуализации связан с нарастающим усложнением визуальных данных и способов работы с ними, отсылающих к методологии, в соответствии с которой данные производились. В движении к усложнению визуальных поверхностей, провоцирующем на работу со *схваченным*, можно усмотреть, с одной стороны, стратегическое сходство с дрейфом от больших данных к умным, а с другой – смещение аналитики от алгоритмов, свернутых в коде, к визуальному интер-

---

11 S. Hall S. et al. (ed.): *Representation: Cultural representations and signifying practices*, Sage 1997.

12 P. Checkland, S. Holwell: *Information, systems and information systems: making sense of the field*. Wiley, 1997.

фейсу. Этот эффект был описан Роном Барнеттом: в цифровой век интеллектуальное усилие оказывается распределенным между человеком и цифровой визуализацией[13].

Усложнение визуализации

Критикуя цифровых гуманитариев за нерефлексивное принятие визуальной методологии позитивистской парадигмы, Дракер обозначает общую тенденцию в области цифровой гуманитаристики. Тем не менее не первый год существует серия проектов, в рамках которых ведется поиск форм и режимов визуальных репрезентаций, отвечающих требованиям гуманитарного исследования. Главным образом, это – визуализация текстов. Хотя есть среди них и такие, где упорядочиваются нетекстовые материалы.

Мониторинг цифровых инструментов гуманитарной визуализации и отдельных визуализаций, выполненных в рамках конкретных гуманитарных проектов, позволяет очертить основные тенденции их развития. Условно их можно разделить на две группы.

К первой группе можно отнести те программы и платформы визуализации, где для построения визуальной поверхности используется математический аппарат – или то, что Лев Манович описывает как раннюю стадию визуализации информации[14]. Это по большей части графики и диаграммы, построенные на основе топологии и статистической редукции данных. Но встречаются и более оригинальные решения. Например, программы количественного анализа частотности употребления слов, позволяющие представлять текст в качестве облака тегов или слов (Voyant-tools[15], Tagul (Tagul world clouds)[16], Tag Crowd[17], VocabGrabber[18], Wordle[19], DocuBurst[20], ListWord – HTM[21] от TAPoR, инструмент Sentiment Viewer[22] от BookLamp Labs, а также визуализации, разработанные Джеффом Кларком в рамках проекта «NeoFormix»[23]). Автоматически генерируемая визуальная поверхность образуется из разнонаправленных слов, набранных разным кеглем. Процесс работы с программой предельно прост, а количественная методология, в основе которой лежат разные режимы частотного анализа текста, – жестка.

13 R. Burnett: *How images think*. MIT Press 2005.

14 L. Manovich: What is visualisation? in: *Journal of Visual Studies*. 26/1 (2011), 36-49.

15 Режим доступа: http://voyant-tools.org/

16 Режим доступа: https://tagul.com/

17 Режим доступа: http://tagcrowd.com/

18 Режим доступа: https://www.visualthesaurus.com/vocabgrabber

19 Режим доступа: http://www.wordle.net/

20 Режим доступа: http://labs.booklamp.org/

21 Режим доступа: http://taporware.ualberta.ca/~taporware/htmlTools/listword.shtml

22 Режим доступа: http://labs.booklamp.org

23 Режим доступа: http://neoformix.com

Общим свойством визуализаций, полученных с применением математических алгоритмов и частотного анализа является стремление к эстетизации, усиливающей риторические функции изображения. Так, большинство программ, используемых для создания облака тегов, тесно размещают набор слов на визуальной плоскости, обеспечивая видимость общей картины, но не давая доступа к мелким деталям. Здесь лидеры частоты встречаемости автоматически оказываются в сильной риторической позиции, что некритически поддерживает представление об их значимости для текста. В то же время единицы с низкой частотой употребления остаются за бортом визуализации. Автоматически разделяя текстовые единицы на значимые и незначимые в своей видимости, такие ресурсы опираются на неотрефлексированную или мало отрефлексированную риторику изображения.

Вторая группа визуальных инструментов более обширна, но и куда менее однородна. Общим свойством этих продуктов и ресурсов является ориентация их разработчиков на поиск способов визуализации, в наибольшей степени соответствующих гуманитарным задачам. Чаще всего альтернативой математическим способам обработки текстовых данных становится адаптивная и детализированная процедура разметки текста.

Так, широко используемая html-разметка в свое время дала толчок к развитию целого спектра сервисов и инструментов, позволяющих автоматически визуализировать данные в графических древовидных структурах разной степени сложности (например, HTML Graph[24], Visual Understanding Environment [25], Inxight Tree Studio [26], XML 3D Node Diagram[27], AquaBrowser: Qeens Library[28], Visual Thesaurus[29] и другие). Создание и прочтение древовидной визуальной модели принципиально отличается от статистических преобразований и восходит еще к средневековой традиции построения таксономий. Вне зависимости о того, имеем мы дело с паралактическим древом (таким, например, которое позволяет построить сервис Radial Tree Viewer[30], реализованный на базе университета Индианы) или Treemap (например, Treemap от Human-computer interaction Lab[31]), древесная визуализация проблематизирует структуру материала и делает видимыми иерархии и соотношение частей целого на разных уровнях организации. Работа с такими визуализациями интерпретативна. Так, древовидные визуализации нодов (кодов) использует Nvivo – исследовательский

---

24 Режим доступа: hhttp://lukelab.com/lab/noder/
25 Режим доступа: http://vue.tufts.edu/
26 Режим доступа: http://www.inxight.com/
27 Режим доступа: http://lukelab.com/lab/noder/
28 Режим доступа: http://aqua.queenslibrary.org/
29 Режим доступа: http://www.visualthesaurus.com
30 Режим доступа: http://iv.slis.indiana.edu/ref/iv03contest/index.html
31 Режим доступа: http://www.cs.umd.edu/hcil/treemap/

программный пакет от OSR Internationa[32]l, изначально разрабатываемый под методологические нужды обоснованной теории.

Принципиально иной порядок репрезентации появляется там, где логика иерархической разметки заменяется на сетевую. Ставка, сделанная на установление горизонтальных связей между элементами разметки, способствовала появлению визуальных браузеров – аналитических инструментов, в которых организация и чтение визуальной поверхности становится главным аналитическим действием. Инструмент InfoCristal[33], запущенный MIT еще в 1995 году и визуализировавший системы связности объектов в булевой логике, стал одним из первых средств создания неиерархической разметки. Инструмент позволил графически отображать системы связей между различными элементами корпуса данных и обеспечил интерактивное построение гибких поисковых запросов.

Mandala Browser Project (Mandala)[34] – один из самых интересных проектов в семействе средств мягкой визуализации. Высокий потенциал браузера Mandala как инструмента визуальной аналитики обеспечивается проработанной системой разметки материала с широкими возможностями по установлению горизонтальных связей в сочетании с семантически сложной системой представления этих связей в едином визуальном поле. Например, визуализация диалогов шекспировских героев с помощью Mandala позволяет отобразить степень и характер их участия в производстве базовой категориальной разметки «любви» и «смерти» в пьесах Шекспира, в т.ч. – в «Ромео и Джульетте»[35].

Пример Mandala, помимо всего прочего, прекрасно иллюстрирует важную особенность инструментов неиерархической визуализации текстов: их отличает сложный интерфейс и не самая высокая степень юзабилити. Так, разбирая опыт использования Mandala Browser для аналитической работы с «Орландо» (базой данных об английских писательницах), исследователи отмечают, что понимание текста с помощью графической трансформации возможно только вместе с пониманием принципов самой этой трансформации[36]. Иными словами, работа гуманитария по созданию визуализаций текста требует от него не только понимания теоретических принципов трансформации этого текста, но и знакомства с конкретными технологиями его реорганизации в графическую поверхность. Например, знания о том, как на уровне алгоритма

---

32 Режим доступа: http://www.qsrinternational.com/

33 A. Spoerri: InfoCrystal: A visual tool for information retrieval and management, in: *Proceedings of the second international conference on Information and knowledge management*, ACM 1993, 11-20.

34 Режим доступа: http://mandala.humviz.org/

35 Режим доступа: https://dhs.stanford.edu/wp-content/uploads/2011/06/mandala.png

36 S. Brown, S. Ruecker, J. Antoniuk, S. Farnel, M. Gooding, S. Sinclair, S. Gabriele: Reading Orlando with the Mandala Browser: A case study in algorithmic criticism via experimental visualization, in: *Digital Studies / Le champ numérique*, 2/1(2013).

осуществляется сегментация текста, отображаются таксономии и устанавливаются связи между выделенными элементами. Можно сказать, запрос на изменение способа подготовки гуманитариев и расширение их вычислительных компетенций сформулирован.

Техники наблюдателя Web 2.0

Конъюнктура поля цифровой гуманитаристики такова, что эстетика и бьютификация становятся важными звеньями в современной политике производства знания. Ориентация на красоту визуальной поверхности соответствует общему тренду «красивых данных»[37] и подкрепляется порядком распределения грантов, рейтингами цитирования, становлением парадигмы открытых данных и активным освоением сетевых сред исследователями. Учёные, работающие в этой области, прилагают усилия для того, чтобы сделать результат своей работы привлекательным. Эти визуальные режимы поддерживают субъективность особого рода в том смысле, в каком ее описывает Дж. Крэри[38]: новые цифровые техники и технологии способствуют формированию новых позиций для наблюдателя. Аналитическое удовольствие становится частью эстетики, а работа аналитика все меньше отделяется от рассматривания привлекательного визуального образа. Усложнение принципов организации визуальных поверхностей, создаваемых гуманитариями на качественном материале, требует особых визуальных компетенций, освоения новых практик смотрения.

Технология зуммирования, вошедшая в широкий обиход с всеобщим распространением компактных гаджетов с сенсорными дисплеями, – характерный пример слияния эстетического и аналитического аспектов визуализации. Как элемент интерфейса зум – территория эргономики и эстетики. В качестве специфической практики дополненного взгляда зум – расширение аналитики. Иерархическое, послойное устройство видимого, возможность интерактивного перехода от одного уровня наблюдения к другому, неизбежное при укрупнении фреймирование фрагментов – все это делает зум инструментом, навязывающим пользователю оптику, которую вполне можно счесть аналитической.

В проекте Chronozoom, реализуемом на базе МГУ при поддержке корпорации Microsoft, зум используется в качестве ключевого аналитического инструмента[39]. Проект нацелен на создание визуализации глобального исторического процесса с любой степенью детализации и привязкой к единой исторической шкале. Из-

---

37 O. Halpern: *Beautiful data: A history of vision and reason since 1945*, Duke University Press 2015.

38 J. Crary: *Techniques of the observer: on vision and modernity in the nineteenth century*. MIT Press 1992.

39 R. Walter, S. Berezin, A. Teredesai, (2013, October). ChronoZoom: travel through time for education, exploration, and information technology research, in: *Proceedings of the 2nd annual conference on Research in information technology*, ACM 2013, 31-36.

начально главная функция ресурса – демонстрационно-образовательная (визуализация «большой» истории). Но она поддерживает создание пользовательских презентаций. Когда пользователь переходит с одного уровня зуммирования на другой, перед его глазами осуществляются разметка и фреймирование исторического процесса. Игры видимого и невидимого обеспечивают контекстуализацию, (не) показывая отдельные единицы более низкого порядка в качестве составляющих элементов единиц более высоких порядков. Выбор и зуммирование конкретного интервала временной шкалы, по сути, превращаются в операцию сортировки. То есть – аналитикой.

Иной способ вовлечения пользователя-наблюдателя в аналитический процесс подразумевает сторителлинг – прагматически ориентированное направление визуальной репрезентации данных, использующее нарратив в качестве дополнения к визуализации[40]. Сторителлинг с успехом применяется для работы с данными в разных областях знания. Из перспективы сторителлинга картинка мертва, пока она не рассказана. Видимая темпоральность становится точкой притяжения взгляда. Когда нарратив репрезентируется средствами визуальной репрезентации, пользователь вынужден разделять с автором интеллектуальное усилие по сборке в едином визуальном пространстве графических и нарративных элементов, а не просто глазеть. И чем более изощренными оказываются способы введения временного измерения, выбранные авторами, тем больше усилий по интерпретации требует визуализация от пользователя. Вовлеченность возрастает.

Изображая методологию

Рассуждая о методологии цифровой гуманитарной визуализации, важно понимать, что методологическая нагруженность визуального образа – это метафора-контейнер, вбирающая в себя новации в производстве гуманитарного знания. Речь идет не столько об особых логиках организации визуального образа, сколько о методологии, реализующейся на поверхности интерфейса.

Те, кто делают цифровую гуманитаристику, осознают необходимость расширения компетенций гуманитария за счет включения в них навыков программиста[41]. Ведь анализировать в цифровых обстоятельствах – это кодить. Цифровая гуманитаристика становится областью, где происходит встреча и сращивание гуманитарных аналитик и вычислительных технологий, действующих на основе алгоритмов и математических моделей. А потому неудивительно, что эпистемологическая рефлексия, осуществляющаяся в этом поле, выходит за пределы гуманитарного фарватера. Техно-

[40] R. Kosara, J. Mackinlay: Storytelling: The next step for visualization, in: *Computer*, 46/5 (2001), 44-50.

[41] M. Gold (Ed.): *Debates in the digital humanities*. University of Minnesota Press 2012.

логическая основа задает границы и диктует способы реализации теории, в какой-то степени повышает чувствительность к условиям и последствиям использования вычислительных технологий.

Примером того, как новые перспективы открываются в месте встречи гуманитарных и технико-математических знаний, служит теория нечетких множеств в ее приложении к гуманитарному материалу. Теория была сформулирована в 1965 году[42]. Сегодня разработки, касающиеся нечетких множеств и нечеткой логики, ведутся в сфере IT-технологий. А М. Вершинин и Л. Вершинина предлагают использовать принципы нечеткой логики в гуманитаристике. По их мнению, нечеткие математические модели подходят для работы с гибкими, условными и описательными содержаниями, которыми оперируют гуманитарии[43].

Каким образом принципы нечеткой логики могут быть использованы в визуальных программных продуктах, разработанных в русле цифровой гуманитаристики? В Обнинском проекте создается визуализация дискурсивного устройства биографического интервью. Коды, присвоенные отдельным фрагментам текста, представлены в виде разноцветных полигонов, расположенных в едином визуальном поле. Полигоны соприкасаются, пересекаются и накладываются друг на друга в соответствии с системой связности категорий, извлеченной исследователем из рассказа информанта.

В начале разработки прототипа многочисленные споры вызвал вопрос о том, как должны выглядеть полигоны и по какому принципу формироваться. Логика частотного анализа, где размер полигона определяется частотой упоминания, была отвергнута как не соответствующая качественной парадигме в социальных науках. Идея присвоить весовые коэффициенты тем или иным тематическим блокам интервью и автоматизированной отрисовке полигонов, изображающих тематические ядра на основе этих числовых показателей, также была отвергнута – на этот раз из-за жесткости инструментария, использующего внешнюю по отношению к материалу систему квантификации. Конечным решением стала концепция интерфейса как графического редактора, где исследователь сможет нарисовать собственные интерпретации сположения основных тематических категорий, поддерживающих дискурсивную архитектуру рассказа.

Это решение соответствует методологии нечетких множеств, где принадлежность объекта к множеству или разным множествам определяется в терминах квантификации весьма условно. Однако для цифровой обработки в компьютерной среде континуум, определяющий принадлежность объекта к множеству, рано или поздно должен быть определен численно и зафиксирован.

---

42 Н. Палкин: *Нечеткая логика – математические основы*, 2010. Режим доступа: http://www. basegroup. ru/fuzzylogic/math. ht m. 2010.

43 М. Вершинин, Л. Вершинина: Применение нечеткой логики в гуманитарных исследованиях // *Библиосфера*, 4 (2007).

Использование визуального интерфейса для создания и отображения интерпретации данных, минуя жесткие табличные формуляры и алгоритмы математической обработки, даст возможность генерировать репрезентации, в наибольшей степени соответствующие слабо формализованному материалу, и одновременно позволит создавать метаданные, которые можно адаптировать для работы в любой математической логике. Так, визуальная поверхность интерфейса становится местом, где методологии сращиваются, создавая благоприятные условия для прироста знания.

Требования к визуальным компетенциям любого, кто обращается к современным визуальным формам репрезентации в цифровых гуманитарных науках, возрастают. А значит, в своем методологическом поиске мы не должны останавливаться.

МЕТРОПОЛИТЕН И ЦИФРОВАЯ ПОРИСТОСТЬ ГОРОДА[1]

Оксана Запорожец[2]

Abstract

The paper introduces metaphor "digital porosity" aiming to grasp the non-uniformity, limitations and gaps of digital connectivity (technological, material, spatial, social, etc.) in urban spaces. Being used as a research guidance, the metaphor raises the questions what digital porosity is? how is it produced? how is it changing? Based on the research of internet connectedness and practices of Internet use in the subways of Moscow and St. Petersburg, the paper states that the extension of the Internet zone and the inclusion of new urban spaces do not automatically increase the connectivity of the city, since the latter depends not only on the availability or the quality of internet communication, but also on the intentions and skills of the internet users and their ideas about the comfort and the possibility of internet connection, the role of the subway ride in the broader planning horizons.

Keywords: digitalization, digital connectivity, digital porosity, ubiquitous city, urban spaces, experience management.

В своей книге «Нью-Йорк и обратно» Генри Миллер с досадой описывает стремительную механизацию Нью-Йорка начала 1930-х: «От них [машин] тут все сдвинулись. Ничего не желают делать вручную. Даже двери распахиваются, как по волшебству: ступишь на педаль – и на тебе, открыто. Так недолго и до галлюцинаций дойти»[3]. Принимаемые с восторгом или осуждаемые с не меньшим пылом технологии и технологические системы столь масштабные, как электрификация, водоснабжение, телефонизация, транспортная сеть, или же более частные – такие как лифты и эскалаторы – сыграли важнейшую роль в формировании модерного города. Соединяясь, пересекаясь, накладываясь друг на друга, они образовывали новую городскую среду и новое качество городской жизни. Технологии связывали город сетями проводов, водо-

---

1 В статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Метрополитен: стареющая технология и ее современные пользователи, изменение компетенций и сфер ответственности» № 15-01-0120, в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2015–2016 гг.

2 Оксана Запорожец – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник ИГИТИ им. А.В. Полетаева Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).

3 Г. Миллер: *Нью-Йорк и обратно*, М.: АСТ 2004, 4.

проводными трубами, трамвайными рельсами и одновременно создавали особую плотность городского пространства, насыщая его новыми звуками, запахами, непривычными тактильными опытами: «Во времена стремительной индустриализации и интенсивной урбанизации города становились центрами новых опытов, передовой нового современного мира»[4].

Экспансия цифровых технологий в повседневную жизнь в целом и городскую в частности сегодня уже не вызывает сильных эмоций, подобных переживаниям Генри Миллера по поводу наступления машин. Переход города в цифровой режим кажется чем-то само собой разумеющимся. Еще в начале 2000-х Найджел Трифт и Шон Френч отмечали, что в Европе и Америке цифровые технологии проникают в повседневность, превращаясь в ее неотъемлемую, хотя и почти не замечаемую часть[5]. Не менее привычным термин «цифровой» кажется и городским исследователям, без сомнений признающим принципиально новое состояние городской среды, однако не спешащим прояснить, в чем, собственно, эта новизна заключается.

Вместе с тем разговор о городе и цифровых технологиях сегодня крайне важен. Ведь значимость пространственных, временных, культурных контекстов в цифровом обществе не только не отменяется, но и, напротив, многократно усиливается[6]. Городская среда с ее значительными технологическими возможностями, социальным и культурным многообразием, страхами и допущениями, интенсивной мобильностью и скоростными ритмами создает особые условия для появления и функционирования цифровых технологий и их использования.

К началу 2010-х в городских исследованиях, соотносящих себя скорее с культурной географией, нежели с исследованиями программ и технологий, складывается несколько комплементарных подходов к пониманию цифровизации. Во-первых, цифровизация определяется как существование информации в виде кода. Во-вторых, она связывается с использованием основанного на коде программного обеспечения, приводящего в движение, ускоряющего или замедляющего, а порой и вовсе останавливающего объекты, пространства и процессы[7], образующие городскую жизнь. И, наконец, в-третьих, цифровизация все чаще, хотя и по умолчанию,

---

4 M. Hard, T. Misa (eds.): *Urban machinery. Inside Modern European Cities*, Cambridge, MA: MIT Press, 3.

5 См.: N. Thrift, S. French: The automatic production of space, *Transactions of the Institute of British Geographers*. 27(3) 2002, 309–335.

6 См., например: J. Van Dijk: *The Network Society. Social Aspects of New Media*, Sage Publications 2006. В русскоязычной дискуссии на это обращает внимание Е. Лапина-Кратасюк в своих рассуждениях о современном городе. См.: "Интерактивный город": сетевое общество и публичные пространства мегаполиса, О. Бредникова, О. Запорожец: *Микроурбанизм. Город в деталях*, М.: НЛО 2014.

7 См.: R. Kitchin, M. Dodge: *Code/Space: Software and Everyday Life*. Cambridge, London: The MIT Press 2011.

ассоциируется с интернет-доступом и нахождением онлайн, хотя в данном случае точнее говорить о «связи» и «связанности» (connectivity)[8], создающих новый тип отношений – практически постоянной (в идеале и планах) доступности людей и предметов. Это понимание цифровизации будет важно для меня в дальнейшем.

Несмотря на оптимизм теоретиков, связь в современных городах не является величиной постоянной. Она не всегда доступна и не всегда обладает приемлемым качеством. Не все горожане – и особенно приезжие – могут ее себе позволить. Более того, возможность оставаться на связи может быть не только благом, но и бременем для современного горожанина, который не прочь время от времени от этого бремени избавляться. И, наконец, нахождение онлайн далеко не всегда поддерживается социальным окружением, считается приемлемым или просто физически возможным. Вспомним хотя бы плотно прижатых друг к другу в час пик пассажиров общественного транспорта. Именно неоднородность, ограничения и разрывы цифровой связанности (технологические, пространственные, социальные и многие другие), определяемые мной как *цифровая пористость*, станут предметом рассмотрения.

В первом приближении «связь» и «связанность» кажутся сугубо технологическими характеристиками. И действительно, они невозможны без технологической и связанной с ней социальной инфраструктуры – частично инновационной, частично унаследованной из недавнего прошлого – электрических сетей, технологий мобильной и интернет-связи, обслуживающих эти сети специалистов и многого другого. Как отмечает Стефан Грэхем: «Возрастающее значение кода физически связано с материальной инфраструктурой – проводами, розетками и пр., без которых киберпространство вряд ли бы существовало»[9]. Цифровая экспансия подчеркивает значимость поддерживающей ее инфраструктуры, ценность которой становится очевидной если не в повседневном пользовании, то совершенно определенно в ситуации поломок и ограничений. Каждый может вспомнить о «катастрофах» различных масштабов, связанных с невозможностью подзарядить ноутбук или сотовый телефон, аварией интернет- или мобильной сети и прочими досадными происшествиями.

И все же разговор о связанности не ограничивается технологиями или инфраструктурными возможностями. Нахождение «на связи» не в меньшей мере зависит от пользователей Интернета и мобильной связи – их желания оставаться онлайн, их навыков, разделяемых или создаваемых ими конвенций и правил. Забываемое

---

8 См. например: B. Wellman: Physical Place and Cyberplace: The Rise of Personalized Networking, in: *International Journal of Urban and Regional Research*. 25 / 2 (2001), 227–252; J. Malpas: The Place of Mobility Technology, Connectivity, and Individualization, in: R. Wilken, G. Goggin (eds.) *Mobile Technology and Place*, NY, London: Routledge 2012, 26–38.

9 S. Graham: *Disrupted Cities. When infrastructure fails*, NY, London: Routledge, 2012, 6.

и недооцениваемое, человеческое измерение связи заслуживает подробного рассмотрения, ведь идеи ubiquitous city[10] – «города онлайн» или «подключенного города», в котором непрерывность связи обеспечивается исключительно технологически[11], кажутся скорее перспективными планами, нежели реальным положением дел даже их создателям.

Городская подземка и интернет-соединение

На протяжении последних десятилетий городские исследователи отмечают нецелесообразность разговора о городе в общем и целом: «Город нуждается в новом понимании. Город – это процесс … который постоянно выходит за границы, ставит под сомнение и перерабатывает сложившиеся принципы (социального взаимодействия, использования пространства и пр.)»[12]. Чувствительность к процессуальности города, его постоянной изменчивости и реконфигурации ставит вопрос: какие элементы и способы их сборки, впрочем, довольно изменчивые, образуют городскую жизнь в тот или иной момент?

В качестве отправной точки рассмотрения интернет-связанности современного города в данной статье взят метрополитен. Почему «записки из подземелья» являются важным способом понимания изменений современного города? Необходимо уточнить, что речь идет о мегаполисах с масштабными системами метрополитена, создающими эталоны городской жизни и образности.

Важность рассмотрения связки или, точнее, наложения «Интернет» и «метрополитен» обуславливается несколькими обстоятельствами. Во-первых, обе технологии играют важнейшую роль в создании городской среды. Если метрополитен с середины XIX века своими ритмами и логиками формирует повседневность и воображаемое современного мегаполиса[13], то с конца XX века роль движущей силы переходит к Интернету. Во-вторых, метрополитен –

---

[10] См.: M. Shepard (ed.): *Sentient City. Ubiquitous Computing, Architecture, and the Future of Urban Space*. Cambridge, MA: The MIT Press 2011; L. Anthopoulos, P. Fitsilis: From Digital to Ubiquitous Cities: Defining a Common Architecture for Urban Development, in: *IEEE 6th International conference on Intelligent Environments,* IEEE Xplore 2010, 301–306.

[11] Термин «подключенный» (ubiquitous computing) был введен Марком Вайзером для обозначения возможности доступа к компьютерной сети из любой точки пространства. См.: M. Weiser: Hot topics-ubiquitous computing, in: Computer, 26/10 (1993), 71–72. В настоящее время термин «подключенный город» распространен в социальных науках и городском планировании и означает возможность постоянного нахождения на связи горожан, городских инфраструктур, материальных объектов и пр. Предполагается, что возможность пребывания на связи создает новое качество городской жизни.

[12] N. Brenner, C. Schmid: Towards a new epistemology of the urban? in: *City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action*. 19/2-3 (2015), 166.

[13] См.: M. Hård, T.J. Misa: *Urban machinery: inside modern European cities*, MIT Press 2008.

это пространство массового транзита с ежедневными многомиллионными потоками пассажиров, что делает его одним из наиболее важных городских пространств, в том числе и с точки зрения связанности. Сложно предположить, что статус метрополитена как основного транспортного средства в крупных городах сколько-нибудь изменится, ведь в мегаполисах с их затрудненным уличным движением и огромными расстояниями он остается фактически безальтернативным видом транспорта. В-третьих, в течение последних лет метрополитены мировых мегаполисов все активнее включаются в орбиту мобильной и интернет-связи за счет как развития беспроводного Интернета, так и улучшения мобильной связи. Относительно недавнее распространение «зоны доступа» на городскую подземку позволяет надеяться, что наличие Интернета еще не стало обязательным и оттого незамечаемым сервисом, а значит, не ушли в прошлое и не стерлись из памяти горожан их реакции на произошедшие перемены. В-четвертых, метрополитен – это тщательно спланированное пространство, в котором, по сравнению с наземной поверхностью, гораздо меньше стихийного, а значит, более четко обозначены приоритеты и политики функционирования и развития, позволяющие проявлять общее и особенное в развитии связи в городском над- и подземелье. И наконец, последнее, но не менее значимое обстоятельство, призванное убедить в важности совместного рассмотрения метро и интернета. Опыт пользования метро неотделим от опыта городской жизни и жизни современного человека, ведь пользование подземкой включено в широкие пространственные, временные горизонты и опыты, такие как повседневное планирование и жизненные планы, отношения с городом, другими людьми, технологиями.

Идея сложности и многомерности метро, его несводимости только к опытам поездок звучала в словах моих собеседников:

> – Даже когда я окончательно пересяду на машину, я буду время от времени пользоваться метро… Потому что здесь чувствуешь себя по-другому. Ну, такое ретро.
> – Это что-то вроде тематического парка получается?
> – Ну да, городской тематический парк (*смеется*).
>
> Житель Санкт-Петербурга, 22 года.

Мои рассуждения о цифровой связанности и разрывах современного города основаны на результатах исследования «Метрополитен: стареющая технология и ее современный пользователь», проведенного в 2015–2016 годах в Москве и Санкт-Петербурге. Исследование включало серию из 30 интервью, 4 совместные поездки, анализ тематических публикаций, сайтов и групп в социальных сетях.

Будучи пространством транспортной мобильности, метрополитен совпадает с мобильностью иного рода – мобильностью связи.

Цифровая «мобилизация» и проблема связанности

Оставаться на связи – это не только техническая возможность, но и выбор современных горожан, принимающих решения: когда, где, как долго, для чего стоит находиться онлайн. Этот выбор не исчерпывается разделением на цифровых аборигенов, с детства привыкших быть на связи, и цифровых иммигрантов, постепенно осваивающих Интернет:

> В: Сейчас мобильный Интернет есть на многих телефонах. Почему Вы не хотите [им пользоваться]?
>
> О: Ну, во-первых, я не вижу в этом необходимости. Мне хватает, что я дома посидела.
>
> Жительница Санкт-Петербурга, 19 лет, студентка.

> – У меня телефон – не смартфон. У меня нет вот этого... как это называется, господи? Айпада нет у меня. Я же говорю, что я работаю целыми днями у компьютера.
>
> Жительница Москвы, 58 лет, врач.

Парадоксальным образом именно развитие технологий многократно усилило значимость субъекта и принимаемых им решений, ведь «персональность» устройств – их ориентированность на индивидуальное использование (существенно затрудняющее совместное пользование), способность аккумулировать интересы и привязанности владельца, отражать его идентичность – если и не спровоцировало, то определенно поддержало новый виток индивидуализма[14].

Помимо желания, стремление оставаться на связи требует от горожанина постоянного совершенствования навыков и маневров. «Хочешь мобильного Интернета – будь мобильным, ну и, конечно, знай город», – так в конце 1990-х могли бы выглядеть советы бывалого интернет-пользователя. Чуть более десятилетия назад непрерывность интернет-связи создавалась искусно выстроенными маршрутами горожанина, переходящего от домашнего компьютера в интернет-кафе, от интернет-кафе – к компьютеру на работе и другим местам с доступным Интернетом. В 2000-х мобильность Интернета достигается уже не столько умелым лавированием обывателя, сколько технологическими возможностями, такими как мобильность связи и портативность электронных устройств. Появление беспроводной интернет-связи в буквальном смысле спустило пользователя «с привязи»[15], позволяя оставить позади вечно путающиеся под ногами провода и периодически выпадающие из

---

14 См.: R. Williams Mobile Privatization, in: du Gay P. et al: *Doing Cultural Studies: The Story of the Sony Walkman*. L.: Sage 1997; K. Gergen: The challenge of absent presence, in: *Perpetual contact: Mobile communication, private talk, public performance* / eds. J. Katz, M. Aakhus. Cambridge University Press, 2002, 227-242.

15 См.: E. Casey Going Wireless: Disengaging the Ethical Life, in: R. Wilken, G. Goggin (eds.): *Mobile Technology and Place*, N. Y., L.: Routledge 2012.

розетки зарядки, давая возможность забыть о популярных когда-то интернет-кафе или задержках на работе, позволяющих воспользоваться всеми благами скоростного Интернета. Независимость пользователя от пространства, сосредотачивающего возможности интернет-связи, значительно увеличилась, хотя и не была достигнута полностью.

2010-е стали переломным этапом в развитии мобильной интернет-связи во всем мире. С 2013 года впервые в мире количество продаваемых планшетов превысило количество ноутбуков, а число смартфонов – телефонов без интернет-подключения[16]. Происходящие изменения убедительно свидетельствуют о «мобилизации» как общемировой тенденции, а именно – об увеличении пользователей мобильного Интернета и количества времени, проводимого онлайн с мобильных устройств[17]. При ближайшем рассмотрении мобилизация оказывается следствием различных обстоятельств, позволяя говорить о «желаемом» и отчасти «вынужденном» переходе к мобильным устройствам. «Вынужденная мобилизация» отражает ситуацию в бедных странах и регионах, где основной причиной приобретения смартфонов, и реже планшетов, является их ценовая доступность: выполняя сходные с компьютерами функции, они стоят гораздо дешевле. «Желаемая мобилизация» происходит в богатых странах, где смартфоны и планшеты покупаются специально для перемещений, как правило дополняя, реже – замещая стационарные компьютеры или ноутбуки.

Создание и распространение портативных цифровых устройств – не единственное условие цифровой мобилизации, которая в не меньшей степени определяется наличием, качеством и доступностью интернет-связи, и, конечно, желанием пользователей оставаться онлайн.

Множественные измерения интернет-связи и цифровая пористость[18]

Именно пользователи в первую очередь ощущают множественные пределы и разрывы связанности: технологические, материальные, пространственные, социальные, телесные, дискурсивные. Оптимистическое видение вездесущести современных технологий не выдерживает испытания практикой, во всяком случае в России: «Стены, двери, ворота и расстояния до сих пор

---

16 Internet Society Global Internet Report 2015. Mobile Evolution and Development of the Internet. Режим доступа: http://www.internetsociety.org/globalinternetreport/assets/download/IS_web.pdf.

17 Если в 2012 году среднее время, которое пользователь проводил в мобильном интернете, составляло 74,4 минуты в день, то во втором квартале 2014 года данный показатель достиг 108,6 минут в день, вырос практически в полтора раза, по данным Statista.com. Режим доступа: http://habrahabr.ru/company/mailru/blog/200358/

18 Автор благодарит Яну Крупец за помощь с разработкой метафоры «пористость».

создают границы и затрудняют встречи в “реальном” пространстве, но новые коммуникативные технологии преодолевают ограничения, накладываемые физическим пространством»[19]. Так, нередко рефреном разговора по мобильному телефону становится напряженное «Ты меня слышишь?» или «Я тебя не слышу!».

Ощущение связи – это отнюдь не метафора. Связь во всех ее несовершенствах остро ощущается телом, когда говорящий по телефону или ловец Интернета выстраивает сложную хореографию звонков или доступа к сети. Например, проглядывая форум недавно построенного дома, невольно цепляешься взглядом за сетования новоселов: «Говорить можно только на балконе или прижавшись к окну, вместе с телефоном»[20]. Несовершенство связи или, напротив, совершенство строительных материалов распознается пользователями как непреодолимое препятствие связи: «Хороший бетон у застройщика – ничего не слышно»[21].

Несмотря на постоянное совершенствование мобильной связи пользователям регулярно приходится оттачивать свое мастерство и обновлять знания, чтобы оставаться онлайн. Многие из них (особенно молодежь) – это более или менее опытные балансировщики, ищущие наиболее доступные и удобные во всех смыслах условия связи[22]. Они переходят с тарифа на тариф, с мобильного на стационарный Интернет или Wi-Fi, из одного пространства в другое, пробуют различные устройства. Таким образом, непрерывность связи во многих случаях достигается успешностью маневров пользователя и отточенностью навыков перехода, а вовсе не совершенством технологий, создающих бесшовный город, как полагают теоретики. Это отчасти напоминает ситуацию 1990-х, когда относительная непрерывность интернет-соединения обеспечивалась знаниями пользователей о местах интернет-доступа и умелым планированием маршрутов. Постоянство переходов подтверждается российскими и зарубежными статистическими данными, согласно которым в США 42% интернет-трафика смартфонов и более 90% трафика планшетов приходится на Wi-Fi соединения, а не мобильный Интернет[23].

Своими действиями и запросами пользователи обнаруживают пространственные «пробелы» и недостаточности связи. В

19 K. Willis: Sensing Place: New Media Technologies and Urban Space, in: L. Frers, L. Meier (eds.): *Encountering Urban Places; Visual and Material Performances in the City*. Ashgate Press 2008.

20 Форум жилого комплекса «Центр-2» города Железнодорожный Московской области. Режим доступа: http://centr-2.com/index.php/topic/1361-megafon-sotovaia-sviaz/.

21 Там же.

22 См.: G. Mascheroni, K. Ólafsson: The mobile internet: access, use, opportunities and divides among European children, in: *New Media and Society*, 1/71 (2015), 1–23.

23 Режим доступа: http://www.economist.com/news/science-and-technology/21632739-wi-fi-hotspots-become-ubiquitous-who-needs-cellular-wireless-when-wireless-worlds.

частности, их недовольства делают очевидным преимущественно «горизонтальное» развитие связи и слабую связанность «вертикали» – под- и надземных пространств: метрополитенов или неба. Выпадение отдельных зон подчеркивает пространственность связи и в очередной раз развенчивает представления о ее вездесущности и постоянной доступности. Постепенно, благодаря настойчивости пользователей, оборачивающейся выгодой компаний-провайдеров, происходит расширение цифрового пространства за счет включения так называемых мертвых зон. Если приход мобильной связи, а потом и Интернета в метро становится городской привычкой и неотъемлемой частью поездок, то мобильная связь и Интернет, доступные на авиарейсах с 2008 года[24], до сих пор остаются экзотикой и технологическим чудом: «Появление Wi-Fi в 2008 году на борту самолета было гораздо большим чудом, чем превращение воды в вино»[25]. Относительно небольшая распространенность[26] и невыгодное соотношение «цена – качество» не позволяют связи на борту войти в привычку и связать авиапассажиров с землей. Как отмечает Ник Билтон, ведущий колонки New York Times: «Хуже еды в самолете может быть только самолетный Wi-Fi. Он постоянно прерывается и так медленно работает, что просто не может называться Wi-Fi, хотя назвать его бортовым dial-up означало бы оскорбить dial-up»[27].

Подключение к мобильной связи и Интернету определяется не только технологическими возможностями, но и ранжированием – представлением о значимости пространств и территорий. Идея значимости пространственного измерения кажется достаточно очевидной, однако именно она недооценивается аналитиками, предпочитающими говорить о цифровом неравенстве или цифровом разломе связи преимущественно в социальных, но не пространственных категориях.

Отсутствие, прерывистость или низкое качество связи фиксирует состояние, которое я предлагаю называть цифровой пористостью. В данном случае пористость – это метафора. Она передает перспективу пользователя и позволяет прочувствовать неоднородность связанности, когда пространства и обстоятельства «концентрированной связи» перемежаются столь же ощутимыми цифровыми пустотами – понижением качества связи или/и вовсе ее исчезновением.

---

24 Впервые интернет-связь была предложена американской компанией «Gogo» в 2008 году на рейсах авиакомпании «American Airlines». Режим доступа: http://www.gogoair.com/history.

25 N. Bilton: The Sorry State of Inflight Wi-Fi, in: *The New York Times*. January 21, 2016. Режим доступа: http://www.nytimes.com/2015/01/22/style/the-sorry-state-of-in-flight-wi-fi.html?_r=0.

26 На сегодняшний день в мире связь на борту могут предложить, но далеко не всегда предлагают, около 40 авиакомпаний, в основном американских и азиатских. Список авиакомпаний см. режим доступа: http://blog.edreams.com/in-flight-wifi/.

27 Bilton, op. cit.

Цифровые пустоты и точки связанности не являются «постоянными величинами». Часто они меняют конфигурацию и потенциально взаимно обратимы. Энтони Таунсенд в своей книге «Умные города – большие данные, обыватели-хакеры и поиск новой утопии» обращает внимание на зависимость состояния городской цифровой среды от загруженности сетей мобильной связи. Экстремальные события вызывают лавину звонков, обрушивающих сеть, что приводит к возникновению временных цифровых пустот, как это было во время событий 9 сентября в Нью-Йорке, когда из 20 звонков по мобильному телефону до адресата доходил только один[28].

Еще в начале 2000-х Эш Амин и Найгел Трифт предлагали использовать пористость в качестве одной из базовых метафор для описания современной городской жизни, отмечая: «Транзитивность/пористость – это то, что позволяет городу постоянно формировать и изменять свой облик»[29]. Обращая внимание на пористость города, Амин и Трифт были вдохновлены городскими описаниями Вальтера Беньямина: «Пористость – это неистребимый закон городской жизни, проявляющийся во всем», – в том, «как здания и действия взаимопроникают во внутренних двориках, аркадах и лестничных маршах ... чтобы стать театром новых, непредвиденных констелляций. Печать определенности отсутствует»[30].

При всей продуктивности метафоры, она пока не входит в словарь городских исследователей. В то же время термин «пористость» используется в биологии, медицине, химии, физике и многих других науках и прикладных областях. Такая пористость определяется, классифицируется (например, выделяются поры сквозные, слепые, закрытые), измеряется с помощью специальных приборов, становится объектом воздействия (уменьшения или увеличения).

Не думается, что жесткое определение и классификация пористости будут столь же продуктивными для городских исследований. Напротив, метафоричность пористости, ее открытость интерпретациям могут оказаться полезными для понимания изменяющегося города. Пористость – это впитывающая, способная принимать множество форм, губка, которую можно легко уместить в руке и при необходимости сжимать или расправлять. Она отличается от масштабной, фиксированной и стабильной пористости горных пород или материалов, приходящих на ум. А главное – она включена в повседневность, соразмерна человеку и в немалой степени зависит от его действий. При всей своей неопределенности, метафора пористости может задавать направление размышлений. Даже постановка общих исследовательских вопросов, таких как: «Что может способствовать уменьшению или увеличению пори-

---

28 A.M. Townsend: *Smart Cities: Big Data, Civic Hackers, and the Quest for a New Utopia*. WW Norton and Company 2013.

29 Э. Амин, Н. Трифт: Внятность повседневного города, *Логос*, 3-4 (2002). Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/14.pdf.

30 Цит. по: Э. Амин, Н. Трифт, указ. соч.

стости?» и «Что абсорбирует пористая структура?» – способствует переходу от любования изяществом метафоры к пониманию логик существования пористости.

Будучи состоянием современного города, цифровая пористость не остается величиной постоянной. Она может уменьшаться под действием структурных факторов: совершенствования интернет-связи; изменения строительных материалов, обеспечивающих лучшую проводимость сигналов, о необходимости которых говорят архитекторы; политик изменения/закрепления ценности пространств. Одновременно цифровая пористость зависит от желаний горожан – их стремления оставаться на связи. Изменение пористости – процесс нередко разнонаправленный и слабо согласованный, тем более с учетом множественности его участников.

Политики «вайфаизации»

Цифровая связанность поддерживается мобильными и стационарными технологиями. Согласно экспертным оценкам, Wi-Fi – беспроводная интернет-связь, действующая в пределах определенного пространства, – лидирует в качестве средства доставки мобильного Интернета. Популярность Wi-Fi основана на его вездесущности: он используется дома, в общественных и транзитных пространствах – транспорте, кафе, торговых центрах, вокзалах и аэропортах, библиотеках, отелях и пр.[31]

Мы можем говорить о различных политиках «вайфаизации»: Wi-Fi как общественное благо и ресурс демократизации, Wi-Fi как экономический ресурс, Wi-Fi как символическая ценность. Эти политики принципиально отличаются друг от друга и воспринимаются как конкурентные, но, тем не менее, могут совмещаться или со временем переходить друг в друга. Wi-Fi всегда соотносится с конкретным пространством. Сам факт его наличия указывает на значимость места, что делает его в каком-то смысле похожим на мемориальные таблички, не оставляющие сомнений в важности того или иного пространства. На первый взгляд кажется, что география беспроводного Интернета универсальна. Оснащение Wi-Fi таких пространств, как кафе, библиотеки, гостиницы, вокзалы соответствует интернациональным представлениям об общественных пространствах. В то же время наличие Wi-Fi на спортивных площадках и пространствах для занятий спортом, столь характерное для североамериканских и австралийских городов[32], дает возможность почувствовать специфичность географии общественных пространств отдельных стран.

Появление и распространение общедоступного Wi-Fi в европейских и американских городах во второй половине 2000-х усилило оптимизм медиа аналитиков, видевших в нем важнейший

---

[31] Режим доступа: http://habrahabr.ru/company/mailru/blog/200358/.

[32] См.: A. Lambert: Public Wi-Fi. Space, sociality and the social good, in: *Australian Journal of Telecommunications and the Digital Economy*, 2/2 (2014).

инструмент развития городских публичных пространств, форм гражданского участия и демократических институтов в целом: «Интернет способен радикальным образом изменить публичную сферу города. Он может вдохнуть жизнь в городское пространство: привлечь посетителей, способствовать благоустройству, увеличить безопасность. Доступность Интернета уменьшает социальное неравенство и увеличивает популярность публичных пространств. Интернет обеспечивает соприсутствие в одном пространстве достаточно разных людей и тем самым делает возможным усиление социальных связей, увеличение толерантности и открытости различным сообщениям. Доступность интернет-связи в городских пространствах может способствовать развитию культуры участия и тем самым развивать политическую сферу и стимулировать развитие демократии»[33]. Подобное видение было основано на восприятии Wi-Fi как общественного блага, обеспечиваемого муниципальными или государственными структурами.

Иногда параллельно, иногда замещая политику открытого интернет-доступа, формировалась политика вайфаизации как одного из конкурентных преимуществ городских пространств. В этом случае развитие беспроводного Интернета обеспечивалось усилиями частных лиц, структур, корпораций, а порой и муниципалитетов. Предполагалось, что интернет-соединение должно либо оплачиваться пользователями, либо способствовать привлечению клиентов и увеличению потребления в кафе, магазинах, музеях и пр. Эта политика нередко расходилась с декларируемой политикой свободного доступа, что вызывало резкое недовольство пользователей и сторонников идеи Интернета как общественного блага. В частности, сворачивание программы доступного Интернета в общественном транспорте Берлина было расценено как шаг назад и для города, который должен служить примером другим немецким городам, и для страны в целом[34].

Идея Wi-Fi как общественного блага и экономического ресурса связана с его прагматикой. Наличие беспроводного Интернета может иметь не только утилитарное, но и символическое значение. Оснащенность пространства Wi-Fi создает его прибавочную стоимость в системе символического производства за счет перевода в категорию современных и продвинутых. Наличие же доступной интернет-связи постепенно превращается в must have современных городов и критерий их (само)оценки.

---

33 K.N. Hampton, O. Livio, L.S. Goulet: The Social Life of Wireless Urban Spaces: Internet Use, Social Networks, and the Public Realm, in: *Journal of Communication*, 60/4 (2010), 701–722.

34 Режим доступа: http://www.grin.com/en/e-book/203175/the-implementation-of-free-wifi-service-in-the-german-public-transport».

Уменьшение цифровой пористости: политики интернетизации метрополитенов Москвы и Санкт-Петербурга

Одним из самых освещаемых и обсуждаемых событий последних лет в Москве стала установка Wi-Fi в московском метро, завершившаяся к концу 2014 года. Подобное внимание не кажется чем-то особенным, ведь метро для Москвы – это основной вид транспорта с общим пассажиропотоком около девяти миллионов человек в день. В отличие от многих метрополитенов мира, делающих ставку на развитие стационарного Интернета, для московского метро была выбрана стратегия «Интернет в движении», когда нахождение онлайн возможно только в вагонах движущегося поезда, но не на платформах, вестибюлях или переходах.

Появление Wi-Fi было частью комплексных мер по модернизации и развитию московского метрополитена: увеличению количества станций, обновлению поездов и замены эскалаторов. Оно было новшеством, прямо или косвенно затронувшим каждого пассажира метро. Теперь все, совершающие поездки на метро, могли негодовать или радоваться наличию связи, наблюдать за попутчиками, склонившимися над экранами смартфонов, или, наконец, укрепить свой скептицизм, играя в специально разработанную онлайн-игру «Поймай Wi-Fi», задача которой – успеть поймать Wi-Fi в вагоне нарисованного поезда метро до того, как двери захлопнутся и связь исчезнет[35].

Установка Wi-Fi в метрополитене была дорогостоящим, но все же приемлемым вариантом обновления метрополитена. Создание доступной среды для маломобильных пассажиров или повышение комфортности метрополитена обошлись бы на порядок дороже, а их реализация потребовала бы решения гораздо более сложных технических задач, чем прокладывание кабеля и установка роутеров. Таким образом, Wi-Fi был оптимальным вариантом модернизации, позволившим обеспечить максимальный PR-эффект и заметность новшества. Появление интернет-связи в метро все-таки превзошло ожидания привыкших к доступной интернет-связи москвичей. Это было слишком хорошо, чтобы стать реальностью, ведь до этого времени горожане не сталкивались со столь масштабной зоной покрытия и не имели возможности оставаться на связи во время движения под землей.

Можно предположить, что появление доступной интернет-связи в метрополитене было символическим жестом. Одному из брендов города требовался «знак качества» из другой эпохи. Появившееся в 1935 году, московское метро с самого начала стало символом городской модернизации и демонстрацией успешности молодого советского государства. С первых дней своего существования оно оценивалось если не как самое лучшее, то уж точно самое красивое и человекоориентированное метро в мире. Новые

35 Игра «Поймай Wi-Fi» режим доступа: http://xn----7sbbai3bbdbwul8e.xn--80adxhks/

времена грозили превратить московское метро в рядовой городской музей с открытым доступом и неограниченным числом посещений. Именно поэтому метрополитену требовались эффективные средства поддержания собственной исключительности, одним из которых стало появление беспроводного Интернета, вернувшего московскому метро былую славу продвинутой технологической системы. Исключительность события, а не удобство пользователей, постоянно подчеркивается городскими властями. Мэр Москвы Сергей Собянин не устает напоминать, что «бесплатный Wi-Fi в московском метрополитене не имеет аналогов в мире»[36]. Преобладание символизма над прагматикой развития беспроводного Интернета периодически создает парадоксальные ситуации, иронично описываемые пассажирами московской подземки: «Wi-Fi в вагоне был, а Интернета не было»[37].

При всей значимости для города, метрополитен Санкт-Петербурга, в отличие от московского метро, никогда не был символом города или важной городской достопримечательностью. Решение об интернетизации петербургского метрополитена принималось в несколько этапов. Изначально ставка делалась на развитие мобильного Интернета, что объяснялось стремлением администрации метрополитена не допустить превращения подземки из способа перемещения в его цель: «Начальник ГУП “Петербургский метрополитен” Владимир Гарюгин высказывался на этот счет резко отрицательно: подобная инициатива превратит вагоны в настоящие интернет-кафе, из которых молодежь попросту не будет вылезать, мешая пассажирам и занимая сидячие места»[38]. Впоследствии стратегия неоднократно пересматривалась. В 2013–2014 годах в тестовом режиме были запущены Wi-Fi-сети на 38 станциях[39], которые, впрочем, остались практически незамеченными, после чего было принято решение вернуться к мобильному Интернету.

Вайфаизация метро в Петербурге в какой-то момент стала частью общей политики интернетизации городского пространства. Как и в Москве, она рассматривалась как важный знак модернизации. В этом случае ненадлежащее качество интернет-связи становилось символом несоответствия города достаточно абстрактным стандартам современной городской жизни: «SPb Free Wi-Fi не работает! Ни в метро, ни на улицах. SPb Free Wi-Fi не улучшает имидж Петербурга, а наоборот – позорит город. Что подумают туристы про “внедрение современных технологий” в Петербурге, если обще-

36 Режим доступа: http://riamo.ru/happen_news_moscow/20160111/618729841.html.

37 Wi-Fi в метро Москвы: техническое послевкусие// *Ридус*. Режим доступа: https://www.ridus.ru/news/156457.

38 Wi-Fi наступает на метро // *Фонтанка. Петербургская интернет-газета*. Режим доступа: http://www.fontanka.ru/2013/12/26/165/.

39 Режим доступа: http://ria.ru/spb/20140113/988989761.html.

доступный Интернет в городе как бы есть, но на самом деле – его нет»[40].

Включение городской подземки в орбиту интернет-связи при всех своих несовершенствах способствовало уменьшению цифровой пористости города. Стало ли расширение зоны доступа основанием для изменения практик пользования?

Спрятаться, оценить, спланировать: способы быть онлайн в метрополитенах Москвы и Санкт-Петербурга

Разнообразие способов, целей, средств подключения и пользования Интернетом можно легко увидеть – достаточно обвести взглядом вагон метро, пожалуй, в любое время, кроме часа пик. Я сосредоточусь на трех из великого множества сценариев пользования Интернетом, о которых рассказывали и которые показывали мне мои собеседники: «цифровое убежище», «цифровые задворки», «цифровое планирование». Это - примеры выборов, которые совершают пассажиры метро. И в то же время в этих случаях проступает общая логика действий пользователей подземки – способность управлять своей повседневностью, наполняя ее определенными делами, выбирая эмоциональные состояния и степень включенности в события, происходящие здесь и сейчас[41].

Управление повседневностью включает поездку в метро в широкие горизонты планирования, структурирования повседневной жизни:

> – Когда я перестала ездить на метро, я внезапно поняла, что я перестала читать. И мне ужасно жалко, потому что я не понимаю, где мне сейчас найти время на чтение.
>
> Жительница Москвы, 30 лет, аналитик.

Включенность поездки метро в общие планы и желание распоряжаться своим транспортным временем не отменяет ограничений: часа пик, поломок и аварий, транспортного этикета и др., вынуждающих действовать в рамках жестких сценариев. Однако, «жесткость» сценариев нельзя считать абсолютной – даже минимальный выбор оставляет возможность им воспользоваться.

Говоря о пользовании Интернетом как об одной из составляющих поездки, замечу, что какие-то сценарии больше распространены в Петербурге, какие-то – в Москве, но везде они связаны как с качеством интернет-соединения и ситуациями, в которые попа-

---

[40] Бесплатный интернет портит имидж Петербурга // *Интернет-портал 812'ONLINE.* [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.online812.ru/2014/10/28/011/.

[41] Об управлении городскими повседневными опытами см.: M. Bull: *Sounding out the city: Personal stereos and the management of everyday life*, Berg 2000; О. Запорожец: «Настроить город на свою волну»: метрополитен и управление городскими опытами //*Теория моды: одежда, тело, культура*, 33 (2014), 143–161.

дает пользователь подземки, так и со стремлением контролировать свой опыт поездки и повседневную жизнь в целом.

Цифровое убежище. Именно эту роль выполняет поездка в метро в ситуации плохого качества мобильной связи/Wi-Fi или неблагоприятных условий. Привыкшие к быстроте и непрерывности связи на поверхности, пользователи в ряде случаев предпочтут отказаться от просмотра Интернета, чем сражаться с техническими ограничениями и реальными или мнимыми угрозами безопасности коллективного доступа к Wi-Fi. Временному интернет-воздержанию способствуют и обстоятельства поездки: тусклый свет в вагоне, затрудняющий чтение, отсутствие свободных мест, делающих просмотр возможным и приятным, нежелание превращать экран своего девайса в «разделенный объект» – предмет заинтересованного внимания соседей. «Цифровое убежище» – реакция не только на неудобства или несовершенства подземки, но и на наступление цифровых технологий на поверхности, когда Интернет проникает и в рабочее, и в домашнее пространство. Сложность или невозможность пользования Интернетом оборачиваются огромным плюсом для планирования времени: в метро можно заняться тем, на что в наземной жизни времени не хватает, – поспать, отдохнуть, закрыв глаза, или напротив – посмотреть на других людей. Наполненное людьми пространство парадоксальным образом становится одним из мест уединения в городе в любое время, кроме часа пик. Обычно идея «цифрового убежища» возникает на первых этапах интернетизации метро. Потом пассажирам подземки становится все сложнее объяснять себе необходимость перерыва.

Цифровые задворки. Значительное улучшение связи в метрополитене увеличивает возможности и желание находиться онлайн. Однако совершенствование связи не в силах полностью изменить ситуацию: дать возможность сосредоточиться, отстоять границы своего места, избежать случайных толчков, задеваний, резких движений поезда. В этом случае в подземку переносятся неважные, с точки зрения пользователя метрополитена, и не требующие много времени и внимания действия, такие как: просмотр писем, чтение новостей, пользование социальными сетями и многое другое. На «цифровые задворки» вытесняются занятия, которые дают право на ошибки и неточности, вроде случайного лайка в социальных сетях. Все важные дела «возносятся» на поверхность:

> В: Вы сказали, что метро – это не пространство для почты. Что вы имели в виду?
>
> О: Ну, естественно. Тут все равно люди ходят. Экран... могу и мелочь какую-то упустить. Ну, бывало, что приходилось отвечать на почту. Там были ошибки. И адресат неправильно понял смысл, совсем неправильно. То есть показался совсем дурачком.
>
> В: После этого вы не рискуете?
>
> О: Если уж совсем надо.
>
> Житель Москвы, 28 лет, инженер-технолог.

И, наконец, третий сценарий пользования Интернетом, который можно назвать *цифровым планированием*. Это планирование также связано с наличием и качеством связи, но охватывает преимущественно время пребывания в метро. В частности, наличие связи создает особую топографию метрополитена, выделяя «подключенные пространства» с более-менее стабильным и быстрым Интернетом. В случае петербургского метро ими становятся вестибюли, эскалаторы, станции, в случае московского – вагоны:

> – Ну, я могу включить [смартфон] на эскалаторе, чтобы письмо открывалось, почту подгружает постепенно, ну, или там на станции.
>
> Житель Санкт-Петербурга, 28 лет, научный сотрудник.

Прерывистость связи вырабатывает у пользователей Интернета быстроту реакции и особые навыки действий. Таким образом, поездка в метро превращается в тщательно спланированное предприятие, задача которого – успеть поймать связь:

> – Я подгадываю так, что вот я написала письмо, сижу, жду, когда появится остановка, чтобы это письмо отправить. Потому что я вижу, что все равно Интернета нет, не отправит, потому что вот это вот кругляшение отправляющегося письма меня нервирует, потому что я не понимаю, ушло оно все-таки или не ушло… Бесишься, что не сразу станция, вот щас трогаемся, а он только нашелся.
>
> Жительница Санкт-Петербурга, 36 лет, преподаватель.

Сегодня «цифровое планирование» больше распространено в петербургском метро с его отчетливыми разрывами связи, по сравнению с московским, где есть возможность относительно беспроблемно перейти от одного подключения к другому.

Цифровая пористость метрополитена воспринимается и как благо – возможность на время выйти за пределы стремительно расширяющегося цифрового пространства, – и как досадная помеха, требующая дополнительных усилий и внимания к повседневности там, где большинству людей хотелось бы их избежать.

Заключение

Расширение пространства сотовой и интернет-связи – неотъемлемая часть современной городской жизни. Цифровая экспансия поддерживается политиками интернетизации, определяющими приоритетные пространства, формы и желаемые социальные эффекты распространения связи. Распространение Интернета не только приводит город в движение или решает практические задачи, но и является одним из наиболее действенных индикаторов его современности.

Несмотря на бравурные утверждения теоретиков и практиков о тотальной подключенности современного города, реалии указывают на его цифровую пористость. Исследование метрополитена

позволяет понять логики связок и разрывов в связи. Думается, что карта метро с недавнего времени дополняется тщательно масштабированной картой доступного Интернета, во всяком случае это происходит в воображении пользователей. Новая карта очевидным образом выходит за пределы пассажирского опыта и пространства подземки, давая возможность описывать сложные конфигурации связанности. Цифровое убежище, цифровые задворки, цифровое планирование – эти и другие проявления цифровой пористости дают возможность перейти от общих констатаций к описанию сложного и многомерного цифрового ландшафта современного города, не забывая о важности желаний горожан поддерживать новую связанность или разрывать ее.

ЭЛЕКТРОННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ДИГИТАЛИЗАЦИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ИСТОРИЯ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ[1]

Екатерина Лапина-Кратасюк[2], Ольга Карпова[3], Эльвира Колчкова[4]

Abstract

The authors of this article discuss different definitions of e-governance reconstructed from official documents and academic works, make a comparative analysis of some cases of theory and practice of e-government and e-governance in the USA, the UK and Russia. The application of e-governance tools for solving the problems of urban space and city communications is the axis of the article. Thus, the case of Manchester serves as one of the successful examples of participatory inclusion of citizens in e-governance. The history of e-government forming in Russia is studied in the second part of the article. The authors speculate on why e-government in Russia has problems in transforming in e-governance and what problems of urban participatory culture it may inflict.

Keywords: e-government, e-governance, participatory culture, urban space.

Цифровые технологии изменили не только город, но и городскую жизнь, поэтому сегодня при изучении дигитализации городских пространств и практик технологические проблемы нельзя отделить от антропологических[5]. Отсутствие Wi-Fi-покрытия и проблемы социальной исключенности, интерфейс сайтов и эффективность действий город-

[1] Статья выполнена в ходе реализации проекта «Медиатизация социальных институтов, сообществ и повседневной жизни» Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

[2] Екатерина Лапина-Кратасюк – кандидат культурологии, доцент факультета коммуникаций, медиа и дизайна Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы.

[3] Ольга Карпова – декан факультета управления социокультурными проектами Московской высшей школы социальных и экономических наук.

[4] Эльвира Колчкова – шеф-продюсер АНО «Редакция Телеканала Совета Федерации».

[5] H. A. Horst, D. Miller (eds.): *Digital Anthropology*. N. Y.: Bloomsbury, 2013.

ской администрации, ксенофобия и возрастающая популярность мессенджеров, новые экономические формы и полифункциональность геолокационных сервисов – ошибочно будет видеть в одних из них причины, а в других – следствия тех или иных городских процессов. Куда продуктивнее выявить закономерности существования горожан в технологически насыщенных гибридных[6] пространствах; объяснить, как новые формы социальных и культурных связей корректируют теоретические модели «умных городов»[7], рассмотреть, каким образом «сетевой индивидуализм»[8] проявляет себя в городских инициативах.

В процессе решения этих исследовательских задач на первый план выходит проблематика связей и разрывов городской коммуникации (а не только ее технологических составляющих), а также вопросы управления / координирования / амортизации этих процессов. Участниками такого «управления» в ситуации «сетевого индивидуализма» и партисипативной культуры должны стать и становятся не только городские администрации разного уровня, но и сами горожане, которые с помощью цифровой связанности приобретают возможность влиять на принятие общественно значимых решений и быстро создавать новые городские сети коммуникаций.

Дигитализация обеспечивает трансформацию организационной модели управления в масштабе города, которая связана преимущественно с развитием и широким распространением партисипативных методов принятия решений как на локальном, так и на общегородском уровне. Эти тенденции широко обсуждаются в мире, но пока еще слабо отрефлексированы в России.

С конца 1990-х годов происходит реформирование государственного сектора через использование информационных технологий в качестве платформы для коммуникации и предоставления услуг гражданам, получившее международное признание как e-government[9]. Цифровые медиа могут способствовать оптимизации системы государственного и муниципального управления, выстраиванию новых типов отношений как внутри госструктур, так и между властью и обществом. Концепция e-government как раз и предполагает ускорение преобразований в процессах управления посредством современных информационно-коммуникационных технологий. В то же время она бросает вызов традиционным институтам и механизмам. В этом противоречии есть риск создания видимости «модернизации», при которой автоматизируются не-

---

6 A. de Souza e Silva: From cyber to hybrid: mobile technologies as interfaces of hybrid spaces, in: *Space and Culture.* 9/3 (2006), 261-278.

7 R. Kitchin: The real-time city? Big data and smart urbanism, in: *GeoJournal* 79/1 (2014), 1-14.

8 L.Rainie, B. Wellman: *Networked. The New Social Operating System*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2012.

9 I. Bernhard: *E-government and E-governance – Swedish Case Studies with Focus on the Local Level*, Doctoral dissertation, KTH Royal Institute of Technology, 2013. Режим доступа :https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:663249/FULLTEXT01.pdf.

нужные процедуры, а взаимодействие между властью и обществом только имитируется.

В своей статье мы хотели бы на основе анализа документов и публикаций, посвященных проблемам e-government, прояснить содержание основных понятий, реконструировать социокультурный и законодательный контекст, а также выявить противоречия в определении этих форм управления, чтобы наметить направления полевых исследований трансформации городского управления за счет партисипативных практик.

Мы считаем, что именно городские агломерации, а не национальное государство, являются сегодня основным пространством распространения и развития e-government, поэтому разделы нашей статьи посвящены проблемам электронного управления в городе, а также case study одного из наиболее интересных случаев городской регенерации – городу Манчестер (Великобритания).

Электронное управление: проблемы определения

В русскоязычных источниках понятие e-government (от electronic government) чаще всего переводится как «электронное правительство», «электронное государство» или «электронное государственное управление». Ни один из этих переводов не отражает сути понятия и вызывает аберрации, ограничивающие понимание этого термина преимущественно или исключительно цифровизацией деятельности правительственного аппарата/органов управления. На наш взгляд, более точным переводом является словосочетание «**электронное управление**», так как оно позволяет сфокусироваться на процессе, а не на формате взаимодействия. Именно это понятие мы будем использовать в нашей статье в качестве основного.

По одному из определений, представленному в материалах ООН, концепция **e-government** (или digital government) определяется как «использование информационных и коммуникационных технологий и их прикладных приложений правительством в целях предоставления гражданам информации и общественных сервисов»[10.] В более широком понимании эта концепция подразумевает использование и применение информационных технологий в государственном управлении с целью рационализации и интеграции рабочих процессов, эффективного управления данными и информацией, повышения объема предоставления государственных услуг, а также расширения коммуникационных каналов по вовлечению граждан и расширению их возможностей[11].

---

10 *Global E-Government Readiness Report 2004.* Режим доступа: http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan019207.pdf

11 *United Nations Department of Economic and Social Affairs. United Nations E-Government Survey 2014*: Режим доступа: http://unpan3.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2014-Survey/E-Gov_Complete_Survey-2014.pdf

Жийан Фанг также предлагает рассматривать определение e-government в широком и узком смыслах. В узком смысле он подразумевает «деятельность правительства, осуществляемую посредством электронных коммуникаций между всеми уровнями власти, гражданами и бизнес-сообществом, в том числе выражаемую в приобретении и предоставлении продуктов и услуг; размещении и получении заказов; предоставлении и получении информации; совершении финансовых операций»[12]. В широком смысле автор имеет в виду «непрерывную оптимизацию предоставления услуг, участия граждан в управлении посредством преобразования внутренних и внешних взаимоотношений через технологии, Интернет и новые медиа» [13].

Марк Дикин подчеркивает, что на ранних фазах разработчики концепции e-government исходили из подхода «new public management», в рамках которого граждане рассматривались как пассивные потребители. Только на последней фазе произошел переход к партисипативным подходам, ядро которых составили консультации и обсуждение предполагаемых изменений, участие пользователей как граждан в процессах принятия решений [14].

Довольно близко к рассматриваемым понятиям лежит концепт governmentality, введенный в 1970-е годы Мишелем Фуко для определения неолиберальной формы управления, которая основывается на активном согласии и добровольном подчинении субъектов, а не угнетении, господстве или внешнем управлении ими[15]. Этот концепт существенным образом повлиял не только на теорию управления, но и на актуальные практики (само)управления в области экономики, социальной работы, культурной политики[16.]

Концепт *сетевое общество*, сменяющий *информационное общество*, позволяет превратить развитие социальных и организационных сетей в атрибут социального. Концепция e-government

---

12 Zh. Fang: E-Government in Digital Era: Concept, Practice, and Development, in: *International Journal of The Computer, The Internet and Management*, 10 /2 (2002), 3.

13 Zh. Frang, op.cit., 3.

14 M. Deakin, The IntelCities community of practice: the eGov services model for socially-inclusive and participatory urban regeneration programmes, in: *A Handbook of Research on Strategies for Local E-Government Adoption and Implementation: Comparative Studies*. IGI Global, Hershey, 2009.

15 M. Dean: *Governmentality: Power and Rule in Modern Society*. L.: Sage, 1999: C. Gordon: Governmental rationality: an introduction, in: G. Burchell, C. Gordon, P. Miller (eds): *The Foucault Effect: Studies in Governmentality*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1991, 1–48.

16 Всесторонний обзор концепта предпринят в статье N. Rose, P. O'Malley, M. Valverde: Governmentality, in: *Annual Review of Law and Social Science*, 83/2 (2006). doi: 10.1146/annurev.lawsocsci.2.081805.105900

задает техносоциальную перспективу[17] для превращения сетей в руководящий принцип государственного управления[18].

Государство – важный, но не единственный игрок в сетевой системе управления, где акцент делается на выстраивании горизонтальных коммуникаций и создании возможностей для взаимодействия государственных и частных акторов. Сети становятся важной институциональной формой как для формулирования стратегий, так и для реализации практических решений. Особенностью сетевых форм управления, согласно Хайеру и Вагенаару[19], является отсутствие установленных правил и регуляций, которые определяли бы процедуры участия и зоны ответственности.

Концепт *сеть* по-разному трактуется в разных областях знания. Ирэн Беркхард отмечает, что «в одних дисциплинах сеть рассматривается только горизонтально, в то время как другие доказывают, что все организационные структуры являются в действительности разновидностями сети, включая вертикальные организации. Например, в бизнес-литературе описываются различные типы понятия networking, такие как субподряд, предпринимательские сети, сетевое управление или governance… Акторы, участвующие в сети, должны обмениваться ресурсами и разделять общие ценности»[20].

Технологически ориентированная версия e-government в муниципальном управлении подвергается сегодня критике, связанной с необходимостью сдвинуть фокус с городов на граждан: со smart cities на smart citizens[21.] В странах Европы и США говорят о «городах, дружественных людям», или human smart city, которые задают человеческую точку зрения и продвигают партисипативные подходы к совместной разработке, развитию и производству мест и услуг в городах[22]. В этих подходах техническая «продвинутость»

---

17 Развитие информационных технологий породило ряд (анти)утопических концепций теледемократии ивиртуального государства. Под *виртуальным государством* американская исследовательница Дж. Е. Фонтейн подразумевает «государство, все в большей степени состоящее из виртуальных агентств, кросс-агентств и публично-частных сетей, структура и возможности которых определяются характеристиками Интернета и Всемирной паутины». См.: Дж. Фонтейн: Институциональное развитие в виртуальном государстве: недостающее звено в технологическом видении E-Government // *Политическая наука*. 4 (2007), 54.

18 J. van Dijk, A. Winters-van Beek. The Perspective Of Network Government. The struggle between hierarchies, markets and networks as modes of governance in contemporary government, in: A. Meijer et al. (Eds.): *ICTs, Citizens and Governance: After the Hype!* Режим доступа: https://www.utwente.nl/bms/mco/bestanden/theperspectiveofnetworkgovernment.pdf

19 M.A. Hajer, H. Wagenaar (eds.): *Deliberative Policy analysis. Understanding Governance in the Network society*. Cambridge: Cambridge UP, 2003. Режим доступа: http://www.maartenhajer.nl/upload/DPAIntro.pdf

20 Bernhard, 2013, op. cit., 11.

21 D. Hemment, A. Townsend: *Smart citizens*. Manchester. Future Everithing Publications, 2013.

22 См., например, Э. Глэйзер: *Триумф города*. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.

датчиков, счетчиков и инфраструктуры, которая традиционно выходит на первый план в концепции «умных городов», уравновешивается ясностью видения, расширением прав и возможностей граждан, социальным взаимодействием в физическом городском пространстве и общественным партнерством. Подход, ориентированный на людей и их благополучие, предполагает, что качество жизни в городе является основной целью городского управления. Город как сообщество горожан должен научиться самостоятельно организовывать свою «продвинутость/smartness», а горожане должны быть способны сделать свой город местом с бесконечным разнообразием выбора[23].

Определение электронного управления в российских источниках

В официальных документах Российской Федерации электронное правительство (ЭП) определяется как «новая форма организации деятельности органов государственной власти, обеспечивающая за счет широкого применения информационно-коммуникационных технологий качественно новый уровень оперативности и удобства получения гражданами и организациями государственных услуг и информации о результатах деятельности государственных органов»[24].

По одному из сформулированных в отечественной науке определений, «электронное правительство – это реализация такого способа управления, при котором органы государственной власти, используя современные информационно-коммуникационные технологии, обеспечивают качественно новый уровень оказания государственных услуг гражданам и организациям, открывают доступ к информации о результатах своей деятельности и создают новые каналы политического участия с целью повышения эффективности функциональных особенностей государства, конкурентоспособности национальной экономики и вовлеченности граждан в процессы принятия политических решений»[25].

Между тем российские исследователи, как и их зарубежные коллеги, отмечают, что определения понятия «электронное правительство» строятся специалистами на различных основаниях. Одни авторы предпочитают описательные объяснения, отражающие, «как именно преобразования происходят в обществе и отдельных его

23 F. Perucca, P.Sonntagbauer; *E-governance and urban policy design in developing countries*, 2014. Режим доступа: http://cordis.europa.eu/docs/projects/cnect/9/287119/080/deliverables/001-D213Camerareadycopy143009.pdf

24 Концепция формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года / *Информационно-правовой портал Гарант*. Режим доступа: http://base.garant.ru/193274/.

25 П. Григорьев: *Электронное правительство в политико-административном управлении современной России*: Автореферат дис. . канд. политич. наук. Ярославль, 2009, 16.

структурах благодаря внедрению электронного правительства»[26]. Другие – делают упор на прикладной аспект электронного правительства. В ситуации многообразия терминов, определяющих электронное управление, российским исследователям приходится уточнять, что именно они имеют в виду, например: «В современных международно-правовых документах, в частности в решениях Европейского суда по правам человека, термин "government" применяется все-таки для обозначения государства в целом. Поэтому мы разделим понятия *электронное правительство* и *электронное государство*.[27] Или же электронное государство рассматривается «как способ организации государственной власти, основанный на использовании информационно-коммуникационных технологий», выделяются три е-ветви государственной власти: электронное правительство, электронный парламент, электронное правосудие[28].

Таким образом, основная проблема определения «электронного управления» заключается как в адекватном переводе англоязычных понятий, так и в выделении термина, соответствующего российской специфике городского управления.

Практики реализации концепций электронного управления

В феврале 1997 года американская администрация выступила с инициативой «Совершенствование правительственной деятельности через новые технологии», которая включала ряд программ, в том числе «Открытый доступ к правительственной информации. Совершенствование через информационные технологии»[29]. Уже в следующем, 1998 году Национальная академия наук США, чтобы стимулировать исследования в области применения новых информационных технологий в деятельности правительственных учреждений на всех уровнях власти, объявила программу грантов по проблемам электронного управления. В 2000 году стартовал проект «FirstGov»[30]. Он объединил около 20 000 сайтов органов государственной власти различных уровней представительства, а

[26] А. Голобуцкий, О. Шевчук: *Электронное правительство как концепция государственного управления в информационном обществе*. Режим доступа: http://capri.urfu.ru/e-government/e-government_1.htm.

[27] С. Ибатуллина, М. Махмутова: *Электронное правительство – инновационный механизм повышения качества государственного управления*. Режим доступа: http://infomanagement.ru/avtorskaya_statya/elektronnoe_pravitelstvo/1.

[28] Л. Приходько: Зарубежный опыт внедрения и использования системы «электронный суд» (e-court) // *Государство и право*, 9 (2007), 82.

[29] А. Прохоров: Электронное правительство в цифрах и фактах // *КомпьютерПресс*, 5 (2006).

[30] New Models of Collaboration. A Guide for Managers, in: *First Gov: The Portal to the U.S. Federal Government. Center for Technology in Government* 2003. Режим доступа: http://www.ctg.albany.edu/publications/online/new_models/cases/first_gov.pdf.

его целью было создание единого интернет-портала, который обеспечил бы доступ к правительственным сайтам США.

В европейских странах разработка и внедрение систем e-government также пришлась на начало нулевых. В Германии с 1999 года начала внедряться концепция предоставления гражданам безопасных онлайн-услуг на основе электронных подписей. В Великобритании с 2000 года реализуется программа «E-citizen, e-business, e-government. A strategic framework for public service in the Information Age»[31]. Программа предусматривает внедрение и развитие электронных сервисов через Интернет, мобильную связь, цифровое телевидение, центры обслуживания вызовов.

О начале формирования системы электронного управления в России было заявлено в 2002 году, когда стала действовать Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)»[32]. Ее реализация не была до конца успешной и потребовала продления программы. В настоящий момент сложности формирования отечественной стратегии в области e-government были обозначены в государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)»[33].

На раннем этапе реализации программы «Информационное общество» исследователи выражали мнение, что «суть любого проекта «электронного правительства», реализуемого в любой стране, – это всегда внедрение корпоративной информационной системы национального масштаба. E-corporation и e-government – это очень близкие вещи, не существует принципиальной разницы между процессами автоматизации в большой корпорации и в государстве, хотя цели и методы, конечно, немного различаются»[34]. По аналогии с эффективными корпорациями, ориентированными на нужды пользователей, приносящих им доход, первостепенной задачей государства должно быть оптимальное оказание услуг на деньги налогоплательщиков. Создатели электронного правительства в России, таким образом, изучали и стремились применить модели управления, используемые в корпорациях.

Электронное управление и городское развитие. Движение «живых лабораторий»

Большинство индустриальных городов в последние десятилетия столкнулись с необходимостью реагировать на массивную экономическую реструктуризацию и одновременно – развивать практические инновации, создающие экономические и социальные

---

31 Режим доступа: http://www.devon.gov.uk/information_age.pdf.

32 Режим доступа: http://base.garant.ru/184120/#block_1000.

33 Режим доступа: http://base.garant.ru/199708/#block_1000.

34 И. Агамирзян: *Мировой опыт реализации концепции электронного правительства*. Режим доступа: http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/1ed2ca919e0a735dc3256d5d0045e452 .

выгоды местному населению[35]. Города позиционируют себя как центры инновационной, ориентированной на международный рынок экономической, социальной и культурной деятельности. А политические обязательства городских властей в области трансформации общественных сервисов в значительной степени связаны с тем, что может предложить цифровой мир[36].

С точки зрения контента, к электронному управлению относят: предоставление существующих публичных онлайн-сервисов; создание новых интегрированных сетевых продуктов и мобильных приложений; создание или продвижение местных онлайн-сообществ и интегрированных городских порталов; помощь местному малому бизнесу в электронной коммерции и продвижение низовых (grassroots) онлайн-организаций[37]. Ориентация на локальные запросы местных жителей – центральный аспект в новом подходе к электронному управлению на городском уровне.

Социальные инновации в сообществах, включая местное самоуправление, школы, библиотеки, волонтерский сектор, группы потребителей и профсоюзы, являются необходимым дополнением к организационным инновациям в индустриальном, коммерческом и государственном секторах.

На европейском уровне одной из наиболее значимых инициатив в этой области стала «Living Lab/Живая лаборатория». Этот подход был опробован в разных частях Европы, впервые в Великобритании он был реализован в Манчестере в 2006 году и фокусировался на инициативе Eastserve в Восточном Манчестере. Живая лаборатория Манчестера стала первым британским участником европейской сети этих инициатив (ENOLL).

Приверженность социальным инновациям стала основой развития открытых и доступных сервисов e-governance. Работа лабораторий строится на предоставлении сообществам лучшего доступа к обучающим центрам, что предполагает развитие системы поддержки, консультирования и тренингов. Особое внимание уделяется развитию социальных сетей для обеспечения постоянной коммуникации между гражданами и властью, а также – развитию проектов, основанных на возможностях сообществ (библиотеки, школы, консультационные бюро и пр.), что должно обеспечить устойчивые основания для электронной демократии. Значимым приоритетом является быстрый рост инициатив сообществ по созданию user-generated content, способствующих превращению местных организаций и граждан в активных производителей электронных сообщений и пользователей соцсетей.

---

[35] D. Carter: E-government: turning the digital divide into a digital dividend in Manchester (UK), in: *International Handbook of Urban Policy: issues in the Developed World* / H.S. Geyer (ed.), 2009.

[36] См: E. Downey, M. Jones (eds.): *Public Service, Governance and Web 2.0 Technologies: Future Trends in Social Media*. IGI Global, 2012.

[37] A. van der Meer, W. van Winden: *E-governance in cities*, 2002, 8. Режим доступа: http://www-sre.wu.ac.at/ersa/ersaconfs/ersa02/cd-rom/papers/398.pdf

Эти подходы поддерживают большую гибкость в реализации коммуникативных и гражданских возможностей горожан в том числе и за счет увеличения рабочих часов всех сервисов, вплоть до продвижения «вечерней (ночной) экономики» и идеи города, который не спит (24-hour city).

Манчестер – цифровые технологии и регенерация городских районов (case study)

Городской совет Манчестера отметил, что информационные технологии и цифровые медиа являются прорывной темой при разработке стратегии и плана экономического развития города-региона: они должны улучшить доступ граждан к знаниям, рабочим местам и сервисам, поддерживать активное участие в общественной жизни, в том числе в процессах городской регенерации. Наибольшее влияние на этот подход оказал опыт Восточного Манчестера, где городской совет создал кампанию городской регенерации (URC) New East Manchester Ltd., партнерство с участием местного сообщества, бизнеса и власти (public-private-community partnership), действующее на некоммерческой основе. В 2001 году здесь начала действовать онлайн-сеть сообщества «Eastserve», поддерживаемая местными общественными организациями.

В 2003 году сеть была поддержана Агентством информационного развития Манчестера (MDDA) в качестве новой общегородской инициативы, миссия – которой сделать Манчестер цифровым городом мирового класса с конкурентоспособной широкополосной инфраструктурой, привлекательным инвестиционным климатом, создающим новые бизнес-структуры, развивающим новые формы обучения, продвигающим социальную включенность и предоставляющим всем горожанам, обладающим навыками и желаниями, возможность полноценного участия в формировании информационного общества.

Проект «Eastserve» работал с существующими локальными центрами доступа к информационным технологиям – UK Online Centres – и связанными с ними проектами, которые стимулировали использование цифровых технологий малым бизнесом и социальными предпринимателями. Эта работа велась в рамках национальной и локальной стратегий, направленных на цифровую инклюзию. Учитывались успешные примеры национальных инициатив сети UK Communities Online. Эти инициативы были направлены на обеспечение долгосрочной поддержки граждан и включали три основных аспекта. Во-первых, – определение принципов устройства новых сервисов, вовлекающих граждан, стимулирующих использование сервисов e-government, поддерживающих возрождение городских соседств (микрорайонов). Во-вторых, выявление барьеров, затрудняющих участие, и выработка путей преодоления этих барьеров в новых отношениях между городской ад-

министрацией, гражданами и бизнесом. В-третьих, поиск способов поддержки организационных трансформаций через инновации.

Хотя Восточный Манчестер – один из беднейших районов города, обеспеченность широкополосным Интернетом здесь намного выше, чем в целом по городу. Многие жители Восточного Манчестера используют мобильные телефоны вместо стационарных. А значит, для обеспечения доступа в Интернет домохозяйствам нужны не телефонные модемы, а широкополосные линии. Школы и другие общественные здания получают местный онлайн-сервис и передают его в локации, сгруппированные в кластеры и соединённые между собой по беспроводной связи. Проект вышел на самоокупаемость в течение двух лет. Сегодня это – одна из крупнейших беспроводных районных сетей в Европе и крупнейшая инициатива по возрождению местного сообщества через цифровые технологии в Великобритании.

Другой проект электронного управления в Манчестере – инициатива ONE-Manchester – направлена на то, чтобы сделать инновации общедоступными через развитие динамичной платформы Digital Cooperative, предоставляющей горожанам – как персонально, так и коллективно – возможность стать стейкхолдерами нового вида социальных сетей. Это позволило жителям Манчестера обмениваться навыками и знаниями, разработчикам – развивать новые приложения и цифровые сервисы, организаторам городских политик – создавать дополнительные ценности в форме цифровых дивидендов.

Можно говорить о четырех принципах социальной связности, на которых основан проект ONE-Manchester: во-первых, общее видение и чувство принадлежности формируется для всех сообществ через творческое использование цифровых технологий; во-вторых, признается и поддерживается культурное разнообразие; в-третьих, обеспечивается вовлечение людей с разным социальным бэкграундом, жизненные шансы которых частично «выравниваются»; в-четвертых, создаются условия для развития сильных и позитивных отношений между людьми с разным социальными возможностями на рабочем месте, в образовании, внутри соседских сообществ.

Опыт реализации этих инициатив вдохновил городской совет на пересмотр оценки деятельности по реализации программы e-government в пользу более активного вовлечения граждан в процесс электронного управления. Стало очевидно, что нужно вести более проактивную политику, стимулируя граждан пользоваться сервисами электронного правительства.

Электронное управление в России

В последние годы в Российской Федерации происходят значительные изменения в развитии системы e-government, что до-

казывает Индекс развития электронного государства[38], который дважды в год публикует ООН. Это комплексный показатель, который оценивает готовность и возможности национальных государственных структур использовать информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) для предоставления гражданам государственных услуг. По результатам сравнительных исследований десять лет назад у России были весьма низкие рейтинги: 50-е место в 2005 году, 60-е – в 2008 году из 192 государств[39]. По итогам первого полугодия 2014 года Россия вышла на 27 место и занимает позицию между Уругваем (26-е место) и Казахстаном (28-е место). Для сравнения: первое место занимает Республика Корея, США – на 7 месте. Чем вызваны эти качественные изменения и почему Россия, согласно Индексу развития электронного государства, за последние пять лет существенно улучшила свой рейтинг? Чтобы ответить на эти вопросы, рассмотрим основные этапы и факторы развития e-government в России.

Мы выделяем три этапа реализации концепции электронного управления в России.

Первый этап (2002–2009). Документом, с которого мы начинаем отсчет, является Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)»[40]. Целью программы было обеспечение «кардинального ускорения процессов информационного обмена в экономике и обществе в целом, в том числе между гражданами и органами государственной власти, повышение эффективности государственного управления и местного самоуправления»[41]. В программе перечислены меры по созданию электронного правительства, и в их числе: «внедрение в деятельность органов исполнительной власти по предоставлению государственных услуг технологий электронного взаимодействия с населением и организациями, создание единой системы информационно-справочной поддержки населения и организаций по вопросам получения государственных услуг, а также создание информационной системы ведения реестра предоставляемых государственных услуг; стандартизация электронного взаимодействия органов исполнительной власти и населения при оказании (получении) государственных услуг; включение в перечень государственных услуг описания процедур этих услуг и создание на его основе единой информационно-справочной системы»[42]. Однако по состоянию на конец 2010 года выполнение этой федеральной программы оценивалось негативно. Не удалось в полной мере наладить ни электронный документооборот между госорганами, ни эффективный электронный обмен

---

38 *United Nations E-Government Survey 2014: E-Government for the Future We Want*, 2014. Режим доступа: http://unpan3.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2014-Survey/E-Gov_Complete_Survey-2014.pdf.
39 Григорьев, цит. соч., 16.
40 Режим доступа: http://base.garant.ru/184120/#block_1000.
41 Там же.
42 Там же.

данными между государственными органами и гражданами. Реализация программы запомнилась коррупционными скандалами.

На этом этапе происходила повсеместная компьютеризация государственных структур, переобучение сотрудников, перевод документооборота в электронный формат, выстраивались новые схемы взаимодействия внутри государственных структур. Одним из факторов, замедляющих формирование e-government в России, стало отсутствие унифицированного программного обеспечения для электронного правительства. Одной из основ функционирования e-government является система электронного документооборота (СЭД). В России единая СЭД отсутствует. Зачастую обеспечить интеграцию существующих систем различных ведомств невозможно. По состоянию на 2013 год отмечается, что в 74 Федеральных органах исполнительной власти внедрено 57 продуктов СЭД девятнадцати типов, всего в автоматизации документооборота участвуют 39 разработчиков. Такое разнообразие вызывает проблемы на уровне межведомственного электронного документооборота. При этом ни одна из представленных систем не может считаться оптимальной из-за отсутствия эффективного программного интерфейса.

И в оценках руководства страны, и в мнениях экспертов на этом этапе происходит осмысление процесса становления e-government. Подчеркивается, что электронное правительство не будет реализовано только благодаря тому, что госорганы закупят дополнительные компьютеры и запустят веб-сайты. Это лишь позволяет автоматизировать часть административной деятельности, перевести ее из бумажного в цифровой вид. Становление e-government и электронного управления сопряжено прежде всего с процессом трансформации правительства, органов власти.

Речь идет не только об открытости к инновациям и переобучении госслужащих. Для успешной реализации концепции e-government и особенно электронного управления чиновники должны начать воспринимать гражданина «в качестве потребителя услуг правительства или как участника процесса принятия политических решений»[43].

За начало **второго этапа** мы принимаем открытие единого Портала государственных услуг (gosuslugi.ru), который начал функционировать в тестовом режиме с 15 декабря 2009 года. Так, на базе уже реализованных внутри государственных структур цифровых разработок (от простой компьютеризации до выстраивания схем электронного взаимодействия) была предпринята попытка переориентации на клиентов. Первый этап функционирования Портала обеспечивался Федеральной целевой программой «Электронная Россия (2002–2010 годы)», а сегодня поддерживается государственной программой Российской Федерации «Информационное

---

43 Е.Целищева: От электронного правительства к электронному государству// *ЭГО: Экономика. Государство. Общество.* 6 (2011), Режим доступа: http://ego.uapa.ru/en/issue/2011/02/01/ .

общество (2011–2020 годы)»[44] и «Дорожной картой» по реализации Концепции развития механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде[45]. Портал госуслуг до недавнего времени подвергался резкой критике и со стороны пользователей, и со стороны руководства страны. Параллельно с федеральным Порталом госуслуг зарождались и теперь развиваются ведомственные, региональные и муниципальные ресурсы, предоставляющие услуги своего уровня.

Началом **третьего этапа** мы считаем 2014 год, когда в России и в частности в Москве начали активно развиваться мобильные сервисы – приложения, позволяющие не только получать государственные и муниципальные услуги в электронном виде, но и участвовать в управлении городом. Например, москвичи теоретически могут воздействовать на принимаемые городской властью решения через систему электронных референдумов «Активный гражданин», хотя открытость и достоверность информации о результатах этих референдумах – предмет скептических дискуссий среди журналистов и горожан.

Третий этап связан с появлением в России элементов m-government[46], который подразумевает использование государственных услуг и приложений с помощью мобильных телефонов, смартфонов, планшетов. Доступ в сеть обеспечивается через сотовую связь и/или беспроводной Интернет. Одна из целей m-government – сделать публичную информацию и государ-

---

44 Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» // *Информационно-правовой портал Гарант*. Режим доступа: http://base.garant.ru/199708/#block_1000.

45 План мероприятий («Дорожная карта») по реализации Концепции развития механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 декабря 2013 г. N 2516-р. Режим доступа: http://cdnimg.rg.ru/pril/97/98/99/991.pdf.

46 По определению Международного союза электросвязи (ITU), m-government («мобильное правительство», «мобильное государство») – это «принятие мобильных технологий для поддержания и повышения эффективности деятельности правительства в информационном обществе». См.: *M-Government. Mobile Technologies for Responsive Governments and Connected Societies*, 2011, 12. Режим доступа: http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un-dpadm/unpan047499.pdf · Термин m-government впервые появился в начале 2000-х. И хотя в 2001 году планетарный уровень проникновения мобильной связи оценивался в 14% при количестве абонентов 850 млн человек, а мобильный интернет находился в зачаточном состоянии, исследователи, обратив внимание на скорость распространения мобильных технологий в мире, отмечали, что «мобильность окажет значительное влияние на развитие сервисов электронного правительства». См.: С. Макаров: От электронного правительства к мобильному: старт дан // *CNews*, 2014. Режим доступа: http://www.cnews.ru/reviews/new/mobilnye_prilozheniya_dlya_biznesa_2013/articles/ot_elektronnogo_pravitelstva_k_mobilnomu_start_dan/.

ственные услуги, а также ресурсы, помогающие принять участие в диалоге с властью, доступными в любое время и в любом месте.

M-government «может помочь в улучшении производительности правительства, управлении при условии, что акценты не расставляются на "m". Фокусироваться необходимо на потребности общественного сектора и конечных пользователей, будь это граждане или предприниматели»[47]. «Мобильное правительство» позволяет расширить права и возможности граждан, повысить качество жизни множества людей, которые ранее не были включены в электронное взаимодействие. На уровне Правительства Москвы Департаментом информационных технологий внедряются сразу несколько мобильных приложений, которые охватывают значительный спектр услуг и возможностей взаимодействия власти и граждан. Мобильные сервисы Правительства Москвы по информации официального сайта Департамента информационных технологий г. Москвы – это «развитая экосистема мобильных сервисов, созданная для облегчения процесса получения электронных услуг жителями столицы»[48]. В перечне официальных мобильных приложений и сервисов Правительства Москвы: Активный гражданин (Приложение для тех, кому не все равно, что происходит в Москве); Транспорт Москвы (Полезные сервисы для автовладельцев и пешеходов); Наш город (Активно участвуйте в жизни города); Госуслуги Москвы (Электронные услуги Москвы); ЖКХ (Полезная информация о вашем доме и услугах ЖКХ); Узнай Москву (Архитектурная история столицы); Парковки Москвы (Поиск и оплата парковки в Москве); Мобильный туристический портал Москвы (Интересные места, маршруты и события Москвы)[49]. Все сервисы интегрированы с Единой мобильной платформой г. Москвы (ЕМП), услугами которой уже пользуются более 5 400 000 москвичей.

Архитектура e-government в России

Американский исследователь Джеймс Демпси, вырабатывая систему для осмысления целей e-government, предлагает делить процесс электронного правления на три независимые друг от друга стадии. Причем для начала одной стадии не обязательно завершение другой. Эти стадии – публичность, участие и онлайн-транзакции[50]. Под публичностью исследователь подразумевает использование информационно-коммуникационных технологий для расширения доступа к правительственной информации. Джемпси поясняет, что «правительства обычно создают большие объемы информации,

---

47 M-Government, op. cit., 12.

48 Официальный сайт Департамента информационных технологий города Москвы. Режим доступа: http://dit.mos.ru/apps/dev.

49 Там же.

50 Дж. Демпси: Электронное правительство и его выгоды для широких масс // *Государственное управление в переходных экономиках*, 1 (2003), 24.

представляющей большую важность для частных лиц и бизнеса. Интернет и другие современные коммуникационные технологии могут доставить эту информацию более адресно»[51]. Так, на *первой стадии* происходит публикация законов, нормативно-правовых актов, различных форм документов, статистических и экономических отчетов и т.п. в открытом электронном доступе.

Для *второй стадии* характерно расширение гражданского участия в государственном управлении. Демпси подчеркивает, что веб-сайты – лишь первый шаг, а «электронное правление обладает потенциалом вовлекать граждан в процесс управления путем обеспечения их взаимодействия с политиками на протяжении всего цикла выработки государственной политики и на всех уровнях власти»[52]. По мнению автора, повышение степени гражданского участия помогает способствует росту общественного доверия к правительству. На этой стадии e-government предполагает создание систем обратной связи, позволяющих наладить коммуникацию чиновников с гражданами. В качестве инструментов обратной связи могут выступать как открытые адреса электронной почты государственных служащих или формы для обратной связи, так и форумы с участием граждан и представителей правительства.

Третья стадия – это предоставление госуслуг в онлайн-режиме. Демпси сравнивает эти операции с электронной коммерцией, которую активно внедряет частный сектор. «Среди выгод от таких нововведений основными являются долгосрочная экономия на издержках, обеспечение подотчетности (путем ведения электронного учета) и повышение производительности труда»[53].

Сходным образом этапы формирования электронного управления описывает Gartner Group[54]. Так, первый этап подразумевает публикацию, размещение в Сети материалов; на втором устанавливается интерактивное взаимодействие с гражданами; на третьем – проведение операций по предоставлению услуг. На заключительном, четвертом этапе происходит трансформация всей системы – выделяются общие платформы для предыдущих этапов, взаимодействие происходит в режиме реального времени, усиливается персонализация.

Отталкиваясь от описанных подходов и опираясь на анализ документов, мы предлагаем авторскую схему развития e-government в России. Выбирая пирамидальную и отчасти иерархичную структуру, мы подчеркиваем, что без предыдущего этапа невозможно возникновение и развитие последующего. Хотя у базисных слоев пирамиды указаны хронологические рамки, мы допускаем, что и на этих уровнях возможно дальнейшее развитие структуры. Например, низкое юзабилити ресурсов электронного правительства, на которое активно жаловались интернет-пользователи еще год-

51 Дж. Демпси: цит. соч, 24.
52 Там же. С. 25
53 Там же. С. 25
54 Е.Целищева, цит. соч.

другой назад, в том числе вызвано и недостаточной проработанностью первого этапа. Тогда из-за отсутствия единых платформ и стандартов электронного документооборота возникли серьезные проблемы во внутренней коммуникации между структурами власти. К настоящему моменту многие из этих проблем решены посредством технической модернизации и разработки новых программных платформ.

Рис.1. Схема развития e-government в России

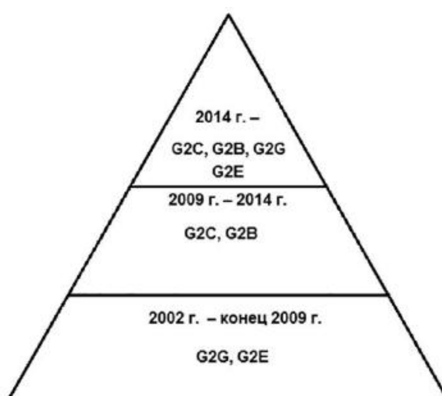

Рис. 2. Типы взаимодействия между властью и обществом на каждом из этапов развития e-government в России

Мы разбираем типы взаимодействия между властью и обществом на каждом из этапов электронного управления. За основу берем типы взаимоотношений, выделенные в первых программах по созданию e-government в США (их описывает в своем исследовании Дж. Е. Фонтейн[55]), где на начальном этапе было выделено 25 проектов, сгруппированных в четыре категории: G2B (government

[55] Дж. Фонтейн: Институциональное развитие в виртуальном государстве: недостающее звено в технологическом видении E-Govemment // *Политическая наука*, 4 (2007), 74.

to businesses, правительство – бизнесу); G2G (government to governments, правительство – правительству); G2C (government to citizens, правительство – гражданам). Проекты категории G2B «включают электронное нормотворчество, налогообложение для бизнеса, оптимизацию процедур международной торговли, портал для бизнеса и объединенный портал здравоохранения»[56]. Категория G2G представлена проектами стандартизации геопространственной информации; многофункционального менеджмента катастроф, стандартизации беспроводной связи между службами спасения, стандартизации и совместного доступа к информации, относящейся к учету естественного движения населения, объединенный доступ к федеральным грантам. В категорию G2C входят проекты по стандартизации доступа к информации об установленных государством льготах, информации об отдыхе, электронном заполнении налоговых деклараций, по стандартизации доступа к администрированию федеральными займами, услугам для граждан. Мы добавляем в нашей схеме еще один тип отношений – взаимодействие между государством и государственными служащими (G2E, government to employees). Таким образом, в нашей схеме в основании пирамиды – отношения G2G и G2E; на втором этапе – G2C, G2B и в верхушке все типы отношений – G2C, G2B, G2G и G2E.

Рассматривая базис пирамиды, мы говорим о выстраивании коммуникации внутри органов государственной власти. Одним из ресурсов, который здесь используется, является Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности (http://asozd.duma.gov.ru). Она содержит документы различных стадий законодательного процесса, справочную, отчетную, статистическую информацию. Зависимость от программного обеспечения сказывается на функционировании e-government, на выстраивании коммуникации G2G и G2E. Данная проблема не может не отражаться и на других типах отношения – G2C и G2B.

На втором уровне упор делается на оказание электронных услуг для граждан и бизнеса. Этот этап часто критиковался и гражданами, и властью из-за отсутствия клиентоориентированного подхода в формировании ресурсов e-government.

Потому на третьем этапе мы вновь рассматриваем отношения G2C и G2B как попытку создания «электронной демократии», когда каждый пользователь может принять участие в государственном управлении: «Особое внимание необходимо уделять развитию электронной демократии – повышению степени гражданского участия, онлайн-голосованиям, вопросам этики, безопасности и неприкосновенности частной жизни, нераспространению персональных данных, а также повышению уровня прозрачности деятельности органов власти»[57]. Выстраивание таких отношений влечет за собой изменения во взаимодействии G2G и G2E.

---

56 Там же. С. 74.

57 Там же. С. 25

Развитие Портала государственных услуг проходит автономно и параллельно с развитием муниципальных и региональных ресурсов, оказывающих гражданам и бизнесу услуги в электронном виде. «Региональные услуги размещаются на региональных порталах, федеральные – на федеральных. Загранпаспорт – федеральная услуга, она доступна только на федеральном портале. Теоретически можно с федерального портала найти услугу на региональном. Практически это не так просто. В Москве, например, такой переадресации нет»[58], – подтвердил в интервью директор департамента развития электронного правительства Минкомсвязи РФ В.Е. Авербах. Кроме того, у различных ведомств, государственных структур, органов исполнительной власти появляются собственные сервисы по предоставлению услуг. Например, Авербах отметил Федеральную налоговую службу, у которой «есть личный кабинет, обеспечивающий взаимодействие налогоплательщика и ФНС»[59]. Минкомсвязи РФ при разработке подобных сервисов может лишь оказывать поддержку в виде консультаций. Технические и стратегические решения принимаются непосредственными инициаторами и создателями ресурсов, не входящих в структуру федерального Портала госуслуг. Отсутствие продуманной стратегии популяризации многообразия автономных ресурсов по оказанию государственных услуг затрудняет пользовательскую навигацию и не только замедляет процесс принятия решений, но и уменьшает доверие граждан к системам электронного правительства и электронного управления.

Говоря о дигитализации городского управления в Москве и других российских городах, приходится признать: эффективность использования цифровых технологий в организации планирования городского пространства, а также в улучшении качества обратной связи муниципальных властей с горожанами по-прежнему достаточна низка, в то время как гражданские инициативные группы уже освоили цифровые формы коммуникации на мировом уровне и успешно собирают большой корпус данных о проблемах городского пространства и общественно-приемлемых решениях этих проблем. Налаживанию коммуникации и успешному взаимодействию программ «сверху» и инициатив «снизу» мешает ригидность административных структур, плохой интерфейс официальных сайтов, их непрофессионально простроенная навигация, а также некачественно составленные тексты. Более активное и качественное использование администрацией городов мобильных приложений и сотрудничество с журналистами и блогерами, понимающими язык и проблемы городских сообществ, способствовали бы решению этих проблем.

58 Экспертное интервью: В.Е. Авербах, директор Департамента развития электронного правительства Минкомсвязи РФ.

59 Там же.

МУЛЬТИПЛИКАЦИЯ ЭТИКИ СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ И ВОЗМОЖНОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Оксана Мороз[1]

Abstract

Digital culture calls, provoking functional changes in activities of content producers, and potentially turning each user into subject of such activity, have an impact on ethics of journalism. In this article the author deals with famous models of renovation of this ethic offered in media studies. The main aim is to identify the most common characteristics that allow journalism, if not as a set of business models, but as a cultural practice to stay socially important public good. To test the feasibility of presented principles, the author studies the way in which: a) experience of construction social reality changes in private attempts to create innovative journalistic content, and b) these excesses contribute to increasing participative culture of users, who are directly related by their anthropological experience with this or that "social" dimension of everyday life.

Keywords: multiple journalism, networked journalism, participatory culture, produsage, social responsibility, social space.

Современный этап распространения средств сетевой коммуникации и производства/потребления информации, а также степень влияния медийных инструментов на социальные практики нередко артикулируются в терминах *партиципаторной культуры*. Исследователи, строящие аналитику на описании специфики культуры цифровых медиа, неизбежно приходят к выводам о трансформациях повседневности, связанных с ее развитием: технический прогресс не может не создавать новые культурные феномены, которые, в свою очередь, ассоциированы с изменениями опыта человека[2]. Чаще прочих среди признаков наметившихся трансформаций выделяют те, что доказывают профетическое представление М. Маклюэна и Ф. Киттлера о мире, где люди смогут свободно, используя

---

[1] Оксана Мороз – кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и социальной коммуникации РАНХиГС, доцент и академический директор магистерской программы «Медиаменеджмент» МВШСЭН, академический директор Бюро цифровых гуманитарных исследований «CultLook».

[2] V. Miller: *Understanding Digital Culture*, N. Y.: Sage 2011.

множественные медийно опосредованные формы сотрудничества, строить новое глобальное общество[3].

Рассмотренная под таким углом, методология техноцентризма вступает во взаимодействие с позицией антропологов, настроенных на фиксацию индивидуального и коллективного повседневного опыта, принципов социальной коммуникации и дистанцирования[4]. Так, обсуждение экспансии мобильных технологий неизбежно превращается в дискуссии о лабильности современной социальной системы и релевантности прежних социологических разграничений вертикального и горизонтального общественного взаимодействия. А внимание к новым медиа как «другому» (технологически, идеологически) способу коммуникации между адресатом и адресантом указывает на слом модернистской концепции секвестрования межличностных контактов[5].

В задачи нашего исследования не входит детальный разбор обстоятельств, при которых сформировалась традиция осмысления современного общества как поля со-участия индивида в производстве смыслов. Нам достаточно отметить, что озвученная методологическая развилка рождает понимание партиципаторной дигитальной культуры как поля, в котором: а) гражданская ответственность индивидов в вопросах коллегиального и низового управления повседневными практиками ценится гораздо выше пассивного потребления готовых властных решений[6], б) возможности перформативного и любого другого, в том числе и опосредованного разными медиумами, самовыражения рассматриваются в логике не противопоставления, но совмещения возможностей *профессионалов и любителей*[7]. Подобное осмысление современности недвусмысленно указывает на релевантность принципов социальной коммуникации в цифровую эпоху нормам демократического и/или либерального строительства сообществ, с надеждой постулируемых философами – от Ханны Арендт до Джудит Батлер[8].

Однако такая многообещающая солидарность социологов, философов и антропологов относительно гармонизации будущего производства социального и политического, возможностей их репрезентации и конструирования гражданами нивелируется при

---

3 E. Siapera: *Understanding New Media*, N.Y.: Sage 2012.

4 См. подробнее: О.Н. Запорожец, Е.Г. Лапина-Кратасюк: Антропология цифрового города: к вопросу о выборе метода // *Этнографическое обозрение*, 4 (2015), 41–54.

5 Среди исследований, трактующих модерность в категориях сокращения контактов см.: A. Giddens: *The Consequences of Modernity,* Redwood City: Stanford University Press 1991; J. Urri: *Mobilities*, Cambridge: Polity Press 2007 и др.

6 H. Jenkins, R. Purushotma, M. Weigel, K. Clinton, A.J. Robison: *Confronting the Challenges of Participatory Culture Media Education for the 21st Century,* Cambridge: The MIT Press 2009.

7 Ch. Leadbeater, P. Miller: *The Pro-Am Revolution. How Enthusiasts are changing our Economy and Society*, L.: Demos 2004.

8 J. Butler: *Senses of Subject*, N. Y.: Fordham University Press, 2015, 197.

столкновении с алармистской позицией журналистов-профессионалов, более других практикующих континуальное дискурсивное осмысление реальности. Именно журналисты, представители индустрии массового производства и распространения описаний и объяснений человеческой активности, свидетельствуют о рассогласованности профессиональной этики и партиципаторного устройства медиасреды как поля производства и распространения контента[9].

Множественность социокультурных контекстов превращает утверждение о гегемонии партиципации в одну из многих «идей об обществе». Цель нашей статьи – изучить реакцию производителей медиа контента на дигитальную культуру со-участия и ее влияние на способы создания и проблематизации дискурсов повседневности – индивидуальных и коллективных. Повседневность, как пишет Елена Трубина, в современной теории описывается все чаще как массовое, открытое «для большинства» пространство соединения и обмена мнениями и практиками[10]. Логично предположить, что опыт осознания социального измерения и коллективных привычек повседневности попадает в сферу интересов медиа, а инновативные способы ее конструирования и репрезентации выступают индикатором обновления этики пишущих и читающих.

Симптоматика кризиса: моральное устаревание профессиональной этики?

Интроспективные сомнения в витальности стандартов профессиональной этики журналистики сопровождают отрасль на всем протяжении ее существования и во многом являются залогом ее успешного функционирования в изменяющихся контекстах современности. Так, во второй половине XX века международные и региональные сообщества журналистов неоднократно предпринимали попытки сформулировать манифесты[11], аккумулирующие

9 M. Potts: What the New York Times Innovation Report Says About the State (and Future) of Digital News, in: *American Journalism Review*. May 19 2014. Режим доступа: // http://ajr.org/2014/05/19/new-york-times-innovation-report-digital-news/.

10 Е. Трубина: *Город в теории: опыты осмысления пространства*, М.: НЛО, 2013, 403–441.

11 Например, «Декларация принципов поведения журналистов» принята на Втором Всемирном Конгрессе Международной Федерации журналистов в 1954 году, изменения в документ внесены на XVIII Всемирном Конгрессе МФЖ в 1986 году; Декларация ЮНЕСКО об основных принципах, касающихся вклада средств массовой информации в укрепление мира и международного взаимопонимания, в развитие прав человека и в борьбу против расизма и апартеида и подстрекательства к войне, озвучена и принята на XX сессии Генеральной ассамблеи ЮНЕСКО в 1978 г.; «Statement of Principles», документ Американского общества редакторов новостей (ASNE), одобрена в 1975 году; «Международные принципы профессиональной этики журналиста» приняты на консультативной встрече международных и региональных органи-

максимально общие и всеобъемлющие моральные принципы работы на медиарынке и в обществе. Постоянная калибровка этих стандартов (социальной ответственности, профессиональной честности журналиста, уважения к правам и свободам граждан, норм конкуренции и fair play в отстаивании позиций на страницах СМИ) осуществлялась вслед за укреплением либерально-демократических ценностей – гаранта относительно мягкой онтологии государственного повеления, отвечающей требованиям уважения к человеческому разнообразию[12].

Однако за последние пятнадцать лет вопрос о кризисе этических стандартов журналистики, провозглашенных в конце XX века в соответствии с нормами международного права и с оглядкой на практики мультикультурного строительства, вновь стал актуальным. О необходимости трансформации существующих моральных кодексов профессионалов заставил задуматься тревожный и травматический политический контекст 2000–2010-х гг.[13] Впрочем, участие в скандалах, связанных с разоблачением опасных намерений представителей власти, или стимулирование острой публичной реакции на международные события[14] – привычное для прессы дело. Закрепив во всех «кодексах чести» принцип ответственности перед аудиторией за публичную реакцию на происходящее[15], журналисты заключили с обществом своего рода социальный пакт, дающий право и даже обязывающий к участию во всех значимых конфликтах. Во многом по этой причине затянувшийся

заций профессиональных журналистов в 1983 году; в начале 1990-х гг. эти манифесты легли в основу аналогичных документов, утверждающих нормы профессиональной этики для российских журналистов.

12 Подробнее о философском и политологическом осмыслении проблем демократии и либерализма см.: Дж. Агамбен: *Что такое повелевать?* М.: ООО «Издательство Гриндриссе» 2013; Ч. Кукатас: *Либеральный архипелаг: Теория разнообразия и свободы*, М.: Мысль 2011.

13 Который, впрочем, по мнению Дж. Батлер, серьезно повлиял на качество медийного контента, по крайней мере в США: «Since the events of September 11, we have seen both a rise of anti-intellectualism and a growing acceptance of censorship within the media. <…> it seems crucial to note that <…> independence of media has been compromised in some unprecedented ways». См. подробнее: J. Butler, op. cit., 1–19. Позиции Батлер, хотя и по другим причинам, вторят российские медиаэксперты, анализирующие сломы профессиональной этики 2010-х гг.: «Журналистика никому не нужна». К 30-летию гласности в России. Речь Леонида Парфенова // Meduza. 17 марта 2015. Режим доступа: https://meduza.io/feature/2015/03/17/zhurnalistika-nikomu-ne-nuzhna.

14 См.: S.P. Huntington: The Decline in Governmental Authority, in: *The Crisis of Democracy. Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission*, N. Y.: New York University Press 1975, 99. A. Withnall, J. Lichfield: Charlie Hebdo Shooting: At least 12 killed as shots fired at satirical magazine's Paris office, in: *Independen*t. 7 January 2015. Режим доступа: http://www.independent.co.uk/news/world/europe/charlie-hebdo-shooting-10-killed-as-shots-fired-at-satirical-magazine-headquarters-according-to-9962337.html.

15 См.: *Statement of Principles*, in: ASNE. Режим доступа: http://asne.org/content.asp?pl=24&sl=171&contentid=171.

политический кризис последних десятилетий превратился в один из базовых нарративов, но не поколебал культуртрегерское положение прессы в глазах общественности.

Гораздо большей опасностью для сохранения прежних норм журналистской работы стала стремительная дигитализация повседневности и трансформация публичной сферы. По мнению Юргена Хабермаса, формирование журналистики в обществе модерна изначально было актом создания своего рода троянского коня: посредством постоянно пополняемого журналистами архива смыслов публичная сфера насыщалась тематикой, ранее обсуждавшейся лишь в приватном пространстве[16]. Однако профессиональное сообщество, в течение долгого времени формально владевшее и менторски распоряжавшееся средствами производства дискурсов, как замечают эксперты, оказалось не готово к встрече с партиципацией. Праксис другой публичности – как совокупности гражданских актов, направленных на создание интеллектуального контента, а не поля пассивного потребления информации, – оказался для журналистов чужим[17].

Кризис, провозглашаемый медиапрофессионалами, имеет множественную природу, поскольку культурные нормы и лекала, по которым до сих пор работают продюсеры даже тех корпораций, что совмещают старые конвенции с дигитальными инструментами, морально устарели[18]. Так, редакционная политика, воспроизводимая организациями, традиционно делавшими ставку на печатную продукцию или телевизионный формат, строится вокруг жестко регламентированного *тайм-менеджмента*, тогда как ритмы цифровой культуры построены на бесперебойности новостного потока: вместо особых слотов (вроде прайм-тайма) значение приобретает скорость обновления новостной ленты. Тот факт, что в гонке за свежей информацией более успешным может стать не профессиональный корреспондент или стрингер-фрилансер, но блогер, гражданский журналист, заставляет задуматься о релевантности старых представлений о профессии и авторстве современным запросам[19].

---

16 См. подробнее: J. Habermas: *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*, Cambridge: The MIT Press 1991.

17 Jenkins, Purushotma, Weigel, Clinton, and Robison, op.cit.

18 См., например: G. Packer, The real crisis of journalism, in: *The New Yorker*. December 9, 2014. Режим доступа: http://www.newyorker.com/news/daily-comment/real-crisis-journalism-new-republic; Potts, op.cit. Редакторы онлайн-ресурсов, свободные от норм прежнего новостного менеджмента, гораздо успешнее справляются с вызовами дигитальной культуры. Их усилия направлены скорее на освоение новых технологий функционирования в Сети, нежели на литании по отжившим правилам. Национальная принадлежность ресурсов здесь не играет существенной роли. См., например: Продвижение медиа в соцсетях: 12 советов главреда Meduza Галины Тимченко // Mymedia. 19.10.2015. Режим доступа: //http://mymedia.org.ua/articles/media/sovetoy_timchenko_po_sotssetyam.html.

19 Siapera, op. cit., 130.

В эпоху господства новых медиа субъект оснащен инструментами организации собственного авторского пространства, которое обеспечивает его правом голоса и гарантирует возможность реализации тех функций, которые закреплены за традиционными, институциализированными СМИ. Будучи свободным от каких-то иных редакционной политики и корпоративной этики, кроме политики собственных желаний и этики независимого, свободного сторителлинга, он имплицитно использует гибридную практику *produsage*: создает, распространяет и пользует данные, легко меняя роли продюсера, автора и потребителя информации; делает ставку на контент, который принципиально континуален, не завершен и требует со-участия других участников сетевой коммуникации в создании текста-палимпсеста, невозможного без комментариев, фидбэков и в целом реакции, наследующей логике зинов и do-it-yourself; формирует эффект присутствия в Сети не столько в модальности уважения к факту обладания информацией или площадкой ее распределения, сколько в признании преимуществ свободного распространения контента[20]. Конечно, реализация подобных интенций не превращает субъекта в серьезного конкурента «больших» СМИ. Однако она способствует делегитимации стройной логики *quality news reporting* и других конструктов. А ведь именно настойчивая аргументация необходимости производства профессионального новостного контента позволяет журналистам отстаивать эксклюзивность своего ремесла в контексте распространения авторитета блогеров[21].

Таким образом, опасения о собственной судьбе, обсуждаемые сегодня в прессе, указывают на опасность системного кризиса общественного доверия институциям. Утвердившие за собой в эпоху потребления право говорить за общество, они не желают принять способность самого общества, постепенно включающегося в акторные взаимоотношения в духе pro-ams, дополнять сложившиеся дискурсы.

«Цифра» меняет все: принципы «multiple journalism»

По оценкам специалистов, возможностью включаться в партиципаторные взаимодействия потенциально обладает большая часть человечества: притом что чуть менее половины населения планеты имеют доступ к Интернету, почти каждый оснащен мобильным устройством[22]. А в условиях развития технологии Mesh-сетей, построенной на использовании Wi-Fi и Bluetooth-соединений, мо-

[20] A. Bruns: Produsage: Towards a Broader Framework for User-Led Content Creation, in: *Seeding Creativity: Tools, Media, and Environments,* Washington, DC, 2007, 99–106.

[21] M. Simons: *Journalism at the Crossroads: Crisis and Opportunity for the Press*, Melbourne: Scribe 2012.

[22] A. Baker: Cultural imperialism is dead, in: Castells. July 18, 2014. Режим доступа: http://artsonline.monash.edu.au/journalism/cultural-imperialism-is-dead-castells/.

бильная коммуникация становится еще одним способом конструирования сообществ, позволяющим пользователям общаться в режиме face-to-face коммуникации здесь и сейчас, минуя необходимость подключения к централизованным сетям[23]. Техническое развитие, умножающее практики производства пользовательского контента, казалось бы, обещает высокую вероятность исчезновения журналистики как суверенной профессии.

Однако, как считают эксперты, развитие онлайн-сервисов, аккумулирующих пользовательский контент, провоцирует кризис индустрии и прежних бизнес-моделей, но не представляет опасности для журналистики как стратегии сбора, интерпретации и распространения информации. В спорах о журналистике все чаще актуализируется классическая роль СМИ как общественного блага, товара, представляющего ценность для всего общества, или сервиса, предоставляющего социально-ответственных спикеров. Внимание к прессе как полю, где желание публично репрезентировать переживаемый или наблюдаемый опыт требует не индульгенции институции, но моральной ответственности за превращение сокрытого и неизвестного в явное, помогает выработать принципы новой практики. Обновление функционала, неизбежно следующее за дигитализацией публичной сферы, становится условием формулирования новой профессиональной этики, отвечающей вызовам современности[24].

Исследователи медиа видят здесь повод для оптимизма. Переживая обновление в ходе столкновения с сетевыми инструментами и аудиториями, использующими акторный потенциал соучастия, пресса может предложить традиционные возможности профессии – накопление сведений о происходящем в мире, их контекстуализацию с учетом множества мнений и предоставление гарантий доступа к озвучиваемым историям всем членам общества – той части аудитории, у которой есть возможность и желание свидетельствовать о происходящем. Потенциально таким свидетелем, способным обогатить сеть своим контентом, становится каждый, кто владеет доступом к технологиям фиксации и шэринга информации. При этом наличие многоголосия, умножение числа говорящих субъектов, с наличием которых приходится считаться, ставит под вопрос прежнюю роль журналистики в публичном поле. Тут есть свои плюсы: в борьбе за свое место в пространстве всеобщей «глоссолалии» пресса вполне может освободиться от влияния прежних стейкхолдеров (владельцев, спонсоров) и от необходимости производить пропагандистские высказывания – хотя бы

---

23 How Mesh Networks Work?, in: Berkman Center. 4.12.2012. Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=tYLU755T6_I; А. Меркуров. Mesh-сети как будущее коммуникации. Firechat // *CryptoInstallFes*t. 12.07.2015. Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=P1YCIL6whTs.

24 B. van der Haak, M. Parks, M. Castells: The Future of Journalism: Networked Journalism, in: *International Journal of Communication*, 6 (2012). Режим доступа: http://ijoc.org/index.php/ijoc/article/viewFile/1750/832.

за счет привлечения активных сообществ к спонсированию СМИ. Таким образом, поддержка пользователей в их активности оборачивается развитием потенциала партиципаторных сообществ, что в конечном итоге приводит к укреплению прессы как демократического института производства смыслов.

Из этой перспективы мультипликация этических принципов журналистики мыслится строящейся на следующих основаниях[25]:

1) журналистика в новую дигитальную эпоху должна быть *сетевой*. Она должна иметь возможность включения в практики репрезентации и конструирования множественных мнений не только большего числа спикеров (в том числе принадлежащих к миноритарным сообществам) или использовать краудсорсинговые мощности и пользовательский контент при производстве информации, но и применять трансмедийные и кросс-медийные инструменты публикации для умножения, а не дупликации смыслов;[26]

2) коллаборация с любителями должна строиться на нормах fair play и *социальной ответственности*. Любые мнения свидетелей должны проходить профессиональную проверку на предмет наличия или отсутствия фейка. Приращение контента за счет укрепления доверия к гражданским журналистам и их последующего продвижения в качестве спикеров не означает умаления аналитической составляющей контента или его вульгаризацию/таблоидизацию. Такая ответственность предполагает внимание к социальной реальности. Новая журналистика не может развиваться в отрыве от *наблюдения за повседневностью* – она должна быть направлена на фиксацию такого опыта, который замалчивается или ускользает от внимания «большой» прессы;

3) любое письмо, претендующее на аналитику, может распространяться вирусным образом – достаточно вовремя отработать инфоповод или остро и увлекательно написать о каком-то важном явлении[27]. Однако это не означает, что вирально распространяемые тексты – будь то экспертные статьи или расследования блогеров – можно подготовить *быстро*. Рассказывая о сиюминутном или имеющим инвариантную ценность, любой субъект, производящий контент, обязан грамотно компилировать уликовую парадигму с оптикой символической передачи, локализации важного. Сочетание внимания к деталям и одновременно к контекстам ведет к более тщательной аналитической проработке журналистских высказываний. По мысли экспертов, они требуют замедления процессов производства текстов для наращивания их качества, позитивно отражающегося на темпах дальнейшего распространения контента;[28]

---

25 См. подробнее: van der Haak, Parks, Castells, op. cit.

26 C.B. Harvey: Transmedia Storytelling and Audience: Memory and Market, in: G. Youngs (ed.) *Digital World: Connectivity, Creativity and Rights, L.: Routledge Press 2013, 115–129.*

27 N. Luhmann: *The Reality of the Mass Media*, Stanford University Press 2000.

28 Van der Haak, Parks, Castells, op. cit., 2934.

4) журналистика должна быть *независимой*. Интернет, построенный на ценностях свободы и сетевого нейтралитета[29], дает возможность говорить с помощью разных инструментов, что требует дополнительной профессионализации субъектов-авторов, но и защищает от гегемонии единственной, например официальной, точки зрения. Ценность контента определяется множественными способами презентации мнений и уважением к их наличию, а не релевантностью привычным позициям. Никто не может гарантировать неангажированности конкретного нарратива[30]. Однако отсутствие подчинения любым механизмам, кроме механизмов калибровки общественного согласия, превращает многоголосие смыслов в основу конкурентного смыслопорождения и залог толерантного отношения к социальным и культурным опытам других.

Предложения относительно трансформации этики журналистики, приходящие на смену литаниям, становятся очевидными при изучении медиакоммуникации. В конечном итоге они сводятся не только к продвижению коллаборации прессы и общества в производстве контента, но и к утверждению логики grassroots democracy – хотя бы на уровне создания нарративов. Обыватель, ответственно свидетельствующий или поддерживающий чью-то активность в сфере информационного действия, – фигура, приобретающая в свете принципов партиципации благородные очертания.

Апелляция аналитиков к углублению и расширению публичного осмысления человеческого опыта в его многообразии за счет усилий тех, кто ранее описывался лишь как «coach potato», выглядит логичной. Особенно в контексте реализации когда-то предсказанных принципов партиципаторной культуры. Впрочем, проверки требует оптимистичный вывод о применении новых принципов со-участия в производстве информационного контента в условиях существующей профессиональной этики. Практики, сопутствующие multiple journalism, позволяют гражданам влиять на производство историй о повседневном опыте и на конструирование самого опыта. Они осуществляются при прямом со-участии тех, кто имеет ресурсы, мощности и возможности продвижения таких нарративов через популяризацию этоса гражданской журналистики или предоставление в общественное пользование уже зарекомендовавших себя площадок.

Проверку этих тезисов мы произведем на материале исследовательского проекта *Multiple Journalism*, позиционирующего себя в качестве «первого путеводителя по миру независимой журналистики». Проект содержит информацию о наиболее интересных и эффективных случаях применения новых практик продуцирования

---

29 J. Krämera, L. Wiewiorraa, Ch. Weinhardt: Net neutrality: A progress report, in: *Telecommunications Policy*, 37(9) (2013), 794–813.

30 Про ангажированность и направленность журналистского высказывания см.: Т. ван Дейк: *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*, М.: URSS 2013.

журналистских историй и обновленной этики их производства[31]. Нас будут интересовать эксцессы осмысления повседневности, которые лучше всего маркируют наличие партиципаторных, акторных позиций пользователей и граждан.

Конструируя и осмысляя социальное пространство: реализация принципов?

Проект *Multiple Journalism* (далее *MJ*) возник благодаря усилиям авторов статьи, в которой утверждались основы новой независимой журналистики в цифровом мире[32]. Это была попытка собрать в одном месте и продемонстрировать миру проекты, при создании которых уже с 1999 года применялись инновативные методы журналистской работы. На данный момент MJ – это, пожалуй, единственный ресурс, где не только артикулированы постулаты новой этики журналистики, но и собрана репрезентативная подборка кейсов. Усилиями команды исследователей и внимательных непрофессиональных сетевых аналитиков удалось собрать более 20 проектов, представляющих различные типы медийного контента (виртуальные «новостные» игры, документальные проекты, платформы и инструменты меппинга и визуализации больших данных), опирающиеся на принципы гражданской журналистики и возможности цифровых форматов.

Далеко не все кейсы отвечают постулатам multiple journalism. Часть проектов – эксцессы точечного апгрейда визуальных технологий, не имеющие отношения к парадигмальной трансформации журналистской этики. Так, *The Nisoor Square Shootings*[33] – пример журналистики комиксов (graphic/comics journalism), построенный на совмещении вербальных и визуальных, традиционных и электронных инструментов для формирования нарратива об инциденте с расстрелом сотрудниками американского частного охранного агентства *Blackwater* иракских мирных жителей в 2007 году. Несмотря на то, что веб-комикс, созданный Dan Archer, отвечает требованиям дигитального обновления журналистики, он является лишь частью платформы *Cartoon Movement*[34] и остается примером старой культурной практики – политической сатиры.

В подборку включены проекты, которые интересны в первую очередь технократам как пример настройки программных «движков», изменяющих антропологический и культурный опыт

---

31 About the Project, in: Multiple Journalism. Режим доступа: http://multiplejournalism.org/about.

32 Режиссер документального кино и журналист Bregtje van der Haak фигурирует как соавтор цитировавшегося выше манифеста The Future of Journalism: Networked Journalism, in *International Journal of Communication* 2012 года и упоминается как автор проекта MJ.

33 The Nisoor Square Shootings, in: Cartoon Movement. Режим доступа: http://www.cartoonmovement.com/icomic/11.

34 Cartoon Movement, op. cit.http://www.cartoonmovement.com/

пользователей. Например, Trac FM[35] – облачное программное обеспечение – открывает для аудитории угандийских радиослушателей возможность бесплатного участия в общественных дебатах. Его использование можно рассматривать как способ активации публики. Контент адресован тем, кто до сих пор не имел привычки превращать свои настроения в политическую активность. Сам факт пользования облачным сервисом предполагает возможность онлайн-участия в общественных процессах. Однако в отсутствие других инструментов привлечения граждан этот формат в минимальной степени способствует переводу позиций слушателей в публичный формат. Требуется нечто большее, чтобы построение культуры партиципации и воспитание социальной ответственности граждан в Уганде стало реальностью.

Часть проектов, продвигаемых на платформе MJ, демонстрируют глобальный успех принципов multiple journalism, но при этом не переведены на языки международного общения[36]. Скажем, содержание и специфика проекта *Reportagem Publica*, построенного на принципах краудфандинга и приглашении независимых, гражданских журналистов, пишущих о социальных проблемах, к соревнованию за право быть опубликованными в традиционной прессе, в наибольшей степени отвечает логике multiple journalism. Технология проста: создатели Reportagem Publica просят неравнодушных снимать репортажи, посетители сайта голосуют (как символическими лайками, так и посредством дотаций) за понравившиеся сюжеты, наиболее популярные среди пользователей ролики – как отражение интересов бразильского общества – получают необходимое для публикации финансирование, а их авторы автоматически попадают в когорту журналистов. Однако все сюжеты представлены на португальском языке, что снижает вероятность знакомства с ними неподготовленной аудитории и нивелирует ценность проекта в глобальном контексте.

Случается и обратное. Наиболее известные глобальные проекты, например Inside Syria VR[37] компании ABC News, дополняющий привычные методы восприятия новостей переживанием эффекта со-участия в их создании за счет погружения пользователя в виртуальную реальность, в коллекцию MJ не попадают.

Тем не менее попытка продемонстрировать примеры независимой сетевой журналистики в модусе produsage не бесполезна: авторам удалось найти несколько проектов, удовлетворяющих критериям MJ, озвученных экспертами и демонстрирующих возможность коллаборации в ответственном осмыслении и производстве контента.

---

35 Trac FM. Режим доступа: http://tracfm.org/.

36 News & Market 上下游. Режим доступа: http://blog.newsmarket.tw/www.newsmarket.com.tw/.

37 Inside Syria VR, in: *ABC NEWS*. Режим доступа: http://abcnews.go.com/US/fullpage/abc-news-vr-inside-syria-33768357.

Один из таких кейсов – нидерландский Metropolis TV[38] – журнал и веб-сайт, создаваемый силами общественного телевидения VPRO, аккумулирующий видеосюжеты, снимаемые журналистами[39] о локальных практиках и обычаях. Материалы представлены в двух форматах: в виде разрозненных коротких роликов и более продолжительных проблемных скетчей-коллекций, составленных редакцией из материалов, присланных из разных стран[40]. Metropolis TV сегодня работает с более чем 70 производителями контента со всего мира, которые помогают информационному каналу выполнить главную задачу: предоставлять независимым очевидцам современности возможность рассказывать о ней как о совокупности разных культур, опыт существования в которых сопряжен с формированием разнообразного повседневного опыта.

Metropolis TV гуманистично заявляет о себе как о сети «окон»[41], открытых взгляду на мир, понять который можно только обращаясь ко всему происходящему «здесь и сейчас». И если «сейчас» выглядит для зрителей как будто интуитивно понятной категорией, то «здесь» требует детального пояснения. Так, у репортеров и их кураторов из голландского проекта возникает необходимость, ставя макровопросы об идентичности «Других», детально описывать их быт, фиксировать все: от привычек пользования территориями и обустройства жизни, разграфленной на «тут» или «там», до разнообразия нормативных практик.

Каждый репортаж – будь то рассказ об опыте нелегальной миграции из Сенегала в Испанию[42], нарратив об ужасах «заботы о себе» в жизни южноафриканских маргиналов[43] или о начале сексуальных взаимоотношений в Перу[44] – используется для разговора о человеке и его окружении. Ни один из кейсов не обходится без фиксации экзистенциального опыта проживания в месте, для кого-то из зрителей остававшегося до момента просмотра одной из безвестных точек на карте. Неизбежная «территориализация»

---

38 Metropolis TV. Режим доступа: http://www.metropolistv.nl/en.

39 Join! // Metropolis TV. Режим доступа: http://www.metropolistv.nl/en/content/join.

40 См., например, такие разные технологии привлечения авторов, как: VPRO Metropolis // *LinkedIn*. Режим доступа: https://www.linkedin.com/company/vpro-metropolis; ВИОФУ и телевидение VPRO (Нидерланды) приглашает видеожурналистов // Мы + мир вокруг нас. Проект творческого объединения ЮНПРЕСС при поддержке Young People’s Media Network и Представительства Детского Фонда ООН (ЮНИСЕФ) в России. Режим доступа: http://www.ynpress.ru/cgi-bin/news_we/viewnews.cgi?category=2&id=1203602904.

41 About Metropolis. Windows on the world, in: *Metropolis TV*. Режим доступа: http://www.metropolistv.nl/en/content/about-metropolis.

42 Preparation of a boat refugee from Senegal, in: YouTube. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=Bca8fcCTmSQ&feature=youtu.be.

43 Crazy neighbour Jan in South Africa, in: YouTube. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=uBCWvvPqZbg.

44 First kiss in Peru, in: YouTube. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=Mxxf61WTEBs.

этой жизни делает этот проект эксклюзивным. Благодаря ресурсам Metropolis TV создается глобальная команда моральных свидетелей, участвующих в диалоге как со своими культурами, так и с мировым цивилизационным опытом.

Будет преувеличением утверждать, что возможности дигитального обновления журналистской этики в этом проекте были использованы во всей полноте: видеосюжеты представляют собой экспериментальный по содержанию, но почти всегда традиционный по форме материал, отбором которого занимаются специалисты VPRO. Однако степень независимости рассказов, производимых разными журналистами, возможность объединения рассказчиков в разветвленную сеть медийных антропологов с хорошим потенциалом коллаборации, а также большое значение, которое авторы рамочного проекта придают индивидуальным желаниям конкретных нарраторов *репрезентировать* и *конструировать социокультурную реальность*, указывают на новый этос свободного сторителлинга. Той же калибровки требует положение героев сюжетов. Далеко не все из них являются ответственными горожанами/гражданами, участвующими в чем-то большем, нежели обустройство собственной жизни. Но их опыт проживания гарантирует зрителям возможность понять или хотя бы вообразить, как устроено социальное присутствие людей в других культурах, и позволяет оценить собственные антропологические переживания как неполные без столкновения с радикальной или, напротив, близкой, но нетождественной средой.

Радикальный гуманизм или столь же радикальная экзотизация, судя по отзывам зрителей, являются довольно частой интонационной особенностью репортажей[45], размещенных на платформе MJ. Это заставляет задуматься о мере ответственности, с которой независимые журналисты представляют миру его множественность. Например, игры с бинарными оппозициями «свое-чужое» выглядят упрощенным способом свидетельствовать о мире в его разнообразии. Однако эти же особенности нарратива способствуют критической оценке собственного социального пространства зрителя. Как минимум они помогают сформировать у посетителей сайта привычку к ознакомлению с другими мнениями, оказывают влияние на реакции пользователей, возникающие в ответ на культурные и социальные различия, через эти мнения репрезентированные. Те, кто не участвуют в производстве контента, но потребляют его, получают возможность осмыслить и соотнести содержание этих историй с собственными представлениями о социальном и задуматься о специфике выражения своего мнения. Так, привычное культуртрегерство прессы, помноженное на приглашение к участию в производстве контента всех и каждого, становится доказательством реальности партиципаторной культуры. А умение создать эффект социального измерения оказывается не

[45] About Metropolis. Windows on the world, in: Metropolis TV. Режим доступа: http://www.metropolistv.nl/en/content/about-metropolis.

просто необходимым условием реализации проекта и привлечения конкретного репортера, желающего в этот проект попасть, но и единственно возможным форматом для реализации гуманитарного запроса: «quest for the similarities and differences between cultures in our world, that becomes smaller every day»[46].

Дивный новый мир технологий в условиях демократизации электронного производства информации открывает новые горизонты этики ответственного свидетельствования и провоцирует пользователей на активные действия по созданию смыслов. Однако очевидно, что между производством дискурсов как значимой практикой и отказом от любых иных практик, кроме наррации, – один шаг. Поэтому вопросы о том, сможет ли традиционная журналистика аккумулировать сетевые ресурсы (как технологические, так и антропологические), использовать цифровые инструменты для создания чего-то большего, чем новое декорирование старых способов артикуляции мнений, и появится ли у пользователей привычка к партиципации не только в области конструирования смыслов о социальном, но и в сфере создания демократического социального пространства за пределами относительно свободного поля онлайн-коммуникации, мы оставляем открытыми.

[46] About Metropolis. Windows on the world // Metropolis TV. Режим доступа: http://www.metropolistv.nl/en/content/about-metropolis.

ГОРОДСКАЯ НАВИГАЦИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ МЕДИА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ[1]

Юлия Епанова[2]

Abstract

The article explores the impact of new mobile technologies on the practice of urban navigation. It discusses the theoretical aspects of the topic: understanding urban navigation as a form of anthropological experience of the citizen, the interaction between cities and technologies, etc. It outlines the main theoretical perspectives for the study of mobile navigation applications in the perspective of the “anthropology of digital city” (O. Zaporozhets, E. Lapina-Kratasyuk), which can be the basis for constructing an empirical research.

Keywords: urban navigation, city anthropology, digital city, mobile technologies.

Город. Мобильность. Навигация

Современный мир характеризуется высокой скоростью перемещений, социальных трансформаций, информационных потоков, что находит отражение в метафорах «текучести»[3] и «мобильности»[4], активно применяемых социальными теоретиками для его описания. Города концентрируют и накапливают в себе мобильность, которую еще представители Чикагской школы считали одним из показателей городского метаболизма и его эффективности[5]. В наши дни теоретики *нового урбанизма* подчеркивают, что город необходимо понимать в его пространственной открытости и насыщенности разнообразными видами мобильностей, потоками товаров, ин-

---

1 Статья подготовлена в рамках научно-исследовательских проектов Лаборатории историко-культурных исследований ШАГИ РАНХиГС «Медиа и технологии в современном городе» и «Цифровой город: новые формы управления пространством, инициативы горожан и культурные практики».

2 Юлия Епанова – приглашенный исследователь Лаборатории историко-культурных исследований ШАГИ РАНХиГС (Карамзинсткий стипендиат – 2015, 2016), Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Россия.

3 З. Бауман: *Текучая современность*, СПб: Питер 2008.

4 Дж. Урри: *Мобильности*, М: Праксис 2012; P. Adey: *Mobility*, L.: Routledge 2010.

5 Э. Бёрджесс: Рост города: введение в исследовательский проект // *Социальные и гуманитарные науки*, Серия 11. Социология, 4 (2000), 122–136.

формации, людей[6]. Неслучайно города возникали на пересечении транспортных путей, а позже вбирали в себя транспортные потоки, включая метро, железнодорожные вокзалы, аэропорты, физически встраивая мобильность в свою инфраструктуру[7] и функционируя как мобильные места / места мобильности[8].

Город собирает относительно большое число жителей на относительно небольшой территории. Индустриализация и укрупнение городов превратили в серьезную проблему не только пространственное размещение растущей массы горожан, но и регуляцию перемещения этой массы в ограниченном и структурированном городском пространстве. Для того чтобы управлять человеческими и транспортными потоками, город порождает различные *системы навигации*. Это не только карты и путеводители, указатели и таблички с названиями улиц и номерами домов, но и правила дорожного движения, системы дорожных знаков и сигналов, расписания общественного транспорта.

Термин «навигация» производит впечатление очевидного, понимаемого на уровне здравого смысла, и разделяемого знания. В результате подавляющее большинство исследователей городской навигации не проблематизируют центральный для себя концепт. Мы будем действовать иначе.

Большой энциклопедический словарь дает двойное истолкование навигации: «1) Наука о способах выбора пути и методах вождения судов, летательных аппаратов (воздушная навигация, аэронавигация) и космических аппаратов (космическая навигация). Задачи навигации: нахождение оптимального маршрута (траектории), определение местоположения, направления и значения скорости и других параметров движения объекта. В навигации используют астрономические, радиотехнические и другие методы. 2) Период, когда по местным климатическим условиям возможно судоходство»[9]. В трактовке присутствует технический аспект – под навигацией понимается управление механизмами и/или с помощью механизмов и технологий. Кроме того, навигация носит субъект-объектный характер – активностью наделен только тот, кто управляет процессом.

Эти смыслы могут быть обнаружены и в рассуждениях о городской навигации. В ней видят процессы и механизмы управления транспортными и людскими потоками в пространстве города, а также – выбор оптимальной траектории передвижения. Такое понимание навигации положено в основу практических разработок в области городской политики[10]. Однако такая трактовка представ-

---

6 A. Amin and N. Thrift: *Cities: Reimagining the Urban,* Cambridge: Polity 2002; S. Graham (ed.): *The Cybercities Reader*, L.: Routledge 2004.

7 M. Sheller, J. Urry (ed.): *Mobile Technologies of the City*, L.: Routledge 2006.

8 Sheller, op. cit., 1.

9 Навигация // Большой Энциклопедический словарь. Режим доступа: http://www.vedu.ru/bigencdic/41075/.

10 См., например: Разработка и реализация проектной документации по единой системе навигации // Сайт Государственного бюджетного уч-

ляется нам слишком односторонней, так как не учитывает активность горожанина в его ежедневных перемещениях. Мы полагаем, что городская навигация – это не только управление человеческими и транспортными потоками в городской среде, но и практики ориентирования в городском пространстве с использованием формальных и неформальных средств навигации. А практики навигации могут рассматриваться как особые *формы антропологического опыта горожанина*. Это понимание вырастает из аналитических моделей осмысления разных форм освоения городского пространства пешеходом[11], водителем[12], пассажиром[13].

Передвигаясь по городу: пешеход, водитель, пассажир

Существуют три основные идеально-типические роли горожанина, перемещающегося по городу. Они отличаются друг от друга границами свободы, степенью технологического опосредования при взаимодействии с городской средой, формой телесного проживания города.

Пешеход

В главе «По городу пешком» из «Изобретения повседневности» Мишель де Серто говорит о двух противоположных перспективах восприятия города: сверху и снизу, *видении* и *проживании*. Видение доступно, когда мы поднимемся на крышу высотки или смотрим на карту. Видение, полагает автор, притягательно, так как дарит ощущение свободы и чувство контроля. Город больше не властен над человеком. Напротив, человек получает паноптическую власть над городом и способность наблюдать за ним: «Подняться на вершину ВТЦ (*Всемирного торгового центра. – Ю.Е.*) означает вырваться из лап города. Тело больше не сжимается улицами, свободно от их безличной власти вертеть и разворачивать; его уже не оглушают кричащие контрасты и не нервирует нью-йоркский транспорт<…> Вознесение есть преображение – в Видящего. Мир, которым он был одержим, точно наваждением, теперь лежит перед ним, как открытая книга – он может читать его…»[14].

Несмотря на привлекательность *вознесения* и *преображения в видящего*, «жизнь горожан протекает на земле, ниже порога

реждения «Московский аналитический центр в сфере городского хозяйства». Режим доступа: http://gbumac.ru/uslugi/navigatsiya.html.

11 М. де Серто: По городу пешком // *Социологическое обозрение* 2 (2008), 24–38; В. Беньямин: Париж, столица XIX столетия // В. Беньямин: *Озарения*, М.: Мартис, 2000, 153–167.

12 N. Thrift: Driving in the city, in: *Theory, Culture & Society*, 21/4-5 (2004), 41–59.

13 P. Adey, D. Bissell, E. Laurier: Introduction to the Special Issue on Geographies of the Passenger, in: *Journal of Transport* Geography, 19 (2011), 1007–1009.

14 де Серто указ. соч., 24.

обозримости»[15]. Здесь, на земле, горожане в ходе своих передвижений «осваивают город вслепую». Эти практики ускользают от видения, не могут быть зафиксированы глазом во всей полноте своего проживания. Визуализации поддаются лишь их отголоски, следы или маршруты на карте. Само же передвижение, оставаясь невидимым, формирует живую ткань города, индивидуализированную и выходящую за рамки общих схем. В процессе происходит присвоение пространства, вписывание его в систему отношений.

По аналогии с речевым актом, де Серто говорит о «пешеходно-речевом акте», который отличается от пространственного изображения импровизированностью, дискретностью и фатичностью. Порядок видения задает жесткую структуру маршрутов, образуемую доступными и запретными зонами. Однако пешеход творчески перестраивает ее, выбирая собственную логику присвоения пространства: он «реализует какие-то из этих возможностей; он дает им бытие. Но он также смещает их и изобретает другие возможности – пешеход способен блуждать, менять маршрут, импровизировать, благодаря чему одни точки в пространстве существуют всегда, а другие оказываются заброшенными»[16]. *Картографическое видение* отличается своеобразной равномерностью. Оно предполагает тотальное изображение поверхности города, сплошной ткани улиц, площадей, районов, парков и пустырей. В противоположность этому *передвижение* по городу всегда избирательно. Пешеход никогда не осваивает все пространство, он прокладывает маршруты, собирая свою собственную мозаичную картину пространства из осколков пройденного: «пешеход обрекает одни слова/места на стертость или на забвение, другие же “складывает” в необычные, случайные, недопустимые речевые/пространственные обороты»[17]. Визуальный образ города подобен информативному высказыванию, рассчитанному на подробное и правильное сообщение. В противоположность информативной речи фатическая коммуникация направлена на установку и поддержание контакта с собеседником. Она характеризуется бесцельностью разговора и «хаотичностью» тем, однако этот хаос логичен для говорящих. Подобно small talk, каждый случайный маршрут и «каждый следующий шаг продолжает предыдущие, и окружающий ландшафт вплетается в это органичное движение, превращаясь в *последовательность* фатических топосов»[18].

Таким образом, проживание города пешеходом представляет собой ансамбль избирательных, импровизированных, дискретных действий, собирающий город в собственной логике. Не стоит говорить о ничем не ограниченной свободе этих действий и их комбинаций, так как материальность города через систему улиц, тротуаров, светофоров все же придает форму опыту горожанина. Од-

15 де Серто, указ. соч., 25.
16 де Серто, указ. соч., 29.
17 де Серто, указ. соч., 29.
18 де Серто, указ. соч., 29.

нако пешеход все же выходит за рамки картографического порядка и переопределяет его.

Водитель

Найджел Трифт в «Driving in the City»[19] продолжает размышления Мишеля де Серто, вводя в игру нового участника городской мобильности. Трифт упрекает де Серто в том, что в «Изобретении повседневности» нет даже упоминания об автомобилях и автомобилистах – еще одном типе тел, включенном в ткань городской жизни, в ее динамику и потоки. Более чем столетняя история автомобилей привела к тому, что опыт вождения стал частью нашего технологического бессознательного, он нерефлексивно воспринимается нами как обыденный и «вечный», будучи при этом исторически новым. Он формирует набор городских практик, отличный от опыта пешехода.

Как подчеркивает автор, эти опыт и практики *глубоко телесны*, предполагают слияние с машиной, особое чувствование ее движения, ухабов на дороге. В подтверждение этого тезиса он приводит исследование Джека Катца[20]. Катца интересовало, почему вождение является крайне эмоциональной практикой, тогда как объективные условия езды в машине не только не способствуют, но часто усложняют непосредственное взаимодействие участников движения. Ведь водитель индивидуализирован и отгорожен от других своим автомобилем, что осложняет коммуникацию на дороге. Катц полагает, что водители ощущают, проживают свою машину как продолжение своего тела, поэтому любая угроза автомобилю воспринимается корпореально.

Трифт настолько высоко оценивает опыт вождения, технологичный и телесный в своей специфичности, что говорит о нем как о переднем крае «натурализации феноменологии», которая призвана включить в социальный анализ технику как часть этого опыта. Как отмечает Трифт, с развитием технологий связь тела и техники только усиливается за счет использования программного обеспечения и развития эргономики.

Увлеченность автора телесно-технологическим аспектом вождения несколько уводит его от анализа практик проживания города автомобилистом. Однако, отталкиваясь от его тезисов, мы сделаем своеобразную реконструкцию этого опыта.

Следует отметить технологическое слияние тела и машины: «В настоящее время часто утверждается, что инновации в программном обеспечении в сочетании с улучшением эргономики механизмов управления, сидения и руля обеспечивают “улучшенный” опыт вождения, предоставляя более точный (на самом деле в большей степени опосредованный) контакт с дорогой»[21]. Как и в

---

19 Thrift, op. cit., 41–59.
20 J. Katz: *How Emotions Work,* Chicago, IL: University of Chicago Press 2000.
21 Thrift, op. cit., 51.

случае с пешеходом, вождение может быть осмыслено как проживание поверхности города, которая редуцирована к одному из структурных элементов – дороге. Если пешеходу доступны тротуар, дорога, земля, бордюр, лестница, лифт и многое другое, водителю достается лишь разнообразие вариантов одного и того же – дорожного полотна.

Машина, по выражению Трифта, превращается в «мир в себе»: «Аудио- и даже видеосистемы, климат-контроль, лучшая звукоизоляция, эргономичные интерьеры… и тому подобное, все вступает в сговор с целью превратить автомобиль в своеобразную монаду, которая все больше обращается к окружающему миру через сильно опосредованную репрезентацию»[22]. В результате опыт проживания города водителем оказывается тотально опосредован автомобилем. Пешеход включен в городскую плоть максимально: он не только смотрит и видит, он слышит город, чувствует его запах и вкус, тактильно ощущает его. Городской опыт водителя принципиально отличается степенью контроля. Автомобилист превращается в своеобразного настройщика, который может выбирать или хотя бы варьировать музыку городского ансамбля, стать его дирижером. Из всего многообразия чувственных режимов водитель делает ставку на зрение, наименее опосредованное и замещенное в силу своей функциональной необходимости для вождения. И даже технологические новшества не снижают его значимости. Дополненная реальность и навигационные приложения дают другую картину городского пространства, но не замещают, а лишь дополняют живой взгляд.

Автомобиль сегодня, отмечает Трифт, приобретает автономность и самостоятельность за счет автоматических систем навигации, регулирования расстояния до других машин с помощью датчиков, переключения скоростей, контроля за действиями водителя в процессе торможения и т.п. В сфере навигации это интересный сдвиг: «Появление смеси географических информационных систем, глобального позиционирования и беспроводной связи означает, что возможность заблудиться перестанет существовать и, в равной степени, что все чаще можно будет отслеживать все автомобили, где бы они ни находились»[23]. То есть водитель теряет один из экзистенциальных опытов пешехода – возможность заблудиться в городе[24]. Кроме того, нарастает сращивание коммуникативной ткани города с автомобилем, а через него – и с водителем. В итоге все трое образуют гибридное тело, которого нет у пешехода.

Наконец, Трифт критикует де Серто за противопоставление пешего и транспортного режима освоения города как активного

---

22 Ibid., 51.

23 Ibid., 51.

24 О. Запорожец, Е. Лавринец: Потеряться, чтобы увидеть: опыты фотографического восприятия города // *Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность* / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова, В. Круткина, Саратов: Научная книга, 2007.

и пассивного, свободного и контролируемого. Исследователь подчеркивает, что у водителя есть возможность самостоятельно определять свой путь в городском пространстве. В городе водителя, безусловно, больше границ, очерченных бордюрами автомобильных трасс, однако внутри этой сетки индивидуализированное, субъективное, дискретное прочтение и проживание города возможно.

Пассажир

Когда Мишель де Серто говорит о транспорте, то имеет в виду железную дорогу, автобус и потребителя этих транспортных услуг – пассажира. Для пассажира опыт проживания города и перемещения в нем лишен свободы. Передвижение пассажира в транспорте – это парадокс мобильности и иммобильности, пространство жесткого порядка: «Путешествует лишь рационализированная клетка. Пузырь паноптической и классифицирующей власти, модуль заключения, который делает возможным производство порядка, закрытой и автономной замкнутости – вот что может пересекать пространство и делать себя независимым от локальных корней»[25].

Поезд предстает у де Серто сферой неподвижности и упорядоченности. Здесь царствуют покой и безделье, временность пребывания не дает возможности заполнить это время чем-то полезным, планирование времяпрепровождения в поездке – это всегда планы по убийству. При этом все и всё находятся на своем месте: пассажиры располагаются на закрепленных за ними местах (или наоборот – они закреплены за местами), подобно буквам, отпечатанными на листе бумаги в «милитаристском порядке». Панорама, открывающаяся из поезда, тоже воплощает неподвижность – неподвижность пейзажа, зданий, неба. Они сохраняют свою привязку к местности, и их мелькание представляет лишь *иллюзию* движения, создаваемую изменением перспективы восприятия. Единственным активным субъектом в этом царстве иммобильности выступает сам поезд.

С этой точки зрения город тоже неподвижен – география расположения домов, улиц и площадей имеет жесткую связь с местом. С другой стороны, он мобилен и, выражаясь в терминах Уильяма Митчелла, состоит из *сетей* и *потоков*, в том числе – транспортных[26]. Они имеют дискретную структуру, точки доступа к которой строго определены: это станции, аэропорты, остановки. В промежутках между ними «лимб» – пространство неопределенности, где от человека ничего не зависит. В этой паутине роль пешехода и водителя гораздо более вариативна. Они имеют возможность не только выбирать точки доступа, вливаясь в транспортные потоки в тех местах, где им более удобно, но и осуществлять выбор маршрута. Пассажир же обречен включаться в сеть и выходить из

---

25 M. de Certeau: Practices of Space', in M. Blonsky (ed.) *On Signs*, Oxford: Blackwell 1987, 111.

26 У. Митчелл: *Я плюс плюс: человек, город, сети*, М.: Strelka Press 2012.

нее в строго определенных местах – на остановках общественного транспорта или станциях метро. Разница в степенях активности между разными способами освоения города в движении выражена в языке: если пешеход «идет», водитель «едет», то пассажира «везут».

Разумеется, многообразие практик перемещения горожанина не сводится к антропологическим типам городской навигации, описанным выше. В повседневности горожанина они часто смыкаются, не существуют в чистом виде. Типична ситуация, когда, добравшись до окраины города, водитель оставляет машину на стоянке, превращаясь сначала в пешехода, а затем в пассажира метро. Или уже пассажир становится пешеходом по собственной воле, добравшись до необходимой ему остановки, либо вынужденно, встретившись с поломкой автобуса или коллапсом транспортной системы. Да и свобода водителя или пешехода столь же относительна, как и несвобода пассажира. Ведь город неравномерен в своей доступности для разных участников траффика. В то время как водители стоят в пробке, а пешеходы борются с перекопанным тротуаром, пассажир минует эти барьеры, находясь в вагоне метро или проезжая по выделенной линии трамвайных путей.

Мобильная революция и городская навигация

Быстрые изменения в городском образе жизни требуют от исследователя особой манеры наблюдения и рефлексии, позволяющей отслеживать его трансформации, происходящие в том числе под влиянием технологий. Вектор изменений городской навигации сегодня задают мобильные приложения.

Ли Райни и Барри Веллман пишут о трех революциях в порядке социального взаимодействия – сетевой, интернет- и *мобильной*. Первая из этих революций привела к разрастанию социальных связей отдельного человека и его выходу за пределы «мира сплоченных групп». Вторая предоставила новые технологические возможности коммуникации, не только увеличив физическое расстояние межличностных контактов, но и усилив индивидуализм. *Мобильная* же революция радикализировала уже произведенные изменения за счет перехода к абсолютно новой логике взаимодействия человека и цифровых девайсов, которые теперь всегда находятся с людьми, становясь своеобразным продолжением их тел, обеспечивая постоянную связь с цифровым миром[27].

Мобильная революция имеет далеко идущие последствия, в том числе для городской жизни. Это обстоятельство отмечают О. Запорожец и Е. Лапина-Кратасюк: «Внимание современных исследователей цифрового города сосредоточено преимущественно

---

[27] L. Rainie, B. Wellman: *Networked. The New Social Operating System*, Cambridge, MA: The MIT Press, 2012.

на мобильности, которая признается основным фактором и действующей силой происходящих городских изменений»[28].

Новые медиа в значительной степени задают инфраструктуру мобильности современного типа и обеспечивают городскую навигацию. Впервые в истории новые мобильные технологии позволили поддерживать постоянную связь с помощью онлайн-карт, онлайн-расписаний, GPS, ГЛОНАСС, что существенно изменило практики взаимодействия человека с городским пространством. Взаимодействие новых медиа и города стало предметом активной рефлексии теоретиков[29]. Так, еще в 2003 году Уильям Митчелл описал перспективы распространяющихся беспроводных интернет-технологий и их влияние на городское пространство в терминах сетей и потоков. С его точки зрения, мир реальный и виртуальный сомкнулись: «Сплошь и рядом события, происходящие в виртуальном пространстве, отражаются в физическом, и наоборот»[30]. Этот симбиоз порождает новый антропологический тип – *электронных кочевников*: «В кочевом электронном мире я становлюсь двуногим терминалом, ходячим IP-адресом, а может, еще и беспроводным маршрутизатором в импровизированной мобильной сети. Отныне я вписан не в витрувианскую окружность, а в расходящиеся от меня круги электромагнитных волн»[31].

Эмпирическое исследование социальных и антропологических новообразований в сфере городской мобильности и навигации, вызванных приходом новых технологий, представляется нам своевременным. О. Запорожец и Е. Лапина-Кратасюк предлагают рассматривать *антропологию цифрового города* в качестве теоретической перспективы для изучения технологических расширений городской жизни. Анализируя роль мобильных навигационных приложений в практиках городской навигации, мы будем опираться на принципы антропологической работы с цифровым городом, сформулированные соавторами.

Первый принцип *антропологии цифрового города* состоит в «признании фрагментарного характера современной технологической интервенции»[32]. Нам также следует обратить внимание на соотношение и взаимодействие электронных навигаторов с навигационными системами предшествующих поколений. Карты, указатели, знаки дорожного движения имеют давнюю традицию управления навигацией, а их цифровые преемники зачастую заимствуют привычные логики менеджмента мобильности. Действительно, карта навигатора не сильно отличается по интерфейсу от традиционной карты, а схема метро на стенде – от схемы в мобильном

---

28 О.Н. Запорожец, Е.Г. Лапина-Кратасюк: Антропология цифрового города: к вопросу о выборе метода // *Этнографическое обозрение*, 4 (2015), 41–54.

29 С. Маккуайр: *Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство*, М.: Strelka Press 2014; Митчелл, указ. соч.

30 Митчелл, указ. соч., 10.

31 Там же, 80.

32 Запорожец, Лапина-Кратасюк, указ. соч.

приложении. Однако электронные штурманы интерактивны, мобильны, персонализированы. От исследователя в этих обстоятельствах требуется чуткость в анализе традиций и новаций в дизайне и использовании навигационных приложений.

В ходе эмпирического исследования электронной навигации следует учитывать специфику организации городского пространства и степень включенности города в новую информационную реальность. Ведь если Москва и Санкт-Петербург включены в новые технологические реалии в большой степени, то не всякий город-миллионник может похвастаться качественным интернет-покрытием, не говоря уже о малых городах. Симптоматично, что российский интернет-гигант Яндекс включает в систему Яндекс-метро только две столицы. Яндекс-транспорт работает в Москве и Московской области, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Казани, Омске, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Перми, Воронеже, Калининграде, Красноярске, Челябинске, Череповце, Липецке. Однако в описании приложения разработчики указывают, что «для некоторых городов у нас пока нет информации обо всех видах транспорта»[33]. На долю остальных российских городов остаются лишь только навигаторы, составленные на основе общих цифровых карт местности, либо региональные приложения.

Второй принцип антропологии цифрового города – «сфокусированность на человеке как активном создателе и модификаторе технологий»[34]. Действительно, уделяя особое внимание новым технологиям, исследователь рискует впасть в технологический редукционизм, приписывая исключительную роль в переустройстве общества и человека новинкам *железа* и *софта*. Отрицать структурирующее воздействие медиа на современный мир трудно, но так ли масштабно это влияние? Нельзя забывать, что именно человек вносит творческую составляющую в процесс создания и освоения новых технологий. Он свободен в самом выборе, применять их или нет, и если применять, то какие и как именно? Сам способ использования технологий тоже творчески преобразуется. И это применение может не совпадать с основным назначением девайса, как это было в свое время с держателем CD и DVD в системном блоке компьютера, приспособленном под подставку для кофейной чашки.

Поправка на человека должна быть сделана и в ходе эмпирического исследования мобильных навигационных приложений. Почему человек выбирает этот, а не другой навигатор? Почему он вообще их использует или избегает использовать? Особый интерес представляет изучение необычных или даже экзотических способов использования навигационных систем. Всегда ли они применяются в качестве средства навигации? Возможно ли присвоение им дополнительных функций (осуществления контроля, выстраивания солидарностей)? Встает вопрос и о творческом комбиниро-

[33] Режим доступа: https://mobile.yandex.ru/apps/transport/.
[34] Запорожец, Лапина-Кратасюк, указ. соч.

вании мобильных приложений между собой и с нецифровыми навигационными средствами (посмотрел в навигаторе, а нарисовал на карте). В этой избирательности мы видим формирующую индивидуальную логику прочтения городского текста.

Третий принцип антропологии цифрового города от Запорожец и Лапиной-Кратасюк – «постоянное уточнение и контекстуализация объектов анализа»[35]. В условиях, когда технологические изменения развивают невероятную скорость, возникает необходимость постоянного мониторинга рынка мобильных навигационных приложений для того, чтобы выявлять новые предложения и без промедления включать их в анализ.

Этот принцип имеет общеметодологическое следствие для работы социолога и антрополога. Из-за ошеломляющей скорости обновления программного обеспечения большинство исследований, посвященных цифровым аспектам современной жизни, невольно обретает ретроспективную, а то и ностальгическую модальность. Экономика порождения научного знания предполагает значительные траты времени на проведение исследования, оформление выводов, публикацию. В итоге наши исследования в этой области невольно оказываются своеобразной наукой о недавнем техносоциальном прошлом, их актуальность быстро проходит. Быстрое письмо в блогах, твитах, постах в социальных сетях может в этих обстоятельствах рассматриваться как адекватная альтернатива медленному академическому письму престижных журналов и монографий. Теория медиа в таком случае будет рассказана на языке и в среде новых медиа.

Это запаздывание не стоит рассматривать как безусловный минус. Социальные исследователи создают летопись новых форматов, архивируя в своих проектах быстро ускользающую реальность. Здесь важно использовать некий вариант *плотного описания* эфемерного цифрового объекта, сегодня очевидного, а завтра – ставшего историей, поскольку скорость трансформаций стремительно делает любой опыт неактуальным. Так, поколение нынешних шестнадцатилетних с трудом помнит сотовые телефоны с кнопками и уже не представляет стационарный телефонный аппарат с дисковым набором, которым пользовались их родители. К тому же мир цифровых технологий и мобильных приложений столь разнообразен, что даже современник не знает всего. Изучая его, нам стоит обратиться к опыту антропологии, которая изначально имела дело с миром Других и сталкивалась с необходимостью его постижения через описание в деталях.

Четвертый принцип – «чувствительность к новым технологическим, социальным и другим связям и формам их реализации, образуемым человеком, взаимодействующим с технологиями и другими социальными и материальными агентами»[36]. В случае с изучением навигационных приложений эти вопросы получают свое

[35] Там же.
[36] Там же.

прочтение. Первое – индивидуализирует ли пользователя их применение? Ведь традиционно навигация в городе – это коллективная социальная практика: мы уточняем у других людей, как куда-то проехать или пройти, точно ли расписание, каково реальное время ожидания транспорта и множество других вещей. Собеседник может включаться в процесс маршрутизации, когда предлагает подвезти или проводить. Что происходит с этой областью социальности при переходе к использованию индивидуальных навигационных устройств? Сохраняется ли связь с другими, и если да, то с кем и в каких ситуациях? И порождают ли приложения взаимодействие субъектов в режиме онлайн по вопросам навигации?

Наконец, пятым принципом Е. Лапина-Кратасюк и О. Запорожец называют материальность. Как отмечают авторы, «цифровые технологии, определенно, создают новую материальность города и повседневной жизни в целом, а значит, нуждаются в самостоятельном исследовании и описании форм существования, пространств, практик обращения, инфраструктуры и пр.»[37]. Изучая практики цифровой навигации, следует обращать внимание на сам девайс и его характеристики. Размер, вес, яркость экрана и наличие антибликового покрытия – все важно. В зависимости от контекста эти свойства могут облегчить навигацию или, напротив, ограничить ее. Программное обеспечение и доступ к сети – еще один материальный аспект электронной навигации. И здесь нас интересует не только качество интерфейса, но и наличие необходимой для обеспечения связи инфраструктуры, без которой навигация невозможна.

Распространение цифровых технологий уже изменило наш опыт освоения города и ориентирование в нем. Участники городского движения активно задействуют новые средства навигации, использование которых требует всестороннего эмпирического исследования. А исследователь цифровой мобильности, работающий в технологически насыщенных и продвинутых мирах, должен при этом сохранять антропологическую чувствительность.

---

[37] Там же.

ЭКОНОМИКА ЭЛЕКТРОННОГО МУСОРА

Марина Булацкая[1]

Abstract

The main purpose of this article is to review and analyse the economics of electronic trash, the special ways of monetisation, used by website owners; and cover the phenomena of native advertising as the most hidden under web-contet economic means of motetisation.

This article consists of four main parts: the macrophisics of electronic trash, the correlation of production off-cuts logic and electronic trash, the influence of electronic trash on the subject and methods of combating it.

Literature analysis shows the growing interest to the problem of electronic trash in the world and in the USA in particular. Contemporary american specialists in the field of digital media proclaim the necessity of further implementation of «Information technologies» discipline into the educational curricular, so that to study programming and not only MS Office package.

A thorough study of electronic trash in the empirical part of the article shows that electronic trash and Native Ad in particular solves several challenges of the website owner: the increase of the view depth and time spent on the web-site, the standard adverts income growth and traffic ride-down. That's why digital media analytics forecast the rise of the number of the web-sites using Native Ad.

The author believes that the obtained results show the concealed economic prossesses in the cyberspace and motivate to study computer algorithms. This knowledge would help to shape a critical attitude to web-resources and combat the illusion of freedom of choice they are associated with.

Keywords: E-waste, Internet, Native Ad, widget, electronic recycling.

Шум гасит информацию.
Ю.М. Лотман.
Структура художественного текста

Цель данной статьи – проблематизировать, сопоставляя логики производственных и информационных отходов, экономику электронного мусора, деконструировать способы монетизации, к которым прибегают собственники

[1] Марина Булацкая – выпускница бакалаврской программы «Медиа и коммуникация» Европейского гуманитарного университета (Вильнюс, Литва).

Интернет-ресурсов, вскрыть экономическую составляющую тизерной рекламы и поднять вопрос об электронном ресайклинге. Автор исходит из тезиса о неслучайности устройства сервисов в Сети и экономической выгоде, скрывающейся за кликом на статью, фото, видео.

Американский специалист по цифровым медиа Дуглас Рашкофф пишет об опасности «ложного убеждения в том, что технологии нейтральны»[2]. Алгоритмы, базирующиеся на анализе персональных данных пользователей (cookies), – основа господства в цифровом мире. Информация, накапливаемая о потребителе, его поведении, интересах и поисковых запросах, используются не столько для улучшения сетевых сервисов, сколько для получения выгоды. Главная цель – получить прибыль от рекламы за счет привлечения и удержания пользователей на сайте, продажи внимания аудитории. Умение распознавать скрытые процессы внутри Сети – ценный навык Интернет-пользователя, не желающего «попасть в ловушку и стать жертвой беспощадной монетизации чужих инициатив»[3].

В погоне за прибылью собственники сайтов используют различные инструменты. К некоторым из них пользователи привыкли настолько, что выработали иммунитет («баннерная слепота»), к другим, более искусно завуалированным, относятся как к удобным сервисам и/или вспомогательному контенту. Поведение Интернет-пользователей можно сравнить с *незнанием знания*, о котором говорит Славой Жижек[4]. Пользователи, конечно, знают, что в Интернете есть деньги, но при этом не имеют представления о том, как работает система, и не всегда осознают, что кто-то получает прибыль за их клики.

Использование концепта «мусор» в контексте виртуальной реальности применимо к технологиям, воздействующим на пользователя. Как и в случае с производственными отходами, влияющими на экологию, электронные отходы воздействуют на экологию сознания, внимание и восприятие человека.

Рождение электронного мусора

С одной стороны, электронный мусор – это продукт и механизм монетизации Интернет-ресурсов, с другой – результат работы маркетологов, которые пытаются оптимизировать стоимость контакта с целевой аудиторией. То обстоятельство, что пользователи не любят рекламу, а для Интернет-изданий она является основным

---

[2] D. Rushkoff: *Program or to Be Programmed: Ten Commands for a Digital Age.* Soft Skull Press, 2011. Режим доступа: http://ru.scribd.com/doc/47990572/Rushkoff-Douglas-Program-or-Be-Programmed-Ten-Commands-for-a-Digital-Age

[3] Rushkoff, op. cit.

[4] S. *Žižek: What does it mean to be a revolutionary today?* 2009. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=D2xbky8NG4E

источником дохода, определяет диспозицию сил в этом секторе. По мере того, как сайт достигает определенного уровня посещаемости, его собственники начинают продавать внимание своих посетителей, размещая рекламу. Помимо традиционных баннерных форматов, одни пишут PR-статьи, другие – продают места внутри рубрик и сотрудничают с тизерными сетями, третьи – разрабатывают спецпроекты.

Выбор способа монетизации – стратегически важный момент, который может сыграть злую шутку с собственниками ресурсов. Краткосрочная перспектива получения прибыли (PR-статьи, «нагон» трафика, размещение всплывающих баннеров) может остановить процесс развития Интернет-проекта и потребовать больших инвестиций в будущем. Как известно, при выборе площадок для размещения рекламы рекламодатель помимо стоимости и посещаемости руководствуется, пусть и условными, но данными о портрете читательской аудитории Интернет-ресурса. Если портрет читателя сайта совпадает с портретом целевой аудитории, может быть принято решение о сотрудничестве.

Рекламодателю важно максимально интегрировать свой бренд, а собственникам сайта – не потерять лицо и доверие читателей. Найти баланс удается не всем. Мы регулярно испытываем на себе последствия использования агрессивной Интернет-рекламы – окна всплывают при заходе на страницу, а видео- и аудиобаннеры автоматически воспроизводят громкий звук. Использование таких рекламных форматов отражается на посещаемости сайта и лояльности к нему. Для удержания статистических показателей собственники прибегают к нечестной игре – нагону веб-трафика или покупке фальшивого веб-трафика.

Что это значит? В случае нагона трафика ставка делается на случайных пользователей, формально соответствующих портрету среднестатистического читателя сайта. А в случае с покупкой фальшивого или низкокачественного веб-трафика в ход идут боты/программы. Рекламодатели, ради средств которых все это затевается, получают либо не тех читателей, о которых написано в социально-демографических отчетах, либо роботов Ситуация напоминает бессмысленную погоню: из-за нарочитых рекламных форматов сайт теряет постоянных читателей, а рекламодатель доносит свое рекламное сообщение до аудитории, которую сложно назвать целевой.

Пытаясь дать определение электронного мусора, необходимо затронуть не только бизнес-процессы Интернет-изданий, но и упомянуть о таких форматах, как Pop-Under и Click-Under. Это всплывающие поверх контента сайта или открывающиеся в новом окне браузера промо-страницы; а также – разношерстный спам, появляющийся в почте, блогах, социальных сетях, в поиске, в мессенджерах; тизерная и нативная реклама для обмена трафиком между сайтами. Здесь будет уместно сослаться на Жана Бодрийяра, рассуждавшего о культуре, производящей «огромное количество от-

бросов, превратившихся в настоящую меновую стоимость»[5]. Рассмотренный в политэкономической перспективе, электронный мусор – это товар, представленный совокупностью текстов, картинок, ссылок, видео и программного обеспечения, потребляемый ради увеличения прибыли в цифровой сфере.

Тизерная реклама или неочевидный мусор

Цифровая среда – это огромная индустрия, где есть множество игроков: рекламодатели, паблишеры, тизерные компании, спамеры, разработчики, рекламные агентства и прочие. Они работают на продажу целевых действий: продаются и имеют свою стоимость просмотр статьи или видео, открытие и прочтение спам-рассылки, клик на кнопку «купить» и даже клик на кнопку схлопывания баннера, скачивание прайс-листа, заполнение формы обратной связи, подписка на рассылку и т.п. Здесь я бы хотела сосредоточиться на тизерной рекламе, старательно маскирующейся под полезный редакционный контент.

Сущность электронного мусора проявляется в ситуации его распространения – он всегда приспосабливается, маскируется под электронную среду, куда внедряется, принимает обличье статьи, электронного письма, комментария, сообщения. Производители электронного мусора берут за основу привычные для того или иного формата жанровые конвенции (язык повествования, узнаваемые символы и т.д.) и эксплуатируют их для продажи товаров и услуг. Копирование формата сайта указывает на разрыв «между тем, что означает тизерная реклама и чем она является на самом деле»[6].

Базовым форматом размещения тизерной рекламы является виджет. Это графический модуль, состоящий из картинки и текста. Текст делится на заголовок и описание. Окончательный формат и внешний вид тизерной рекламы определяется версткой и стилистикой сайта, так как ее основная задача – раствориться среди редакционных виджетов. Рекламный виджет расположен в нижней части экрана, а в его нижней части размещается едва заметная пометка «Sponsored content». Виджет не отображается на главной странице сайта, а подтягивается после того, как пользователь перейдет к основному контенту.

Расположение тизерной рекламы влияет на ее эффективность и, соответственно, – на доходы от нее. Поэтому для размещения виджетов с тизерной рекламой не используют боковые поверхности сайта, традиционное место баннеров, а перемещают рекламный контент в центр страницы, тем самым, изменяя отношение пользователей к информации и подтверждая тезис Джерона Ланье: «Ма-

---

5 Ж. Бодрийар: Город и ненависть // *Логос,* 9 (1997), 107-116. Режим доступа: http://www.ruthenMru/logos/number/1997_09/06.htm

6 С. Жижек: *Виртуальный капитализм*. Режим доступа: http://chewbakka.com/brains/virtual_capital

лейшее изменение в дизайнерских решениях может полностью изменить поведенческие схемы»[7].

Строго говоря, тизерную рекламу сложно назвать рекламой, ведь она не используется рекламодателями напрямую. Это – дополнительный (по отношению к традиционным рекламным форматам) инструмент монетизации, позволяющий крупным Интернет-порталам продавать свой трафик, а сайтам, испытывающим нехватку посетителей, покупать его. В зависимости от места и способа размещения тизерная реклама может приносить собственникам ресурсов от 10 до 30% прибыли.

Перемещаясь в позицию, которую занимает контент и имитируя его, тизерная реклама становится пустым господствующим означающим, ярлыком. Она ассоциируется с материалом, написанным журналистами, утвержденными главными редакторами изданий и поэтому воспринимаются пользователями как полезный сервис, а на деле подрывает связь означающего и означаемого.

Индустрия электронного мусора

Заказчиками электронного мусора выступают не только рекламодатели, продвигающие свои услуги и товары. Одни собственники сайтов осознанно засоряют свои Интернет-ресурсы, другие предпочитают не спрашивать, откуда приходит трафик. И те, и другие ориентированы на увеличение прибыли. Как показывают расчеты[8], покупка трафика позволяет в несколько раз увеличить ежемесячную прибыль. Качество контента и информационный комфорт пользователя при этом уходят на второй план.

Заказчик тизерной рекламы всегда один – собственник Интернет-ресурса, что предопределено спецификой самого формата: он рассчитан не на предоставление информации о товаре или услуге, а на привлечение пользователя на Интернет-ресурс при помощи другого контента. 80% тизерной рекламы – это новости, статьи, видео, онлайн-игры. Таким образом сайт закупает дешевый трафик для себя, выступая в роли издателя или рекламодателя.

В качестве издателей (или «паблишеров») выступают Интернет-сайты с высокой ежедневной посещаемостью. Как правило, это – новостные или бизнес-порталы. Они заинтересованы в монетизации своего трафика и готовы продавать третьей стороне внимание своих посетителей. Представитель сайта-заказчика об-

---

7 Цит. по: Д. Ариэли: 2013 – год переосмысления Интернета: Медиааскетизм // *Look at me*, 16.12.2013. Режим доступа: http://www.lookatme.ru/mag/live/interweb/198729-mediasketizm

8 Предположим, сайт продает 300 000 показов. Прибыль рассчитывается по формуле: CPM (cost per mille) = CTR (click-through rate) * CPC * 100. Средний CTR виджета – примерно 2%. Средний CPC – 0,04 $. Согласно формуле получается, что CPM = 0,04 * 0,2 *100 = 0,8 $. Это прибыль за 1000 показов. Далее эта сумма умножается на общее количество показов в сутки = 300 000 * 0,8$ / 1000 = 240 $ в сутки; 7 200 $ в месяц; 86 500 $ в год.

ращается в тизерную компанию[9] и предлагает продать свой трафик. Условия сотрудничества зависят от статистики посещаемости. Тизерным компаниям интересно работать с сайтами, посещаемость которых достигает 300 000 показов в день. Если договоренность о сотрудничестве достигнута, на сайте паблишера появляются виджеты с контентом, переводящим посетителя на другие сайты или на транзитные страницы.

Рекламодателями становятся Интернет-сайты, которым в отличие от паблишеров не хватает трафика. Около 80% дохода Интернет-издания получают от традиционных рекламных форматов – боковых баннеров, брендирования разделов, размещения пре-роллов в видеоконтенте. Рекламодатели покупают определенное количество показов баннеров и фиксируют период размещения рекламы. Зачастую, однако, Интернет-сайты не могут физически обеспечить необходимое количество показов, но не готовы отказываться от размещения у себя рекламы. Предположим, сайт разместил пре-ролл (видеорекламу, запускающуюся перед показом видео) в статье с видеоконтентом. Он обращается в тизерную компанию для того, чтобы получить нужный объем трафика именно на эту статью, поскольку стоимость размещения пре-ролла намного выше[10], чем затраты на нагон трафика. Размер прибыли таков, что издателю безразлично, прочтет ли пользователь контент, станет ли он для него полезным. Здесь важен переход и клик, за которым стоит большая ежедневная прибыль. Тизерная компания изготавливает виджеты и размещает их в своем пуле материалов для паблишеров. Цикл замыкается.

Удобство как симптом

Интернет-пользователь привык к внешнему виду и функционалу сайтов, несмотря на постоянное обновление интерфейсов, появление новых трендов в дизайне и адаптацию под новые медиа форматы (в т.ч. смартфоны и планшеты). Поведение и предпочтения пользователей изучаются, а полученные знания используются для увеличения кликабельности, глубины просмотра и продолжительности нахождения на сайте. Все это – часть проекта usability или удобства использования. Всемирная сеть, которая обеспечивает широкий информационный выбор и постоянно пополняется контентом, созданным пользователями, воспринимается как символ демократии и свободы. Однако в usability сайта первостепенную

---

9 Тизерные компании – производители нативной рекламы. Они предпочитают работать с четырьмя регионами с высокой покупательской способностью населения: USA, UK, AU, CA. Главные игроки на этом рынке: OutBrain.com, Taboola.com, Likes.com, Mgid.com, Zergnet.com, Nrelate.com, Content.ad, Nster.com, Adblade и Hexagram.com.

10 Скажем, сайт «покупает» одного пользователя в среднем за 0,05 $, а продает место для пре-ролла за 0,50 $ за просмотр. Таким образом, покупая 300 000 показов в сутки, Интернет-сайт тратит 15 000 $ в сутки, а получает 150 000 $.

роль играет не степень удобства пользователей, а выгода, которую из этого можно извлечь.

Переход по ссылкам – это алгоритм и математика, которые организуют и структурируют поведение пользователей: «Мы делаем выбор не потому, что мы хотим, а потому, что наши программы требуют их»[11]. Сам выбор в программируемых обстоятельствах становится иллюзией, средоточием которой является тизерная реклама. Когда пользователь читает статью, скажем, об изучении мозга, алгоритмы считывают его сетевые активности, определяют круг интересов, пол, возраст и в нижней части сайта с пометкой «Recommended from the Web» размещают виджеты на похожую тематику. Алгоритм предоставляет релевантный контент, сужая поле поиска и формируя новые режимы персонализации: «Через серии наших выборов о новостях, которые мы читаем, каналах, на которые подписаны, и веб-сайтов, которые посещаем, мы создаем фильтры выбора вокруг себя. Друзья и каналы, которые были выбраны нами произвольно или потому, что мы в прошлом были вынуждены их выбрать, станут маркерами, ориентируясь на которые наши программы и поисковые системы выберут, что показывать нам дальше. Этот выбор ограничивает наш мир, где масса возможностей утрачивается при переводе на двоичный код»[12].

Производственный мусор vs электронный мусор

Эко-тренд затрагивает все сферы жизни современного человека. Мы покупаем продукты, выращенные в экологически чистых условиях; носим одежду из натуральных тканей; применяем систему раздельного сбора мусора; участвуем в программах переработки отходов (ресайклинг); отказываемся от косметики, тестируемой на животных; пересаживаемся на гибридные автомобили с функцией «эко-режим» и велосипеды; участвуем в акциях «Час Земли» и выражаем глубокую обеспокоенность проблемами загрязнения и глобального потепления. Общество, производящее такое количество товаров, которое невозможно потребить, ищет способы решения проблем, к которым это перепроизводство приводит. Спрашивается, «зачем сначала гадить, чтобы потом убирать?»[13]. Акцент в дискуссиях об экологических проблемах и способах их решения, столь важных для общества современного типа, делается на переизбытке производства и неправильной утилизации отходов.

Полагаю, в этот дебат необходимо включить вопросы информационного загрязнения. Перепроизводство – контента и информации – происходят и в цифровом пространстве. Оно создает информационный шум, а его продукты воспринимаются как мусор, лишний и ненужный, «оседающий на периферии интерфейса

---

[11] Rushkoff, op. cit.
[12] Ibid.
[13] S. *Žižek, op.cit.*

сайтов»[14]. Речь идет о неподъемном пласте информации, размноженной посредством копипаста, оплаченных статей, всплывающих окон и массовых рассылок.

Результатом несвоевременной и неправильной борьбы с производственными отходами стали экологические проблемы. А к каким последствиям приведет несвоевременная борьба с электронным мусором?

---

[14] С. Панасюк: Новизна и традиционность в New Media // *Топос*, 3 (2014), 49-55.

ОТ ВЕЧНОГО К ВЕЩНОМУ: РЕИФИКАЦИЯ КАК СЕМАНТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ДИГИТАЛЬНОЙ ПОЭЗИИ

Денис Петрина[1]

Abstract

The goal of this paper is to scrutinize how the phenomenon of digital poetry is related to the culture of late capitalism and how reification transforms the semantics of the digital poetry genre. The performed analysis reveals that reification of lyrical discourse is a distinctive feature of digital poetry, thus, there is the influence of the culture of late capitalism on the semantics of this poetic genre. Reification as a semantic dimension of digital poetry is characterized by such textual symptoms as alienation, irrationality, dystopia, serialization, simplification, spectacularity, the aestheticization of consumption as well as the dominant role of the political rather than the poetic. Digital poetry is analyzed from the perspective of discursive practices (the digital environment) as well as social practices (the practices symptomatic of late capitalism). Finally, possible counter-practices aimed at overcoming lyrical discourse reification are taken into consideration.

Keywords: digital poetry, reification, late capitalism, critical theory, Marxist literary criticism, CDA (critical discourse analysis).

Дигитальное как обман масс

Стихотворение – это маленькая (или большая)
Машина, сделанная из слов[2].
Уильям Карлос Уильямс

Всего в нескольких словах известному американскому поэту-модернисту Уильяму Карлосу Уильямсу удается зафиксировать онтологическое отличие дигитальной поэзии от не-дигитальной, поэзии «до»: лирика интернет-пространства, включающая в себя множество форм и поджанров, среди которых – визуальная, звуковая, гипертекстуальная и другие поэзии, – это прежде всего «машина». Ведь ее создание/про-

[1] Денис Петрина – магистрант программы «Социальная и политическая критика», университет Витовта Великого (Каунас, Литва). Научные интересы: теории субъективации, психоанализ, дискурс-анализ, биополитика, media studies.

[2] W. C. Williams: Introduction to the Wedge, in: *Selected Essays of William Carlos Williams*, New Directions Publishing Corporation (1954), 2009. Режим доступа: http://www.poetryfoundation.org/learning/essay/237888.

изводство и прочтение/потребление возможно исключительно в цифровой среде, порождаемой компьютерами. Фридрих Блок не менее своеобразно решает проблему дефиниции, предлагая остроумное решение: определять дигитальную поэзию по формуле «(х) поэзия», где х – переменная, отражающая особенность жанра дигитальной поэзии[3].

Дигитальная поэзия динамична, автономна и самодостаточно герметична, то есть воспроизводится посредством автопоэзиса в тех границах, которая сама же устанавливает в своем поле. Известная в кругах сететуры (сетевой литературы) исследовательница Энрике Шмидт нивелирует все возможные негативные влияние «извне», объясняя, что дигитальная поэзия «интегрирует их в подвижное сплетение текстов и мыслей, в "игру значений", и "наслаждение письмом", которому именно здесь – в Сети – можно предаваться без ограничений»[4]. Фигуру сетевого поэта как *homo ludens* определяет Михаил Визель, называя дигитальную поэзию «литературными играми»[5] (такое определение можно интерпретировать двояко: с одной стороны, оно отсылает к авангардистским литературным практикам, с другой – к гиперразвлекательности современной культуры). Несмотря на всю «несерьезность» игрового компонента дигитальной поэзии, Визель отводит ей ключевую роль в формировании истории «поэзии нового времени». Поэт-сетевик и литературный критик Вячеслав Курицын и вовсе утверждает, что сететура – это что-то сродни завершившемуся циклу сансары литературы, которая наконец обрела «аутентичный покой» в Сети[6].

Однако определение дигитальной поэзии как виртуальной песочницы литературных героев нашего времени, обобщающее мнения упомянутых выше исследователей, нельзя считать исчерпывающим. Например, философ Олег Аронсон видит в дигитальной поэзии потенциал новой формы культурного производства, если не сказать – целого политического курса, направленного против гегемонии массовой коммуникации и (масс)культурного метанарратива. Он пишет: «Перед нами настоящее множество разнородных сингулярных стихотворных жестов, в хаосе которых нет никакого общего направления и цели. И в этом поэтический народ не есть та масса, которая стала субъектом потребления современных медийных образов»[7]. Таким образом, приставка «кибер» (будь то киберпоэзия или кибердемократия) становится тождественной антигегемонии и эмпансипации от культурных оков, в том числе –

3 F. Block: How to Construct the Genre of Digital Poetry, in: J. Schafer, P. Gendolla. *Beyond the Screen: Transformations of Literary Structures, Interfaces and Genres*, Bielefeld: Transcript Verlag, 2010, 391–401.

4 Э. Шмидт: *Литературный русскоязычный интернет: между графоманией и профессионализмом/* 2011. Режим доступа: http://www.netslova.ru/schmidt/liternet.html

5 М. Визель: *Литературные игры в рунете*. 2010, Режим доступа: http://www.netslova.ru/viesel/litgames.html

6 Там же.

7 О. Аронсон: Народный сюрреализм // *Синий диван,* 8 (2006), 91.

и практик потребления, без которых невозможно помыслить культуру эпохи позднего капитализма. Связь дигитального и антикапиталистического просматривается в седьмом пункте манифеста дигитальной поэзии, созданного американской исследовательницей и поэтессой Стефани Стриклэнд. Согласно «Born Digital», е-поэзия «описывает или отражает миры, создавая новые»[8].

Лишь некоторые исследователи критикуют возвышенный объект дигитальной поэзии, да и то вскользь. Роберто Симановски, один из главных исследователей этого явления, осторожно вводит понятие «чистый код», отсылающее к авангарду и противопоставляемое литературному кичу (не/осмысленному злоупотреблению техническими возможностями медиума)[9]. Упомянутая ранее Энрике Шмидт, несмотря на утопическое видение рулинета как пространства *jouissance*, высказывает опасения, связанные с возможностью «отстранения» и усугубления шизоидного восприятия мира[10]. Тем не менее, такие замечания являются, скорее, исключением, ведь дигитальная поэзия воспринимается как нечто атопическое и, следовательно, находящееся за пределами культуры позднего капитализма. Поэтому и артикуляция характерных для позднего капитализма симптомов – технологизации, отчуждения, фрагментарного и шизоидного мышления – происходит в теоретическом вакууме, что наталкивает на мысль о необходимости ревизии дигитальной поэзии с учётом критического осмысления социокультурнго контекста её создания.

При этом нет никакой надобности в изобретении нового теоретического языка, позволяющего описывать дигитальную поэзию. Литературовед-марксист Терри Иглтон предлагает концептуальную схему, в которой литературное произведение – не автономный (или атопический) элемент, но маленькая деталь большего механизма, симптом культуры, её хоть и временное, но весьма конкретное проявление. «Литературные произведения (...) это формы восприятия, особые способы видения мира; и в этом качестве они связаны с доминирующим мировоззрением, то есть с “общественным настроением” или идеологией эпохи»[11], – объясняет он.

«Общественное настроение», идеологию современной эпохи можно обозначить как идеологию потребления. В таком обществе, если применить предлагаемую Иглтоном схему, поэт становится ретранслятором идеологии потребления, а стихотворение – поэтически опосредованной «картой» капиталистической реальности, на которой можно найти как утопические фантазмы обще-

---

8 S. Strickland: *Born Digital*. 2009. Режим доступа: http://www.poetryfoundation.org/article/182942

9 R. Simanowski: *Digital Art and Meaning: Reading Kinetic Poetry, Text Machines, Mapping Art, and Interactive Installation*s, Minneapolis: University of Minnesot, 2011, 61.

10 Э. Шмидт: *Буквальная недвижимость. Дигитальная поэзия в РуЛиНете*. 2006. Режим доступа: http://www.netslova.ru/schmidt/digital.html.

11 Т. Иглтон: *Марксистская критика литературы* / пер. К. Медведев, [Б. Г.]: Свободное марксистское издательство 2002, 16.

ства потребления, так и типичные для него проблемы, отчуждение или товарный фетишизм. Возникает закономерный вопрос: как исследователю текстов эпохи позднего капитализма на, казалось бы, нейтральной карте найти идеологически маркированные объекты?

Фредрик Джеймисон предлагает понятие реификации, под которым понимается опосредующий (*mediatory*) код для прочтения культурных текстов общества потребления на его различных этапах развития[12].Такая интерпретация реификации качественно дополняет классическое понимание данного понятия, однако не является единственной. Тимоти Бьюэс переосмысливает реификацию как «овеществление» у Маркса[13] или как «застывшую фактичность» у Лукача[14] и описывает ее как фундаментальное, почти онтологическое чувство тревоги, появляющееся «из секуляризации, которая видит мир как закрытые, экономизированные отношения между субъектом и Другим, в которых заманчивый и соблазнительный Другой навсегда растворяется в неприятном здесь и сейчас»[15]. И пожалуй, именно Славой Жижек в рецензии на книгу Бьюэса «Реификация, или Тревога позднего капитализма» удачнее всего описал апорию реификации в виртуальном пространстве: «Несмотря на то, что мы всё меньше и меньше сталкиваемся с самими вещами и всё больше и больше с их виртуальными флюидными сущностями, реификация сегодня сильнее, чем когда-либо до этого»[16].

Капитализм колонизирует «галактику Интернета». Присущее дигитальным поэтам оптимистическое восприятие *виртуального* как воплощения креативного коммунизма и долгожданного обещания творчества без ограничений и вне конвенциональных рамок обусловлено приспособленческой мутацией капитализма, его переходом в виртуальное измерение и, следовательно, закреплением реификации в качестве условия воспроизводства капитализма, его культурного кода на метафизическом[17] уровне.

---

12 F. Jameson: *Political Unconscious*, N.Y.: Cornell University Press 1982, 226.

13 К. Маркс и Ф. Энгельс: *Экономическо-философские рукописи 1844 года*. Т. 42, 100-125. Режим доступа: http://www.psylib.org.ua/books/marxk01/index.htm.

14 Д. Лукач: *Овеществление и сознание пролетариата*. 2011. Режим доступа: https://www.marxists.org/russkij/lukacs/1923/history_class/06.htm

15 T. Bewes: *Reification, Or, The Anxiety of Late Capitalism*, L.: Verso 2002, 40.

16 S. Žižek: Review *of "Reification: or the Anxiety of Late Capitalism" (by Timothy Bewes)*. 2002. Режим доступа: http://www.versobooks.com/books/659-reification

17 S. Lash: Capitalism and Metaphysics, in: *Theory, Culture & Society*, 24/5 (2007), 2.

Дигитальный текст: между экраном и «спектаклем» отчуждения

no help from help desk[18]
(англ. никакой помощи от службы помощи)
Марта МакКолоу, «Оказывается»

К чему поэты в скудные времена? Чтобы создать миф […],
который может служить экраном для его ужасов[19]
Славой Жижек, «Год невозможного»

Дигитальная поэзия, своего рода «шокотерапия» классического стихосложения, своим инструментарием напоминает дадаистские практики, о которых Вальтер Беньямин писал: «Чего они [*дадаисты*] достигали этими средствами, так это беспощадного уничтожение ауры творения, выжигая с помощью творческих методов на произведениях клеймо репродукции»[20]. Очевидно, что в силу своих медиальных особенностей дигитальный текст приводит в действие механизм неограниченной массовой репродукции. Иную судьбу текста в эпоху «виртуальной воспроизводимости» представить сложно, поэтому в фокусе анализа должна оставаться не только форма (хотя, как замечает Лукач, именно форма наиболее идеологична[21]), но и семантическое измерение поэтических текстов, не менее уязвимое для реификации, нежели средства производства текстов. Ниже будут рассмотрены шесть жанров дигитальной поэзии: вербальная (словесная), звуковая, (аудио-)визуальная, гипертекстуальная, кинетическая и поэзия «записывающего устройства». В процессе этой аналитической работы будет предпринята попытка установить, как симптомы позднего капитализма медиализируются и скрываются за поэтическим текстом.

Словесная поэзия: революция «между строк»

Ключевую проблему словесной поэзии, наиболее близкой к поэзии традиционной, можно обозначить как проблему субъекта и Другого. В большей степени она проявляется в объективизации и в мироощущении, симптоматичном метафизическому капитализму[22], в котором вещи становятся «живыми», а идентичность самого субъекта (или лирического объекта) конструируется в соответствии с логикой производства и потребления. Так, например, лирический субъект стихотворения «Не задавайте мне вопросов, я

---

18 M. Colough: *It turns out.* 2012. Режим доступа: http://movingpoems.com/2012/11/it-turns-out-by-martha-mccollough/

19 С. Жижек: *Год невозможного: Искусство мечтать опасно /* пер. Е. Савицкого, А. Ожеговой, А. Маркова. М.: Европа, 2012, 20-22.

20 В. Беньямин: *Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости* / пер. С. Ромашко, М.: Медиум 1996, 77.

21 Иглтон, указ. соч., 37.

22 Lash, op. cit., 22.

не буду вас обманывать» (*Ask me no questions I'll tell you no lies,* Sasha Fletcher) заключает: «Я бы хотел сказать, что большинство потребностей могут быть удовлетворены в продуктовом магазине // а все те потребности, которые не могут быть удовлетворены в продуктовом магазине // заберут и расстреляют»[23]. В другом стихотворении, «Городской телефонный столб» (*Urban Phone Pole,* Matt Sumpter), устанавливается дистанция между лирическим героем и чужой трагедией, потерей Другого – похороны жены дальнего родственника и объявление о пропавшей шесть месяцев назад девочке реифицируются. В первом случае лирический субъект говорит о «лице с семейных рождественских открыток»[24], то есть замещает человека образом, предметом. Во втором случае, помимо объявления о пропавшей девочке, лирический субъект также обращает внимание на объявление о сдаваемой квартире и флаер школьной группы металлистов, помещая трагедию в один ряд с повседневными практиками.

Подобное мироощущение лирических субъектов отражает то, что Гольдман обозначил как «трагическое видение»[25]. Автор объясняет его тем, что бог исчез из сферы повседневного, а его место заняла логика рациональной реальности. «Трагическое видение» лирических субъектов дигитальной поэзии – это опустошенность, граничащая с иррациональностью, отчуждение от себя и многообещающего Другого, который уже едва ли может стать «сокровенным богом», способным спасти индивида от реальности, застывшей в пугающей гримасе. Такое видение в дигитальной лирике можно определить тем, что Машре[26] обозначил как конфликт текста и идеологии: как болезненное, почти параноидальное умолчание, неартикулируемое желание, вытесняемое в бессознательное текста и доступное только посредством авторских «оговорок», «случайностей», «смысловых несостыковок».

С другой стороны, ряд текстов этого жанра можно назвать протестными, нарочито революционными: их авторы обнажают порожденные капиталистической системой проблемы неравенства и навязанной субъекту пассивности. Это позволяет говорить о таких текстах как об отдельном течении внутри дигитальной лирики – поэтизированной критике *status quo* позднего капитализма. Эфемерная поэтичность, ускользающий смысл и таинственный *jouissance* здесь сменяются линеарными и однозначными, а поэтому достаточно скучными призывами к борьбе и по-телевизионному документальной фиксацией проблем повседневности.

---

23 S. Fletcher: *Ask me no questions I'll tell you no lies.* 2014. Режим доступа: http://swarmlit.com/spring-2014/ask-me-no-questions-ill-tell-you-no-lies/.

24 M. Sumpter: *Urban Phone Pole.* 2014. Режим доступа: https://flyway.org/poetry/urban-phone-pole/in/2958/.

25 Л. Гольдман: *Сокровенный бог* / пер. В. Большаков, М.: Логос 2001, 22.

26 Иглтон, указ. соч., 49.

В этом смысле реификация поэзии приобретает неожиданное измерение – повседневно-политическое. Скажем, герой новой «Мечты» Мартина Лютера «Дорогая белая Америка» (*Dear White America*, Danez Smith) покидает Землю, устав от непрекращающейся травли афроамериканцев: издевательств, равнодушия, преступлений, страха «черной мысли»[27]. Схожий политический посыл присутствует в произведении «Страх мужчин» (*Fear of Men*, Susan Defreitas), лирическая субъект которого устала бояться мужчин, которые, в свою очередь, устали выполнять возложенную на них миссию «быть мужественными»[28]. Именно революционный пафос, присущий обоим стихотворениям, их социально-политическая ангажированность указывают на уязвимость к реификации: поэтическому предпочитается политическое (хоть и антикапиталистическое). Главный парадокс, однако, в том, что контрпозиция уже означает зависимость – и это объясняет неспособность авторов найти аполитический (остраненный) язык для передачи переживаний угнетенных.

Другим примером неудачной попытки выбраться из «темницы языка» может служить гипертекстуальная поэма «Карта будущей войны» (*Map of a Future War*, Angela Ferraiolo), в которой автор ставит перед собой цель воссоздать эмоциональный фон финансового кризиса 2008-го.

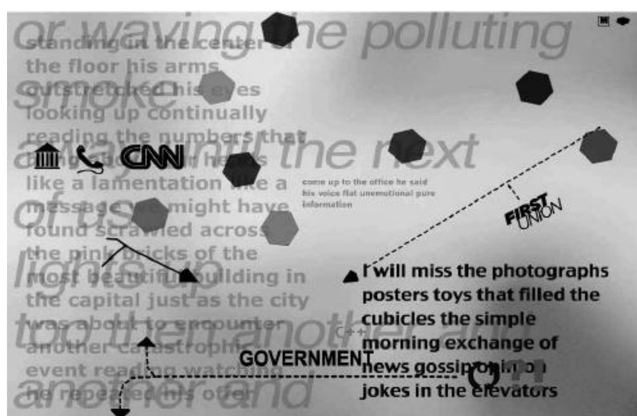

Рис.1. Анджела Ферраиоло, Карта будущей войны. 2008.
Режим доступа: http://elmcip.net/sites/default/files/media/work/images/map_future_war.jpg

Несмотря на полисемиотическую композицию поэмы, включающую в себя условно три плана (основной вербальный, визуальный и, наконец, интерактивный – читатель сам создает сюжетную линию из доступных «микроисторий»), авторский язык достаточно

27 D. Smith: *Dear White America*. 2014. Режим доступа: http://heartjournalonline.com/danez/2014/3/8/dear-white-america-by-danez-smith.

28 S. Defreitas: *Fear of Men*. 2013. Режим доступа: http://heartjournalonline.com/fear-of-men/.

миметичен. Ферраиоло использует повседневный дискурс, лишь время от времени инкорпорируя в него поэтические тропы, и это работает против изначальной идеи антинарративизации (отказа от «заданного нарратива» в пользу выбора, которого, безусловно, у людей, переживших кризис 2008-го, не было) и иррационального (альтернативе гиперрациональности финансистов) повествования. Таким образом, сама автор попадает в ловушку последовательного, почти линейного и эмоционально стерильного повествования – использует *готовый* код, предлагаемый той системой, против которой сама же и выступает.

Звуковая поэзия: (пустая) фонема смерти

Своеобразно проблему поэтического и политического решают поэты-«звуковики», работающие в парадигме социально ангажированных авангардистских практик.

Ядро звуковой дигитальной поэзии составляет то, что составитель *Anthology of Sound Poetry* (Антологии звуковой поэзии) Димитри Булатов называет «невозможностью языка»[29]. «Практика невозможного» (так называется сопровождающая коллекцию аудиальной поэзии записка) – это особая форма поэтического языка, языка, желающего смерти, ритуально нарушающего табу, постоянно устанавливающего и уничтожающего новые границы. «Человек интересен только массовой культуре. Поэзии интересна ее собственная смерть»[30], – заключает автор. Гиперреальная витальность массовой культуры противопоставляется différance звуковой поэзии, парадокс которой заключается в том, что, уничтожая себя, стирая очередную границу, она реинкарнируется, отсрочивая момент окончательной смерти. Однако такая интерпретация, скорее, выдает желаемое за действительное. С критической дистанции суицидальный характер звуковой поэзии предстает как то же самое трагическое видение – симптоматично десубъективизированное, но таящее тревогу.

В стихотворениях, вбирающих в себя специфику жанра, – например «По ту сторону ду-воп, или Как я понял, что Хэнк Уильямс – это авангард» (*Beyond Doo-Woop, or How I came to Realize That Hank Williams is Avant-garde*, Paul Dutton)[31] или «Нет, я Ричард Костеланетц» (*No, I'm Richard Kostelanetz*, Richard Kostelanetz)[32], – хаотическая компиляция изолированных звуков сменяется угнетающей, давящей пустотой. В результате рождается какофония, поразительно точно фиксирующая неопределенность субъекта и

[29] D. Bulatov: *The practice of impossible*. 2002. Режим доступа: http://www.kunstradio.at/RADIOTOPIA/project_details.php?nav=5|1&prid=9.

[30] Ibid.

[31] P. Dutton: *Beyond Doo Wop, or How I Came to Learn That Hank Williams Is Avant-Garde*. 2003. Режим доступа: http://www.kunstradio.at/PROJECTS/CURATED_BY/BULATOV/MP3/sonorus_1_06.m3u

[32] R. Kostelanetz: *No, I'm Richard Kostelanetz*. 2003. Режим доступа: http://www.kunstradio.at/2003A/06_04_03.html

пугающий зияющий разрыв между ним и окружающим миром. Содержание такой поэзии детерминировано процессом производства – конвейерного и машиноподобного. Фонемы ампутируются, вбрасываются в тишину, звучат в различных, порой макабрических вариациях, рассчитываются, делятся, распределяются в вакууме звукового пространства – словом, становятся объектами манипуляций поэтов, воплощая идею множественной реификации, повторения, отрицания смерти, парадоксально означающего не что иное, как ее триумф.

Визуальная поэзия: образы отчуждения

(Квази)критическое переосмысление языка как некоего «художественного протеза» становится объектом визуальной поэзии – язык здесь воспринимается как чужой, несовершенный и потому лживый, пугающе одномерный. Так, это восприятие представлено в произведении Эрнста «Текстоворот» (*Vortextique*, Ernst), в котором автор при помощи визуального языка демонтирует и деконструирует вербальный язык, изображая его в виде фантасмагорического водоворота, поглощающего смысл. Тем не менее нельзя не отметить весьма примитивное авторское исполнение: вся сложность онтологического несовершенства языка как посредника между человеком и миром редуцируется до комбинации четырех цветов и пары оттенков, нескольких десятков линий, точек и одного слова. Иными словами, сам автор становится жертвой языка – уже визуального, пестрых цветов и почти бессмысленных линий, гегемонии производства и потребления образов.

Рис. 2. Кэти Эрнст, Шейла Мёрфи: Текстоворот, 2008. Режим доступа: http://poetryfoundation.org/images/vispo_murphy.jpg

Визуальный поэтический дискурс симплифицируется и фрагментируется, семантическая пустота заполняется броскими и

привлекательными «картинками» и/или их репродукциями, уникальный смысл вытесняется серийностью, граничащей с абсурдом. Визуальное словно надстраивается над товарным фетишизмом, а коммодификация и реификация обретают новое измерение – реализуются через потребление образов, что заметно в безобидном на первый взгляд произведении Густава Морана «Комиксный мотив» (*Toon tune*, Gustave Morin):

Рис. 3. Густав Моран. Комиксный мотив, 2008. Режим доступа: http://poetryfoundation.org/images/vispo_morin.jpg

Рис. 4. Йорг Пирингер. Падшие, 2008. Режим доступа: http://poetryfoundation.org/images/vispo_piringer.jpg

Важно обратить внимание на текст в облаках диалогов комикса – если воспроизвести его как симфонию, звучащую в тексте, то получится нечто, напоминающее какофонию лирических субъектов звуковой поэзии («oosh», «aargh», «noo» – все ономатопические элементы так или иначе означают отрицательные ощущения

или эмоции). Однако негативное, трагическое предстает в игривых цветах и становится чем-то вроде оптической иллюзии. Пустоту, на месте которой была граница, разделявшая индивида и кошмар отчуждения, заполняют облака диалогов с псевдозабавным текстом. Так, между субъектом и языком, Другим (имплицитно присутствующим в обоих произведениях) образуется разрыв, медиализируемый визуальным.

Сюда же можно отнести стихотворение с говорящим названием «Падшие» (*Fallen*, Jörg Piringer), в котором напряжение между пустотой и нагромождением букв передает идею несостоятельности коммунистической революции – и, по всей видимости, знаменует очередную победу капитализма.

Аудиовизуальная поэзия в вакууме опредмеченной повседневности

В отличие от поэзии визуальной, аудиовизуальная (видео-) поэзия может трансгрессировать за пределы оппозиции «текст-изображение» и органично совмещать в себе вербальное, визуальное и аудиальное. Так, идею синтеза различий в видеопоэзии раскрывает российский исследователь литературы Александр Житенев: «У видеопоэзии есть по крайней мере три неоспоримых преимущества: она соединяет все более и более расходящиеся сферы культуры (книжно-словесную и массмедийную), сплавляет качественно разные типы сенситивности (на языке маклюэновской «медиааналитики» – аудиотактильный и визуальный), стремится соединить конфликтно противопоставленные стороны восприятия (удовольствие и познание)»[33].

Возможно, именно транзитивность, синтетичность видеопоэзии делает ее наиболее «откровенным» поджанром дигитальной поэзии. Примечательно, что лирические субъекты видеостихотворений хоть и недостаточно критично, однако рефлексируют по поводу собственных отчужденности и тревоги. В качестве примера приведем видеоряд «Профиль» (*Profile*, R. W. Perkins), в котором прослеживается конфликт между внутренним и внешним, между лирическим субъектом и окружающей его реальностью. Жизнь в капиталистической системе абсурдна в своей монотонии и пошлости, что диктует состояние жителя мегаполиса – фигуры, встречающейся почти в каждом видеостихотворении. Человек в большом городе – лирический субъект «Профиля» – переживает экзистенциальный кризис: «Я думаю о неизбежном конце собственной жизни и как сэкономить 20 центов на новом йогурте, который, я знаю, мне не понравится». Сталкивается с тотальным отчуждением: «Я существую как одинокое существо, жаждущее обще-

[33] А. Житенев: Современная литература в контексте медиа: феномен видеопоэзии // *Транслит*, 9 (2012) [онлайн]. Режим доступа: http://www.trans-lit.info/materialy/9-vypuski/aleksandr-zhitenev-sovremennaya-literatura-v-kontekste-madia-fenomen-videopoezii.

ства других и неприятностей у них же». Однако вместо борьбы он выбирает эскапизм: «Иногда я не уверен, вращается ли все еще мир за пределами моей ванной». Предпочитает позицию наблюдателя и пассивную контемпляцию: («Самолет над моей головой полон "важными шишками", но я никак не могу перестать думать: "Могут ли они меня видеть?"»[34].

Схожим образом капиталистическое пространство – дистопичное, пугающее своей серийностью, параноидным повторением, замкнутой цикличностью, из которой субъект не способен выбраться, – предстает в видеостихотворении «Когда ты приземлишься в Новом Орлеане» (*When you land in New Orleans*, Ben Pelhan). Обрывистые, ускоряющиеся и замедляющиеся, фиксирующие жизнь города с самых неожиданных ракурсов кадры предстают как уродливые лики капитализма, вызывающее у лирического субъекта страх и нервное беспокойство. История «одной тени в Новом Орлеане»[35], таким образом, становится документацией блазированности и атрофии субъекта, вызванных гипертрофией большого города[36].

Все, что лирический субъект не в состоянии артикулировать, а порой – опознать и осознать, передается серией изображений. Это способствует паллиативному, но не фактическому разрешению конфликта текста и идеологии, субъекта и системы. Так, озвученные мысли лирического субъекта «Оказывается» (*It turns out*, Martha McColloguh) переплетаются с кадрами подобного лабиринту города, сценами побега от волков, пугающими черными пятнами – визуальными тропами катастрофической неизбежности. Единственный выход – «прыгнуть и увидеть себя в прошлом»[37], удостовериться в собственном существовании и в то же время сбежать от своего одиночества, потому что в будущем «нарастает тишина»[38] – неслучайно стихотворение заканчивается тишиной, изредка нарушаемой удаляющимся свистом ветра.

Записывающее устройство: эстетика дигитального мусора

Наконец, проблема субъекта и автора достигает наивысшего напряжения в поджанре «записывающего устройства». Концепт был предложен Абраамом Моулзом для обозначения использования машины для создания текстов со смыслом[39]. «Google генератор поэзии» –один из наиболее ярких и симптоматичных примеров этого

---

34 R. Perkis: *Profile*. 2012. Режим доступа: http://movingpoems.com/?post_type=post&p=4367.

35 B. Pelhan: *When you land in New Orleans*. 2012. Режим доступа: http://movingpoems.com/?post_type=post&p=4803.

36 Г. Зиммель: Большие города и духовная жизнь // *Логос*, 4 (2002). Режим доступа: http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zim.html.

37 McColough, op. cit.

38 Ibid.

39 A. Moles : Art et ordinateur, in: *Communication et langes*, 7 (1970), 24.

направления. Поистине безграничные информационные ресурсы поисковой системы Google – своего рода антидот от творческого кризиса, а вдохновение становится рудиментарной категорией, нерелевантной в реалиях новых медиа.

Поэт и исследователь Кеннет Голдсмит в книге с метким названием «Некреативное письмо» описывает эту ситуацию следующим образом: «В то время как традиционные представления о письме в основном сфокусированы на "оригинальности" и "креативности", дигитальная среда способствует развитию нового набора навыков, включающих в себя „манипуляцию" и „управление" уже существующими и постоянно растущими массами языка»[40]., Крис Фанкхаузер, описывает процедуру создания стихотворения при помощи поисковика как «клиническую», имея в виду эмоциональную стерильность, которую, обращаясь к марксистской теории, можно было бы определить как отчужденность[41].

Семантический универсум гуглизма угнетающе герметичен: забавные словесные сочетания образуются за счет смысловой контоминации двух полей, одно из которых можно условно обозначить как «высокое», второе, соответственно, как «низкое» (в лучших традициях карнавала по Бахтину). В Googlepoetics, огромном архиве, хранящем стихотворения созданные в Сети посредством гуглизма, каждое произведение подчиняется описанной выше схеме: «я всегда буду одинок/а // я всегда буду любить тебя // я всегда хочу в туалет» или «как обратиться в иудаизм // как обратиться в католицизм // как обратиться в ислам // как конвертировать[42] в pdf».

В гуглизме мотивы отрицания любви и одиночества чередуются со строчками из популярной песни Бритни Спирс «I'm not a girl, not yet a woman», а желания любви – с желанием еды.

Рис. 5. Без автора. I'm always going to..., 2015.
Режим доступа: http://www.googlepoetics.com

Техника гуглизма и «записывающего устройства», превращающая поэта в «программиста», рядового пользователя с минимальным творческим потенциалом, но не без способности к рекомбинации контента, повторяет логику механического производства и практически нерефлексируемого потребления.

О другом поджанре «записывающего устройства» – спампоэзии – Энрике Шмидт пишет, что цель достигается посредством использования *ready made* или *objet trouvé* – спама, определение которого, согласно исследовательнице, балансирует между «меди-

---

40 K Goldsmith: *Uncreative Writing: Managing Language in the Digital Age. Ch. Revenge of the Text*, N. Y.: Columbia University Press, 2011, 15.

41 C. T. Funkhouser: *New Directions in Digital Poetry*, L.: Continuum International Publising Group 2012, 131.

42 Convert (англ.) – глагол, который может означать как «обращаться в другую веру», так и «конвертировать, превращать».

альным мусором» и «поэтической музой». Фактически это – поэтическая муза, заваленная медиальным мусором. По словам спам-поэтов, суть их поэзии заключается не в комическом эффекте: важен «акт защиты, обезвреживания медиальной агрессивности посредством ее эстетизации»[43]. Эстетизация спама как отходов капиталистической системы производства (новостных рассылок, нежелательной рекламы, спама[44]) неизбежно приводит к конформизму: за перформативным актом кроется бессознательное осознание собственного бессилия.

You can look trendy as a real dandy.
Your watch will understand you,
Better than anyone!

Рис. 6. Без автора. Even More Cryptics and Beautiful Poetry from Spam Emails, 2010. Режим доступа: http://nkelber.com/engl278w/wp-content/uploads/2011/12/code-3.jpg

Кинетическая поэзия: осязаемость буквы

Все та же коммодификация, неизбежно присутствующая во всех поджанрах, приводит в движение букву кинетической поэзии: язык объективизируется и используется для создания визуально захватывающего, но семантически пустого, «поверхностного спектакля»[45]. Сама задумка «вырвать» букву из языка, опредметить её, наделить пространственностью симптоматична. Лакан отметил, что буква – это ядро различий, единица любого из возможных бессознательных (языкового, личного, социального). В таком теоретическом ракурсе буква предстаёт как “point de capiton[46]“ – точка крепления формы и субстанции (смысла), преодолев которую, первоначальная пара распадается, и начинается игра означающих.

HEARTHEARTHEART
HEARTHEARTHEART
HEARTHEARTHEART
HEARTHEARTHEART

Рис. 7. Хью Брайден. Сердце, 2008. Режим доступа: http://texthouse.typepad.com/dgaakineticpoetry/files/heart_15.swf

43 Э. Шмидт: Поэзия: модули и векторы. Спам как аллегория медиального мусора и поэтической музы // *Топос*, 2013. Режим доступа: http://www.topos.ru/article/4817.

44 Мошенничество с целью выманивания денег.

45 Э. Шмидт, указ. соч.

46 Лакан. *Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда*. М.: Логос, 1997.

Однако в кинетической поэзии эта игра различий не психоаналитична и не рефлексивна, а пугающе банальна и тавтологична. Так, в стихотворении «Сердце» (Heart) Хью Брайден анимирует H, E, A, R, T. Сначала перед зрителем предстаёт пульсирующее кроваво-красное слово, затем то же самое происходит в комбинации упомянутых букв, после чего в них подсвечиваются фразы «Услышь землю», «Услышь творчество». В итоге буквы падают в виртуальную пропасть – зрителя провожает слово HEART, принявшее форму сердца. Кинетическая изящность буквы?

Возвращает ли дигитальное к словесным истокам, открывает ли хаотичную красоту мельчайших частиц? Отнюдь. Чувственной экономии поэтического противопоставляется брутальность материального. Избитая метафора сердца, собирающегося из букв, интересна разве что как наслоение социального на (псевдо)поэтическое – вульгарная попытка схватить, пощупать, попробовать – словом, использовать и выбросить – эфемерное.

От формы к социальному симптому и обратно: реквием по дигитальному?

Проблема позднего капитализма
заключается не в самом желании,
но в том, что желание не циркулирует
достаточно свободно[47]*.*
Терри Иглтон

Прежде, чем начать движение от текста к структуре, вспомним один из постулатов психоаналитической теории: субъект – это всегда желания субъекта. Именно поэтому сам факт желания не может отсылать к извратившим сознание субъекта формам потребления. Скорее, связь между потреблением и желанием наиболее явно прослеживается в том, как структурируется желание.

К слову, о свободе. Как бы имманентно присущая Интернету свобода это – всего лишь одна из галлюцинаторно привлекательных иллюзий позднего капитализма, один из его призрачных оплотов.Само рассмотрение Интернета как «структуры свободы» таит в себе реификацию. Реификация закодирована уже на уровне дискурсивной практики – способов производства и интерпретации текста, – которая, согласно дискурс-аналитику Норману Фэркло, вписана в существующую социальную практику и является опосредующим элементом между дискурсом и социальным[48].

(Уже) виртуальный капитализм функционирует в категориях, описанных Лэшем: вещь освобождается от своей материальной формы и становится брендом, вещью с именем и историей. Вирту-

---

[47] T. Eagleton: Capitalism, Modernism and Postmodernism, in: *New Left Review*, 1/152 (1985), 69.
[48] N. Fairclough: *Language and Power*, L.: Longman Group UK Limited 1989. 25-27.

альный капитализм – это постуиндустриальная фабрика идентичностей, производящая конструктивное, даже мутагенное различие, которое делает возможным жанровую демаркацию поэзии как особого вида дискурса. Норман Фэркло описывает жанр как различные способы (взаимо)действия в семиотической[49] перспективе[50].

Различие является квинтэссенцией жанра дигитальной поэзии: интернет-демиурги отказываются от механической и ограничивающей рифмы и вырываются из клетки формы – место рифмы и формы занимает игра: структур, смыслов, поверхностей и глубин текста – иными словами, процессуальный семиозис. Казалось бы, дигитальные поэты возвращаются к русскому формализму и, используя описанное Шкловским остранение[51], уничтожают заржавевшие фреймы восприятия, открывая перед читателем / зрителем / слушателем / пользователем бескрайнее поле неопределенных смыслов, где пользователь обязан получить интеллектуально-эстетический *jouissance* или, по крайней мере, развлечься.

Однако за вычурностью формы, за змеящимися гипертекстами, за серией кадров, за рассыпающимися и вновь собирающимися буквами, за паранойей опосредованных экраном перформативных актов скрывается, с одной стороны, вульгарная повседневность, с другой – заброшенность и тревога. Остранение здесь не становится «прибавочной стоимостью» поэтического текста, так как поэт превращается из лирика в техника. Эстетика дигитальной поэзии не столько связана с семантическим, художественным остранением, сколько с программированием, кодированием, дигитальными манипуляциями: от самых простых (рекомбинация спам-сообщений или поисковых запросов) до сложных лабиринтоподобных мультимедийных платформ. «Материал не застывает в метафизическом капитализме: он процессуален»[52], так же процессуально и произведение дигитальной поэзии, в постоянной перестройке значений и актуализации различий обретающее подобие новой эфемерной форме товара.

Процессуальность производства поэтического текста достигается не только посредством бесконечной рециркуляции в виртуальном пространстве, но и посредством репродукции, серийности, конвейерности. Сложный, на первый взгляд, инновационный синтаксис дигитального произведения обусловлен фетишистским по-

---

49 Семиозис в теории Фэркло тождественен производству смысла; автор выделяет три типа семиозиса: как часть социальной практики, как репрезентацию и как конституирование идентичностей.

50 N. Fairclough: Critical discourse analysis, in: *International Advances in Engineering and Technology (IAET)*, 7 (2012). Режим доступа: http://scholarism.net/FullText/2012071.pdf.

51 В. Шкловский: Искусство как прием // В. Шкловский: *О теории прозы*. М.: Респубика, 1929, 7-24. Режим доступа: https://monoskop.org/images/7/75/Shklovsky_Viktor_O_teorii_prozy_1929.pdf.

52 Lash, op. cit., 12.

вторением, и границы предложенной Умберто Эко оппозиции[53] в кибернетическом дисэквилибриме просто расплываются: инновация трансформируется в *повторение*. Поэтически, при помощи описанных выше техник, авторы создают дигитальные квазиутопии: с одной стороны, уничтожая разницу между аутентичностью и шаблоном (как бы переосмысливая квантифицируемость и гомогенность капиталистической реальности), с другой – поддерживая веру в «обман масс», в зрелищном и(ли) захватывающем эксперименте воспроизводя бесконечный цикл желания потребления.

В метафизическом капитализме единица, монада, ген приспосабливаются к окружающей среде и с течением времени приобретают присущие ей свойства – иными словами, среда структурирует свои частицы[54]. Пространство Интернета как атопическое, структурно и семантически гетерогенное, открытое пространство нестабильности и постоянной реструктурации различия – интердискурсивно, то есть включает в себя смешение элементов различных дискурсов. Таким образом, само интернет-пространство детерминирует внутреннюю логику поэтических текстов: статичные тексты превращаются в схожие с лентой Мебиуса гипертексты, видеопоэзия становится клиповой и завлекающей, как популярные ролики в YouTube, буквы оживают в флэш-проигрывателе – традиционная лирика превращается в интерактивное и инновативное действо, в котором переживание и медитативная рефлексия становятся лишними. Новые способы прочтения текстов требуют качественно *иной вовлеченности*: текст не чувствуется, но потребляется визуально, интерактивно, эмоционально. А поэзия превращается в продукт массовой (дигитальной) культуры.

С другой стороны, происходит очевидная симплификация и даже вульгаризация лирического дискурса. Он становится миметичным, почти документальным, в мельчайших деталях воспроизводящим потребительские практики (поход в магазин, просмотр рекламы, развлечения, потребление пищи или медиаконтента). Крайняя стадия этого процесса – реификация самого поэтического медиума: поэзия складывается из обрывков комиксов, становится звуком дрожащего кабеля, предстает в виде программного окна, «находится» в поисковой системе. Мысли и переживания лирического субъекта вытесняются и смещаются на вещи, а вещи, в свою очередь, будоражат воображение поэта, сильнее чувств.

Все формальные характеристики дигитальной поэзии отсылают к узловому понятию марксистской теории – отчуждению. Джеймисон пишет, что «анализ идеологии формы, надлежащим образом проведенный до конца, призван показать формальную устойчивость (...) архаических структур отчуждения – и им присущих знаковых систем, – скрытых под покровом всех позднейших, исто-

---

[53] См.: У. Эко. Инновация и повторение. Между эстетикой модерна и постмодерна // *Философия эпохи постмодернизма* / под ред. А. Усмановой, Минск: «Красико-принт», 1996. 48-73.

[54] Lash, op. cit., 13.

рически самобытных типов отчуждения, таких как политическое господство и товарное опредмечивание, превратившихся в доминанты позднего капитализма, этой сложнейшей из всех культурных революций, где все предыдущие способы производства продолжаются так или иначе структурно»[55]. Критическое осмысление Интернета как описанного Лэшом дисэквилибриума, пространства нестабильности, рециркуляции гипертрофического различия и вызванной этим блазированности пользователя, фантомного, пустого удовольствия, с одной стороны, и структурированного желания желать – с другой, позволяет установить связь между Интернетом и тревогой, которая, согласно Бьюэсу, в современном капитализме порождается реификацией. Тревога лирического субъекта прослеживается как на формальном, так и на семантическом уровне, которые, согласно Джеймисону, неразрывно связаны и даже тождественны[56]. Серийность здесь сопряжена с шизоидностью, визуальная объективизация – со страхом и экзистенциальной потерей Другого, пространственность и множественность – с квантификацией и смещенным желанием изобилия, абсурдность и гротеск – с дистопией капиталистической реальности. Даже использование возможностей Интернета для творческой артикуляции политических манифестаций приводит к сращиванию с метадискурсом системы, что уничтожает художественную ценность произведения.

Значит ли это, что дигитальная поэзия обречена остаться метафизической утопией позднего капитализма, компенсирующей уродства капиталистической системы ее же поэтизированными техниками, или паллиативной практикой, анестезирующей отчуждение субъекта? Автор считает, что дигитальной поэзии еще рано капитулировать, ведь в ней таится мощный художественный и политический потенциал.

Логичным переходом от техники к этике можно считать слова Джеймисона: «Казалось бы, единственным аутентичным культурным производством сегодня является то, что может привлечь коллективный опыт маргинальных очагов общества в мире»[57]. Замечание философа может быть дополнено: искусство меньшинств может быть оппозиционным доминирующим культурным формам еще и потому, что рождается из качественно иного опыта, следовательно, может стать началом глобального диалога и сформировать качественно иное, альтернативное, не-реифицированное мироощущение.

В дигитальной среде поэтический плюрализм (и даже коллективное творчество) может вернуть утраченные человеческие связи с Другим, так как сама фигура Другого приобретает новое каче-

---

[55] Ф. Джеймисон: «Об интерпретации: литература как социально-символический акт» // *Марксизм и интерпретация культуры*, Москва-Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014, 64.

[56] Там же, 62.

[57] F. Jameson: Reification and Utopia in Mass Culture, in: *Social Text*, 1 (1979), 140.

ство. Другой уже не предстает отчужденным и пугающе непознаваемым, но, напротив, становится носителем по-революционному нового смысла – как поэтического, так и онтологического. Для того чтобы реализовать свою миссию, поэзия не обязана находиться в контрапозиции к угнетателю-капитализму. Напротив, подлинная ценность поэзии заключена в ее аполитичности, монументальной недвижимости. Вопрос лишь в том, насколько такое о(т)странение возможно.

ИНТЕРНЕТ-АНИМАЦИЯ: СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЛОГИКА НОВОГО ФОРМАТА

Александр Танана[1]

Abstract

The article is dealing with the analysis of interrelation between cultural and technological scenes and the structure of modern economic and informational fields, and more concretely, it focuses on the exploration of the phenomenon of internet animation

Text includes comparative analysis of studio and internet animation, including technical and viewing specifics, genres, inner structure and influence of new media web processes on economic and informational fields through memes.

Using the method of homology the author identifies the connections between the logics of late capitalism and the tendencies in the development of new media. As an insider of the field, the author seeks to connect technical, narrative and visual changes in animation with the changes of Internet culture, including modern advertisement, brands and memes. Memes receive their new commercial definition of split brands. This thesis describes current processes that require new terminology and maybe even new research methodology.

Keywords: Internet-animation, studio animation, new media, late capitalism, social logic, meme, brand.

Интернет-анимация возникла всего пятнадцать – двадцать лет назад, но уже оказала серьезное влияние на современную анимацию - и изменила логику её создания. Сегодня интернет-анимация воспринимается и оценивается пользователями Интернета, критиками и даже самими аниматорами как нечто, сформировавшееся на основе студийной анимации и продолжающее «ее традиции». Мы уверены, что это не совсем так. Но для обоснования этого тезиса необходимо рассмотреть явление в контексте общего развития медийной сферы. Профессия сетевого аниматора дает мне дополнительные возможности для решения этой задачи.

Интернет-анимация как медиум

Интернет-анимация – это синтез блогов и мемов, объединенных на основе принципов студийной анимации и

[1] Сведения об авторе – Александр Танана, бакалавр дизайна, магистр социологии, дизайнер, мультипликатор, лектор, консультант (Вильнюс, Рига, Стамбул, Минск, Киев).

компьютерных игр. Анимация, которую можно было увидеть на экранах кинотеатров и телевизоров, принципиально отличается от расщепленного медиапродукта, доступного для просмотра на экранах айфонов и плазменных панелях на площадях или в транспорте. Раньше создание мультфильма было процессом студийным, в чем-то мистическим и тайным, над проектом работала большая группа профессионалов, зависящая от финансирования и идеологического заказа. Интернет-анимация, свободная от студийных рамок, изначально базировавшаяся на текстовой меметике, технических ограничениях медленного интернет-соединения и возможностях первых графических редакторов, лишь много позже начала «сверяться» с традицией студийной анимации. Ее делали любители, равноудаленные как от критиков, так и от профессионалов в прежнем понимании профессии (режиссеров анимационного кино). Само создание интернет-мультфильмов снималось на камеру и сопровождалось закадровым голосом. Неудивительно, что эти записи дали начало новому медиа жанру.

Интернет-анимация – это новая форма virtual personality. Подобно виртуальной личности в блогах, она позволяет высказать и проработать содержания опыта, не соответствующие социальному, возрастному или семейному статусу пользователя[2]. Появились интерактивные ролики, иллюстрирующие страшную кару для босса, бурную rave-вечеринку и иной опыт, студийная экранизация которого еще совсем недавно была немыслима. Так прощупывалась аудитория, вычленялась незанятая медийная ниша. И, разумеется, индивидуализм, столь свойственный капитализму, под влиянием общедоступных технических новшеств получил новое рождение в сетевой анимации, заменив собой коллективизм анимации студийной.

Понять причины этих изменений невозможно, не поняв технические особенности создания нового продукта, такие как переход от растровой графики к векторной и смена четко ограниченных целостных кадров множеством отдельных кинематических моделей, попадающих в кадр.

Векторная графика и формат Flash ограничили длительность мультфильма коротким метром 1-10 минут за счет контейнера формата .swf. Из-за того, что кадры не состоят из пикселей, как растровое изображение, имеющее достаточно строгие рамки, размер конечного файла в мегабайтах зависит от сложности фигур, использованных в анимации.

---

2 Е. Горный: Виртуальная личность как жанр творчества // *Control + Shift. Публичное и личное в русском Интернете* / под ред. Н. Конрадовой, К.Тойбинер, Э. Шмидт. М.: Директ-Медиа, 2009, 241.

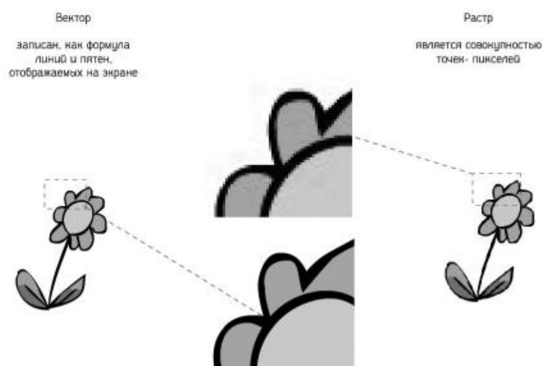

Рис. 1. Отличия векторной графики от растровой. Рисунок автора

Создатель первых Easy-Toon-анимаций был сродни художнику, рисующему движущиеся миниатюры. Чтобы быть понятной и легко считываться при размере изображения 100 на 100 точек[3], композиция должна стать выразительной. Отсюда – тенденция к плакатной простоте изображения и короткому сюжету. Межкадровая пустота, *gap*, исчезает потому, что у нас больше нет двух иллюстративно завершенных и целостных кадров. Их заменяет компьютерная перекладка, состоящая из бесчисленного множества кинематических *ragdoll* – моделей и совокупностей частиц, чье движение мы можем замедлять до любого мыслимого предела, удлиняя таким образом созерцание (историзацию) одной и той же сцены. Это – очередная стадия развития *зэппинга*[4] и удовлетворения монтажного голода.

Рис. 2. Раскадровка анимации Cheerleader. 13 x 18 приkселей. Автор CookieMagic. 2009 г. Режим доступа: http://cookiemagik.deviantart.com/art/Cheerleader-120007059

Возможно, сетевая анимация и есть тот ген «аудиовизуальной окружающей среды, с которой мы непрестанно и автоматически взаимодействуем»[5]. Студийная анимация не была «повседневной» или «сопровождающей», она была Премьерой, или Передачей на телевидении, с большой буквы. Сегодня у каждого сайта есть масса баннеров разной степени интерактивности, с помощью которых рекламируют тот или иной продукт, идею или событие. На улицах, в

[3] Это не просто меньше кино- или телеэкрана, это меньше спичечного коробка, что налагает свои стилистические ограничения.
[4] Переключение каналов телевизора на дистанционном пульте.
[5] М. Кастельс: *Информационная эпоха* / пер. под ред. О. Шкаратана. М.: Гос. ун-т. Высш. шк. Экономики, 2000, 44.

общественном транспорте и магазинах появились большие экраны, образующие целостную аудиовизуальную среду в полном смысле этого слова.

Особенности просмотра интернет-анимации

Свидетельства инаковости интернет-анимации – расщепление целостности персонажа или предмета; бесконечное повторение наиболее выразительного момента; вытеснение любого нарратива визуальным; тенденцию к фрагментации любого образа, отображающегося в медийной среде.

Задача визуального ряда теперь заключается не в том, чтобы донести некий message, но *заворожить* зрителя самой динамикой трансформации визуальной формы. Если в театре ружье на стене должно было рано или поздно выстрелить, то в сетевой анимации оно, скорее всего, просто маркер перемещения камеры, который помогает поместить зрителя в воображаемый лабиринт. Для понимания аналогии достаточно вспомнить эффект вертиго у Хичкока[6], где совершенно не важны фрагменты удаляющегося фона, но важен совокупный кинематический *эффект головокружения*, который они производят.

Нечто сходное происходит и с действующими лицами, которые лишаются своей внятной истории, мотивов и смыслов, превращаясь в векторы чистого пульсирующего свершения. Ярчайший пример сетевой анимации - cyriak, жанры stickfigure fighting («бои человечков») и madness combat[7].

Рис. 3. Стикфайт «Acetrip». Автор Ace0fredspades. 2010 г.
Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=6YpEKFuRzvE

6 О некоторых особенностях этого эффекта см.: А. Горных: Хичкок-литератор. Кинематографичность ужаса как проблема модернизма // *Топос*, 3 (2000), 96–110.

7 На протяжении всего экранного времени происходит поединок упрощенно нарисованных персонажей, не связанных сюжетом, диалогами, декорациями.

Изменения медиа формата затронули три фундаментальных аспекта мультипликации. Первый из них – *прорисовка*, отходящая от канонов статичного, иллюстративного, законченного изображения к текучей тотальной анимации. Движение здесь состоит не из серии цельных кадров-картинок, между которыми – пустота, но из пятен, линий, tween-моделей[8] и частиц разной степени крупности, позволивших подчинить и разуплотнить само экранное время, растягивая несколько красочных секунд на минуты и часы рассматривания со всех возможных ракурсов и на всех возможных скоростях.

Второй – это *персонаж*, который в старой анимации был живее всех живых, обладая завершенностью образа в той степени, в какой этого требовали пришедшие в аниматограф из книг и кино законы построения персонажа. На первой стадии мутации студийного продукта в сетевой мы видим расщепление визуального образа и фрагментацию отдельных частей характера или идентичности в рамках внутренней логики истории. На последней (stickfight, madness combat, bunnykill, ninja in action[9]) персонаж стал безмолвной и бесполой функцией, постоянно преломляющей, модифицирующей и мультиплицирующей себя.

Третий – это *сюжет* и нарративная структура, вытесненные визуальным из поля внимания зрителя. Стройная и внятная линия повествования сперва была разрезана на множество узких ленточек – логических связей рассказа-клипа. После перемололись в пыль и эти ленточки повествования, оставив равномерную субстанцию неразбавленного, кинематически выверенного, переключающегося, сообразно своему сновиденному складу, внимания.

Эти черты интернет-анимации можно обнаружить в современных коммерческих медиа. Стиральный порошок или напиток в рекламе так же, как и герои сетевой анимации, существуют в концептуальной пустоте, которую заполняют исключительно собой – начиная сюжетом и заканчивая фоном. Для зрителя очевидно, что Fanta не может носиться по оранжевым пузырящимся волнам в мире людей, это невозможно физически для неодушевленной бутылки, даже если в ней кислотно-оранжевая жидкость. Выходит, этот мир создается в логике раннего вайшнавизма или чань-буддизма, утверждающих, что окружающая действительность кому-то снится, а мир находится внутри этого сна. Рекламу можно условно назвать заснятым на видео «сном» бренда, где мы видим фантазию неодушевленного синтетического предмета, существующего в своем собственном плане бытия и подчиняющегося не тому, что мы называем логикой здравого смысла, но логике brand essence конкретной марки товара, описанной в столь же конкретной brand book.

---

8 Любой движущийся в кадре объект в компьютерной перекладочной мультипликации.

9 Наиболее популярные примеры максимально динамичных поединков с полным упрощением персонажей и их истории.

Взглянем через эту призму на механику современной экономики. Эстетика первого и второго духа капитализма[10] хорошо описана и уже не столь хорошо воздействует на среднего потребителя[11]. Коль скоро «искусство и развлечение за деньги» больше не котируются, начинается продвижение бесплатного искусства и развлечений в режиме онлайн. У капитализма неплохо получается развиваться через антирекламу самого себя[12] и торговать антикапиталистическими идеями, лозунгами и флагами. Раз антиреклама работает лучше, чем реклама, почему бы не воспользоваться новыми «не-деньгами», имеющими в своей основе потраченное время и внимание?

Сегодня мы можем говорить о новой ставочной экономике просмотров, где мерилом успеха того или иного товара или бренда становятся уже не реальные проектные затраты или кассовые сборы, но виртуальное число посетителей, единожды попавших на страницу с контентом или постоянно там находящихся. За счет осмысления и критики «духа капитализма» прежней генерации многие его логики утратили силу и потребовали замены. Лучше всего сегодня «продается» совершенно бесплатный медийный проект.

Расщепляющее влияние новых медиа на специфику брендов

Бренды расщепляются на мемы. Это утверждение может показаться по меньшей мере странным, но бренды, как мы их знаем, перестают существовать. Бренд подразумевает целостную политику торговой марки, логотип и цвета, а частый ребрендинг, скорее, портит репутацию компании, чем улучшает ее. Бренд крайне уязвим для антирекламы как со стороны других торговых марок, так и со стороны интернет-публики. Достаточно вспомнить антирекламу McDonalds или противостояние PC/Mac, которые сами стали мемами, породившими целые ветки фан-арта. В сетевой среде бренды сменяются мемами.

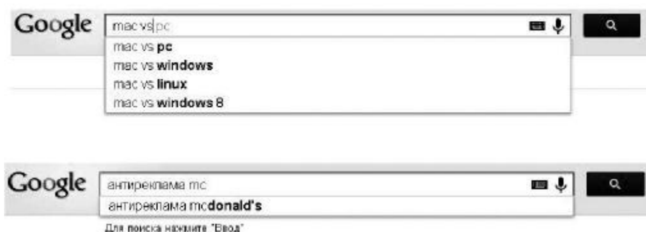

Рис. 4. Расщепление брендов за счет превращения в теги автозаполнения Google. Скриншот автора

---

10 Эстетика, обеспеченная производственными мощностями, а затем непосредственным наличием финансового ресурса.

11 Л. Болтански, Э. Кьяпелло, *Новый дух капитализма* / пер. под ред. С. Фокина. М.: НЛО, 2011, 30.

12 Там же, 36.

Мем, в отличие от бренда, изначально не обладает коммерческой привязкой или направленностью, а в некоторых случаях напротив – имеет яркое антикоммерческое выражение. Мем актуализирует страсть к коллекционированию – ту же ностальгию по полноте, что пробуждают редкие серии марок или нескончаемое записывание фильмов с ТВ на видеокассеты[13], однако делает это на сверхскоростях, обеспеченных Интернетом, ловко сменяя формы потребления для того, чтобы непременно сохранялось чувство свежести и новизны.

Бренды требовали огромных затрат на рекламу и принуждение к посещению торгового центра. Мем – куда более совершенная формация, которая сама приходит к нам в дом, как солнце или паразиты. Он подпитывает фанарты, его воспроизводящие, и со стороны производства, и со стороны потребления, двигая, тем самым, новую экономику. Только моделью здесь будет первомем (или наиболее популярный из их pre-viral соцветия), а серией – бесчисленные подражания. С тем лишь отличием, что «долг», отделяющий нас от Вещи, здесь будет не символическим, заключающимся в конкретных цифрах суммы, которую мы должны выплатить, чтобы взятое в кредит стало всецело нашим, но воображаемым, невыразимым, исчерпать который невозможно, так как серийная копия не может и не должна стать Моделью.

Если рассмотреть экономический процесс в целом, нетрудно заметить, что по тому же ставочно-мемовому принципу работают созданные в сети финансовые пирамиды и индивидуальные инвестиционные компании. Только здесь срабатывает рефлекс коллекционирования денег. Пользователь оценивает их рекламу или читает истории успешных вкладчиков (та же реклама, только с акцентом на нарративе), после чего он буквально делает ставку, вкладывая свои деньги. Инвестирование в сети превратилось в тотализатор. Вариант развития событий, на который делается ставка, – компания или пирамида продолжит существовать и сможет обеспечить пользователю более крупные выплаты. Ответная ставка владельцев компаний зависит от того, какая из пирамид соберет объем вкладов, достаточный для того, чтобы компанию можно было закрыть под тем или иным предлогом.

Мемы воспроизводят ту же самую модель, только в отношении не к явному денежному капиталу (ведь продавать бесплатный товар сегодня гораздо выгоднее), но к ставочному капиталу просмотров, который благодаря конкретным механизмам рекламы, слегка различающимся на разных ресурсах, позволяет преобразовывать внимание пользователей в деньги на счету. На YouTube это – вставка-баннер, возникающая вначале или внизу видео. На Newgrounds,

13 S. Žižek: The Interpassive Subject, *in:* Centre Georges Pompidou, Paris, 1988: *Traverses.* Режим доступа: http://www. egs. edu/faculty/zizek/zizek-the-interpassivesubject. html).

Kongregate и ArmorGames[14] – рекламный ролик, встроенный в экран загрузки прелоудера, позволяющий и автору, и хостингу получать оплату, основанную на количестве открытий страницы. Соответственно, просмотр рекламы и просмотр качественной сетевой анимации – тождественны.

Первой и одной из самых заметных смысловых дистилляций мема, производимой с полным отрывом от первоначального смысла, можно считать изображение Че Гевары. Символически эксплуатировалась не легендарная личность Че с целостной и богатой историей, которую можно условно именовать брендом, но рисунок черным по красному, сделанный на основе фотографии. Этот портрет обогнал по популярности и частоте использования даже Мону Лизу и поначалу был символом революционной молодежи. Протест был присвоен массовой культурой и направлен в потребительское русло, обеспечивая приток новых товаров за счет атрибутики с лицом революционера. Её можно счесть чем-то вроде медийного варианта распятия, символ которого потребители носят, как крест, потребляя и, по сути, способствуя процессам, против которых Че боролся всю свою сознательную жизнь.

Рис. 5. Портрет Че Гевары. Автор Дж. Фицпатрик (с фотографии, сделанной А. Корда). 1968 г.

Таким образом, мем – это мельчайшая, легко узнаваемая по тэгам и ключевым словам, тиражируемая смысловая единица, за которой когда-то стояла концепция, процесс, событие или мода, но которая частично или полностью утратила прежние связи и смыслы, приобретя собственное значение. Интернет-публика знает, что на пресс-конференции в Джорджа Буша кинули бо-

[14] Наиболее популярные ресурсы интернет-анимации, поддерживающие ее оригинальный flash-формат со встроенным языком программирования, обеспечивающим интерактивность.

тинком, и видела эти кадры. Однако, о чем говорилось на этой конференции, не знает никто, кроме узкой группы экспертов. Так же меметизируются имена аналитиков, политиков, ораторов, писателей и деятелей культуры, превращаясь в комбинированные тэговые формы запросов, состоящие из фамилии и интересующего события или процесса. Каждый отдельно взятый мем можно считать своеобразным «аккумулятором популярности» большей или меньшей емкости. Чем больше мемов слито в одном посте / изображении / мультфильме, тем выше вероятность, что контент наберет популярность.

Мультфильм разворачивается во времени, а потому может вбирать в себя оттенки-мемы, численно во много раз превосходящие визуальный объем, который вмещает, например, рекламный щит. В этом кроется причина, не позволяющая назвать мемом современную – созданную в последние 5-10 лет – картину или фотографию, которую видели и узнают миллионы людей. Примеров же сверхпопулярных видео, ставших мемами, – таков, например, корейский клип Gangnam style[15], побивший все рекорды по числу просмотров, – более, чем достаточно. Видео гипнотизирует, цепляет ритмом, приковывает внимание или не успевает это сделать, и внимание зрителя смещается к чему-то другому. Выходит, термин *визуальный поворот* уже не описывает текущее положение вещей и требует замены поворотом *кинематическим*.

Интернет-анимация, которая пеной меметической рекламы выплескивается из сети в разные медиа-форматы, отличается от логики производства привычного студийного аниматографа и развивается по своим собственным законам, лишь изредка смешиваясь со знакомыми, устоявшимися формами. Действо, происходящее на экране, очищается от всего, что указывало бы на повествование. Отказываясь от внятного отражения окружающего мира, нарратива и даже языка, анимация перестает быть экспериментальным андеграундным жанром, набирает массу просмотров и приобретает подражателей. Форма платы за новое развлечение – просмотры, которые за счет связи интернет-ресурса с рекламой конвертируются в деньги. Рекламной единицей вирусных медиа, сменяя бренды, становятся мемы, не стесненные уже никакими рамками, защищенные от антирекламы и имеющие безграничные возможности к смешению и комбинированию с целью получения нового медийного продукта.

Судя по всему, по мере развития сети был создан Капитализм 2.0, где пользователи сами делают потребляемую ими рекламу, обладающую качественно новым ставочным потенциалом. Исходный код этой рекламы – интернет-анимация, дистиллированная от тяжелых нарративных примесей. Каждому из нас она дает раствориться в снах новой эпохи.

---

[15] Видеоклип с 2,5 миллиардами просмотров, ставший корневым мемом для лавины пародий, подражаний и ссылок, не прекратившейся до сих пор.

ДИГИТАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ: ОТ КИНОАРХИВОВ К СИНЕМАТЕКАМ-АТТРАКЦИОНАМ

Лизавета Бобрикова[1]

Abstract

The article is dedicated to the analysis of technological challenges and theoretical shifts in the field of cinema archives. Film archive as a 'repository' of collective memory finds itself in a complex situation of rapidly changing visual and media environment as well as of cultural landscape. Taking such aspects as acquisition, capacity, digitalization and promotion as key parameters of these changes, the author elaborates on three case studies of post socialist film archives and proposes the alternative scenario of *cinematheque-attractions* as a possible gateway to solve the challenges of a digital turn in the domain of preservation and exhibition of classical film culture. Moreover *cinematheque-attractions* can be one of the possible solutions to revive the collective memory of the nation and solve the cinema consumer challenge of losing the teen audience, as attraction may bring the young generation back to the theater.

Keywords: cinema, film archives, digitalization, Film Studies, technology, attraction, exhibition.

Киноархив – медиатор истории

Дигитальный поворот представляется нам одним из наиболее противоречивых и проблематичных процессов, происходящих сегодня в киноискусстве на локальных и глобальных площадках. К 1 января 2016 года переход к цифровым технологиям скрининга был завершен. С этого времени Nevafilm исключает данные о 35-миллиметровых киноэкранах, на которых можно увидеть старые кинофильмы.

Коммерческие выгоды – не единственная причина, т.к. экономические интересы напрямую связаны с логикой технологического развития и политикой унификации стандартов в области аудиовизуального производства. В этих условиях пленочное кино по-новому обретает историческую специфику и занимает особую культурную нишу, как это некогда произошло с кассетами и грампластинками. Технологические усовершенствования и скорость изменения форматов хранения и дистрибуции в развитых странах столь стремительны, а

[1] Лизавета Бобрикова – глава индустриальной площадки ММКФ «Лістапад», автор проекта «Bel:Cinema» Belarus Empowerment Lab: Cinema, магистр социологии (программа «Культурные исследования», ЕГУ, Вильнюс (Литва).

локальные бюрократические и финансовые ограничения столь велики, что мы рискуем безнадежно отстать от новейших технологий производства и хранения материалов. Эти и другие вопросы, а также вызовы, которые ставит перед нами глобальный процесс дигитализации, наталкивают нас на размышления как о природе, так и о будущем киноархива (в качестве пространства хранения памяти) в столь стремительно изменяющемся визуальном и медийном окружении.

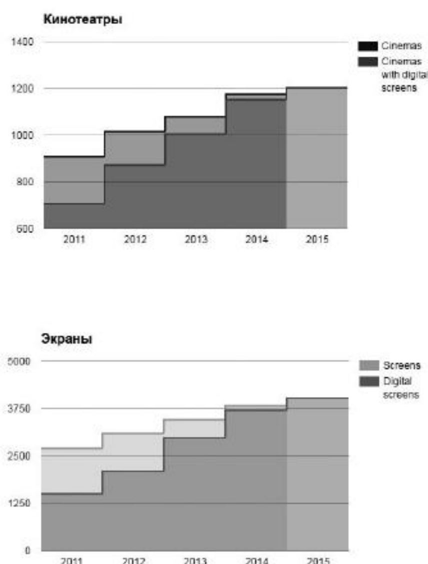

Рис 1. Соотношение кинотеатров с аналоговыми и цифровыми экранами по данным Обзора российского кинорынка на 2015 год. Режим доступа: http: //research.nevafilm.ru/reports/cinema_market_reports/obzor-rossiiskogo-kinorynka.-itogi -2015-goda

Дигитальный поворот в сфере кинопроизводства представляет собой процесс необратимого перехода от пленки к цифре и, как следствие, изменения практик полного цикла: производства, дистрибуции, хранения, трансляции и конвертации визуального материала. Безусловно, дигитальный поворот подразумевает широкий спектр меняющихся привычек потребления как со стороны производителя визуального продукта, так и со стороны финального потребителя. Полиэкранность, множество различных носителей, измененные пространства просмотра и шэринга – все это формирует новые задачи для архивов визуального материала.

Проблемы, с которыми сталкивается исследователь, – это размытость границ, отсутствие четких определений и невозможность использования классических понятий (таких как «документ», «архив») и терминологии в описании «кинопроцесса». Дигитали-

зация принципиальным образом изменяет процедуры сбора, хранения, обработки и дистрибуции визуального материала, что в свою очередь изменяет сложившиеся и ставшие привычными понятия и концепции.

Для того, чтобы проиллюстрировать данный процесс, нам необходимо обратиться к понятию архивного документа в его классической и современной интерпретациях. Выбор определенных авторов обусловлен, во-первых, необходимостью выделить два основных «составляющих» архива как такового: его материальную наличность (на каких носителях, в какой материальной форме) и его ценность в историко-культурном контексте (содержание и контекстность материалов хранения); а во-вторых, - потребностью обозначить связь между конкретикой документа как предмета материального мира и его «идеей» в пространстве концептуально-символическом. В связи с этим мы обращаемся к двум, на первый взгляд противоречивым, определениям архива.

Итак, **архивный документ** – это документ, сохраняемый или подлежащий сохранению в силу его значимости для личности, общества, государства, а равно имеющий ценность в том числе как объект движимого имущества[2]. Данное понимание предложил российский исследователь, доктор исторических наук В. Магидов в 2004 году. Прошло более 10 лет, а основные понятия этого определения уже сложно применимы к современному кинодокументу. В первую очередь с приходом цифровых технологий объект перестает иметь физическую оболочку и переходит в разряд «виртуального имущества», которое имеет ценность, но может быть воспроизведено вне зависимости от носителя и даже при его утере (при наличии виртуальной копии). Понятие значимости также сложно применять, как и дифференцировать кинодокумент по этому критерию в связи с все возрастающим объемом воспроизводимого материала и размывающимися критериями «качества» и «культурной ценности». Выход киноиндустрии в зону свободных торговых отношений освобождает ее от государственной опеки и тем самым снимает авторитет и монополию государственных структур при принятии решений об «исключительной значимости» документа. И более того, наличие персональных компьютеров с прогрессирующими объемами накопительной памяти дает возможность конечному потребителю формировать собственные архивы в зависимости от индивидуальных привычек потребления и культурного капитала.

Какой же альтернативный вариант трактовки поможет нам зафиксировать поле возможной интерпретации данного понятия? Воспользуемся трактовкой, предложенной французским теоретиком Мишелем Фуко: **архив** представляет собой все системы высказываний (событий – с одной стороны, вещей – с другой) в рамках определенного дискурса. В данном понимании архив не

---

2 В. Магидов: *Технотронные архивы и документы в терминологическом ракурсе.* 2004. Режим доступа: http://ftad.ru/library/ftad10/19.shtml

является объектом, точкой хранения или отсчета любой информации. «Архив – это, прежде всего, закон того, что может быть сказано, система, обуславливающая появление высказываний как единичных событий»[3] .

Предлагаемая Мишелем Фуко формулировка приближает нас к пониманию принципов формирования архива. Исключая привязанность к произведению, автору, периоду или понятию, конструирование и понимание архива дает нам ключ к воссозданию «непрерывного» потока развития и становления дискурса. «Архив – это то, что различает дискурсы в их множественности и отличает их в собственной длительности»[4]. Что же касается определения понятия документа, то здесь, на наш взгляд, наиболее релевантно вернуться к терминологии «технотронных документов», которую разрабатывал В.М. Магидов.

Технотронный документ – «это по существу собирательное понятие, включающее в себя все существующие в природе виды и разновидности научно-технической, аудиовизуальной и электронной документации»[5]. В данном случае нет существенного различия между носителями информации, будь то пленка или цифра. Акцент смещается на системность документов и их репрезентативные «способности» по восстановлению и утверждению процессов развития науки, культуры и общества. Будучи хранилищем внешней культурной памяти, архив является медиатором истории, заполняя лакуны повествования и восстанавливая исторические разрывы.

Мы обратились к работам французского социолога Мориса Хальбвакса, который выделял два типа памяти: автобиографическую и историческую (внутреннюю и внешнюю). Они противоположны по своему функционалу, но, тем не менее, связаны: автобиографическая память обогащает память историческую, а та, в свою очередь, способна наполнить содержанием и примерами коллективной истории пробелы автобиографической памяти. Визуальным примером этого круговорота может служить сайт youtube.com: будучи бесконечным воспроизводством коллективной памяти, он состоит из каналов автобиографической памяти, которые взаимно дополняют и связывают воедино онлайн-историю человечества.

Коллективная память ослаблена, когда нет постоянно воспроизводимого визуального образа, когда обнаруживается общая острая нехватка визуального содержания и нет возможности создать, воспроизвести, восстановить его из других медиа потоков. Ян Ассманн, развил теорию М. Хальбвакса и детализировал понятие коллективной памяти. В своей работе «Коллективная память и культурная идентичность» Я. Ассманн отмечает, что культурная память в социуме может существовать в двух модусах: в потенциале архива, который накапливает и собирает тексты, изображения, ки-

3 М. Фуко: *Археология знания* / пер. под ред. Б. Левченко, Киев: Ника-Центр, 1996, 208.

4 Фуко, указ. соч, 125.

5 В. Магидов, указ. соч.

нодокументы, и в пространстве актуальности, в котором «каждый современный контекст добавляет объективирующее значение к своей перспективе, наделяя ее (память) новыми смыслами»[6]. *Архив* здесь становится проводником памяти в социуме, своеобразным календарем и пространством структурирования «фигур памяти».

Киноархив, трактуемый с опорой на эти подходы, обеспечивает связь поколений в вопросах культурной, исторической и социальной коллективной памяти, так как визуальность позволяет донести сложное комплексное историческое высказывание потомкам.

Дигитальный поворот: новая жизнь «старого» кино

Проследив изменения в теоретическом понимании архивного документа, мы обратимся к вопросу об историческом развитии и видоизменении кинопроизводства.

С момента зарождения кинематографа до начала XXI века процесс производства фильма оставался практически неизменным. Монтажные столы и оборудование совершенствовались, но сам принцип съемки и обработки материала не менялся кардинальным образом. Все изменилось с приходом новых технологий: они быстро захватили производство и заменили монтажные столы компьютерными мониторами, а пленку – цифрой. С приходом цифры пленка быстро стала нерентабельным носителем: дистрибьюторы заявляют о прекращении финансирования съемок на пленке, компания Fuji[7] прекратила выпуск пленки для кино в 2013 году, Kodak[8] восстановился после банкротства, к которому привел спад спроса на пленку, и сейчас пытается восстановить утраченные было позиции[9]. Радикальным образом меняется принцип работы с кинолентами как в архивах, так и в киноиндустрии в целом. Пленка больше не используется в постпродакшен, ее заменил процесс промежуточного цифрования (Digital intermediate process). Kodak может перестать выпускать пленку, предназначенную для хранения фильмов в архиве[10]. В скором времени у архивов может исчезнуть сама возможность показывать пленочные фильмы (при замене проекционного оборудования) или это станет очень дорогим про-

---

6 J. Assmann: Collective Memory and Cultural Identity, in: *Kultur und Gedachtnis / J. Assmann, T. Holscher (eds.).* Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1988, 9-19. Режим доступа: http://www.history.ucsb.edu/faculty/marcuse/classes/201/articles/95AssmannCollMemNGC.pdf

7 Fuji – один из основных производителей пленки для киносъемок. Режим доступа: http://rbcdaily.ru/world/562949984709382

8 Компания Kodak помимо производства пленки поддерживала и финансировала проекты по восстановлению и сохранению кинодокументов. Режим доступа: http://lenta.ru/news/2012/01/19/kodak/

9 http://cameralabs.org/11131-pljonka-vozvrashchaetsya-kodak-vozobnovlyaet-vypusk-ektachrome

10 *Березин О.* Цифровая революция: завершилась // *Искусство кино*, 8 (2013), 119.

цессом из-за необходимости содержать два кинопроектора: для пленки и для цифры.

Дигитализация предлагает альтернативный метод экранизации. Как отмечают специалисты, на сегодняшний день остались две основные проблемы передачи пленочного кино с помощью новых технологий: мультиформатность изображения и экранизация записи со скоростью ниже, чем 24 кадра в секунду. Таким образом, весь процесс кинопроизводства реализуется в цифре, подстраивая и заменяя реальность дигитальным изображением. Такие новейшие технологии используются, например, на съемочной площадке франшизы «Звездных войн» на студии Lucasfilm.[11]

Как отмечает Дж. С. Хорак, директор архива кино и телевидения при университете Калифорнии, широкая популярность сети Интернет и иллюзия ее полноты ведет к большому заблуждению относительно хранимых материалов. Многие считают, что все материалы уже давно оцифрованы и «доступны в каталоге Netflix (70000 наименований) или на YouTube (www.youtube.com), которые всегда под рукой, но это неверно»[12]. Статистика по найденному (даже не оцифрованному) материалу периода зарождения кинематографа и раннему периоду немого кино довольно удручающая: «Из всех фильмов, отснятых в мире в эпоху немого кино до 1930 года, примерно девяносто процентов были потеряны. Из всех звуковых фильмов раннего периода, то есть между 1930 и 1955 годами, лишь 50% выжили и хранятся в архивах в различной форме целостности»[13.]

Территория бывшего Советского Союза – не исключение. Большая часть кинопродукции производства до 1930-х годов утеряна и/или уничтожена. На то есть причины: пленочное кино требует бережного, внимательного обращения, а при несоблюдении правил легко происходит возгорание, которое моментально уничтожает большой объем пленочного материала. При производстве пленки используется специальное напыление: готовая пленка содержит частицы технического серебра. В ранний период черно-белого кино советская цензура шла рука об руку с экономическими резонами: с одной стороны, «смытое» кино давало возможность вторичного использования серебра в производстве новой пленки; с другой, какая-то часть кинодокументов была «положена на полку» и без надлежащего ухода утрачена.

Статистика по американскому рынку за 2006 год представлена в таблице 1. Эти данные были получены Дж. С. Хорак в ноябре – декабре 2006 года путем анализа наиболее доступных и популярных

11 Сегодня съемки заменяются цифровым проектированием (real time motion capture). Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=CdsFEMDceNg

12 Archives and digital cinema // Edcine brussels, june 2009. Режим доступа: http://ec.europa.eu/avpolicy/docs /reg/cinema/june 09/archives_dcine.pdf.

13 J-C. Horak: The gap between 1 and 0: digital video and the omissions of film history, in: *Media access, spectator*, 27/1 (2007), 29–54.

дистрибьюторов (Netflix, Facets и Amazon.com). Речь идет по большей части о немых художественных фильмах.

Год	1920	1921	1922	1923	1924	1925	1926	1927	1928
Кол-во единиц хранения	34	18	18	15	15	33	22	28	33

Таблица 1: Данные о наличии оцифрованных фильмов на 2006 г. из онлайн-архивов Netflix, Facets и Amazon.com (Дж. С. Хорак).

В онлайн-библиотеках архивов России можно найти фильмы по году их выпуска. В свободном доступе в Интернете находится больше материалов, но они представляют собой неструктурированные потоки и не позволяют оценить качество и пригодность отдельного отрывка.

Год/ архив	1924	1925	1926	1927	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937
БС	-	-	-	-	-	-	-	-	-	23	3	112	159	490
ПК	1	2	1	2	1	-	2	1	-	1	4	4	9	6

Таблица 2: Данные о наличии оцифрованных фильмов из российских онлайн-библиотек. Получены в результате проверки двух онлайн-каталогов Кинохроники Госфильмафонда (БС) (http://gosfilmo.mass.hc.ru/hronika) и Петербург-кино (ПК) (http://www.peterburg-kino.spb.ru)

Большинство лент, находящихся сегодня в частных и публичных архивах, недостаточно защищены. Если лента хранится в единственном экземпляре, существует риск повредить или потерять ее при экранизации. Официальной оцифровкой кинолент в России занимается Госфильмофонд «Белые столбы». Компания «Кодак», начав инвестировать средства в разработку технологий сохранения кинопленки, готова помочь киноархивам и кинокомпаниям решить проблему оцифровки[14]. И все же потребуются долгие годы на оцифровку всего имеющегося материала, даже если новые материалы не будут поступать в архив после закрытия фабрик по производству пленки. Для сравнения, в Sony Pictures обрабатывается 200–300 фильмов в год. Из всего архива объемом 4 000 единиц хранения с начала работы в 1990-е было обработано и оцифровано порядка 2 000 наименований, и половина из них прошла процедуру полного восстановления[15].

14 Пленка в цифровую эпоху. Материалы круглого стола в «Белых столбах». Режим доступа: http://snimifilm.com/post/kruglyy-stol-plenka-v-cifrovuyu-epohu-0

15 *Archives*… op. cit., 13

Еще одна проблема оцифровки – опция шифрования (encryption) временного ключа. В отличие от пленки DCP-копия, по сути, не является фильмокопией картины, так как она доступна прокатчику на срок, ограниченный периодом активации ключа доступа, тогда как фильмокопия хранится длительный период и может быть показана многократно. Таким образом, прокатчик фактически не обладает киноматериалом и не может им распоряжаться. Как отмечает А. Новак: « Шифрование DCP – это опциональная возможность, но ею все чаще пользуются представители коммерческой индустрии кино для того, чтобы установить и поддерживать контроль над контентом»[16]. Сборник по архивным и дигитальным киноматериалам за 2009г. выделает три типа шифрования и доступа к контенту: опциональное шифрование; ограниченный доступ посредством КДМ (доставка сообщений с ключом); ограничение права доступа на отдельные экранах, в определенные дни, период времени и срок годности[17].

Если говорить о виртуальной географии киноархивов, то здесь постсоветское пространство находится в привилегированном (для потребителей) положении благодаря отсутствию налаженных и действующих юридических механизмов регулирования пиратской деятельности в сети Интернет. Большинство кинокартин может быть найдена в свободном доступе и на пиратских «архивных станциях». Но эти архивы возникают стихийно и слабо структурированы, что затрудняет работу исследователя.

Скрытое советское: архивы кинопамяти

Обратимся к конкретным примерам. Для исследования мы выбрали постсоветские архивы, которые хранят в своих фондах большую часть советского наследия и являются монополистами визуальной памяти ушедшей эпохи. При анализе архивов мы будем учитывать четыре показателя.

Комплектация: каковы объемы хранения фонда, каким образом и по каким каналам происходит комплектация фонда. Какие документы поступают на комплектацию и в каком качестве.

Репрезентативность: насколько полноценна, доступна и достоверна база документов хранения. Историческая насыщенность и высокое качество материалов по определенным темам являются показателем высокой репрезентативности архива в требуемом вопросе (например, развитие немого кинематографа).

Дигитализация: на каком уровне находится техническое оснащение фондов, каким образом происходит обработка и оцифровка кинолент.

Продвижение: какие мероприятия проводят фильмофонды для популяризации своих документов хранения, на какие группы

---

16 Horak, op. cit.

17 A. Nowak: Digital Cinema Technologies from the Archive's Perspective, in: *AMIA Tech Review*, 2/5 (2012).

направлена рекламная деятельность и какие задачи ставят перед собой архивы.

Обращаясь к вопросу формирования и возникновения советского киноархива, мы проследим документально зафиксированную историю изменения и реформирования архивов. Архив как форма хранения коллективной памяти был окончательно оформлен в СССР после Второй мировой войны и закреплен в постановлении Совнаркома Союза ССР от 29 марта 1941 года № 723 «Об утверждении Положения о государственном фонде СССР и сети государственных **архивов**»[18].Обращает на себя внимание рассогласование по датам в официальных документах указанных фондов. Это объясняется тем, что до 1937 года не было единой правовой базы и установленных привычек хранения киноматериалов: они хранились либо на производственных базах, либо оставались «на руках» у авторов произведений. Таким образом, часть архивного корпуса формировалась стихийно, в силу необходимости где-то складировать материал, следить за качеством и «прокатными свойствами» пленки.

Мы собрали в сравнительной таблице информацию по четырем показателям для трех киноархивов – двух российских и одного белорусского (табл. 3).

Структуры формирования, комплектации и современного функционирования архивов отличаются друг от друга, что дает нам право говорить об изменчивой и разнообразной форме современного архива.

Для нашего проекта важно предложить структуру, обеспечивающую взаимодействие всех четырех элементов схемы и позволяющую создать новую модель хранения – синематеку-аттракцион, которая может стать культурной площадки для популяризации архивного кино. Синематека-аттракцион позволит снять напряжение в войне форматов – обеспечить техническую оснащенность для любой проекции, и решить вопрос экранизации, становясь местом встречи пленки и цифры.

Киноархив	**ФГБУК «Государственный фонд кинофильмов Российской Федерации» (Госфильмофонд России)**	**Фильмофонд СПб ГБУК «Петербург-кино»**	**БГАКФФД Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов**
Год создания	В соответствии с Постановлением СНК СССР от **02.02.1937**г. и	Постановлением СНК СССР от **13.05.1924г**. создано Акционерное	Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов»

[18] Постановление СНК СССР от 29.03.1941 N 723 «*Об утверждении Положения о Государственном архивном фонде СССР и сети государственных архивов СССР*». Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=20024.

	Протоколом заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 17.02.1937г. №45 «О государственном фильмохранилище»[19] основано Всесоюзное фильмохранилище. Фактическим днем рождения Фильмофонда принято считать **4 октября 1948 года**.	Кино-фото-общество «Совкино». Последнее свое название структура получила в **1972 году** и стала называться «Ленинградская областная контора "Ленкинопрокат" Главного управления кинофикации и кинопроката Государственного комитета СМ РСФСР по кинематографии».	(БГАКФФД) был создан в соответствии с постановлением СНК СССР от **29 марта 1941** года № 723 «Об утверждении положения о Государственном архивном фонде и сети государственных архивов Советского Союза».
Комплектация	Основной ресурс комплектации архива – новинки проката: все новые фильмы обязаны получить прокатные удостоверения и сдать копию с монтажными листами в архив. Фильмофонд «Белые Столбы» обладает самой объемной и внушительной коллекцией кинодокументов.	Комплектация Фонда больше не производится.	Основные источники комплектования: «Беларусьфильм» (новые фильмы), новые передачи в оцифрованном виде: Белтелерадиокомпания, ЗАО «Столичное телевидение», ЗАО «ОНТ», 8 канал (телевидение РБ).
Репрезентативность	Госфильмофонд владеет крупнейшей и одной из лучших кинематографических коллекций в мире – она насчитывает более 70 тысяч наименований кинолент, или 967 тысяч роликов фильмового материала. В 1997 году Госфильмофонд был помещен в Книгу рекордов Гиннеса как один из трех крупнейших киноархивов мира	В фильмофонде «Петербург-кино» насчитывается порядка 100 000 единиц хранения, из них около 6 000 – художественное кино. Большая часть работ – советская классика, но есть и хорошая коллекция иностранного прокатного кино 40-60-х годов XX века.	На сегодняшний день это единственный архив кинофотофонодокументов на всей территории Республики Беларусь. Хранилище фонда насчитывает 27,8 тысяч единиц хранения кинодокументов.

[19] История Госфильмофонда России. Режим доступа: http://gosfilmo.mass.hc.ru/about/history.

Продвижение	Популяризация фильмов, находящихся на хранении; издание каталогов, аналитика, издание книг; организация кинопоказов в России и за рубежом; издание журнала «Лавры кино»; творческие встречи актеров и режиссеров; обмен программами с архивами других стран.	Организация образовательных программ для детей и молодежи. В его распоряжении находятся 5 кинотеатров. Проведение специальных показов для школьников и для старшеклассников.	Просмотры кинодокументов на звукомонтажном столе, в кинозале, на видеомагнитофоне; выдача кинодокументов во временное пользование для просмотра и копирования; перезапись кинодокументов на другие носители; проведение экскурсий, кинолекториев, открытых уроков с ретроспективными показами кинодокументов
Дигитализация	«Оцифровка делается в реальном времени: 7-часовой рабочий день – это два фильма в день». Продолжается комплектация как на пленке, так и на цифровом носителе. В архиве оборудованы раздельные залы хранения материалов на пленке и цифровом носителе.	Оцифровка материала не производится, по необходимости пленка уходит в «Белые Столбы» и возвращается на диске.	Из-за неполной технической комплектации, архив не в состоянии в полной мере выполнять свои основные функции–вынужден отказывать в хранении материалам, которые представляют неоспоримую историческую и исследовательскую ценность.

Таблица 3: Институциональное устройство и архивная политика киноархивов на постсоветском пространстве.

Синематека-аттракцион – реакция на дигитализацию

Принципы организации нового архива – публичность и доступность, виртуальность и интерактивность. Историческое рассеивание, которое Фуко называл формой строения дискурса, должно стать ключевым принципом работы синематеки. Оно обеспечит возможностью извлечь и собрать высказывания и документы в любом контексте, выстраивая новые зависимости и линии развития.

Возвращаясь к задачам по определению закона формирования архива, стоит говорить о максимально открытом пространстве «поглощения», когда передача киноматериалов на хранение обеспечивается не политическим диктатом и обязательной сдачей

фильмокопий, а интертекстуальностью и связностью структурных элементов. Фильм попадает в архив, если у него есть «достаточная сила притяжения». Под «силой притяжения» мы подразумеваем культурную и эстетическую ценность каждой конкретной работы, которые определяются, исходя из уже имеющихся киноматериалов. Воссоздавая интертекст в рамках одного архива, каждая киноработа будет дополнять другие и отсылать к ним, обретая в акте установления связей свою ценность и культурный смысл. Это позволит избежать накопления сиквелов-приквелов-римейков и одновременно – обеспечить нарастание репрезентативности по конкретным темам. Как гиперссылки в интеллектуальной научной литературе и цитирование в кино, отсылки фильмов в синематеке должны устанавливать стабильные развивающиеся связи.

Помимо информационной, они могут выполнять и другие функции: *образовательную* – фиксировать и делать видимыми различные поколения и стили кино; *кураторскую* – обеспечивать ориентацию в тематике, не уничтожая доступа к второстепенным объектам и контексту. Вместо двух крайностей – хаоса и жесткой иерархии – мы предлагаем структуру разнонаправленных ссылок, где по вертикали будет фиксироваться историческая связность документов (по годам создания), а по горизонтали – тематическая, стилистическая, научная и другая специфика объекта по примеру современных облачных сервисов типа i-Tunes.

Основные задачи синематеки-аттракциона – популяризация архивного кино и истории мирового кинематографа, восстановление целостности коллективной исторической памяти и передача опыта при непосредственном практическом участии мастеров. Здесь могут быть организованы мастер-классы и открытые показы. Вырученные средства пойдут на оцифровку редких или хрупких фильмокопий. Этапы оцифровки и реставрации киноматериалов сами по себе должны стать одним из «аттракционов» будущей синематеки – давать теоретические и практические навыки по переводу пленки на новые носители. Возможность установить монтажный стол и на постоянной основе проводить обучающие и развивающие образовательные циклы – одна из задач синематеки-аттракциона. Историческая значимость кинодокумента будет вызывать интерес у специалистов, а открытый доступ к технологии и возможность принять непосредственное участие в процессе гарантирует эффект аттракциона у широкой публики. Наравне с новыми аттракционами виртуальной реальности (виртуальными играми, фильмами, созданием виртуальных объектов в дополненной реальности), работа за монтажным сталом, прямые тактильные ощущения и возможность внедрения элементов игры в процесс знакомства с кинопроизводством может привлечь самое молодое поколение. В рамках совместных проектов с киношколами может быть организованы рабочая студия для практических занятий студентов: звукооператоров, режиссеров монтажа, спецэффектов и специалистов по пост-производству.

Интернет-пространство синематеки должно быть структурировано и оформлено наподобие витрин магазинов – в режиме предпросмотра любого интересующего материала, с возможностью последующего заказа просмотра в синематеке. Материал должен обновляться, а ресурсы геймификации – использоваться.

Комплектация синематеки будет переведена из физических архивов в онлайн-хранилище. Залогом разнообразной, богатой и регулярно обновляемой программы и репрезентативного фонда синематеки должны стать не сейфы с фильмокопиями, а расширенная сеть циркуляции киноматериалов.

Синематека, в состав которой войдут образовательный центр, исследовательские лаборатории, выставочные залы, станет местом новой публичности, пространством, открытым для дискуссий.

Место действия – Беларусь. Заполняя кинолакуны

Дигитализация позволяет оптимизировать и расширить способы дистрибуции кино, но при этом задает специфические технические требования, которые не поддерживаются пленочным кино (многоканальность, отсутствие оригинала и обязательного внешнего носителя, специфика проекции и шифрования, киноаппаратура и новые проекторы). Возможны два варианта решения возникающего несовпадения форматов: полный перенос всей информации на цифру или организация специальных культурных пространств.

Первый вариант видится невозможным из-за низкой скорости оцифровки, отсутствия интереса и капиталовложений, технической «неизвестности» в вопросах долговечности и хранения материалов в цифре и невысокая целесообразность проекта. Второй вариант – более реалистичный – предполагает создание альтернативного культурного пространства – новейшего музея кино с интерактивными функциями. Это позволит ограничить стихийность рынка и «защитить пленку». Примеры синематек в Болонье, Берлине, Париже, Нью-Йорке говорят об успешности таких проектов и дают ориентиры для их реализации.

В контексте архивного кино Беларуси возникают дополнительные трудности при формировании новой Синематеки.

Во-первых, это – проблемы доступа. Синематека должна быть создана в Минске, в месте, доступном для исследователей, кинолюбителей и потенциальных дистрибьюторов кинопродукта, возможно, на базе Музея истории белорусского кино. Вынесение архива в Дзержинск и отсутствие у киноархива интернет-площадки делает невозможным включение его в локальный и глобальный оборот кинопродукта.

Во-вторых, это – повышение интереса к пленочному кино и спроса на него. Государство и частные организации, связанные с киноиндустрией, имеют возможность актуализировать и обращать внимание на критическое состояние архивов, а также на важность

освоения киноматериалов не только узкими специалистами и исследователями, но и широкой аудиторией посетителей киномероприятий. Выделение средств на исследования, создание цикличных тематических мероприятий и активный обмен с другими синематеками помогут оживить и привлечь необходимые кадры к решению этого вопроса.

В-третьих, это – финансирование. Формирование широкого круга потребителей архивного кино позволит говорить о необходимом финансировании процессов оцифровки и сохранения пленочного кино.

В-четвертых, это – популяризация. Активное использование архивных документов в образовательных проектах, в кино- и телеиндустрии позволит восстановить утраченную историческую память и связь поколений и актуализирует необходимость исторического визуального образования.

В связи с отсутствием фонда кино, поддержки частного кинопроизводства и продвижения беларуского кино на мировой арене создание Синематеки-аттракциона может послужить катализатором для возрождения интереса зрителя к национальному культурному продукту и объединения широкого круга профессионалов вокруг идеи переосмысления национального кино на современном этапе.

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ИЛИ ВУЛЬГАРИЗАЦИЯ? РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ КИНО

Максим Жук[1]

Abstract

In the given article the author analyses the visual language of popular science films, taking as an example a well-known film by Joseph McMaster "The Elegant Universe" (2003, USA) based on the bestseller book of the same title. It is argued that such a form of popularization could have negative consequences for communicating scientific ideas and leads to the emerging of pseudoscience rather than to the deeper understanding of science by a common individual. That process can be called 'vulgarization of science'.

Keywords: science visualization, semiotics, popularization, vulgarization, sign, cinema, popular science.

Одна из первых технократических утопий, принадлежащая Фрэнсису Бэкону, описывает организацию «Дом Соломона», ставящую своей целью познание природного мира и использование полученных знаний для увеличения благосостояния социума. [2] В этой утопии каждому, кто заинтересован в научных знаниях, предстоит пройти инициацию, чтобы быть принятым в братство ученых. В противоположность бэконовской утопии, современное западное общество, предполагает, что научные знания должны быть свободно доступны для всех. Противоречие между этим взглядом и реальным положением вещей отметил Мишель Фуко.[3] В действительности, для того чтобы получить право голоса и самостоятельного суждения о научных фактах, следует пройти ряд квалификационных процедур.[4]

Помимо институционального запрета на свободное словоизъявление в научном поле, существуют более тонкие механизмы, которые защищают научный дискурс от посягательства тех, кто не является экспертом. А. Штейнзальц и А. Фун-

---

[1] Максим Жук – магистр социологии, лектор Департамента гуманитарных наук ЕГУ. E-mail: maksim.zhuk@ehu.lt

[2] Л. Воробьев: Утопия и действительность // *Утопический роман XVI–XVII веков /* Ред. Е.Осенева. М.: Художественная литература 1971, 5-38.

[3] М. Фуко: Порядок дискурса // М. Фуко: *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет /* пер. С. Табачниковой. М.: Касталь, 1996, 49-96.

[4] P. Bourdieu: The specificity of the scientific field and the social conditions of the progress of reason, in: *The Science Studies Reader*, M. Biagioli (ed.). N.Y.: Routledge, 31-50.

кенштейн в программной работе «Социология невежества» описали социальную функцию, которая выступает в роли механизма, регулирующего набор знаний, обязательный для членов данного общества. Этот социальный инструмент они называют *функцией невежества.*[5] Форма, в которой эта функция реализуется, различна для разных обществ. Где-то отдельные виды знания объявляются сакральными и потому – запретными для части общества, что было характерно для традиционных обществ. Где-то знания считаются бесполезными и потому ненужным, как это часто происходит сейчас.

Не будет преувеличением сказать, что значительная часть физики после Ньютона и почти вся современная математика отдельны барьерами от неспециалистов. Для отграничения дискурса физики функция невежества может именовать его «непонятным» или «сложным», для дискурса философии или математики будет использоваться, скорее, утверждение о «ненужности» или «бесполезности».

Там, где невежество образует пустоты в ткани научной картины мира, может возникать восполняющая недостаток миропонимания «антинаука» — то есть дискурс, претендующий на замещение рационального научного знания системой идей, похожих по своей внешней форме на науку.[6] Антинаука удобна для восприятия, не требует ни значительной интеллектуальной работы для своего усвоения, ни предварительной подготовки для допуска к дискурсу. Она гарантирует всеобщее равенство, т.к. в антинаучном дискурсе нет жесткой иерархии и сложной системы верификации истинности высказываний и допусков к праву говорить. Внутри антинауки каждый может говорить с каждым о чем угодно, почти не подвергаясь опасности быть изгнанным за пределы сообщества и не рискуя утратой доверия со стороны носителей дискурса.

Может сложиться впечатление, что антинаука демократична, а наука авторитарна. Такой взгляд, действительно, встречается[7]. Авторитарность науки компенсируется ригидностью этого дискурса, относительной независимостью от личных интересов и желаний ученых, где стремление к «абсолютной» и независимой истине становится источником моральной готовности сопротивляться тирании. Многочисленные примеры этого можно наблюдать, скажем, в истории противостояния ученых и наделенных властью бюрократов в СССР[8].

Напротив, антинаука, подменяя собой науку, открывает широкие перспективы для людей, не готовых ответственно решать

---

[5] А. Штейнзальц, А. Функенштейн: *Социология невежества*/ Пер. М. Кравцов, М.: Институт изучения иудаизма в СНГ, 1997.

[6] Дж. Холтон: Что такое «Антинаука»? // *Вопросы философии*, 2 (1992).

[7] См., например, П. Фейерабенд: *Наука в свободном обществе*, Пер. с англ. А.Л. Никифоров, М.: АСТ 2009, 112.

[8] Л.Р. Грэхэм: *Естествознание; философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе* /Пер. М. Ахнудов, В. Игнатьев. М.: Политиздат 1991, 14-15.

культурные, технические и социальные проблемы, но желающих манипулировать чужой волей. Общество, в котором место науки занимает антинаука, неспособно рационально понимать мир вокруг и ответственно пользоваться плодами собственных трудов. Оно окажется разделенным на два разобщенных «мира», не способных понимать друг друга, как об этом писал Чарльз Сноу в знаменитом эссе о «двух культурах»[9]. Это разделение можно не заметить благодаря способности антинауки мимикрировать под научное знание.

Способом борьбы с невежеством является популяризация научного знания — деятельность, под которой обычно понимают два связанных между собой явления: повышение привлекательности науки через ее эстетизацию либо объяснение сущности научных достижений или концепций для широкого круга неподготовленных членов общества. В этой работе мы проанализируем то, как научные факты из области физики интерпретируются в научно-популярном кино на примере телесериала «Элегантная вселенная» («Elegant Universe», США, 2003, Joseph McMaster et al.), основанного на книжном бестселлере физика Брайана Грина.[10] Мы будем говорить и о некоторых других научно-популярных фильмах, в основном о физике микромира. Мы ставим своей целью показать, что принятые в современном кино конвенции изображения научных идей в действительности не способствуют их ясному пониманию, а являются своеобразным эрзацем научного знания. В качестве удачного альтернативного примера мы опишем фильм Семена Райтбурта «Физика в половине десятого». Будет показано, что с популяризацией связан иной процесс, часто ускользающий от внимания исследователей, который назовем *вульгаризацией науки*.

Семиотика кинематографических репрезентаций научного знания

Основой популяризации является процесс изменения знаковой структуры сообщения (здесь и далее используется терминология Ч.С. Пирса), когда сложные абстрактные символы, например, математические формулы трансформируются в иконические знаки, имеющие наглядный смысл. С семиотической точки зрения, популяризация науки представляет собой трансляцию текста с некоего языка A_1 на язык A_2. Язык A_1 — это язык, с помощью которого ученые коммуницируют между собой. У него есть собственный словарь, синтаксис и грамматика. Этот язык не является чисто вербальным, так как ученые применяют множество знаковых систем, включая и визуальные знаки.

---

[9] Ч.П. Сноу: Две культуры и научная революция // Ч.П. Сноу: *Портреты и размышления* / пер. Д. Урнова, М. Тугушевой. М.: Прогресс 1985, 195-226.

[10] Б. Грин: *Элегантная вселенная. Суперструны, скрытые размерности и поиски окончательной теории* / пер. под ред. С. Герштейна, Москва: УРСС, 2004.

Использование визуального языка оправдано нашей способностью мысленно оперировать иконическими знаками. Эту способность одним из первых описал Рудольф Арнхейм[11]. Например, визуальный язык *диаграмм Пенроуза* позволяет изображать бесконечную область пространства-времени на конечном листе бумаги и, следовательно, «охватить взглядом» бесконечное пространство и время (см. Рис. 1).

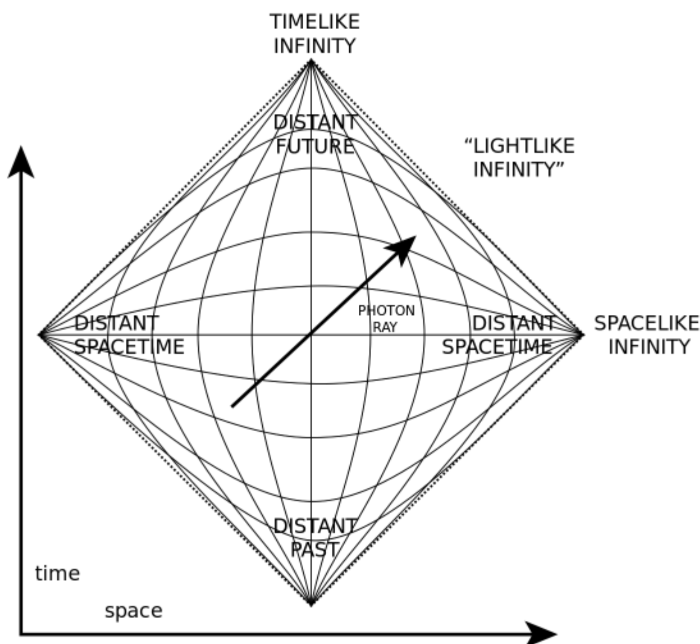

Рис. 1. Диаграмма Пенроуза, изображающая бесконечную вселенную Минковского. Иллюстрация из Wikipedia (https://en.wikipedia.org/wiki/File:Penrose_diagram.svg)

Язык $А_2$, более распространенный, понятный многим, это – тот «естественный» язык, который связывает общество в культурную целостность и обеспечивает переход между разнообразными дискурсами. Таким образом, популяризация основана на риторических приемах, которые связывают означаемое из сферы науки с хорошо знакомым образом в обычной жизни. Образы поездов, к которым обращались Альберт Эйнштейн и другие популяризаторы теории относительности, являются типичным примером. Перекодирование с одного языка на другой, конечно, не может произойти без некоторого изменения сообщения, содержащегося в исходном тексте. Это изменение может быть связано как с добавлением

11 Р. Арнхейм: В защиту визуального мышления // *Новые очерки по психологии искусства* / пер. с англ. Г. Крейдлина, М.: Прометей 1994, 153-173.

новой информации, так и с уменьшением ее объема, а также и с тем, и с другим.

Первым посредником в деле трансляции научного знания неспециалистам была научно-популярная литература. Следующим стал кинематограф, мощная визуальная поэтика которого позволяла делать научные идеи и привлекательными, и предельно убедительными. В странах, где развита культура комиксов, использовался этот формат. Сегодня для популяризации активно используются компьютерные игры[12]. Мы будем говорить о киноязыке как о наиболее распространенном способе трансляции научного знания.

Специфика киноязыка определяется его выразительными средствами. Наглядность и динамичность кинообразов обеспечивают предельную ясность и привлекательность. Но, с другой стороны, возможны трудности, которые отсутствуют в случае использования письменных текстов, состоящих только из знаков-символов. Интересный пример рефлексии на эту тему – советский научно-популярный фильм «Физика в половине десятого» (Центрнаучфильм, СССР, 1971, Семен Райтбурт). Сюжет фильма: женщина (кинорежиссер научно-популярных фильмов) и мужчина (физик) обсуждают вопрос о принципиальной возможности изображения мира квантовой механики в кино. Женщина предлагает различные «шариковые» или планетарные, модели для изображения атома, когда в центре атома находится ядро, вокруг которого, подобно планетам вокруг Солнца, вращаются электроны. Это классическая модель атома, широко используемая в школьных учебниках и научно-популярных фильмах. Физик, со своей стороны, убеждает героиню, что такой атом не может существовать, а у электрона нет траектории. Фильм не предлагает правильного изображения атома, характеризуя его апофатически. Визуализация атома в фильме подчеркнуто схематична. Он нарисован как плоский объект, орбиты движения электрона отмечены белыми линиями, поэтому изображение в фильме не выглядит как иконическое.

В данном случае мы имеем дело с образом, сомнительность которого подчеркивается дважды: на вербальном уровне и на визуальном уровне с помощью иронии. Создатели фильма отказываются от намерения показать «настоящий» образ атома, что несвойственно жанру научно-популярного кино.

Поскольку не только атом, но и многие другие явления, изучаемые наукой, не имеют иконической репрезентации, или же такая репрезентация затруднена, авторам фильмов приходится использовать символы или индексальные знаки. Эти знаки зачастую представлены так, будто они являются в действительности иконическими изображениями. С помощью компьютерных технологий знакам-индексам и символам сообщаются черты, которые вынуж-

---

12 См. пример использования компьютерных игр в целях популяризации науки: J. Marshall: Online Gamers Achieve First Crowd-Sourced Redesign of Protein, in: *Scientific American,* 2012. Режим доступа: http://www.scientificamerican.com/article/victory-for-crowdsourced-biomolecule2/.

дают зрителя опознать в них иконы. Даже если зритель и понимает, что изображенное перед ним — только визуализация абстрактной сущности, для того, чтобы знать наверняка, насколько картинка близка к той реальности, которая представлена в исходном научном дискурсе, ему необходимо предпринять дополнительные интерпретативные усилия. Да и визуализации, которые используются внутри научного дискурса, зачастую не слишком привлекательны для зрителя. Такие изображения редко появляются в кино. Их научный смысл может быть неочевидным, а понимание – требовать специальных знаний[13].

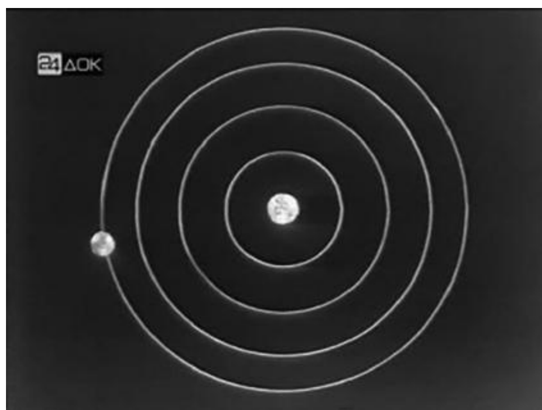

Рис. 2. Изображение атома в фильме «Физика в половине десятого». Центрнаучфильм, 1971, реж. Семен Райтбурт.

В качестве примера мы возьмем фильм «Элегантная Вселенная», который вобрал в себя характерные черты современного научно-популярного кино. Кроме того, это – одна из первых популяризаций модной в научной сфере теории струн[14], которая заключает в себя мечту физиков о «единой теории», объединяющей квантовую механику и теорию относительности[15].

Начнем со сцены в «Квантовом кафе» (30-я минута первой серии фильма). Здесь применяются как приемы игрового кино, так и методы визуализации научных идей. Эпизод начинается с того, что ведущий Брайан Грин идет по футуристическому ночному городу и входит в здание с розовой неоновой вывеской «Quantum Cafe». Грин рассуждает о том, что в мире квантовой механики правит случайность или вероятность. Нам показывают клиентов «Quantum Cafe», которые, сидя за столом, бросают игральные кости. Игральные

[13] Дж. Элкинс: Бесполезная визуализация квантовой механики // Дж. Элкинс: *Исследуя визуальный мир* / под ред. А.Усмановой и А.Денищик. Вильнюс: Европейский гуманитарный университет, 2010, 149-166, 152.

[14] L. Smolin: *The Trouble with Physics. The Rise of String Theory, the Fall of Science, and What Comes Next,* Boston, N.Y.: Houghton Miflin Company 2006, XIII.

[15] L. Smolin: Ibid, 102-103.

кости символизируют теорию вероятности и случайность в микромире. Изучение случайности и вероятности исторически начиналось с анализа азартных игр, поэтому нет ничего удивительного, что эти образы связаны в популярном дискурсе. Однако в рамках фильма этот кадр не несет содержательного смысла, а является просто аллегорией случайности. Вербальный текст иллюстрирует визуальная метафора. Исходное научное послание, которое создатели фильма стремятся сообщить зрителям, дробится на две символические формы: вербальную и визуальную. Удвоенный текст является плеоназмом, а «превращение зримого в рассказываемое неизбежно увеличивает степень организованности»[16]. Обратный процесс, можно предложить, имеет противоположный эффект.

«Квантовое кафе» разделено на два помещения. Первое из них отсылает к прошлому, возможно, к эпохе возникновения квантовой механики. Здесь за столами сидят люди в деловых костюмах и не наблюдается никаких странных эффектов, кроме необычного поведения посетителей. В соседнем помещении, которое выполнено в стиле современного бара, наоборот, используются разнообразные кинематографические спецэффекты. Чтобы сообщить, что квантовый «мир» — «странный» и «непохожий» на нашу привычную реальность, в ход идут яркий свет, исчезающие и появляющиеся из ниоткуда люди и т.д. Все это подчеркивает необычность квантовой механики, но едва ли проясняет для зрителя что-нибудь в ее сути.

Для иллюстрации *многомировой интерпретации квантовой механики* Грин заказывает стакан апельсинового сока. Но из-за вероятностного характера квантового мира ему случайно приносят синий сок (игра слов, orange буквально означает *оранжевый*). В этот момент появляется несколько копий ведущего, каждый из которых тянет к себе стакан. У некоторых в руке оказывается синий, а у некоторых – оранжевый сок. Эти копии символизируют «параллельные вселенные», которые существуют рядом с нашей и в которых события развиваются по другому сценарию. Риторика киноязыка, обеспечивающая визуальную привлекательность, здесь порождает серию проблем.

Когда Грин говорит о Вселенной, разделяющейся на параллельные миры, в которых его копии пьют сок, он не говорит о том, что такое толкование квантовой механики - не единственное. Сегодня помимо многомировой существуют и другие интерпретации квантовой механики[17]. Картинка выглядит убедительно, и у зрителя нет никаких оснований сомневаться в том, что ему показывают

---

16 Ю. Лотман: *Семиосфера*, СПб.: Искусство 2000, 39.

17 Исторически самой первой является копенгагенская интерпретация. Вслед за ней было создано множество других переложений математического языка квантовой механики на язык физических понятий. В свое время в Советском Союзе разрабатывалась своя интерпретация, которая должна была соответствовать положениям марксистской философии. См.: Л.Р. Грэхэм, цит. соч., 316-326.

твердо установленный научный факт или хотя бы разделяемый научным сообществом взгляд.

Другая проблема заключается в том, что изображение, которое нам показывают, не является точной визуализацией. Параллельные миры в интерпретации Хью Эверетта невозможно наблюдать, их невозможно увидеть одновременно из внешней точки. Эта метафора помещает читателя в выделенное положение ВНЕ мира. Нечто подобное можно увидеть в визуализации вселенной «извне», которую делал с помощью компьютера физик Линде[18]: у Вселенной нет наружной части или, по крайней мере, ее невозможно увидеть так же, как нельзя увидеть параллельные миры квантовой механики. В этом отношении такие картины являются бесполезными и ложными визуализациями[19]. Однако если визуализации Линде все же имеют строгое научное обоснование, то в фильме это – вольная метафора, созданная художниками.

Зритель видит, как кусочки льда в бокале внезапно проникают сквозь его стенки. Законы квантовой физики действительно разрешают такую ситуацию преодоления барьера. Однако вероятность этого события для макрообъектов ничтожно мала. Поэтому мы не наблюдаем ничего подобного в повседневности[20]. Для объяснения физического явления в этом фрагменте используется гипербола. Реальные эффекты, действующие в мире элементарных частиц, преувеличиваются до явлений макромира. И метонимия – когда свойства микромира переносятся на макрообъекты. Это обычные приемы для объяснения физических законов. Иногда такие приемы используются и в научном дискурсе. Например, физик Эрвин Шредингер — один из создателей квантовой механики — предложил мысленный эксперимент, известный теперь под названием «Кот Шредингера», который должен был проиллюстрировать пробелы, имеющиеся у научного сообщества в понимании квантовой механики.

В отличие от научного дискурса отношение к тропам в научно-популярном кино куда менее строгое. Для зрителя не всегда очевидно, что является художественным приемом, а что – нет. Также не всегда ясно, какие черты метафоры, использованной для объяснения научной модели, соответствуют изучаемому объекту, а какие нет. В «Элегантной Вселенной» нет попыток показать квантовую механику на уровне элементарных частиц, где проявляются ее необычные свойства (как это было сделано в фильме «Физика в половине десятого»).

Наоборот, ее показывают с помощью богатых и красочных метафор там, где «удивительные» свойства квантовой механики никак не проявляются. Логика показа состоит в следующем: необычные свойства квантовой механики проявляются в невидимом мире, о котором у нас нет ясного представления. Поэтому авторы

---

18 Дж. Элкинс, цит. соч., 152-153.
19 Дж. Элкинс, цит. соч., 153.
20 Б. Грин., цит. соч., 83.

развивают интуицию о квантовой реальности, перенося ее законы в знакомый нам макромир, т.е. связывая абстрактную область научного знания с повседневностью.

На 26-й минуте Брайан Грин объясняет, что электромагнетизм много сильнее гравитации. Для того чтобы проиллюстрировать этот факт, Грин «спрыгивает» с крыши небоскреба. Камера следит за его падением, Грин приземляется на землю и произносит: «На самом деле я должен был расшибиться в лепешку. Но вопрос в том, что помешало мне пробить тротуар и продолжить падение до самого центра Земли?!». Ведущий объясняет, что сила, уравновешивавшая гравитацию, создаваемую всей массой Земли, – это электрическое отталкивание зарядов в подошвах его ботинок, которое проявляется как сила упругости. Реплика звучит на фоне электронов, представленных в виде зеленых шариков, между которыми проскакивают искры, напоминающие молнию.

Прыжок с крыши соответствует стилистике юмора, присущего автора книги «Элегантная вселенная». Но, как и сцены в «Квантовом кафе», этот фрагмент не дает ясной интерпретации физического явления. Во-первых, он противоречит нашему опыту: мы знаем, что невозможно упасть с крыши дома, не получив при этом серьезных травм. И это противоречие объясняется далеко не физикой. Разбившийся насмерть человек повысил бы возрастной рейтинг фильма. Зритель может припомнить, что схожий эпизод встречался в кинематографе, и отнестись к увиденному как к кинематографической цитате. Например, в фильме «Матрица» (1999, реж. Э. Вачовски, Л. Вачовски) есть эпизод, когда главный герой Нео прыгает с крыши и затем приземляется на дорогу, не пострадав. Есть основания полагать, что модели современного (коммерциализованного) научно-популярного кино опираются на жанровые конвенции научно-фантастического фильма.

В научно-популярном кино проводятся и прямые параллели с фантастикой. Причем физика позиционируется как нечто более удивительное, чем фантастика. В фильме «Элегантная вселенная» появляются кадры из старых черно-белых научно-фантастических фильмов. Яркие образы квантовой теории, созданные с помощью современной компьютерной графики, выглядят более привлекательно и гораздо более реалистично для зрителя, чем спецэффекты черно-белого кинематографа. Такое сравнение выставляет квантовую механику и другие теории в выгодном свете, как яркую и занимательную область, наполненную всевозможными чудесами. В то же время имеет место и обратный процесс, когда, например, настоящий ученый Стивен Хокинг появляется в роли самого себя рядом с фантастическими персонажами в телесериале «Звездный путь» (Star Trek: The Next Generation, Episode: TNG 252 – Descent, Part I, 1987–1994). Различие между наукой и фантастикой, тем самым, стирается.

Помимо иллюстрации физических явлений и эффектов с помощью художественных приемов, в фильме «Элегантная все-

ленная» мы встречаем многочисленные визуализации физических объектов. Атомы и другие элементарные частицы изображаются в классическом (или «школьном») «шариковом» стиле. Никаких комментариев относительно того, насколько такое изображение условно, в фильме не дается. Частицы изображаются по-разному в разных моментах фильма. Например, когда автор рассказывает об атомной механике и говорит о зарядах в ботинках, преодолевающих гравитацию, мы видим различные образы частиц. Картинки, выглядящие как иконические знаки, дают разное изображение одних и тех объектов без объяснения.

В фильме представлен образ т.н. *струн*. Как можно заключить из увиденного, струны — это невообразимо маленькие вибрирующие нити энергии, которые составляют элементарные частицы. Они характеризуются частотой колебаний, которые придают такие физические свойства, как масса, заряд, спин. Однако если струны различаются только колебаниями, то почему в фильме они имеют различный цвет? Элементарные частицы раскрашивают в разные цвета, чтобы обозначить наличие между ними качественных отличий, не связанных с формой и размером, например, заряда или спина. Но струны качественно являются одинаковыми, как утверждает кино, поэтому раскраска их в различные цвета выглядит необоснованно. Иногда информация об объекте может не поддаваться прямой визуализации, И в этом случае ее необходимо перевести в такую форму, чтобы можно было исключить часть избыточных свойств. В фильме этого не происходит.

В научно-популярном телесериале «Сквозь червоточину с Морганом Фрименом» («*Through the Wormhole with Morgan Freeman», 2010*) также присутствуют струны. В этом фильме они мало похожи на то, как их изображают в «Элегантной вселенной». Они выглядят как гладкие полупрозрачные колечки, в то время как в «Элегантной вселенной» это – светящиеся искривленные ленточки с ломаными краями. Вероятно, в обоих случаях режиссеры стремились изобразить струны в максимально привлекательном виде. В научных книгах струны изображаются иначе – как схемы, отражающие математическую сущность, без претензии на реалистичность (см. рис. 3 и 4).

Струны появляются в фильмах не только в виде своей псевдоиконической визуализации, но и в виде метафоры. В «Элегантной вселенной» во время разговора о струнах показывают женщину, играющую на музыкальном инструменте. Этот образ используется и в других фильмах. Например, в фильме «Параллельные вселенные» («Parallel Universes», Великобритания, 2002). Струны-частицы соотносятся со струнами в музыкальном инструменте. Музыка понимается как гармония и красота в человеческой культуре, а струны – как выражение красоты и гармонии природы. Физик Митио Каку на 8-й минуте фильма говорит следующее: «Мы вдруг осознали, что вселенная — симфония, а законы физики — гармония суперструн». В это время в кадре показывают дрожащие струны ги-

тары. У Брайана Грина женщина, которая играет на скрипке, становится аллегорией М-теории, объединяющей разные варианты теории струн[21]. Когда Грин объясняет, что пять разных струнных теорий являются частями одной М-теории, нам показывают пять женщин, играющих на музыкальных инструментах. Затем местоположение камеры меняется, и мы видим, что женщина только одна, а остальные – ее отражения в зеркалах. В фильме «Сквозь червоточину с Морганом Фрименом» гипотетические частицы темной материи, *вимпы*, изображены в виде мультипликационных персонажей, за которыми гоняются ученые, также мультипликационные. Риторика олицетворения обеспечивает эстетизацию науки и связывает ее с миром культурных представлений, общих для всех.

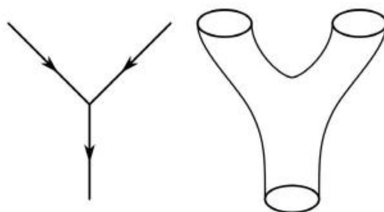

Рис. 3. Классическая диаграмма Фейнмана в стандартной модели (слева) и ее аналог в теории струн (справа). Иллюстрация приводится по Wikipedia. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F_%D1%81%D1%82%D1%80%D1%83%D0%BD#/media/File:Point%26string.svg

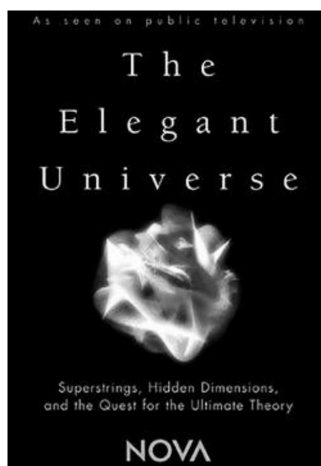

Рис. 4. Фильм «Элегантная вселенная» (The Elegant Universe, 2003). Иллюстрация на сайте. Режим доступа: http://www.imdb.com/title/tt0377171/

[21] Следует обратить внимание на традиционную для европейской культуры персонификацию различных областей науки и искусства в виде женских образов. Эта традиция восходит еще к Античности, где разным дисциплинам и направления человеческой деятельности покровительствовали музы, боги и богини.

В фильме «Параллельные вселенные» с помощью (псевдо)иконической репрезентации представлены еще более сложные объекты – *браны*[22], которые существуют в М-теории. Струны — это одномерные браны, но в М-теории имеются и другие типы бран с разными размерностями. Пространство вселенной является гигантской многомерной браной, к поверхности которой прикреплены микроскопические браны-струны. Они составляют частицы материальных предметов и физические взаимодействия.

В фильме «Элегантная вселенная» есть сцена, где многомерные браны изображены как сияющие колеблющиеся поверхности. Две такие браны, расположенные рядом, символизируют две вселенные, при столкновении которых возникла наша собственная. Авторы опускают часть информации об объекте. Чтобы увидеть снаружи брану, которая образует пространство нашей вселенной, нужно выйти за пределы привычных трех измерений. Нарисовать это невозможно. Поэтому в фильме показывается двухмерная брана в трехмерном пространстве. Изображение не иконическое. Оно должно быть инструкцией, помогающей мыслить о сложных научных объектах без формул. Однако эта картинка не выглядит как вспомогательная схема. Плавные переходы цветов, прямая перспектива, сияние, — все это напоминает, скорее, не о схеме, а о фотографии.

Изображением двух бран-вселенных рядом друг с другом тоже проблематично. Если браны – это пространство для частиц, из которых состоит вся материя, то что находится между ними? В фильме между светло-синими бранами — черное пространство. Пустое пространство как объективная сущность, независимое от всего остального универсальное вместилище, – идея ньютоновской физики. Но в «новой» физике пространство материально. Поэтому чернота обозначает абсолютное отсутствие материи и пространства. Сцена остается многозначной. Фильм не проясняет, как именно мы должны понимать черноту: как «ничто» или как некоторое вместилище вселенных. Но так как вселенные — это «все, что существует», включая пространство, то позиция зрителя становится проблематичной. В каком-то смысле это – позиция Бога, трансцендентная по отношению к миру. Физика остается одной из тех из наук, где идея абсолютного наблюдателя, находящегося вне мира, возникает естественным образом. Вместе с тем, в фильме отсутствует рефлексия о подобных способах изображения.

В научпопе существуют и другие метафоры. Так, для того, чтобы проиллюстрировать эффект искривления пространства в теории относительности, используется образ плоского листа с координатной сеткой, на котором расположены объемные объекты (звезды, черные дыры), прогибающие этот лист. Как и в случае с бранами, такое изображение проблематично. Пространство в нашем опыте является объемом, а не плоским листом, растягиваемым

22 Термин происходит от «мембраны».

наподобие резины, поэтому нам трудно сопоставить изгиб листа и искривление пространства, в котором мы живем. Легко представить, как мячик изгибает резиновый лист, но трудно представить, как Земля «изгибает космос». Аналогия с резиновым листом привносит посторонние смыслы. Мячик прогибает резиновый лист в направлении поверхности земли под воздействием силы тяжести. Но в космосе нет ни верха, ни низа. Поэтому метафора лишь приблизительно передает суть явления, смешивая его с эффектами иной природы.

У каждой (научно-популярной) физической теории есть собственный «аппарат» для визуализации. В ход идут различные приемы и метафоры, отсылающие к одному и тому же означаемому. Когда речь заходит о визуализации пространства, в одном случае появляются браны, в другом – координатная сетка или резиновый лист. Могут возникать и другие образы. Например, «бранная» Вселенная и Вселенная Линде будут изображаться по-разному даже в рамках одного и того же фильма. «Бранная» вселенная – это плавающие друг возле друга плоские «листы», Вселенная Линде – раздувающиеся пузыри.

Визуальная структура научно-популярного фильма в итоге складывается из множества не соотносящихся друг с другом элементов. Фильм дробится на серию красочных картинок. Загадочные и красивые рисунки, возникающие всего на несколько секунд, должны привлечь внимание зрителя и заинтриговать его содержанием фильма. При этом ключ для сборки и сопоставления разнородных изображений в фильме, как правило, отсутствует.

Заканчивая обзор, мы не можем не коснуться псевдонаучного кино. Как правило, такие фильмы не являются полностью ложными, но совмещают в себе правдивые и ложные факты о науке, как это происходит в фильме «Вода» (также «Великая тайна воды»; Россия, 2006, Анастасия Попова). Фильм, получивший ряд наград в номинации научно-популярное кино, академическое сообщество объявило псевдонаучным[23]. «Великая тайна воды» рассказывает о необычайных свойствах этой жидкости: вода – самое удивительное вещество на земле, «структура» воды важнее, чем ее химический состав; вода имеет память – она запоминает хорошие и плохие слова, в зависимости от воздействия слов может оказывать влияние на людей и природу; с помощью слов, молитв и обрядов можно вызвать или прекратить дождь.

Фильм использует риторику научно-популярных фильмов. В качестве экспертов задействованы академики, профессора, исследователи. Среди них – нобелевский лауреат по химии Курт Вютрих. Он появляется в фильме четыре раза, чтобы произнести несколько коротких фраз и сообщить малозначимые тривиальные сведения. Однако статус нобелевского лауреата и его слова должны служить подтверждением основным идеям фильма. В кадр то здесь, то там

---

[23] Э. Кругляков: Лженаука – путь в Средневековье // *В защиту науки,* (2) 2006, 32.

попадает лабораторное оборудование, создающее антураж настоящей науки. Закадровый голос сообщает сведения, о воде (вещество с самым высоким поверхностным натяжением), присутствие которых также работает на усиление авторитетности сказанного. Зрителю демонстрируются результаты «эксперимента». Если заморозить воду, по теории авторов фильма, образовавшиеся кристаллы будут иметь особую форму в зависимости от того, какими словами или информацией она была обработана. Например, ругательства и тяжелый рок производят кристаллы неправильной формы, а добрые слова, молитва и классическая музыка приводят к образованию кристаллов красивой симметричной формы. Зрителю показывают различные кристаллы, при этом сообщают слова, которые вызвали такую форму, или дают послушать музыку, эти объекты породившую.

Вульгарная наука и функция невежества: вместо заключения

В процессе популяризации научных идей исходное информационное сообщение трансформируется двояким образом. Во-первых, оно поэтизируется и, во-вторых, переводится с абстрактного языка физики и математики на обыденный язык. Если функция невежества представляет научное знание как сложное и антиэстетическое, то в научно-популярном кино оно поэтизируется и упрощается за счет ярких метафор и иных риторических приемов визуальных и вербальных. Причем, одна из задач метафор – протянуть связующие нити между научными идеями и объектами культуры, которые мы считаем наиболее значимыми. Таким образом, наука становится привлекательной, а ее идеи – понятными. Всякое знание – от теории струн, признанной лидером сложности среди современных физико-математических теорий, до квантовой механики – интерпретируется как нечто настолько простое, что можно уяснить без специальной подготовки.

И все же следует сохранять осторожность, положительно оценивая работу популяризации. Повторим вслед за Лотманом: «Подобные толкования труда ученого были бы только смешны, если бы не причиняли непосредственного вреда»[24]. Прежде всего, вопросы вызывает сам процесс эстетизации. Ученые и сами отмечают эстетические достоинства своих наук. Например, знаменитый математик Харди последовательно доказывал, что единственная ценность математики – это поэтика, красота ее идей. Математика (то же самое можно сказать и о физике) похожа на поэзию, но, по мнению Харди, лучше нее: «Мы видим, что скудность идей вряд ли влияет на красоту словесного узора. С другой стороны, у математика нет другого материала для работы, кроме идей, из-за чего создаваемые им образы с большей вероятностью будут существо-

[24] Лотман, цит. соч., 6.

вать, так как идеи изнашиваются со временем меньше, чем слова»[25]. Пусть взгляд Харди радикален, но он позволяет увидеть важное различие: красота наук – не язык, на котором говорят, а идеи, о которых говорят. Тогда как в случае популяризации мы сталкиваемся с обратной ситуацией: риторические приемы побуждают концентрировать внимание на внешних, чисто произвольных формах, не имеющих отношения ни к науке, ни к ее идеям.

Физики говорят о стройности и элегантности теории струн, имея в виду ее *математическую* структуру. Фильм же эстетизирует ложный визуальный образ, который является произвольным творением художника. Этот эффект отметил американский физик Дмитрий Линде. Он рассказывал, как созданная им красочная визуализация универсума покоряла журналистов и спонсоров, в то время как сама идея «раздувающейся вселенной», изложенная на словах, не вызывала никакого энтузиазма[26]. Теперь сам Линде и его модель часто появляются в популярном кино. Таким образом, визуальный язык кинематографа обеспечивает связь науки и популярными представлениями о ней. От художников (в широком смысле), а не от ученых сегодня зависит то, какие научные идеи будут *привлекательны* для общества.

Так как производимая в научпопе привлекательность не зависит от «красоты» идей, она одинаково может возвеличивать и науку, и антинауку, как это было в фильме «Вода», наполненном красочными пейзажами и спецэффектами. Сосредоточенность на внешней, в той или иной мере случайной стороне явления, зачастую исключает понимание сути, которая за скрыта за декорацией образов.

Один из примеров – фракталы. Фракталы хорошо известны широкой публике, галереи с их изображениями заполняют веб-пространство. Одно из первых графических изображений фракталов создал около 1979 года Бенуа Мандельброт с помощью компьютера. Однако задолго до Мандельборта, в начале XX века, французский математик Гастон Жюлиа исследовал эту тему. Его работа получила известность и признание среди ученых, но была забыта до тех пор, пока Мандельброт не научился изображать фракталы – сложные и красочные визуальные структур с множеством деталей, высокой симметрией, наполненные красочными, яркими цветами[27]. Фракталы, показанные таким образом, стали частью массовой культуры. Но математическая идея фракталов в результате визуализации была трансформирована.

---

25 Г. Харди*: Апология математика* / пер. Ю. Данилова. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000, 56.

26 А. Линде: Многоликая Вселенная // *Транскрипт публичной лекции.* ФИАН, 2007. Режим доступа: http://elementy.ru/lib/430484.

27 Х.-О. Пайтген, П.Х. Рихтер: *Красота фракталов. Образы комплексных динамических систем.* М.: Мир 1993, 11.

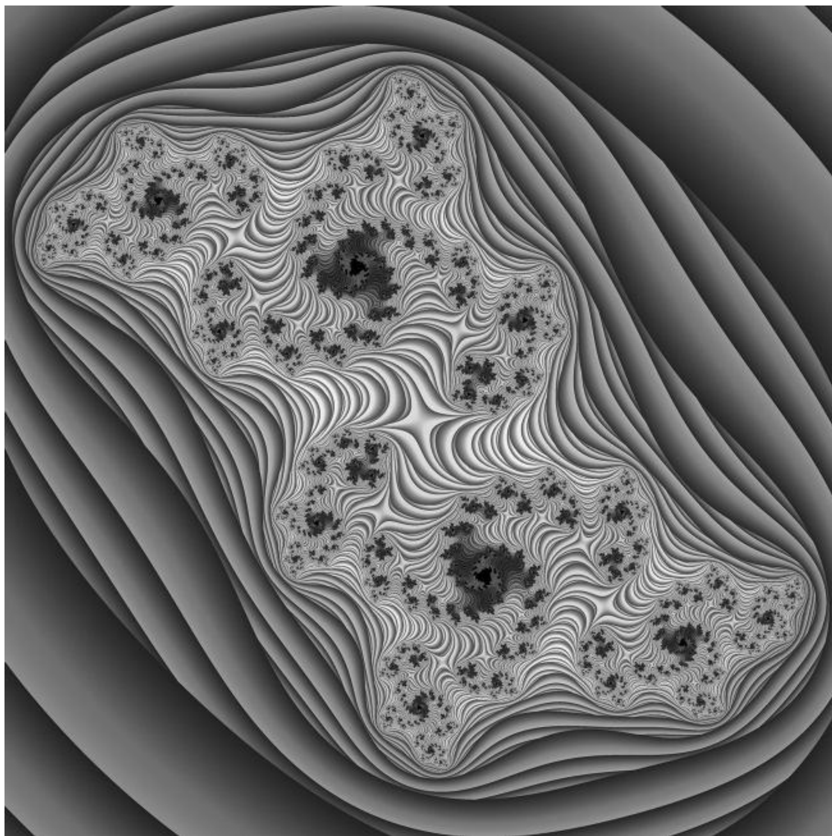

Рис. 5. Сгенерированное на компьютере изображение фрактального множества. Иллюстрация подготовлена автором.

Вульгаризованное знание сводит сложные вопросы к объяснениям, которые кажутся простыми. Изложение под видом истинной науки метафоры струн, бран и чудес квантовой механики – это замещение научного знания суррогатом, который, однако, производит впечатление ясности и простоты. Этот суррогат способен порождать уверенность в том, что, рассуждая о науке, можно опираться на изложенные вульгарным языком идеи-метафоры, которые подаются так, что их легко воспринять буквально. Следует понимать, что всякое рассуждение на их основе будет, по большому счету, ложно. И ложно тем более, чем менее адресат сообщения осознает условность данного ему объяснения. Образ атома в виде ядра, вокруг которого вращаются шарики-электроны, ложен во всех смыслах, включая масштаб. Но он прост и выглядит как знак-икона. Иллюзия ясности внушает неспециалисту уверенность в то, что она или он могут ответственно решать вопросы, связанные с этой темой. Конечно, обсуждение научных вопросов неспециалистами вполне возможно. Другое дело, когда неверно понятые научные вопросы становятся темой псевдонаучной дискуссии, разво-

рачивающейся на разных культурных и медиаплощадках. Как это было в случае с дебатом об опасностях и рисках Большого адронного коллайдера.

Популяризация науки может способствовать знакомству с теми или иными научными идеями и увеличивать их популярность. Но трансформация специализированного научного дискурса в дискурс, разделяемый широкой публикой, нередко придает научным знаниям вульгаризированную форму. Содержание научных теорий искажается до такой степени, что они сближаются с антинаукой и вымыслом. Это – тёмная сторона благородного стремления популяризаторов сделать научные темы, которые кажутся важными, общим достоянием и частью современной культуры.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ, ИНТЕРНЕТ-МНОЖЕСТВО И ПЕРСПЕКТИВЫ DIGITAL HUMANITIES

Рецензия на книгу: Crowdsourcing Our Cultural Heritage / ed. by Mia Ridge. Ashgate, 2014. (Digital Research in the Arts and Humanities). 283 pp.[1]

Александра Касаткина[2]
(МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Рецензируемый сборник представляет собой одно из первых масштабных обобщений опыта краудсорсинга в гуманитарной сфере. О вовлечении добровольцев в реализацию гуманитарных инициатив в цифровых средах первыми написали С. Данн и М. Хеджес. В 2012 году они провели большое исследование актуальных проектов, а затем опубликовали отчет о состоянии и перспективах гуманитарного краудсорсинга[3]. До них выходили главным образом описательные статьи о проектах[4], а редкие аналитические обобщения страдали умозрительностью[5]. Книга под редакцией Миа Ридж, куда вошла и статья Данна и Хеджеса, знаменует поворот от накопления критической массы заметок

---

1 Текст подготовлен в рамках коллективного проекта «Краудсорсинг в гуманитарных исследованиях: новые технологии и коммуникативные режимы производства знания в цифровую эпоху» (руководители А.Л. Зорин, Г.А. Орлова), реализуемого в ШАГИ РАНХиГС в 2015 году.

2 Александра Касаткина – младший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера), СПб., в 2014 и 2015 годах приглашенный исследователь ШАГИ РАНХиГС (Карамзинская стипендия), сотрудник Обнинского цифрового проекта.

3 S. Dunn, M. Hedges: *Crowdsourcing Scoping Study. Engaging the Crowd with Humanities Research*, AHRC Crowd Sourcing Study. Final Report, Center for E-Research, Department of Digital Humanities, King's College London, 2012. Режим доступа: http://crowds.cerch.kcl.ac.uk/wp-content/uploads/2012/12/Crowdsourcing-connected-communities.pdf

4 M. Springer, B. Dulabahn et al: *For the Common Good: The Library of Congress Flickr Pilot Project*. Technical Report, Library of Congress, 2008. Режим доступа: http://www.loc.gov/rr/print/flickr_report_final.pdf; R. Holley: *Many Hands Make Light Work: Public Collaborative OCR Texts Correction in Australian Historic Newspapers, National Library of Australi*a, 2009; J. Trant: Tagging, Folksonomy and Art Museums: Early Experiments and Ongoing Research , in: *Journal of Digital Information*, 10/1 (2009).

5 G. Rockwell: Crowdsourcing in Humanities: Social Research and Collaboration , in: *Collaborative Research in the Digital Humanities* / G. Rockwell, W. McCarty, M. Deegan (eds.). Ashgate, 2012, 135–154.

о реализации краудсорсинговых проектов к эмпирически обоснованной рефлексии в отношении одного из самых интересных новообразований цифровой эпохи.

Краудсорсинг[6] как новая технология менеджмента трудовых ресурсов, ориентированная на масштабы Всемирной сети и основанная на платформенном распределении усилий обитателей Интернета, начинался с коммерческих проектов и уже проник в науку и культуру. Сейчас под «зонтиком» этого термина может скрываться конкурс на дизайн футболки или лучшее фармацевтическое решение, коллективное картирование лесных пожаров или локальных изъянов в благоустройстве, проведение анкетного опроса через специализированную платформу или пользовательские исследования в оцифрованном архиве, отбор фотографий для выставки через интернет-голосование или классификация фотографий галактик, коррекция сканов архивных газет или сбор информации о старинных фотографиях у пользователей социальных сетей. При всем разнообразии программ, способов вовлеченности, технологических решений и идеологических обоснований распределенной работы общим признаком краудсорсинговых проектов остается решение задач, непосильных компьютеру, усилиями пользователей Интернета, объединенных специализированными платформами. Платформа поддерживает разделение проекта на микрозадачи, распределение их между пользователями и сборку полученных результатов.

Сборник под редакцией Миа Ридж объединяет серию статей, посвященных участию добровольцев в цифровой работе по аккумуляции, систематизации, изучению и курированию культурного наследия. Цифровые технологии хранения и распространения информации позволяют показать публике артефакты и документы, которые веками пылились бы в далеких закромах. Но, как не понаслышке знают авторы статей сборника, мало отсканировать и поместить в Интернет текст или картину. Чтобы они стали доступными поиску, их нужно снабдить метаданными, отсканированные тексты – распознать, а рукописи – транскрибировать вручную. Собственными силами музеям, библиотекам и архивам с этим не справиться, особенно на фоне повсеместных сокращений их финансирования. А тут интернет-пользователи с нешуточным энтузиазмом обсуждают фотографии и выставки, проводят собственные исторические и генеалогические исследования, транскрибируют фрагменты документов из онлайн-архивов – то есть по собственной инициативе начинают работу с культурным наследием. Именно эту энергию задействует Музей Бруклина, когда предлагает выбрать онлайн-голосованием фотографии или картины для будущей

---

6 Термин «краудсорсинг» в качестве собирательного имени для разнообразных способов агрегированного использования вкладов crowd, «толпы» пользователей Интернета, для решения больших задач предложил Дж. Хоу (J. Howe: The Rise of Crowdsourcing, in: *Wired Magazine*, 14 (2006), 1–5).

выставки. На нее рассчитывают Нидерландский институт звука и изображения и держатели цифрового хранилища живописи музеев Британии, когда через краудсорсинговые платформы организуют присвоение тэгов нидерландским телешоу и коллекциям картин. Национальный морской музей Великобритании предлагает интернет-пользователям транскрибировать рукописные корабельные журналы XIX-XX веков. Юниверсити колледж Лондона приглашает к расшифровке рукописей И. Бентама. Американский Центр истории и новых медиа Роя Розенцвейга открывает для совместной обработки ранние архивные документы США, Публичная библиотека Нью-Йорка – десятки тысяч меню нью-йоркских ресторанов за все время их существования, а Национальная библиотека Уэльса – валлийские топонимы или тексты завещаний. Обо всех этих проектах рассказывается в рецензируемой книге.

Разметка поля: руководство для практиков

Редактор сборника Миа Ридж – профессионал в области цифровых технологий для музеев и куратор в группе цифровых коллекций Британской библиотеки, занятой введением оцифрованных документов в научный обиход. В предисловии она обрисовывает контекст появления краудсорсинга в сфере культурного наследия, отмечая его генетические связи и с коммерческими инновациями, и с культурой web 2.0, и парадигмой user generated content. Обобщая опыт «первопроходцев», она фокусируется на адаптации технологий краудсорсинга к специфическим задачам, ценностям и традициям культурных институций. Ридж упоминает об открытом софте, науке граждан[7], участвующих архивах, расширении социальной миссии институций. Размышляя о перспективах, она делает ставку на совершенствование технологий цифрового опосредования вкупе с расширением участия публики в решении исследовательских задач, а не только в механическом структурировании сырого контента, который выносят на краудсорсинг собранные в книге проекты.

Согласно предисловию, издание призвано помочь практикам достичь своих целей в краудсорсинговых проектах, а также разметить зарождающееся поле краудсорсинга культурного наследия. Эти задачи выполняют эмпирический и теоретический разделы сборника.

Главы первого раздела содержат описание различных сочетаний институциональных ситуаций краудсорсинга, материалов и задач, предложенных для совместной работы. Здесь можно найти

---

7 Наука граждан, или гражданская наука (citizen science), – участие непрофессионалов в научных проектах на стадии сбора эмпирических данных (например, наблюдений за птицами), не требующее специальных умений (R. Bonney, Ch. Cooper et al: Citizen Science: A developing tool for expanding science knowledge and scientific literacy, in: *Bio Science,* 59 /11 (2009), 977–984.

подробные описания проектов, анализ их реализации и нередко – практические рекомендации. Плотность технических деталей платформ и аналитических диаграмм нарастает постепенно и достигает пика в тематических блоках, посвященных проектам, где добровольцы транскрибируют рукописи (четыре текста) и тэгируют изображения (два текста). Авторы предлагают свои технологии для всеобщего пользования в надежде на грядущую стандартизацию протоколов работы с данными, собираемыми для институций культурного наследия. Создание открытой единой базы документов – один из ориентиров их публичной деятельности. Эти деловитые тексты, где интернет-аудитория представлена главным образом в виде количественных показателей, перемежаются более расслабленными по ритму описаниями транскрибирования корабельных журналов и линеек участвующих проектов Музея Бруклина и Национальной библиотеки Уэльса. Главной целью этих организаций, позиционирующих себя в качестве локальных культурных и информационных центров, в сфере краудсорсинга становится работа с локальными сообществами. В этих статьях чувствуется присутствие живых людей, проступающее в цитатах из комментариев в блоге проекта, в фотографиях с музейных выставок или в рассказе о контактах библиотеки с хранителями уникальных исторических документов.

Четыре главы аналитического раздела представляют основные способы проблематизации краудсорсинга в сфере культурного наследия: обсуждается судьба авторитета экспертов, ставятся под вопрос границы между профессионалами и рядовыми пользователями (А. Эвелей и Л. Филипс), обозначаются перспективы исследовательского гуманитарного краудсорсинга (С. Данн и М. Хеджес), предпринимается попытка приспособить краудсорсинг к ценностям культурного наследия (Т. Оуэнс). Вопреки ожиданиям, второй раздел не является аналитическим продолжением эмпирических материалов первого. Статья Александры Эвелей, исследователя теории и практики участвующих архивов, посвящена возможностям архивного краудсорсинга, который не представлен в эмпирическом разделе, поскольку архивы с их цеховой закрытостью пока осваивают вовлечение публики в работу с коллекциями больше в теории, чем на практике. Для Лори Филипс, координатора цифрового контента в Детском музее Индианаполиса, краудсорсинг – только повод для рассуждений о проблемах профессиональных музейщиков перед лицом новых ожиданий посетителей, сформированных открытостью и многоголосьем сетевой культуры.

Такая композиция книги, где эмпирический раздел предшествует аналитическому и вдвое превышает его по размеру, наводит на размышления о статусе теории в сфере гуманитарного краудсорсинга. И проблемы для анализа, и материал для теоретических размышлений заимствуются из практики реализации конкретных проектов. При этом вопросы, которые поднимаются в текстах эмпирического раздела, в аналитических статьях сборника затрагива-

ются, но не раскрываются. Организаторы краудсорсинга (краудсорсеры), чувствительные к аналитике, не рассуждают о новой – дозированной – социальности сетевого/цифрового мира, в котором далеко не все волонтеры, занятые в проекте, стремятся к общению друг с другом. Они не задумываются о культурных и политических последствиях широкой интеграции краудсорсинга в работу культурных институций, сопровождающейся стандартизацией инструментов и освоением крупных платформ. Они не обсуждают перспективы объединения аналитических возможностей человека и машины. Зато фиксируют способы ведения краудсорсинговых проектов, дающие повод обо всем этом рассуждать. Например, они используют тэги, сделанные интернет-добровольцами, для улучшения семантического поиска по архиву музея. Книга под редакцией Миа Ридж – значительный шаг в осмыслении эмпирического опыта, накопленного в сфере краудсорсинга культурного наследия, но многое здесь еще только предстоит сделать.

Краткая информация об авторах сборника позволяет очертить круг профессий и дисциплин, представители которых неравнодушны к гуманитарному краудсорсингу. Это исследователи в сфере медиа, Интернета, цифровых архивов, digital humanitiesи практики – кураторы, руководители цифровых подразделений культурных институций. Некоторые, подобно Ридж, которая недавно защитила диссертацию о практиках участия публики в цифровой истории, имеют опыт совмещения позиций исследователя и практика. При этом больше половины эмпирических текстов и только один текст в теоретическом разделе написаны в соавторстве. Гуманитарии довольно редко публикуют совместные тексты, а краудсорсинг в сфере культурного наследия – это всегда сотрудничество большого количества профессионалов, тесный союз исследователей и практиков. Так что гуманитарии вовлекаются в непривычный режим разделенной работы и осваивают совместное письмо.

Лицом к лицу с интернет-множеством

Итальянский философ Пауло Вирно предлагает определять доминирующую форму социальности современного мира как множество, находящееся между единичным существованием индивида и единством коллектива[8]. Это хорошо описывает социальный мир Интернета: его технологическое устройство позволяет пользователям создавать гибкие временные альянсы, сохраняя при этом ту степень личной автономии, которая удобна каждому. Краудсорсинговая технология организации труда помещает интернет-множество в позицию субъекта распределенного действия, опосредованного дигитально.

---

[8] П. Вирно: *Грамматика множества. К анализу форм современной жизни*, М.: Ад Маргинем Пресс 2013, 96.

Судя по рассматриваемой книге, взаимодействие с распределенным субъектом оказалось непростой задачей для культурных институций. Миа Ридж замечает, что многие авторы избегают слова «краудсорсинг», как будто им неуютно иметь дело с анонимной «толпой». Да это часто и не соответствует действительности, поскольку в их проектах принимают участие не все подряд, а заинтересованное меньшинство, способное освоить нужные навыки. Поэтому говорят о «просеивании толпы» – crowd-sifting. В ход идут термины «добровольцы», «участники», «сообщество» (community), «микроволонтерство» (с. 4). Эти концепты позволяют провести связь с существующими в музеях и библиотеках традициями участия волонтеров или локальных сообществ. Авторы текста о проектах Национальной библиотеки Уэльса предлагают заменить термин «краудсорсинг» на найденный в валлийском языке эквивалент *cyfrannu torfol* – «коллективный вклад». Словарное значение этого валлийского словосочетания подчеркивает коллективность вовлечения, а авторы текста делают упор на множественность перспектив, которую дает участие многих (с. 141).

Тревор Оуэнс (Библиотека Конгресса), автор одного из рамочных теоретических текстов сборника, считает «crowd» тем элементом краудсорсинга, который нуждается в модификации, чтобы обеспечить соответствие ценностям культурного наследия. По его мнению, культурные институции должны ориентироваться не на всю интернет-«толпу», а на заинтересованное меньшинство энтузиастов, которое сможет справиться с их задачами. Надежда на работу с узкой, легко идентифицируемой группой (например, с сообществом профессиональных историков, которые транскрибируют ранние документы американской истории для своих исследований) слышится и в некоторых текстах практического раздела.

Краудсорсеры, ставшие авторами этого сборника, чрезвычайно озабочены технологиями вовлечения интернет-аудитории в свои задачи. А потому считают своим долгом внимательно изучать участников, получать от них обратную связь и реагировать на пожелания. Целые разделы в главах книги заполнены цифрами и графиками, демонстрирующими состав, мотивацию, активность добровольцев. По этим графикам видно, как одни проекты привлекают узкие группы профессиональных исследователей, а другие – широкий круг любителей искусства, истории или просто тех, кому нравится чувствовать себя частью большого и важного начинания. Или как среди интернет-множества выделяются небольшие группы «суперучастников», выполняющих большую часть работы.

Авторы сборника уверены, что формирование сообщества преданных участников – важное условие привлекательности проекта и гарантия долгосрочного участия волонтеров. Только Кэтрин Эклз и Эндрю Грег – организаторы тэгирования живописи британских музеев – публикуют результаты опроса, показывающие, что среди тэгировщиков велика доля одиночек, которые ценят автономию своего труда и не стремятся к общению (с. 201). Важный

текст сотрудников проекта *Transcribing Bentham*, работающего с рукописным наследием Бентама, о неудачном опыте консолидации цифровых волонтеров в сообщество был опубликован за пределами рецензируемой книги[9].

Майкл Ласкаридес и Бен Вершбоу из Публичной библиотеки Нью-Йорка пишут о работе с расшифровками ресторанных меню в категориях «разделенного владения» («shared ownership») или цифрового «соседства» («neighborhood»), где каждый из работающих бок о бок в wiki-режиме отвечает за качественную расшифровку документов, то есть может править ошибки других (с. 135). Краудсорсеры подчеркивают, что не стали настаивать на регистрации пользователей, чтобы не оттолкнуть тех, кто привык к анонимности и мимолетности интернет-скольжения (с. 132–133). И таким образом, несмотря на метафору «соседства», отсылающую к традиционным социальным связям, они приближаются к осмыслению аудитории своего проекта как «множества» в том смысле, который вкладывает в это слово Вирно.

В текстах книги под редакцией Ридж отразилось, как при помощи игры с определениями, тщательного изучения мотивации участия и тактик удерживания волонтеров в проектах, использующих паутину сетей, сообществ, соседства, организаторы совместной работы в сфере культурного наследия пытаются освоить и «одомашнить» интернет-множество. И как многие проекты сами существенно изменяются под влиянием своих аудиторий. Приспосабливаются интерфейсы, меняется функционал платформ (с. 7), даже изначально заявленные цели краудсорсеров могут сместиться или расшириться. Именно это произошло с проектом *Old Weather*, который начинался как климатологический проект, но под влиянием интересов аудитории, вовлеченной в расшифровку корабельных журналов, был дополнен историческим измерением (с. 54).

Crowdsourcing и культурное наследие

Рецензируемый сборник – первое развернутое коллективное высказывание о вовлечении цифровых добровольцев в работу с материалами, опознаваемыми в качестве культурного наследия и находящимися на хранении у культурных институций. Судя по текстам, представленным в книге, культурное наследие стало удобной рамкой для включения краудсорсинговых практик в репертуар публичной деятельности культурных институций и развития уже существующих традиций участия. Если культурные организации выступают «наместниками культурной памяти» (с. 277), то вовлечение публики в работу с объектами культурного наследия становится возвращением общего достояния законным владельцам. Что пол-

[9] T. Causer, V. Wallace: Building A Volunteer Community: Results and Findings from Transcribe Bentham, in: *Digital Humanities Quaterly*, 6/2 (2012). Режим доступа: http://www.digitalhumanities.org/dhq/vol/6/2/000125/000125.html.

ностью соответствует риторике культурного наследия, восходящей к «Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия» ЮНЕСКО 1972 года и другим документам, определяющим миссию институций-хранителей в категориях максимального расширения публичного доступа к «общему достоянию человечества».

Так появляется язык, вписанный в музейно-галерейный дискурс и одновременно пригодный для побуждения пользователей Интернета к участию в краудсорсинговых проектах. К тому же мотив «возвращения» позволяет снять этическую проблему бесплатного использования трудовых ресурсов Всемирной сети для работы с культурным наследием. Организаторы транскрибирования старинных ресторанных меню и тэгирования картин британских музеев пишут о том, что им не нужно дополнительно мотивировать своих участников, например с помощью геймификации. Ведь их материал сам по себе увлекателен, а возможность поработать с уникальными источниками является поощрением.

Авторы разделов, испытывая явный дискурсивный дискомфорт от использования концепта «краудсорсинг» с его коннотациями «бездуховной» и расчетливой менеджериальной технологии, парадигму культурного наследия, тем не менее, принимают как данность. Критика характерных для политики культурного наследия стандартизации и искусственного конструирования единой сокровищницы человечества при ведущей роли внешних экспертов[10] остается за строкой сборника. Между тем краудсорсинг мог бы стать ответом на эти критические аргументы. Вовлечение интернет-сообщества в работу с музейными и архивными материалами при участии местных экспертов работает на «локализацию» культурных политик, что особенно заметно в проектах «совместного кураторства». Эта форма краудсорсинга, когда пользователи делятся уникальным знанием об артефактах, выглядит особенно перспективной для организации совместного производства знания представителями различных заинтересованных групп – локальных экспертов, профессиональных исследователей, широкой интернет-публики (с. 236). Электронное комментирование артефактов дает пользователям максимальную свободу для выражения мнений и создает пространство для диалогов и полилогов. В сборнике описан случай «crowd-curation»: интернет-пользователи участвуют в определении состава будущей музейной экспозиции Музея Бруклина. Существуют примеры и более широкого сотрудничества между цифровой публикой и музейщиками в сфере кураторства. Так, этнографические коллекции Полевого музея Чикаго экспонируются онлайн в интерактивном режиме, чтобы носители культуры могли помочь собрать о них информацию.

---

10 J. Turtinen: *Globalising Heritage — On UNESCO and the Transnational Construction of a World Heritage*, SCORE Rapportserie, 12 (2000).

Непроговоренные напряжения краудсорсинга

Тексты рецензируемой книги рассчитаны на профессионального читателя – актуального или потенциального краудсорсера в сфере культурного наследия – и нацелены на демонстрацию внутренней кухни проектов. Здесь нет нужды маскировать нестыковки в устройстве краудсорсинга и производстве высказываний о нем. Но нет и рефлексии о генеалогии этих противоречий и анализа дискурсивных инструментов, используемых для их нейтрализации.

Одна из линий напряжения возникает между партисипаторным дискурсом культурного наследия и экономическим дискурсом. Тревор Оуэнс, занимающий в сборнике позицию идеолога ценностной адаптации краудсорсинга к сфере культурного наследия, изящно обходит вопрос о его экономической обоснованности, когда заявляет, что «если цель – вовлечь людей во взаимодействие с коллекциями и с прошлым, то транскрибированный текст – это не более чем замечательный побочный продукт. А самое важное – это предоставляемая возможность принять участие в значимой деятельности» (с. 278). Но для организаторов краудсорсинга привлечение добровольцев, чей труд не нужно оплачивать, – это еще и значительная экономия затрат на реализацию проекта. Неудивительно, что презентации проектов в книге полны цифр, иллюстрирующих их выгоды, издержки и востребованность.

Цифры впечатляют: почти 5,5 тысяч рукописей транскрибированы и размечены за 3 года, 2 тысячи участников присвоили видеоархиву 420 тысяч тэгов за год, почти 10 тысяч пользователей присвоили тэги 23 тысячам картин за 2 года и т.д. Раздел текста о транскрибировании рукописей Бентама, где сконцентрированы подсчеты по этому проекту, так и называется: *Time and money well spent?* – «Разумно потраченные время и деньги?» (с. 74). Но даже при сохранении взятого темпа на полную расшифровку того же архива Бентама понадобится 12-16 лет. Плюс расходы на разработку платформы и оплату труда профессионалов, поддерживающих ее работу и проверяющих качество трудовых вкладов волонтеров (с. 85).

Напряжение между несовместимыми дискурсивными/моральными порядками обнаруживается в тексте Ласкаридеса и Вершбоу о транскрибировании ресторанных меню. Для авторов важно, чтобы добровольцы ощутили себя ответственными хозяевами в проекте. Но несколькими страницами ранее читатель узнает, что каждый участник перед началом работы знакомится с документом, закрепляющим права на пользование и распоряжение контентом, создаваемом на сайте силами добровольцев, за Публичной библиотекой Нью-Йорка (с. 122). В то время как риторика «общего владения» поддерживает коммунальную утопию цифрового общежития[11], документ о копирайтах необходим для предупреждения

[11] Иначе говоря, *Internet-commons*. *Commons* – сложнопереводимый термин, отсылающий к кластеру юридических, политических и экономи-

возможных претензий на случай, если кто-то откажется разделять этот дискурс – потребует изъять обработанное им меню из публичного архива или захочет платы за работу. Это внутреннее противоречие краудсорсинга хорошо артикулируется на языке марксистской критики и отчуждения[12].

Краудсорсинг между галереей, академией и аудиторией

Рецензируемая книга издана в британской серии «Цифровые исследования в искусстве и гуманитарных науках», которая, по замыслу основателей, призвана служить площадкой для конструирования digital humanities как серьезной академической области. Культурное наследие (heritage) как область идеологии и практики, имеющая дело прежде всего с конкретными вопросами культурной политики и экономики, лишь отчасти пересекается с интересами и приоритетами академии. Но тем не менее многие издания этой серии посвящены практике использования цифровых инструментов для исследования, хранения и репрезентации именно культурного наследия (индуистских храмов, античных текстов). А значит, сферы академических исследований и наследия здесь не разграничены. Что неудивительно. Ведь именно в культурном наследии гуманитарий может найти благодатный материал для пробы цифровых исследовательских инструментов. Результатом цифровых усилий становится создание больших и разнообразных электронных коллекций, представляющих несомненный научный интерес и наделенных социальной значимостью.

Сталкиваясь с краудсорсингом, гуманитарные эксперты чувствуют угрозу сложившейся иерархии хранения и границам своей профессиональной компетенции. Ведь им подчас приходится не только доверять широкой публике свои задачи и открывать свою кухню, но и иметь дело с профессиональными и любительскими сообществами, которые уже работают с этими же материалами. Цифровой гуманитарий Дж. Роквел в статье, опубликованной за два года до выхода рецензируемого сборника, пишет, что участие добровольцев в создании гуманитарных ресурсов в Интернете может привести к прямо противоположным результатам: или забьет последние гвозди в крышку гроба гуманитарной академии, или станет ее спасением, если профессиональные гуманитарии вовремя перехватят инициативу и возьмут организацию волонтерских проектов

ческих реалий англоязычных стран, связанных с регулированием отношений вокруг собственности, находящейся в общем пользовании. Интернет-ресурсы относятся к той разновидности общей собственности, которая не убывает, а, напротив, прирастает и улучшается с ростом числа пользователей. Скажем, чем больше пользователей работает с меню нью-йоркских ресторанов, тем больше они транскрибируют и тем больше чужих ошибок исправят.

[12] M. Wexler: Reconfiguring the sociology of the crowd: exploring crowdsourcing, in: *International Journal of Sociology and Social Policy*, 31(1/2) (2011), 6–20.

в свои руки. Для них это – шанс укрепить слабеющие позиции гуманитарной науки, показать широкой публике, чем занимаются гуманитарии, и обучить ее своим методам работы для всеобщего блага и удовольствия[13].

Миа Ридж предлагает коллегам обходить деликатную проблему распределения экспертного авторитета с помощью риторики культурного наследия: «думать о краудсорсинге в сфере культурного наследия как об облаке проектов, объединенных общим набором принципов, в частности особой ценностью значимого участия и вкладов публики» (с. 4). Эта рамка позволяет справиться и с проблемой качества работы непрофессионалов. Ведь цель краудсорсинга культурного наследия – прежде всего вовлечение, приобщение и производство не столько знания, сколько причастности, памяти, исторического или культурного воображения. На худой конец – структурированного контента на основе сырого материала.

Верификация результатов работы непрофессионалов и возможность введения подготовленных ими материалов в академический оборот – проблема исследовательского краудсорсинга. В проектах, представленных в сборнике, для тэгирования используется «автоматическая» верификация (система засчитывает как верный тэг, полученный от нескольких участников), а для транскрибирования – «человеческая». Там, где текста немного, исправлением ошибок занимаются сами пользователи. Более сложные расшифровки проверяют нанятые профессионалы. И все же, как замечают Данн и Хеджес, выведение произведенных через краудсорсинг источников в поле нормальной науки остается проблематичным (с. 240).

Обучение непрофессионалов и контроль качества их работы в краудсорсиноговых проектах осуществляется на базе цифровой платформы. Неслучайно Тревор Оуэнс описывает эту поддерживающую архитектуру с помощью педагогического термина «скаффолдинг» (с. 275–276). Учитель, использующий эту тактику, старается обеспечить условия, при которых ученик максимально самостоятельно будет выполнять задачи и постепенно осваивать навык. Платформа, направляющая действия пользователя в нужную краудсорсеру сторону, функционирует в качестве протеза, компенсирующего отсутствующее умение. Эвелей сформулировала эту мысль в политических терминах: такая платформа отделяет эксперта от непрофессионалов электронной стеной и берет на себя перевод, не оставляя места для непосредственного диалога и максимально укрепляя границу между ними (с. 223). Исследователям, которые готовы разделить свои профессиональные компетенции с заинтересованной публикой, придется подумать о такой платформе, которая бы позволяла пользователям осознанно осваивать навыки, а не просто автоматически выполнять действия. При этом

---

13 Rockwell, op. cit.

она должна быть достаточно гибкой, чтобы давать простор для творчества.

Авторы текстов рецензируемого сборника осознают образовательный потенциал своих проектов: участники могут стать экспертами по нью-йоркским ресторанам или по истории британских морских путешествий начала XX века. Согласно данным Грега и Эклз, более 40% участников их проекта тэгирования живописи указали «обучение» как один из своих мотивов (с. 199). Но обучающие качества самих платформ авторами сборника не учитываются. Так, Тим Козер и Мелисса Террас из проекта транскрибирования рукописей Бентама считают, что включение элементов технической разметки текста (TEI XML) в их платформу для расшифровки сильно усложнило задачу участников. А значит, повысило риск ошибок и увеличило затраты времени на проверку текстов (с. 81). При этом авторы текста оставляют без внимания образовательный компонент разметки – ведь освоение этой практики позволяет освоить навык работы с TEI XML, развивает специализированное зрение, внимательное к авторскому структурированию рукописных страниц, пометкам, вычеркиваниям и другим важным для исследователя мелочам.

Проект «Дети лодзинского гетто» Мемориального музея Холокоста в США, на который ссылается Ридж в своем предисловии (с. 4), интересен не только как случай гуманитарной адаптации «науки граждан», но и как пример обучающего краудсорсинга. Предлагая пользователям самим проследить в оцифрованных коллекциях документов судьбу одного из тысяч школьников, прошедших через гетто в Лодзи, Музей отдает на откуп публике полноценное исследование. Интерфейс направляет действия пользователя, подсказывая, как организовать работу: с чего начать, какие периоды в биографии выделить, какие базы данных посмотреть. А сотрудник музея комментирует результаты[14].

Безымянный (или даже обладающий именем) энтузиаст, выполняющий полный цикл исследовательской работы, будет занимать маргинальное положение внутри современных иерархий знания до тех пор, пока краудсорсинг не будет признан в качестве одной из возможных практик производства гуманитарного знания. Тексты сборника Миа Ридж – шаг к такому признанию.

Взгляд в будущее

В сентябре 2015 года в Кингз-колледже в Лондоне – одном из ведущих британских центров digital humanities – на семинаре при участии Миа Ридж обсуждалась траектория развития гуманитарного краудсорсинга, превращение этой технологии из метода обработки данных, некритично воспринятого от «большой науки»,

---

[14] E. Frankle: More Crowdsourced Scholarship: Citizen History, in: *Center for the Future Museums Blog,* 2011. Режим доступа: http://futureofmuseums.blogspot.ru/2011/07/more-crowdsourced-scholarship-citizen.html.

в «средство по-новому задавать вопросы к рыхлым и неисчисляемым гуманитарным данным при участии “непрофессионалов”»[15]. Эта линия эволюции в точности совпадает с «волнами» digital humanities, описанными Д. Берри: движением от создания инфраструктуры машиночитаемых ресурсов к многоступенчатой рефлексии изменений, которые цифровой медиум и инструментарий приносит в производимое знание[16]. Примечательно, что именно сотрудничество стабильно опознается в качестве одного из атрибутов гуманитарного знания, пережившего цифровое расширение. Разделяют эту точку зрения и авторы веселого и вдохновляющего Манифеста цифровых гуманитариев 2.0, которые предсказывают фундаментальные институциональные и эпистемологические трансформации гуманитарного знания под натиском цифровых технологий[17]. Из этой перспективы академический краудсорсинг – подходящий инструмент для демократизации науки и децентрализации знания. Если так, то участники проектов в сфере культурного наследия и авторы рецензируемого сборника, артикулирующие практику гуманитарного краудсорсинга, прямо сейчас создают базу для грядущего эпистемологического прорыва.

[15] Режим доступа: http://www.kcl.ac.uk/artshums/depts/ddh/eventrecords/2015/crowdsourcing.aspx.

[16] D. Berry: Computational Turn: Thinking About the Digital Humanities, in: *Culture Machine*, 12 (2011).

[17] T. Presner et al: *The Digital Humanities Manifesto 2.0,* 2010, Режим доступа: http://www.humanitiesblast.com/manifesto/Manifesto_V2.pdf.

КАРТОГРАФИРУЯ ЦИФРОВУЮ АНТРОПОЛОГИЮ
Рецензия на книгу: Digital anthropology / ed. H. Horst, D. Muller. L.: Berg, 2012. 316 P.

Виктория Константюк[1]

Традиционно антропология имела две основные задачи: понять, что значит быть человеком, и изучить, как человечество по-разному реализуется в многообразных культурных формах. Эти задачи приобрели новый импульс в связи с дигитализацией, что мы и видим на примере антологии «Цифровая антропология» под редакцией Хизер Хорст и Даниеля Миллера.

Книга аккумулирует идеи более десятка антропологов, работающих с цифровой культурой, высвечивая перспективы и ограничения антропологического подхода к *цифровому*. «Цифровая антропология» состоит из пяти разделов, которые объединяют тематически близкие статьи: «Введение», «Местоположение цифровой антропологии», «Социологизируя цифровую антропологию», «Политизируя цифровую антропологию», «Конструируя цифровую антропологию». Для сборника характерен широкий охват тем, присутствие различных точек зрения и голосов, которые демонстрируют разнообразие и важность подходов к *цифровому* в рамках социальной и культурной антропологии. Каждая из статей сборника демонстрирует влияние цифровых технологий на повседневную жизнь в разнообразных культурных контекстах. В книге рассматривается широкий спектр цифровых практик: виртуальные миры (на примере Second Life), социальные сети и культурные различия по их использованию (на примере Facebook, YouTube), геолокационные медиа (Google Earth, навигаторы), цифровая политика, влияние цифровых технологий на музеи, дизайн, развитие новых игровых сообществ.

Введение под названием «Цифровое и человеческое: перспективы цифровой антропологии» можно рассматривать как нечто большее, чем просто описание задумки и обзор статей сборника. Скорее, это – центрообразующая статья, задающая тон всему сборнику, где предпринята амбициозная попытка осмыслить статус цифровых интервенций в производстве антропологического знания, выявить сходства и отличия цифровой и не-цифровой перспектив в современной антропологии.

[1] Виктория Константюк – культуролог, преподаватель департамента медиа Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс, Литва).

Здесь редакторы сборника Хизер А. Хорст и Даниель Миллер дают четкое определение *цифровому,*[2] включая в эту категорию все то, что может быть сведено к двоичной системе нулей и единиц (в отличие от иного подхода к определению *цифрового*, связанного с производством различия между цифровым и аналоговым форматами). По мнению авторов, развитие двоичного кода радикально упростило информацию и коммуникацию, создало новые возможности конвергенции между тем, что было ранее разрозненным в плане технологий и содержания. Перспектива *цифрового* позволяет взглянуть иначе на базовую для антропологии как дисциплины проблему, что значит быть человеком сегодня. Антропология – одна из немногих областей знания, предоставляющих возможность погрузиться в процесс, с помощью которого цифровая культура становится культурой нормативной, и понять, что изменилось в понимании человека и самой культуры с приходом новых технологий.

Опираясь на статьи авторов сборника «Цифровая антропология» и идеи других антропологов медиа, редакторы выделяют шесть принципов или ключевых вопросов цифровой антропологии как субдисциплины.

Во-первых, цифровые технологии и медиа усилили (а не уменьшили) диалектический характер культуры. *Цифровое* определяется как все то, что может быть в конечном счете сведено к двоичному коду (0 и 1), а также то, что производит дополнительные особенности и различия. Диалектика заключается в одновременном росте универсальности и специфичности, во взаимосвязи их положительных и отрицательных эффектов. В своих размышлениях о диалектике авторы обращаются к идее Кита Харта[3] – одного из наиболее известных специалистов в области экономической антропологии – о том, что деньги могут быть полезным прецедентом в отношении *цифрового*, т.к. основой модернистской денежной системы стало десятичное исчисление[4] (как сегодня двоичное – для *цифрового*). Размышления о последствиях влияния денег на общество и человека становятся основанием для антропологического ответа на вызовы *цифрового*. Ведь еще Зиммель полагал, что именно деньги позволили человечеству продвинуться к новому

---

2 Этимология английского *digital* предполагает бинарность (двоичный код), которая исчезает при переводе на русский язык понятием *цифровое.* Возможно, более уместно было бы использовать в русском языке концепт *дигитальное.*

3 См. K. Hart: *The Memory Bank: Money in an Unequal World*. L.: Profi le Books, 2000; K. Hart: *The Hit Man's Dilemma: Or Business, Personal and Impersonal*. Chicago: University of Chicago Press for Prickly Paradigm Press, 2005; K. Hart: Money Is Always Personal and Impersonal, in: *Anthropology Today* 23/5 (2007), 16–20.

4 Десятичная денежная система – это система с использованием принципа десятичного дробления денежных единиц. Под влиянием русской, французской и американской монетных систем в течение XIX века на десятичный принцип денежного счета перешло большинство стран Европы.

воображению/осознанию себя. Авторы введения также опираются на идею Гегеля об одновременном росте всеобщего и особенного. *Цифровое* производит переизбыток информации и значительно превосходит простую *коммодитизацию*[5], связанную с деньгами и индустриализацией, в ее способности множить разницу. Кроме того, цифровые технологии делают деньги еще более абстрактными, более детерриторизированными, более эффективными. Для К. Харта, *цифровое* не только «усугубляет» проблему денег, но может быть частью её решения, так как новые деньги и схемы оплаты, основанные на Интернете, могут обеспечить более демократизированные и персонализированные системы обмена. Например, PayPal и eBay раскрывают освободительные возможности цифровых денег и торговли. В статье Елены Каранович «Свободное программное обеспечение и политика обмена» (раздел «Политизируя цифровую антропологию») свободное программное обеспечение, такое как Linux, UNIX, Napster и Firefox, рассматривается в качестве способа ухода от бесконечного увеличения коммодитизации. В то же время Д. Миллер, полагает, что люди борются с чувством отчуждения и поверхностности не только посредством ресоциализации денег, но и через потребление товаров в их специфичности.

Во-вторых, рост цифровой культуры не увеличил степень опосредованности[6]. Это утверждение позволяет уйти от излишней фетишизации и романтизации до-цифровой реальности как более подлинной. Для антропологии не существует неопосредованной реальности, в то время как в других областях цифровых исследований реальное и виртуальное противопоставляются. Так, по мнению редакторов сборника, смысл известной книги Шерри Теркл[7] заключается в том, что предыдущие формы социальности были более естественными и подлинными в силу меньшей опосредованности. Авторы «Цифровой антропологии» связывают данную тенденцию с протестантским желанием (идеалом) непосредственного субъективного опыта соприкосновения с божественным [8].

---

5 Коммодитизация (англ. commoditization) – процесс перехода товаров/услуг из марочной категории в категорию продуктов массового спроса (ширпотреба). Это становится возможным, когда товары/услуги создаются из стандартизованных компонентов и комплектуются по стандартизованной (конвейерной) технологии.

6 Используется английский термин *mediation* (опосредование, медиация), имеющий более глубокое онтологические значение в отличие от термина *mediatization* (медиатизация), который актуален для немецкоязычной традиции исследования медиа. См. S. Livingstone: On the mediation of everything, in: *Journal of communication*, 59 /1 (2009), 1–18.

7 S. Turkle. *Alone Together*. N.Y.: Basic Books. 2011.

8 Здесь уместно вспомнить С. Жижека, который осуществляет историизацию виртуальности, т.е. осмысляет виртуальность и виртуального субъекта как явления, существовавшие в обществе до Интернета, а Интернет и киберпространство – как одну из форм этой виртуализации и, соответственно, медиа(тиза)ции. См.: С. Жижек. Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия // *Искусство кино*, 2 (199)8. Режим доступа: http://kinoart.ru/archive/1998/02/n2-article19).

В-третьих и в-четвертых, приверженность холизму и культурный релятивизм, тесно связанные между собой. *Цифровое* расположено как в глобальном, так и в локальном. А антропология и этнография – больше, чем только методы. Например, сегодня антропология должна выработать свое собственное отношение к «большим данным» (Big Data).

В-пятых, амбивалентность и принцип открытости/закрытости. Противоречие открытости и закрытости, возникающее в виртуальных мирах, было показано, по мнению редакторов антологии, уже в основополагающей статье Уильяма Диббелла «Изнасилование в киберпространстве» (1993)[9], описывающей ранние виртуальные миры. Интернет постоянно обещает новые формы открытости, которые следуют за вызовами новых ограничений и контроля, выражая, тем самым, амбивалентное отношение человека к опыту свободы. Наиболее горячие дискуссии разгорелись в свое время в связи со страхом родителей по поводу воздействия таких неограниченных миров на детей[10]. Барт Барендрегт в статье «Разнообразные цифровые миры» рассматривает способы, посредством которых цифровые технологии усугубляют неравенство глобальной власти, ведущей к эксплуатации. К примеру, он показывает, как цифровая культура используется для создания видения нового исламского и индонезийского будущего с их собственными версиями техноутопии. Томас Малаби в статье «Цифровые игры, игровой дизайн и их предшественники» (раздел «Конструируя цифровую антропологию») пишет о том, что двойственность между открытостью и закрытостью становится еще более значимой на начальных этапах проектирования и концептуализации цифровых технологий, особенно тех, что связаны с играми. Для Малаби суть игры заключается в том, что, в отличие от бюрократического контроля, стремящегося уменьшить или погасить непредвиденные обстоятельства, игра создает и поддерживает структуру, поощряющую непредвиденность и ее использование. Но чем популярнее игра, тем менее творческим становится её потребление.

В-шестых, цифровая культура не менее материальна, чем аналоговая. Речь идет о трех видах материальности – материальности цифровой инфраструктуры и технологий; материальности цифрового содержания и материальности цифрового контекста. Так как

С помощью понятия «реальность виртуального» (reality of the virtual) Славой Жижек описывает суть процессов виртуализации в обществе, а также предлагает сохранить в отношении к Интернету определенную консервативность, так как полагает, что события, с которыми люди имеют дело в виртуальной реальности, не настолько отличны от тех, с которыми они сталкиваются в так называемой обыденной реальности. См.: С. Жижек. Лекция: *Власть и цинизм* Режим доступа: http://www.highbook.narod.ru/philos/gigek_power_cinzm.htm

9 J. Dibbell: A Rape in Cyberspace – How an Evil Clown, a Haitian Trickster Spirit, Two Wizards and a Cast of Dozens Turned a Database into a Society. in: *The Village Voice*, 21 December (1991), 36–42.

10 S. Livingstone: *Children and the Internet*. Cambridge: Polity Press. 2009.

технологии находятся в постоянном поиске новых способов построения иллюзий нематериальности, перспектива материальной культуры становится все более важной.

Каждая статья сборника начинается с основательного обзора литературы и аналитических концепций, затем разбираются несколько исследовательских кейсов и, наконец, описывается будущее цифровых технологий и культуры.

Том Боелсторф, профессор департамента антропологии в Университете Калифорнии (Ирвайн), в статье «Переосмысливая цифровую антропологию» этнографически рассматривает виртуальный онлайн-мир, известный как «Вторая жизнь» (Second Life), с помощью включенного наблюдения, для того, чтобы оспорить расхожее мнение, что виртуальные онлайн-миры и фактический офлайн-мир сливаются в единую недифференцированную область.

Сразу несколько авторов сборника обращаются к анализу виртуального пространства «Second Life». Например, американский антрополог Файе Гинсберг (Нью-Йоркский университет) в статье «Инвалидность в цифровую эпоху» рассматривает влиятельные и креативные способы, с помощью которых отдельные лица с ограниченными возможностями (например, Аманда Багс, девушка с аутизмом) используют цифровые мультимедийные платформы (YouTube, блоги, «Second Life» и др.) как средство общения и построения сообщества. Автор также обращает внимание на важное событие 2008 года, когда ряд активистов инвалидов объединились, чтобы создать сайт «Виртуальные возможности» (Virtual Ability), который предоставляет помощь для людей с ограниченными возможностями и в «Second Life», и в реальной жизни.

Тем, кто интересуется проблематикой геолокационных онлайн-сервисов, будет полезна статья цифрового антрополога Лейн де Никола «Геомедиа: переутверждение пространства в цифровой культуре». Пространственные аспекты цифровой культуры, по мнению автора, являются важной составляющей социокультурных теорий *цифрового*. Особое внимание уделяется этнографии подготовки спутниковых снимков в Индии и исследованиям осведомленности о местоположении, «когда вещи знают, где мы находимся».

В статье «Цифровые политики и политическое участие» антрополог Джон Постилл затрагивает вопрос о потенциале антропологии в изучении цифровых политик и социальных движений, а также рассматривает влияние социальных медиа (таких как как Facebook, Twitter, YouTube, WikiLeaks) и различных вирусных кампаний на многие политические процессы (на примере событий в Испании 2010, 2011 годов и др).

Примечательна статья Хайди Гейсмар, доцента антропологии и музейных исследований Нью-Йоркского университета, «Музей + Цифровое = ?», в которой исследуются последствия цифрового опосредования музейных практик на примере культурного центра Вануату, Национального музея и некоторых других. Автор рассматривает способы, посредством которых цифровые технологии, с

одной стороны, кодируют существующие социальные отношения, создают эпистемологии для понимания отношений между объектами, знанием, людьми и окружающей средой, а с другой – оказывают существенное влияние на сами музейные практики.

Сборник «Цифровая антропология» – это результативная попытка понять, какое место новое поле исследований, активно формирующееся сегодня, может занять в системе социогуманитарного знания, и что именно оно привносит в изучение *цифрового*. Книга сфокусирована не столько на проблематизации методов, использовании цифровых средств в антропологическом исследовании (хотя и эти вопросы также неизбежно оказываются затронуты), сколько на изучении возникающих виртуальных миров и сообществ в их тесной взаимосвязи с не-виртуальной сферой, на контекстуализации цифровых технологий и на осмыслении *цифрового* как формы материальной культуры, и, конечно же, на демонстрации актуальности и востребованности эпистемологического аппарата антропологии в эпоху дигитализации.

РЕСУРС «VIRTUAL LABORATORY» ИНСТИТУТА ИСТОРИИ НАУКИ ОБЩЕСТВА МАКСА ПЛАНКА И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ИСТОРИИ НАУКИ: НЕМЕЦКИЙ ОПЫТ

Анна Котомина[1]

Небольшая рецензия посвящена опыту более чем пятнадцатилетнего существования цифрового ресурса «Virtual Laboratory. Essays and Resources on the Experimentalization of Life, 1830-1930»[2]. Ресурс, по замыслу создателей, должен был служить одновременно и хранилищем архивируемого материала, и исследовательским инструментом, «интерактивной платформой для исследований по истории науки». Идея проекта возникла осенью 1997 года, через шесть лет после того, как Интернет стал доступен для широкой публики. Проект можно рассматривать как одну из первых попыток историков науки опытным путем понять, как новая на тот момент технология может быть использована для осуществления исследований. Тематические границы архивируемого материала были определены, исходя из научных интересов инициаторов проекта. В «Virtual Laboratory…» (далее – VL) собирались материалы, относящиеся к экспериментам физиологов «долгого» XIX века, таких как Клод Бернар, Эмиль Дюбуа-Реймон, Вильгельм Вундт. Создателей ресурса интересовали «те формы знания, которые известны современной публике как “биотехнология” или “молекулярная биология”»[3].

В основе существования **VL** с самого начала лежало внутреннее единство предмета исследования и метода. Ресурс был попыткой сконструировать и использовать новые виртуальные инструменты для исследований в области истории создания и применения научных инструментов в XIX веке. Теперь концептуальность этого проекта несколько менее различима на фоне появления множества платформ, объединяющих самых разных людей, и массовой оцифровки всевозможных архивов. И все же ресурс по-прежнему заслуживает внимания. Особенностями **VL** на фоне других

---

1 Анна Котомина – научный сотрудник Политехнического музея (Москва). E-mail: akotomina@mail.ru.

2 Виртуальная лаборатория. Эссе по экспериментализации жизни, 1830-1930. Доступ по ссылке: http://vlp.mpiwg-berlin.mpg.de/index_html

3 S. Dierig; J. Kantel; H. Schmidgen: *The Virtual Laboratory for Physiology. Max-Planck-Institute for the History of Science* Preprint 140. 2000.

цифровых платформ и архивов являются тщательность продумывания плана работы и ответственный подход к осуществлению намеченного. Эта тщательность – прямое следствие пионерского характера **VL**. Первопроходцы экспериментируют, а не занимаются рутиной, которая притупляет внимание к мелочам, воспитывает снисходительность к небрежностям планирования. Важно также, что **VL** просуществовал уже пятнадцать лет, за это время был накоплен пользовательский опыт. Подчиняясь (и подчиняя нас) своей собственной логике, ресурс заслужил того, чтобы войти в историю науки как состоявшийся опыт использования нового для конца 1990-х исследовательского инструментария.

Именно внутреннее единство предмета исследования и метода, положенное в основу **VL**, создает его отличие как от сайтов – визитных карточек проектов, так и от коллективно собранных архивов информации. Замысел возник у Свена Дирига, сотрудника отдела Института истории науки Общества Макса Планка. Он нашел себе единомышленника, Йорга Кантела, руководителя компьютерного отдела того же института. Единство предмета и метода было обеспечено тем, что над **VL** с самого начала работали рука об руку специалисты по истории науки и теории программирования. В практике реализации такого рода проектов чаще всего дизайнера приглашают как декоратора, чтобы он придал форму уже собранной коллекции текстов и изображений. В случае создания **VL** содержание разделов и структура подачи информации, дизайн и его коммуникационный потенциал проектировались одновременно.

Свен Дириг начал работу над **VL** с того, что задался целью наглядно показать, опираясь на новые цифровые технологии, «материальные» условия возникновения экспериментальной физиологии в XIX веке. Замысел радикально выражал его приверженность «материальному повороту» в истории науки. «Материальный поворот» в истории науки произошел в 1980-е годы, он подразумевает отказ от традиционного для этой области истории анализа текстов научных публикаций и текстов об этих текстах – историографических статей. Саймон Веррет, историк науки из Великобритании, достаточно точно охарактеризовал суть изменений в ориентирах своих коллег: «Историков науки, интересующиеся материальной культурой, (...) часто раздражает тенденция других историков представлять науку, как если бы она была исключительно чистой теорией, историей идей или великих гениев, тогда как в действительности материальная культура и практики составляют ядро научной деятельности»[4]. В научный академический багаж стали включаться новые материалы, проливающие свет на «физические и пространственные» источники создания естественнонаучного знания. К этим материалам относятся, например, документация работы исследовательских лабораторий, их

---

[4] S. Werrett: Matter and Facts: Material culture in the History of Science, in: R. Chapman and A. Wylie (eds.). *Material Evidence: Learning from Archaeological Practice*, New York: Routledge 2014, 339-352.

оборудование, визуальные репрезентации результатов и процесса исследовательской работы, справочные сведения. Французский социолог Бруно Латур обосновал логику этого поворота: «В итоге вы должны изобрести объекты, которые имели бы свойство быть мобильными, но также стабильными, репрезентативными, читаемыми и комбинирующимися между собой. Мне кажется, что большинство исследователей, которые работали над проблемой отношений между описательными процедурами и познанием, на самом деле, каждый по своему, писали историю этих стабильных мобильностей (immutable mobiles)»[5].

Первое название проекта было несколько уже современного – «**Virtual Laboratory of Physiology**» («Виртуальная лаборатория физиологии»). Изначально ресурс задумывался Свеном Диригом для организации материала, относящегося к деятельности главным образом Физиологического института при Берлинском университете, основанного при участии Эмиля Дюбуа-Реймона в 1877 году. Первую версию **VL** смоделировали, исходя из пространственного устройства берлинского Физиологического института. Структура сайта следовала за пространственным расположением его подразделений. **VL** имела следующие разделы: «Лекционная аудитория», «Коллекция инструментов», «Библиотека». Организация ресурсов, имитирующая устройство физически существующих пространств, часто встречалась на ранней стадии создания сложных цифровых архивов. Например, этот прием был применен для организации цифровой коллекции плакатов и относящихся к ним данных на CD-Rom, прилагавшихся к исследованию Нины Бабуриной и Клауса Вашика [6]. Коллекция распределялась по залам воображаемого музея, идеального музейного пространства. На ранней стадии освоения цифровых медиа присутствие параллелей со знакомыми из опыта типами пространств облегчало не только пользовательское восприятие, но и планирование ресурса создателями. Ранние немые фильмы содержали отсылки к поэтике театра, первопечатные шрифты включали больше литер, чем современные, так как воспроизводили лигатуры, свойственные письму рукописных книг.

Цифровая логика в скором времени начала расшатывать принятую изначально относительно простую «пространственную» схему организации материала. Возрастающее количество изображений было все сложнее организовывать. Команду усилил Хенниг Шмитген. В сентябре 1998 года у проекта появилась новая структура. Весь уже оцифрованный и накопленный материал был перераспределен по семи разделам, заголовки которых имели более обобщающий характер: «эксперименты», «технологии», «объ-

---

5 B. Latour: Visualisation and Cognition: Drawing Things Together, in: H. Kuklick (ed). *Knowledge and Society Studies in the Sociology of Culture Past and Present,* Jai Press, 6 (1990), 1–40.

6 К. Вашик, Н. Бабурина: *Реальность утопии. Искусство русского плаката XX века*. М. 2005.

екты», «места», «репрезентации», «люди», «концепты». В 1999 году ресурс был в обновленной форме опубликован на CD-Rom. Новая структура придавала ресурсу более универсальный характер, позволяя архиву включать все больше материалов, уже прямо не относящихся к работе берлинского Физиологического института, что делало его привлекательным для большего числа исследователей. Эта структура, с незначительными изменениями, сохранилась до настоящего времени.

Брошюра С. Дирига, Й. Кантела и Х. Шмитгена[7] была написана, чтобы помочь пользователю освоиться с **VL**. В ней подробно описаны разделы, отображена концепция ресурса, которая сложилась к началу 2000 года. Согласно этому описанию, в разделе "эксперименты" представлены визуальные материалы, отображающие способы проведения экспериментов в естественнонаучных лабораториях XIX века. Репрезентации экспериментов разделены на группы по темам исследований: «сердце и кровообращение», «мозг и нервная система», «опыт и поведение». В разделе «технологии» собраны изображения лабораторных инструментов и оборудования, которые использовались в психологических и физиологических лабораториях XIX века. В разделе «объекты» представлены живые организмы-модели: лягушки, кролики, собаки и люди. Этот раздел возник, потому что, по мысли создателей ресурса, организмы-модели были столь же важны для производства знания в области физиологии, как и лабораторные инструменты, и имеют свою историю. В разделе «места» представлены пространства, где разворачивалась экспериментальная деятельность физиологов. Там можно найти планы, карты, изображения институтов, лабораторий, опытных станций, музеев и больниц. Создатели ресурса не обошли вниманием и места, косвенно связанные с экспериментальной деятельностью, – лектории, фабрики, театры. Раздел «репрезентации», по мысли разработчиков, должен был служить связующим звеном между историей науки и культурными исследованиями. Он отображал культурные эффекты, которые давало приращение физиологического знания. Раздел «люди» самый традиционный из всех – в нем собраны биографии людей, имевших отношение к естественнонаучным экспериментальным практикам XIX века. Биографические данные взяты из энциклопедий того времени. Раздел «концепты» позволяет проследить историю изменения представлений о таких концептах, как «рефлекс», «кровообращение», и составить представление о том, какую нагрузку они несли в экспериментальных практиках XIX века. Ориентироваться в содержании разделов помогало меню в форме списков, кроме того, разделы соединялись внутренними ссылками.

Отдельное место при создании ресурса было отведено цифровой библиотеке. Там собраны наиболее важные источники по материальной культуре экспериментальных практик. Среди них

---

7 Dierig; Kantel; Schmidgen, op. cit.

периодические издания, лабораторные учебники и инструкции, торговые каталоги и прайс-листы лабораторного оборудования, рукописи, каталоги персональных библиотек ученых. По большей части эти документы труднодоступны и рассеяны по профессиональным библиотекам. Цифровая библиотека **VL** сделала эти документы более доступными для исследователей, что в потенциале должно способствовать введению в научный оборот новых исторических фактов.

В 2000 году команда создателей **VL** влилась в проект «Экспериментализация жизни», поддержанный фондом Фольксваген. С этого момента проект перестал быть просто попыткой использовать новые инструменты для интенсификации исследовательской работы в русле «материального поворота» в истории физиологии. Материальные следы экспериментальных практик уже не просто выявлялись и архивировались. Участники проекта задались целью выявить связь экспериментирования в естественных науках с другими практиками, нацеленными на создание нового, то есть взглянуть на накопленные материалы в более широком контексте. Область исследования расширилась от истории физиологии до истории естественных наук в целом. «Термин "экспериментализация" описывает взаимодействие между естественными науками, искусством, архитектурой, медиа и технологиями в парадигме эксперимента»[8]. Проект получил новое название, которое носит до сих пор. В такой форме он стал доступным через сеть Интернет в 2002 году. Расширение рамок проекта способствовало включению в коллекцию новых типов источников: фильмов, художественных текстов, связанных сюжетно с деятельностью лабораторий. Изменение общих задач проекта сделало излишним раздел «репрезентации». Вместо него появился раздел «эссе». Создатели ресурса хотели этим подчеркнуть расширение функций ресурса от простого цифрового архива к платформе для историографического исследования.

Таким образом, создание **VL** сделало сопоставимыми и доступными, близкими к заинтересованному пользователю самые разнородные по качеству и времени создания документы по истории экспериментальных практик. Часть из них до оцифровки и размещения в ряду других подобных материалов на ресурсе вообще не рассматривалась как источник знания по истории науки, например торговые каталоги инструментов. Оцифровка усилила их возможность служить в качестве «стабильных мобильностей», о которых говорил Бруно Латур. Оцифрованные и доступные через сеть Интернет документы, оставаясь стабильными и репрезентативными, благодаря включению в профессиональный ресурс, получили свойство быть «мобильными, (…) читаемыми и комбинирующимися между собой»[9]. Форма организации данных уравнивает роль и зна-

8 H. Schmidgen; R. Evans: The Virtual Laboratory: A New On-Line Resource for the History of Psychology, in: *History of Psychology*, 6/2 (2003), 208-213.

9 Latour op. cit.

чение концептов, биографий ученых и информации об устройстве лабораторий в структуре ресурса. Они доступны пользователям в равной мере. Принцип равноправия выражает идею Б. Латура о том, что вещи могут выступать акторами в производстве знания и других социальных практиках наравне с людьми, а также о том, что вещи – выражение форм мысли, как и концепты[10].

Для понимания интеллектуальных основ организации данных в **VL** важно упомянуть и о влиянии опыта, накопленного литературоведами, работавшими в русле так называемой генетической критики. Это направление в литературоведении, возникшее в конце 1970-х годов, изучало «генезис произведения, мыслительной деятельности художника», опираясь на исследование всего существующего корпуса авторских рукописей по каждому из произведений[11]. Предметом внимания стал в том числе и способ заполнения страницы и написания слов – то есть материальная составляющая литературного текста. Так же, как «генетические критики», группа историков науки из команды **VL** заложила в создаваемый ресурс возможность исследовать начало и конец мыслительного процесса ученых и экспериментаторов. Структура **VL** позволяет архивировать материалы, разнородные не только по типу носителей и времени происхождения, но и относящиеся друг к другу как причина и следствие (действие-результат). Статьи, опубликованные учеными-естественниками XIX века, обобщают эксперименты, длившиеся иногда на протяжении многих лет. Документальные следы экспериментов относятся к суммирующим научным статьям, как авантекст в «генетической критике» к финальному опубликованному литературному тексту. Ресурс дал возможность анализировать, какие возможные промежуточные выводы были опущены исследователями. Такая работа повышает познавательную ценность результатов, полученных историками науки, ведь многие из лабораторных промежуточных выводов, казавшихся в XIX веке не очень важными, при смене научных парадигм могут стать началом нового витка мысли. Такого рода возможности имеют принципиальное значение для тех ученых, кто работает в русле, заданном Б. Латуром, исследуя «описание процедуры опытов в соотношении с процедурой мысли»[12].

На фоне принципиальной равнозначности разных по типу накопленных материалов разделов, волей создателей выделен раздел «эссе», где публикуются статьи современных исследователей по истории физиологии, выполненные на основе архивных материалов, аккумулированных ресурсом. Важность этого нового раздела подчеркнута включением слова «эссе» во вторую версию названия ресурса: «Эссе по экспериментализации жизни». **VL** принимает

10 Б. Латур: Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // В. Вахштайн (ред.) *Социология вещей*. М. 2006, 342-365.

11 Е. Дмитериева (ред.): *Генетическая критика во Франции. Антология*. М. 1999.

12 Latour, op. cit.

эссе, соответствующие следующим требованиям: «В этом разделе современные исследователи публикуют свои тексты по истории экспериментальной психологии и физиологии XIX века и начала XX века. Тексты представляются в новой форме – средней между статьей, эссе и с активным использованием иллюстраций. Тексты освещают процесс экспериметализации и его включение в более широкие культурные контексты. Они отображают точку зрения исследователей, личные проекты которых связаны с деятельностью VL. Объем текстов от шести до десяти страниц» [http://vlp.mpiwg-berlin.mpg.de/essays/howtocontribute.html]. Раздел «эссе» становится, наряду с системой внутренних ссылок и панелью меню, еще одним способом ориентации пользователей внутри ресурса. «Эссе» связывает другие разделы воедино на ином уровне, чем, например, меню. Введение раздела «эссе» и артикуляция его связующей функции во второй версии **VL** говорит о том, что создатели постепенно поняли, что визуальные формы организации данных, структурные разделы, гибко связанные ассоциативными связями, необходимо дополнять нарративом. История науки, гуманитарная дисциплина со своими канонами и аппаратом, остается зависимой от нарратива как способа организации мысли и знания.

Для создателей было важным, чтобы ресурс оставался открытым, архивные материалы и исследовательские статьи продолжали поступать. На главной странице мы видим обращение к читателям, говорящее об открытом характере ресурса. Объединение архивных материалов и современных исследовательских статей позволяет **VL** выполнять коммуникативную функцию, формировать виртуальное сообщество ученых, занимающихся данной проблематикой, как это сейчас делают социальные сети. Объединение исследовательских статей и архива реализует также функцию аналитического освоения накапливаемых данных, как это делают аналитические платформы. Проект возник и сложился в конце 1990-х годов, поэтому для осуществления синтезирующих функций используются простейшие формы сетевой архитектуры: в ресурс не интегрированы интерфейсы социальных сетей или программные элементы аналитических платформ. **VL** интегрирует различные библиотечные программы («zotero» и «EndNote») и приложения к поисковым системам. Ресурс сохраняет связь с традиционными формами репрезентации научной деятельности, усиливая некоторые из ее аспектов. В 2008 году **VL** получил статус электронного журнала и номер ISSN (1866-4784). Этот шаг манифестирует его верность традиционным формам научной деятельности. Традиционные формы сетевой архитектуры делают **VL** более привычным для консервативно настроенных пользователей из научного мира, но одновременно снижают его посещаемость в среде, сформированной сегодня большим пользовательским потоком в ресурсах, организованных по принципу социальных сетей.

Тщательность следования латурианскому подходу и принципам историзма, например использование энциклопедий XIX века для

составления биографий, формирует уникальность этого ресурса среди множества других. Его ценность создана, прежде всего, профессиональным отбором коллекции, гарантированным научным уровнем команды. **VL**, как и многие медиа, возникшие на ранней стадии развития технологической идеи, тесно связан с личностями его создателей на уровне модерации. В частности, пополнение ресурса требует существенных трудозатрат со стороны его создателей и является, по сути, исследовательской работой, которая нуждается в регулярной финансовой поддержке и внутренней мотивированности участников. Из этого свойства **VL** происходят некоторые его ограничения, ставшие понятными благодаря его длительной жизни. Более общий вопрос, который хочется поставить в связи с обзором опыта создания и работы **VL,** заключается в том, может ли импульс к упорядочиванию материала, являющийся основным при создании подобного рода ресурсов, обеспечить длительный интерес к теме, необходимый для генерации на этой основе нового знания?

Последнее эссе было опубликовано четыре года назад, в ноябре 2013 года. Это работа одного из создателей ресурса, Х. Шмитгена, «Нейромебиметр. Короткое введение в "Мозг и время"» [http://vlp.mpiwg-berlin.mpg.de/essays/data/art78]. Сайт размещает новые материалы не так часто. В данный момент на первый план выступило его значение репрезентатора цифровой коллекции. Для документов и объектов, представленных **VL**, виртуальная экспозиционная форма является оптимальной, так как представленные объекты сложны по устройству, а также (при составлении из них традиционной музейной экспозиции) сложны для восприятия. На сайте **VL** можно внимательно и детально рассматривать сложные объекты вместе с комментариями. Пристальное внимание приближает эти объекты к пользователю именно в том смысле, который вкладывал в понятие «приближение» В. Беньямин, говоря о зрительском восприятии технически воспроизведенного искусства[13].

Опыт создания этого ресурса уже неоднократно обсуждался на конференциях, его можно считать прецедентным для сообщества гуманитарных исследователей, пробующих новые формы работы. Среди наиболее важных – конференция в Стендфорде в 2000 году «Использование World Wide Web для исследований по истории науки и технологий» (Using the World Wide Web for Historical Research in Science and Technology) и в Цюрихе, в Институте Исследований Технологии и Науки, в 2002 году «Виртуальное исследование? Влияние новых технологий на научные практики» (Virtual Research? The impact of new technologies on scientific practices). Не обошел его вниманием и коллоквиум «Усложнение гуманитария: дигитальная ученость в эмпирическом исследовании» в 2014 году в РАНХиГС (Москва). Постепенно **VL** становится памятником самому себе, музеем виртуального музея, проявляя единство объекта и метода уже несколько в другой плоскости.

---

[13] В. Беньямин: Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // В. Беньямин. *Избранные эссе.* М. 1996, 15-65.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые авторы!

К рассмотрению в философско-культурологический журнал «Топос» принимаются: оригинальные статьи (до 1 п.л.: 40 тыс. знаков), рецензии (до 0,5 п.л.: 20 тыс. знаков), переводы (при наличии авторских прав). Язык материалов: русский, беларусский, английский. Все материалы высылаются на электронный адрес журнала **journal.topos@ehu.lt** с пометкой Topos_Submission.

В редакцию необходимо выслать две версии материалов: полный вариант текста (формат названия NameSurname_Topos_ SubmissionYYYY, просьба вместо YYYY указывать текущий год), и анонимизированный вариант текста для рецензирования (формат названия ShortTitle_Topos_ SubmissionYYYY). Если в тексте имеется визуальный материал, то список иллюстраций и подписи к ним высылаются в отдельном файле (формат названия NameSurname_Topos_SubmissionYYYY_Pics). Допустимые форматы файлов: .rtf, .doc, .docx (для текстовых материалов, диаграмм и таблиц) и .tiff, .jpg, .png (для иллюстраций).

Обратите внимание, что в правила оформления материалов были внесены изменения.

Материалы на русском/беларусском языках:

1. Название статьи, имя автора, афиллирование (принадлежность к институции, занимаемая должность, физический адрес, E-mail) – на русском/беларусском и английском языках.
2. Аннотация (до 250 слов; повторяет структуру статьи; выделены цели, задачи, методология и основные выводы) и ключевые слова (5–7 определений) – на английском языке.
3. Оригинальный текст статьи (комментарии в примечаниях в виде постраничных сносок; ссылки по образцу Harvard Reference System; иллюстрации, таблицы и диаграммы размещаются внутри текста).
4. Список литературы с источниками на любых языках, на которые ссылается автор (оформление по образцу Harvard Reference System; описание наименований на оригинальном языке).
5. References на английском языке с латинизированной версией списка литературы (оформление по образцу Harvard Reference System; не англоязычные наименования транслитерируются по правилам ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics; описание не англоязычных наименований включает также и названия, переведенные на английский язык в квадратных скобках после транслитерированного названия).

Материалы на английском языке:

1. Название статьи, имя автора, афиллирование (принадлежность к институции, занимаемая должность, физический адрес, E-mail).
2. Аннотация (до 250 слов; повторяет структуру статьи; выделены цели, задачи, методология и основные выводы) и ключевые слова (5–7 определений).
3. Текст статьи (комментарии в примечаниях в виде постраничных сносок; ссылки по образцу Harvard Reference System; иллюстрации, таблицы и диаграммы размещаются внутри текста).

4. References с латинизированной версией списка литературы (оформление по образцу Harvard Reference System; не англоязычные наименования транслитерируются по правилам ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics; описание не англоязычных наименований включает также и названия, переведенные на английский язык в квадратных скобках после транслитерированного названия).

Подробнее о правилах оформления материалов можно узнать на сайте журнала «Топос» в разделе «Информация для авторов» (http://topos.ehu.lt/en/journal/info-for-authors/).

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

Dear authors!

Journal for Philosophy and Cultural Studies «Topos» publishes original articles (up to 40 000 characters), reviews (up to 20 000 character), translated works (providing author license only). Submissions can be provided in Russian, Belarusian and English. All submissions be made by sending an email to **journal.topos@ehu.lt** marking it with Topos_Submission.

The Editorial Board require that two versions of the submission be sent: the full text (please, name your document as follows: NameSurname_Topos_SubmissionYYYY, and change YYYY for the current year), and the anonymized text for double peer-reviewing (please, name your document as follows: ShortTitle_Topos_SubmissionYYYY). If the submission includes visual materials, the list of illustrations be sent in a separate document (please, name your document as follows: NameSurname_Topos_SubmissionYYYY_Pics). We accept the following file formats: .rtf, .doc, .docx (for text materials, charts and tables) and .tiff, .jpg, .png (for illustrations).

Please, note that we have changed the submission requirements.

Materials sent in Russian/Belarusian:

1. Title of the article, author's full name, affiliation (institution, position, post address, E-mail) – in Russian/Belarusian and English.
2. Summary (up to 250 words; structured as the original article; the object, main tasks, methodology and conclusions highlighted) and key words (5–7 terms) – in English.
3. Original text of the article (all comments be made in footnotes; Harvard Reference System citation; illustrations, charts and tables be placed in the text).
4. Literature List with references in all languages used (Harvard Reference System citation; all references be made in the original language).
5. References in English including the full list of the literature referenced in Roman script (Harvard Reference System citation; non-English items be transliterated according to the rules of ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics; transliterated references should include translated titles of the works in square brackets following the transliterated version).

Materials in English:

1. Title of the article, author's full name, affiliation (institution, position, post adress, E-mail).

2. Summary (up to 250 words; structured as the original article; the object, main tasks, methodology and conclusions highlighted) and key words (5–7 terms).

3. Original text of the article (all comments be made in footnotes; Harvard Reference System citation; illustrations, charts and tables be placed in the text).

4. References in English including the full list of the literature referenced in Roman script (Harvard Reference System citation; non-English items be transliterated according to the rules of ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics; transliterated references should include translated titles of the works in square brackets following the transliterated version).

For more information about the submission requirements, please visit «Topos» web-site and see our «Information for authors» guidelines (http://topos.ehu.lt/en/journal/info-for-authors/).